

ISSN 2949-124X

Российская история

1 2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

*Крепостное право и миграция
на рубеже XVI–XVII вв.*

*Соборное уложение 1649 г.
и развитие крепостничества в России*

*Дворянские проекты решения
крестьянского вопроса
в 1796–1855 гг.*

*Смоленское дворянство
накануне освобождения крестьян*

Городские выборы на Белом Юге России

*Семейные отношения 1920-х гг.
в современной историографии*

Первый набор в космонавты

*Космические достижения
в советской пропаганде 1960–1970-х гг.*

Аграрные реформы начала 1990-х гг.

МОСКВА

1

январь
февраль
2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, В.В. Трепавлов, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: З.Е. Серебрякова. Жатва (1915)

От крепостного права к освобождению крестьян

Крепостное право и миграционная политика в России в конце XVI — начале XVII в.

Константин Ерусалимский

Serfdom and migration policy in Russia in the late 16th — early 17th centuries

Konstantin Yerusalimsky

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23010017, EDN: PNOJBK

Социальная зависимость как одна из важнейших исследовательских категорий нуждается в осмыслении из перспективы мигрантоведческой проблематики применительно к истории эмиграции из России в Речь Посполитую XVI–XVIII вв. Данные о миграциях между этими государствами в контексте социально-экономической истории дополняют более привычные для демографических исследований политические мотивировки, наполняя их смыслами, требующими новых вопросов к источникам. Среди них немало почти не затронутых в науке. Например, как связаны внутренние миграции зависимого населения с эмиграцией из Российского государства? Как отразилась эта тема в международных договорах того времени? В какой мере формы зависимости населения видны в запретах на миграции за пределы России? Как соотносятся между собой формы зависимости в России и в сопредельных государствах, куда направлялись основные потоки эмигрантов? Можно ли в рядах эмигрантов выявить промежуточные состояния между рабством и свободой?

Проблема миграционной политики России была открыта исторической наукой ещё в XIX в. Представители «московской» исторической школы — М.П. Погодин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, М.К. Любавский — рассматривали историю колонизации России, которая по определению выходила и на вопросы границ и трансграничных перемещений населения, но в трудах названных авторов превращала движение «народных масс» за границы из «общественного» в «антиобщественное» (каковым и были в их восприятии эмигранты, казаки и бродячие люди)¹. Дискуссии рубежа XIX–XX вв. между М.Ф. Владимирским-Будановым, Д.И. Багалеем, М.С. Грушевским, А.-В. Яблоновским о заселении Степи и Украины, а также исследования социального состава ранних русских поселений в Сибири во второй половине XX — начале XXI в. показали, что термин «колонизация» требует значительных оговорок, учитывая, что колонизационные процессы трудно отделить от заво-

© 2023 г. К.Ю. Ерусалимский

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00432.

¹ Историографию темы, в том числе вопроса о влиянии концепций Смуты С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского на историческую науку, см.: Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 18–24.

евания и военно-промыслового освоения². Связь между внешней политикой России, историей миграций и крепостного права также неоднократно становилась предметом исторических разработок, однако препятствием на пути осмысления многочисленных взаимовлияний в этой области оказалось несовпадение научных оптик. Между тем невнимание к сквозным мотивациям в этих сферах приводит к недочётам в интерпретации.

Историко-юридическая наука, во многом под воздействием теории «указного» освобождения российского крестьянства, концентрировала свои усилия на «указной» же концепции закрепощения. Указы местного значения, аналогичные общегосударственным крепостническим постановлениям, обнаруживаются и в XV — первой половине XVI в. Однако не приводилось доказательств, что подобными указами регламентировались отношения между сельским тружеником и господином повсеместно в Российском государстве. В науке, развившейся на фоне реформ 1860-х гг., основной коллизией крепостничества виделись отношения между властью и собственником. Государство искало и не находило в историко-правовой традиции обоснования для изъятия из собственности помещиков принадлежавших им крепостных крестьян. В известном смысле именно труды историков оказались определяющими в решении этой проблемы. Так возникли тезисы о крестьянских «мирах», зависимых непосредственно от государя, этому же служили славянофильские идеалы единства царя и народа (и права крестьян на землю в обход помещиков), а также во многом расходящиеся между собой концепции возникновения крепостного права в трудах М.П. Погодина, П.И. Беляева, В.И. Сергеевича, В.О. Ключевского. Названных авторов объединяло то, что крепостничество выводилось ими из изначально несвободных отношений между зависимым населением и собственниками на землю, которые были только закреплены в указном порядке в конце XVI — XVII в. В советской науке каноническими стали звучащие «классово-приемлемо» концепции дворянской монархии и осуществляемого ею феодального гнёта. На «класс эксплуататоров» и была возложена ответственность за развитие крепостного права, учреждённого благодаря реформаторским усилиям государственной власти конца XVI — начала XVII в. (в той или иной мере разделяли этот взгляд М.А. Дьяконов, С.Ф. Платонов, Н.С. Чаев, А.А. Зимин, А.Г. Маньков, В.И. Корецкий, Л.В. Данилова, Г.В. Абрамович, Р.Г. Скрынников, В.М. Панях, Б.Н. Флоря) или вследствие развития самих форм эксплуатации (в большей мере склонялись к данной точке зрения В.О. Ключевский, П.Е. Михайлов, С.Б. Веселовский, Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, И.И. Смирнов, А.Д. Горский, А.Л. Шапиро, Н.А. Горская, И.Я. Фроянов, Л.В. Милов)³.

² Пересмотр мигрантоведческих вопросов в историографии см.: *Панков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 21–49; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI — XVII в. СПб., 2010. С. 7–66; *Ерусалимский К.Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 7–62; *Флоря Б.Н.* Россия и восточноевропейские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 372–428.

³ Обзор точек зрения см.: *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 4–10, 28–82; *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 194–248; *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014. С. 20–61.

Остаётся загадкой, почему именно на рубеже XVI–XVII вв. феодальная эксплуатация настолько решительно поменяла свои формы, и, если указы о «заповедных» летах действительно имели правовую предысторию, как удалось «указную» практику скрыть за глухой стеной неопределённых ссылок на разновременные указы, из которых ни один известный ныне источник конца XVI — середины XVIII в. не заимствовал никакой ясной правовой клаузулы — ни чтобы её развить, ни чтобы отменить. Кроме того, в обширном комплексе московской и региональной документации по землевладению упоминания «заповедных лет» занимают настолько незначительное место, что постоянно дискутируется вопрос, были ли эти «годы» с какого-то момента общепринятой нормой, не требующей упоминания, или распространялись лишь на определённые регионы Российского государства и являлись чрезвычайной и временной мерой.

Усилия учёных выявить «трудовое население» и обособить его от «правлящих классов» в русских обществах XV–XVII вв. также связаны с неясностью терминологии и правовых реалий самих источников. В этом отношении не поддаются чёткому ограничению «крестьяне», поскольку нет доказательств, что этим понятием в источниках определялись зависимые люди и вообще сколько-нибудь целостный класс. Свободными собственниками вплоть до середины XVI в. считал крестьян Ю.Г. Алексеев⁴. А.Л. Шапиро полагал, что ограничение «выхода» уходит корнями в эпоху ига, когда «численные люди» были обложены татарской данью. Оттуда понятие перешло в Русское государство, отразившись даже в духовной грамоте Ивана IV. Первые примеры «вывода и рубежа» А.Д. Горский и А.Л. Шапиро обнаружили в межгосударственных договорах (в частности, в договорах между великим князьями Дмитрием Ивановичем Московским и Михаилом Александровичем Тверским 1375 г.; Василия I Дмитриевича Московского с Фёдором Олеговичем Рязанским 1402 г.; Василия II Васильевича с Казимиром IV)⁵. Однако от договоров XIV — начала XVI в. до письменных свидетельств о запретах на «выход» и «вывоз» рубежа XVI–XVII вв. прошло много времени, и вряд ли старые нормы обрели в тех поздних событиях новое оформление.

С.М. Каштанов считает, что определяющим для термина «христиане» являлся вероисповедный признак, а само понятие выделяло земледельцев, живущих в деревнях вокруг сёл с приходской церковью, из общей массы трудового населения, прежде всего отличая их от холопов, среди которых было много неправославных военнопленных (литвинов, поляков, татар)⁶. Эта оценка относится к социальным реалиям конца XIV — начала XVI в., а их идеологом и родоначальником крестьянства как общественного класса исследователь считает митрополита Киприана, впервые в известных памятниках применившего термин «христиане» в значении «крестьяне» наряду со старым

⁴ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. М.; Л., 1966. С. 225.

⁵ Шапиро А.Л. Средневековая Русь. Социально-экономический строй и крестьянство. СПб., 2019. С. 313–330.

⁶ Kaštanov S.M. Zum Herkunftsproblem des Begriffes Krestjane / Aus dem Russischen übertragen von U. Halbach // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl / Hrsg. von U. Halbach, H. Hecker und A. Kappeler. Stuttgart, 1986. S. 188–219; Каштанов С.М. Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 217–229.

термином «сироты». Кроме того, в источниках сельское население выступает и позднее чаще как «люди», под которыми подразумеваются не только пахотные крестьяне, но и горожане. Бегство от одного господина к другому в рамках одной юрисдикции не требовало письменной регламентации, однако «переход» крестьян разрешался, как показывает Каштанов, в договорах XIV–XV вв., касающихся именно межгосударственных отношений. Приход новых работников «из зарубежья», «из иного княжества» поощрялся специальными клаузулами в жалованных грамотах русских князей духовным главам и служилым людям, причём «зарубежными» людьми считались не работники других господ, а именно выходцы из других княжеств⁷. В пожалованиях великого князя Василия II Васильевича 1426, 1436, 1442, 1453 гг. отличие «старожильца» от «пришлого из иных княжений» — в большей милости (в сроках освобождения от дани) именно для иммигранта⁸. Старожилец отличается от других «людей» не по формам зависимости, а по происхождению. Переход от термина «люди» к термину «крестьяне» («христиане») в источниках заметен лишь со второй трети XVI в.⁹

Не были ли названные перемены в терминологии источников связаны с международными договорённостями России и изменением этнополитического состава зависимого населения?

«Крепостная» зависимость упоминается в источниках конца XVI в. в связи с утратой «крепостей» — договоров о подданстве холопов и рабынь в майский пожар 1571 г. и в других разновременных катаклизмах¹⁰. Эта форма зависимости, согласно приговору о холопстве 1597 г., не противоречила Судебнику 1550 г., сохранявшему юридическую силу и в 1571, и в 1597 гг. Вернее было бы задаваться вопросом о том, как контролировалось подданство и субподданство в России крепостниками и верховной властью и в каких формах распространялось на те или иные слои зависимого населения. Как ясно из законодательных актов второй половины XVI — первой половины XVII в., высшая власть в лице царя и Боярской думы стремилась ограничить не переход крестьян и холопов, а появление опасных для целостности и суверенитета страны бродячих людей любого происхождения (в том числе и детей боярских, казаков, горожан, купцов и различных «лихих людей», «воров» и «изменников»).

Р.Г. Скрынников, оспаривая построения Б.Д. Грекова, отмечал, что «заповедные годы» впервые выступают в источниках в правление Бориса Годунова и касаются узкого круга лиц — трёх помещиков из новгородской Деревской пятины, а термин «крестьяне» в жалованной грамоте Торопцу 1590/91 г. относится к посадскому населению, а не к сельскому, и именно на посад распространяются

⁷ Каштанов С.М. Государь и подданные... С. 220–221, 227–228.

⁸ Обзор дискуссии о «старожильцах» см.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 441–450. Л.В. Милов предполагал, что «ино-княженцы» — это не только выходцы из другого княжества или с территории иной юрисдикции, но от собственника с «территорий частновладельческих вотчин, где “вотчик” был “государем”, а следовательно, “князем”» (Там же. С. 449). Впрочем, это только гипотеза, причём подкреплённая в грамотах конца XV — начала XVI в. формулами выхода из «зарубежья», которые также не были лишены политического подтекста.

⁹ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 100–103.

¹⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты (далее — ЗАРГ). Л., 1986. № 47. С. 64–65.

в этой грамоте «заповедные лета»¹¹. Ни о какой всеобщности «заповеди» в России 1580–1590-х гг. говорить не приходится. Наоборот, в эти годы обнаруживаются прямые свидетельства «выхода» крестьян и соблюдения норм Судебника 1550 г. Причём ограничительные меры в южных уездах, в частности в пограничном Ельце 1592–1593 гг., касаются не возможности выхода крестьян и холопов от своих господ, а права на переход из зависимого состояния в «вольные люди» (стрельцы) и ухода за пределы государства на «украинах» (неслучайно и переписка с елецкими воеводами велась из Посольского приказа)¹². Тяжба между помещиками в Новгородской съезжей избе в 1594 г. решается также на основе судебного прецедента, рассуженного главой Посольского приказа А.Я. Шелкаловым. Чтобы объяснить эти факты при помощи внутренней социально-экономической истории, Скрынникову пришлось допустить, что в 1594 г. были введены новые заповедные годы, а предыдущие (1581–1587 гг.) – аннулированы: «Вместе с ними было изъято из употребления и само понятие “заповедные лета”, так и не успевшее приобрести универсальное значение»¹³.

Сам ход мысли исследователя подводит к выводу об участии судей Посольского приказа в пограничных делах, в которых «рубеш» приобретал межгосударственное значение (роль этого приказа в делах такого рода сохранялась и после Смуты)¹⁴. И в этих же контекстах впервые упоминаются «заповедные лета». Один из помещиков, с чьим именем связано появление «заповеди» в новгородском регионе, – Иван Непейцын. В 1588 г. он пытался вернуть себе двух крестьян, ушедших в 1581/82 г., когда он сам был на службе «в Лялицах» (в феврале 1582 г.). Бежавшие нашлись в Никольском монастыре «на островку Едрово» у старца Стахия, что и подтвердило расследование в ноябре 1589 г.¹⁵ Санкция по делу неизвестна. Два близких родича Ивана – Осьмой Михайлов и Василий Непейцыны – оказались во время войны на стороне противника. Первый из них бежал к королю в середине сентября – начале ноября 1564 г., второго пленили во время одного из походов Стефана Батория, и к началу 1582 г. он содержался у Яна Замойского. Это заставляет обратиться к политической составляющей запретов на выход крестьян.

По мнению ряда исследователей, «заповедь» 1582 г. и проведённое на её основе писцовое описание весны 1584 г. были временными и локальными мерами, распространяемыми на пашенных и посадских людей¹⁶. Однако если в «обычных речах» подразумевался запрет на выход за границу государства, то и расследование проводилось не по «крестьянскому вопросу», а по запрету на приграничные «выходы» и побег за границу. Это и для крестьян Деревской

¹¹ Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Фёдора Ивановича // История СССР. 1973. № 1. С. 99–129.

¹² Ср. с выводами В.И. Корецкого, который воспринял слова царской грамоты в Елец от 31 декабря 1592 г. о запрете «прибирати» стрельцов «с пашень» или «ис холопства» как доказательство того, что пашенные крестьяне и холопы уже «невольные, крепостные» (Корецкий В.И. Указ. соч. С. 97).

¹³ Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 172–177.

¹⁴ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. По архивным документам Холопного и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. Т. 1. М.; Л., 1943. С. 206.

¹⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 3, д. 16935, л. 287–287 об.; Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 436–437.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы... С. 110; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 96–116; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 68–69; Флоря Б.Н. Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121–124; Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 283–292.

пятины или Ельца, и для новгородских помещиков было серьёзным обвинением, требовавшим расследования губных старост по указу из Новгорода и Москвы. Как отметил В.А. Аракчеев, обыски велись в поместьях, запустевших или утративших владельцев, а значит и сами беглые крестьяне могли думать, что их господин уже не вернётся в свои владения. Новгородская земля находилась на особом положении и была не просто приграничной территорией, а полунезависимым государством, через которое осуществлялись дипломатические отношения с Шведским королевством. Елец был окраиной на пути в Степь, «у татарского рубежа». Торопец находился у «литовской украины», и «заповедь» на выход стала экстренной мерой, позволявшей укрывшихся в вотчинах или поместьях горожан вывозить обратно на посад «в заповедные лета»¹⁷.

О причинах запрета на пересечение границ говорит мирное постановление, заключённое под Ямом-Запольским в деревне Киверова Гора 15–16 января 1582 г. В договоре применён и типичный для посольского дела оборот «и в то время, и после того до урочных лет войне на обе стороны не быти» с обоюдными обязательствами не вступаться в земли соседа и «с обе стороны» расследовать преступления против «порубежных людей», «а лихих казнити»¹⁸. Вводился режим взаимной выдачи, распространявшийся на любых перебежчиков и означавший запрет на несанкционированное пересечение границы: «А в те перемирные лета какова учинитца обида меж наших князей и людей в землях, и в водах, и в ыных в каких обидных делех, и наши князи, и намесники, и волостели украинные, сослався, да тем обидным делом всяким управу учинит на обе стороны, а в каких обидных делех наши князи, и намесники, и волостели не учинят управы, и нам о том сослати судей, и они, съехався, да тем обидным делом всем управу учиня на обе стороны без хитрости, а татя, беглеца, холопа, робу, должника по исправе выдати, а данное положение заемное поручное отдати»¹⁹. «Общий» суд по рубежным вопросам надлежало производить по крестному целованию с обеих сторон; его не следовало откладывать и переносить, осуществлять его должны были незаинтересованно и по справедливости: «А что учинитца нашей любви меж нашими людьми и вашими, ино тому всему судьи и волостели наши соехався да учинят и праву без перевода, а про то нам не любя не держати, а суженого не посужати, а суженое, заемное, положеное, поручное дати, а холопа, робу, должника, поручника, татя, розбойника, беглеца, рубежника по исправе выдати»²⁰. В этом месте договора наряду с «беглецом» упоминается «рубежник» — по всей видимости, не просто житель приграничных районов, который не уходит от своего тягла или со службы,

¹⁷ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 286–287, 310–311.

¹⁸ Успенский Ф.И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 гг. Одесса, 1887. С. 4–5, 8–9; Флоря Б.Н. Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны // Советское славяноведение. 1972. № 2. С. 25–35; Лурье З.А., Смирнова С.С., Филюшкин А.И. К вопросу о месте проведения переговоров о перемирии России и Речи Посполитой в 1581–1582 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2. С. 173–200.

¹⁹ Успенский Ф.И. Указ.соч. С. 13, 18. Проекты составлены к 3 ноября 1581 г.

²⁰ Там же. С. 22, 27. В латинской версии из бумаг А. Поссевино клаузула о нарушении границ изложена обобщённо и кратко: «Если же возникнет в это время какое-нибудь противозаконное действие среди пограничных жителей с обеих сторон, воеводы и исправляющие свою должность наместники в любой пограничной крепости во владениях той и другой стороны, посланные в это самое время с обеих сторон из-за этих противозаконных действий, должны восстановить справедливость и наказать виновных» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 187).

в отличие от «беглеца», а захватчик, чинящий помехи и убытки на границе²¹. Захват товаров и любых ценностей на рубеже и пересечение «украины» рассматривались как преступление, определение которого требовало соблюдения неприкосновенности границ и общей дисциплины населения в отношении любых «рубежей» и «украин»²². Комиссии регулярно обсуждали пересечения границ в перемирие годы. Подобные процессы в московских посольских книгах именуются «малыми делами порубежными», делами «о грабежи и кривды порубежные» и т.п.²³

«Рубежная» клаузула Ям-Запольского договора унаследована от предыдущих договоров. Почти теми же словами она сформулирована в договорах от февраля 1494 г.²⁴, марта 1503 г.²⁵, октября 1508 г.²⁶, сентября 1522 г.²⁷, ноября 1526 г.²⁸, февраля 1537 г.²⁹, марта–августа 1542 г.³⁰, февраля 1549 г.³¹, сентября 1553 г.³², февраля 1556 г.³³ Только в договоре Василия II Васильевича с Казимиром IV от августа 1449 г. ещё звучит перед сходной формулой о взаимной выдаче перебежчиков и преступников взаимное согласие на свободное определение вольных людей («ино тым людем волным воля, где хотят, тут и живут»)³⁴. Позднее она из договоров исчезла, а на месте свободного «выхода» возникли запреты на пересечение границ, которые С.В. Юшков, Горский и Шапиро рассматривали как начало закрепощения различных категорий пашенного населения³⁵. Впрочем, если крестьяне в этот период – свободные собственники, на чём настаивают Алексеев и Каштанов, то речь в межгосударственных договорах должна идти не об усилении аграрной эксплуатации, а о поддержании ограничений на рубежах.

«Заказ на выход» при царе Фёдоре Ивановиче неслучайно в начале XVII в. упоминается как запрет на «выход вольный» времён Ивана Грозного. «Воля» при царе Иване Васильевиче в сходных контекстах передана самому царю, пе-

²¹ Рыбина Е.А. Акция «рубежа» в средневековой торговле Новгорода: реалии источников и их интерпретация // Новгородский исторический сборник. Т. 11. СПб., 2008. С. 68–82.

²² Скобелкин О.В. «Украины» Разрядной книги 1475–1605 гг. // Российская история. 2015. № 5. С. 54–63.

²³ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 137. СПб., 1912. С. 579.

²⁴ Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės sutartys. 1449–1556 metai. Šaltinių publikacija. Kaunas; Vilnius, 2016. P. 64, 74.

²⁵ Ibid. P. 85, 95.

²⁶ Ibid. P. 106, 118.

²⁷ Ibid. P. 131–132, 141.

²⁸ Ibid. P. 153, 164.

²⁹ Ibid. P. 183, 192.

³⁰ Ibid. P. 204, 210, 215.

³¹ Ibid. P. 225, 235.

³² Ibid. P. 247, 256.

³³ Ibid. P. 267, 277.

³⁴ Ibid. P. 56. Шапиро, оспаривая предложенную Дьяконовым интерпретацию данной нормы, ограничился лишь упоминаниями временных резидентов (иноземных купцов, бояр, приказчиков и др.). Однако в клаузуле «где хотят, тут и живут» речь идёт не о временном пребывании, а именно о свободном выборе постоянного места жительства. Никаких ограничений в отношении статуса этих лиц в источнике нет. Шапиро эту норму распространяет как на горожан, так и на сельское население (Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 323, 328).

³⁵ Горский А.Д. Договорные грамоты XIII–XV вв. как источник по истории закрепощения крестьян на Руси // Исследования по истории и историографии феодализма. Сборник к 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 159–173.

ред учреждением опричнины настаивавшему на своей «воле» казнить и миловать холопов, как раньше это звучало в межгосударственных договорах (например, Бориса Александровича Тверского с великим князем литовским Витовтом Кейстутовичем от 1427 г.)³⁶. Позднее в особом дворе царь просил марионеточного великого князя Симеона Бекбулатовича, чтобы тот ему «ослободил людишок перебрать» и «приимать» людей к себе на двор, тогда как от себя к великому князю Симеону просил никого не принимать («а которые от нас поедут и учнут тебе, господарю, бити челом, и ты б... тех наших людишок, которые учнут от нас отходити, пожаловал, не принимал»)³⁷. Право казнить и миловать являлось предельной юридической властью суверена на своих территориях, откуда к чужим правителям «выход» запрещался. А «выход вольный» отнюдь не был положительной оценкой в адрес времён Ивана Грозного — вернее «выход вольный» воспринимался как признак военного времени, недействительности мирных соглашений и отсутствия охраны «рубежей». Окружные грамоты о восшествии на престол, начиная с грамоты Бориса Годунова от 14 сентября 1598 г. и вплоть до грамоты Совета всея земли от февраля 1613 г., распространяли на всех присягнувших царю — как местных жителей, так и иноземцев — хорошо известный при Иване Грозном по отношению к опальным и подозреваемым сановникам крестоцеловальный запрет на выезд из страны. Грамота Бориса Годунова приравнивала смену подданства к чародейству с целью свергнуть власть, к «лиху» против царя и измене³⁸. Грамота Совета обоих Ополчений много лет спустя выводила страну из Смуты, запрещая подданным не только побег из страны и дезертирство, но и поддержку любого нового претендента на престол («вора») и любые контакты с «изменники его государевы»³⁹.

Выдача преступников и совместный суд над нарушителями границ — постоянное место переговорного процесса между Москвой и Вильно с конца XV в. и на протяжении XVI в., а обострённое внимание к соблюдению этой клаузулы на рубеже XVI–XVII вв. связано с процессами, прослеживаемыми в изменениях старинной формулы.

Уже в апреле 1590 г. послы Габриэль и Матей Войны получили от короля Сигизмунда III Вазы инструкцию, по которой должны были обсуждать с царём Фёдором Ивановичем объединение Речи Посполитой с Московским государством. В числе прочего звучало ограничение побегов «изменников и перебежчиков» между владениями короля и царя⁴⁰. Мирный договор с Крымским ханством конца 1593 г. дал возможность российскому правительству укрепить южные границы и упразднить «береговую» службу, что потребовало усилить пограничный режим в «украинных» городах⁴¹. Ям-Запольский мир в результате переговоров 1590–1591 гг. был продлён ещё на 12 лет. В 1600 г. посольство Льва Сапегы, Станислава Варшицкого и Гельяша Пельгжимовского к Бори-

³⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 26. Ср.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 62 (Тверь, 3 августа 1427 г.).

³⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 2013. С. 90.

³⁸ Козляков В.Н. Смутное время в России начала XVII века. М., 2021. С. 43, 49.

³⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел (далее — СГГид). Ч. 3. М., 1822. С. 14–15 (Февраль 1613 г.).

⁴⁰ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 594 (1585–1600). Vilnius, 2006. P. 110 («Zdradziec, zbiegów aby jeden od drugiego nie przymował, i owszem, aby takowych na obie stronie wydawano i karano»).

⁴¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. С. 43–44.

су Годунову подняло вопрос о воссоединении в единую федерацию монархии Речи Посполитой и Российского царства, и в этом объединённом государстве предложили общую выдачу «банитов», т.е. перебежчиков, осуждённых в своём отечестве на высшую меру наказания⁴². Московская боярская комиссия признала этот пункт необходимым в случае заключения вечного мира и объединения двух стран: «Чтоб беглецов, розбойников, зажигальников и всяких лихих людей, которые в вине дошли до казни, а до господарств тех соединенных учнут бегати, таковых бы на обе стороны выдавать... о том и в докончальных грамотах написано будет»⁴³.

Пятилетний сыск действовал, по всей видимости, с 1586–1587 гг. (в таком случае упомянут около 1591–1592 гг.) и отсчитывал обязательный розыск крестьян с момента окончания войны⁴⁴. Следовало бы предположить, что указ был вызван судебными делами о побегах во время войны и предполагал амнистию для крестьян, сменивших господина без договора и уплаты «пожилого» во время Ливонской войны. Ни их, ни их новых господ не следовало тревожить. В то же время покидать без договора и оплаты своё место после заключения мира запрещалось. При этом никаких данных, что эти упоминания имеют хоть какое-то отношение к ограничению Юрьева дня, нет.

В 1601 – начале 1602 г. мир с Речью Посполитой продлили ещё на 20 лет. Подкрепил ту же зависимость сыска беглых крестьян от дипломатических соглашений срок не «дале пяти лет» (т.е. ретроспективный, от даты за пять лет до этого), подтверждённый указом Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г.⁴⁵ Договор с Речью Посполитой Бориса Годунова действовал и в 1607 г., когда принималось Уложение Василия Шуйского. Упомянутый в Уложении 15-летний срок сыска «пред сим» по книгам 1592/93 г. и «впредь» (т.е. ретроспективно и проспективно от даты принятия) соотносится как с датой продления Ям-Запольского договора в 1591 г., так и с оставшимися «урочными годами», на которые был продлено перемирие между Российским царством и Речью Посполитой в 1602 г.⁴⁶ «Урочные лета» упоминаются также в неясном контексте в указе Василия Шуйского о запрещении пожизненного кабального холопства⁴⁷.

⁴² Сборник ИРИО. Т. 137. С. 48 (июль 1600 г.): «Ale zbiegowie, złodzieie, zapalacze, wywołańcy u którzy by przewiniwszy, uchodząc karania, do państw tych ziednoczonych uciekali, takowi bez żadnego prawa u zwłoki na obiedwie stronie wydawani być mają». В дневнике Г. Пельгжимовского (список Академической библиотеки в Кракове № 1050) этот отрывок звучит следующим образом: «Biegunów, tacziew, rozbojników, zapalczów, wywołańców i wszelakich, którzy by przewiniwszy, a uchodząc karania do gospodarstw tych zjednoczonych uciekali, takowych na obie strony bez odwłoki wydawać» (*Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego. Warszawa, 2010. S. 73*).

⁴³ *Pielgrzymowski E. Op. cit. S. 89–90.*

⁴⁴ ЗАРГ. С. 64.

⁴⁵ Там же. С. 73–74.

⁴⁶ *Назаров В.Д.* Было ли подлинным Уложение 9 марта 1607 года? // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 197–200; *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 125–129. Критического отношения к Уложению 9 марта 1607 г. отчасти придерживается В.А. Аракчеев, допускающий, впрочем, что подобная грамота в том году была отправлена в Чердынскую приказную избу и содержала норму о 15-летнем сыске крестьян (*Аракчеев В.А.* Власть и «земля»... С. 92–100, 332–351). Приграничное положение Чердыни и Пермской земли объясняет, почему Уложение царя Василия Шуйского стало одной из мер по ограничению побега крестьян за пределы государства. В Перми и Пермском уезде в 1607–1609 гг. передвижение «из сибирских городов» в равной мере «служивых и пашенных» людей регламентировалось воеводскими «проезжими грамотами» (*Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 63, 83–84, 139).

⁴⁷ ЗАРГ. С. 77.

Хотя действие договора 1602 г. прервали события Смутного времени (Лже-дмитрий I в 1605 г. осознавал риск его разрыва)⁴⁸, в июле 1608 г. его продлили, и в договоре Василия Шуйского с Сигизмундом III Вазой сказано: «А злодея, бегльца, холопа, невольника, длужника по украином з слушного розсьудьку выдать, а згонные поплатные взаємне одъдать»⁴⁹. С минимальными изменениями клаузула о режиме на границах отразилась в договорных статьях тушинцев с Сигизмундом III Вазой под Смоленском 4(14) февраля 1610 г. Выезд из страны под видом перехода к новому пану для простых крестьян и всех «чинов» предполагалось полностью запретить: «Крестияном в Литву выходу, а из Литвы на Русь, и на Руси меж себя выходу не давать, для того што от того хлопи могут искать своеволенства, а господару и сенатором и рыцерству с того жадного пожитка не будет»⁵⁰. В польско-литовской версии, внесённой в один из томов Литовской Метрики, это место звучит почти так же: «Мужиком хрестьяном до Литвы з Руси, а з Литвы до Руси и на Руси всяких станов людем руским промеж себе выходу не кажет Король Его Милость допушати»⁵¹.

Промысловое население в договоре московской боярской комиссии со Станиславом Жолкевским в августе 1610 г. лишилось права на пересечение одновременно государственных и внутренних границ — взаимное соглашение властей ставило таких нарушителей вне закона: «Торговым и пашенным хрестиянам в Литву з Руси и з Литвы на Русь выходу не быть; также и на Руси промеж себя крестияном выходу не быти. Бояром и дворяном и всем чыном держати крепостных людей по прежнему обычаю, по крепостям»⁵². Связь между внешним и внутренним «выходом», пересечением границ имений и государства бросает свет и на предыдущие «заповедные лета», раскрывая миграционную составляющую «выхода», понимаемого как уход горожан и пахотных людей от своего владельца в нарушение «крепостей» и как пересечение государственной границы, т.е. как «измена».

Деулинский мирный договор, заключённый в декабре 1618 — январе 1619 г. на период с 4 января 1619 г. до 5 июля 1633 г., также продлил взаимную выдачу перебежчиков и преступников на границе⁵³. Запрет перехода государственной границы строго соблюдался, о чём свидетельствуют постановления Разрядного и Посольского приказов, Боярской думы и даже самого царя с начала 1620-х гг. о допросе (есть ли в Литве «родимцы», «кто отпустил за рубеж» и «что с ними он приказывал»), а при необходимости — пытках, казни и ссылке в Сибирь холопов, подозреваемых в бегстве в Речь Посполитую. Кроме того, как отметил А.И. Яковлев, многие челобитья собственников о возвращении им беглецов после Смуты упоминают «рубеж». На это шли, чтобы снять с себя ответственность за возможную «измену» зависимого человека и придать поискам его больше весомости⁵⁴.

⁴⁸ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 257.

⁴⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 596, л. 10 об.

⁵⁰ Сборник ИРИО. Т. 142. СПб., 1913. С. 68; Козляков В.Н. Смутное время... С. 304.

⁵¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1851. С. 317.

⁵² СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 396 (17(27) августа 1610 г.); Артюшевский О.П. Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Белоруссии: вторая половина XVI — 60-е годы XVII ст. Киев, 1987. С. 23.

⁵³ Majewski A.-A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2011. S. 186.

⁵⁴ Яковлев А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 203–213.

В этот период процесс закрепощения частновладельческих и черносошных крестьян был поставлен на широкую правовую основу. Задача контроля над «выходами» решалась за счёт писцовых описаний 1626 г. и переписных книг 1646 г., на которые и ориентировались создатели Соборного уложения 1649 г. Впрочем, нормы Уложения опережали практику и ограничивали сферу, выбивавшуюся из-под правительственного контроля (например, применительно к черносошным крестьянам). Правительство проводило сыск беглых крестьян по дворянским челобитным и пыталось расширить ареал поисков на Дон, подпавший под правительственное влияние после движения Степана Разина 1667–1671 гг. Вехой в этом процессе стал указ 30 марта 1688 г., разрешавший оформлять сделки на крестьян без земли, в том числе на «души» тех, кто был на момент заключения договора в розыске. Если даже крестьянин оказывался за границей, в Сибири или на Дону, отныне его подданство закреплялось условиями подобной сделки⁵⁵.

«Урочные» годы в посольском деле — это «урок»-срок действия договора, который власти соблюдали в отношении контрагента и особенно в вопросах пересечения «рубежей». В этой области дипломатия разработала понятие «заповеди» — под ней понимали запрет на несанкционированное пересечение границ. «Царская заповедь» неоднократно упоминается московскими боярами в переписке с Панами радой Великого княжества Литовского в 1562 г., чтобы объяснить, что Москва соблюдала мирные соглашения, а нарушители границ — это «лихие» или «охочие» люди, преступающие запрет. «Заповедь» при этом исходит непосредственно от государя, а её нарушение означает преступление против его воли, которое не может допустить ни боярин, ни простой человек⁵⁶. Государь запрещает при помощи «заповеди крепкой» любое вторжение в соседнее государство, в том числе — собственной рати (как если бы рать могла вторгнуться куда-либо без государева слова)⁵⁷. «Заповедные лета» совпадают с «урочными» по времени действия посольских соглашений, но определяются волей государя, направленной не на дипломатических партнёров, а на «своих людей», кому «царской заповедью» предписывается соблюдение условий договора. Особенно показательно, что «заповедь» распространяется в первую очередь на «украины» и «украинных людей».

Рассмотрение условий договоров между Россией и Речью Посполитой во второй половине XVI в., последующих договоров и проектов соглашения в 1590 — начале 1600-х гг. позволяет ответить на вопрос о причинах «урочных» и «заповедных» лет. «Урочными» могли называться те годы, когда действовал договор между двумя странами и его дополнительные статьи, запрещающие выход из одного государства в другое (по празднику Крещения с 6 января 1582 г. до 6 января 1592 г.). Этот запрет, санкционированный государевым именем, и являлся «заповедью», а те годы, когда он действовал, — «заповедными годами». Помимо преступников, челяди и должников в договоре указывались и обычные «беглецы» и «рубежники», т.е. те, кто объявлен в розыск или нарушал «рубежный» режим договора. Устанавливалась и двухступенчатая система приграничных судов: «украинные» суды князей, наместников и волостелей на

⁵⁵ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. С. 22–178; Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 56–66.

⁵⁶ Сборник ИРИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 73–75, 102–115.

⁵⁷ Там же. С. 124–131, 310–318; Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. М., 1843. С. 251–253.

первом этапе и государевы судьи в вопросах, неподвластных «украинным», — на втором. Таким образом, в 1582 г. два государства, завершив между собой боевые действия и приступив к размену землями, городами и пленными, установили единую для всего региона систему запретов на пересечение границ, получившую наименование «заповедных лет» на 10-летний срок действия мирного договора, т.е. на «урочные лета». Продление мирного договора предполагалось в 1590 г. также связать с сохранением режима на границах, закрыв их для перебежчиков и изменников. Позднее, в 1600 г., круг «всяких лихих людей» расширился за счёт уточнений в отношении «лихих людей», а в 1610 г. тот же, по сути, режим был раскрыт словами о запрете перехода границ для «мужиков-христиан... всяких станов людем» с обеих сторон, что идентично запрету любого крестьянского «выхода». Продление мирного соглашения с Речью Посполитой означало перенос режима «заповедных лет» на следующее десятилетие, а Деулинское перемирие продлило его ещё на 15 лет.

Другой историографический тезис, раскрывающий, прежде всего, причины и характер Смутного времени в России, гласит, что во время и вследствие опричнины началось разорение страны, продолжившееся из-за частичного закрепощения служилого и тяглого населения, и достигло своего рода пика в голодные 1601–1603 гг. и в наиболее страшные по разорительности грабежей 1615–1620 гг.⁵⁸ Было бы логично распространить этот тезис и на причины возникновения в России крепостного права, учитывая, что к такому выводу подходили, например, С.Ф. Платонов и Е.Д. Сташевский в оценке экономических последствий опричнины и Смуты, а также П.Н. Милюков при изучении влияния Северной войны на рост тягловой зависимости крестьянства и горожан. Советские исследователи, а вслед за ними историки в наши дни также говорят об экстренных причинах закрепощения — о войне и резком росте тягла, опричной политике, атмосфере произвола в 1570–1580-х гг., росте хлебных цен во второй половине XVI и особенно в начале XVII в., из-за чего выплаты «пожизлого» землевладельцам перестали компенсировать убытки от выхода крестьян⁵⁹.

Потоки людей в годы Ливонской войны хлынули не только «безвестно» на новые места внутри страны, в Степь, на Волгу и в Чернигово-Северскую землю, но и «за рубеж», на Дон, Днепр, «в Литву», создавая людской ресурс для последующего восстания и движения в поддержку царя Дмитрия Ивановича и усиливая казачью «вольницу»⁶⁰. Обычно исследователи на основе писцовых и переписных книг восстанавливают объёмы хозяйственного крушения в самой России (особенно в центральном регионе, на Западе, в Новгородской и Псковской землях). Тогда как выводы о потоках, двинувшихся на юг, звучат

⁵⁸ Готье Ю.В. Смутное время. М., 2019. С. 15–17, 31–32, 117–125.

⁵⁹ Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951. С. 32–35, 40–41; Абрамович Г.В. Новые источники по истории хлебных цен в России XVI в. // История СССР. 1968. № 2. С. 116–118; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 8, 71, 128, 312; Панях В.М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975. С. 201–205; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 39; Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 269–270; Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 485–486; Горская Н.А. Указ. соч. С. 230–231; Францев О.Л. Влияние опричнины на хозяйственное состояние русских земель в середине–конце XVI века. Отражение в источниках и литературе // Эпоха Ивана Грозного и её отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре. Сборник материалов всероссийской с международным участием научно-практической конференции. 16–17 октября 2017 года, г. Александров. Т. 2. Владимир, 2018. С. 210–223.

⁶⁰ Францев О.Л. Влияние опричнины... С. 214–215.

без демографических выкладок (нередко эти потоки определяются как «колониционное движение... на вновь осваиваемые окраины»)⁶¹. Этот процесс (его роль в закреплении подчёркивал ещё П.Н. Милюков) фиксируется лишь поверхностно, поскольку точных данных о количестве людей, переселившихся в Степь, в нашем распоряжении нет⁶². Однако и сам вектор этого движения не замыкается на российском порубежье, «украинных городах» и в Степи. Его социальный состав вызывает вопросы и требует рассмотрения не только российских, но также восточных и европейских источников⁶³. Российские власти отказывались видеть в неподконтрольных местах скопления «гулящих людей» сферу своей ответственности. Для российской политической жизни эти территории находились уже за рубежом и становились объектом колониальной политики, а не мирной колонизации. В ответ на посольство Г.А. Нащокина 1592–1593 гг. султан Мурад III поставил царю Фёдору Ивановичу ультиматум – отдать Казань и Астрахань, свести с Дона казаков и разрушить четыре крепости на Дону и Тереке, угрожая в противном случае направить своё войско на Москву. Причём в отношении Дона позиция Москвы была примирительной: Нащокин от имени царя заявил, что казаков с Дона выгоняют, а крепостей никаких там нет⁶⁴. Эти заявления шли вразрез с сообщениями об участии волжских казаков с позволения царя Ивана IV в разгроме сибирского хана Кучума, официально передаваемыми уже при царе Фёдоре Ивановиче, в частности в посольских наказах в Речь Посполитую 1586 г. и в Священную Римскую империю 1588 г.⁶⁵

Миграции за пределы государства не ограничивались тяглым населением, а во многих известных случаях сопровождалась уходом из своих имений детей боярских, направлявшихся на окраины и за пределы страны вместе с боевыми холопами, челядью и крестьянами. На 1592 г. приходится приостановка «урочных лет» перемирия, и служилых людей российского Юга охватила тревога перед грозящей новой войной – это и вызвало санкционируемый самими служилыми людьми переход части своих холопов и крестьян в боевые холопы-стрельцы. Волна выходов «в вольные казаки» охватила в канун истечения «заповедных лет», в начале 1590-х гг., не только пашенных крестьян и горожан, но и детей боярских. Так, с Василием Биркиным ушли М.Д. Пахомов и П.Д. Голохвастов, подались на Дон три «новика», уходили туда и некоторые ряжские дети боярские⁶⁶. Елецкие акты 1592–1593 гг. фиксируют опасения российских властей, вызванные переходом холопов и «пашенных людей» в стрельцы на Юге России. Запретительные меры связаны здесь с продолжением «заповедных лет»⁶⁷. На землях российского чернозёмного Юга невоенного посадского

⁶¹ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 7–8, 85.

⁶² *Папков А.И.* Порубежье Российского царства... С. 88–129.

⁶³ *Леп'яко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернівці, 1996; *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2010. № 2. С. 282–284; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2020. С. 427–440, 546–552.

⁶⁴ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. Стб. 100–101; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 188; *Виноградов А.В.* Дипломатическое противостояние Москвы и Бахчисарая после договора 1594 года: от мирного соглашения до династического кризиса в Крыму 1596–1597 годов // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2018. № 10. С. 33–62.

⁶⁵ *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 49–52.

⁶⁶ *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 70.

⁶⁷ *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»... С. 313–314.

и пашенного населения на рубеже XVI–XVII вв. осталось крайне мало, а служилые люди «по прибору» здесь нередко выступали в роли работных людей на десятинной пашне. Ни у помещиков, ни у пахотных людей в Воронежском уезде не было своих наделов, а помещичья запашка обрабатывалась «наездом» (т.е. приезжими крестьянами)⁶⁸. В XVII в. после Смуты здесь, как и на Северо-западе и Севере, господствовали «мельчайшие» помещичьи хозяйства, т.е. хозяйственное освоение региона и его защита шли рука об руку⁶⁹. Повстанческие движения южных уездов и «украин» получили мощную подпитку благодаря 10-летнему освобождению от государственного тягла регионов, поддержавших «царя Дмитрия Ивановича». Как отмечал Корецкий, решение самозванца вызвано прежде всего тем, что поддержавшее его население было вооружено, а следовательно, состояло в значительной массе из служилых людей и боевых холопов⁷⁰.

Оспаривая тезис А.Б. Каменского о политико-экономической неизбежности крепостного права в России (как и его довольно поздней отмены)⁷¹, Аракчеев отчасти принял сходную точку зрения и уточнил, что «закрепостительные мероприятия второй половины XVI в. были действительно вынужденным шагом правительства, находившего полную поддержку тяглых общин». Основное внимание Аракчеев уделил крестьянским «мирам» и волостным порядкам, находившимся в связи не только с земельными собственниками и непосредственными распорядителями на земле, но и с высшей властью, заинтересованной в поддержании «крепкой» привязки трудового населения к земле. Таким образом, исследователь видел своей задачей преодоление противоречий в концепции эволюционного развития крепостничества, сформулированной прежде всего в работах Грекова и уточнённой в последующих исследованиях. Одна из ключевых методик в данных вопросах — экстраполяция сведений Смутного времени и позднейших данных на предыдущие события, а также региональных свидетельств на общерусские при неизбежно узкой базе данных для интерпретации ключевых терминов⁷². Важное наблюдение в работе Аракчеева касается перемен в терминологии государственной службы и лояльности. В 1560–1580-х гг., по предположению исследователя, на смену терминологии «крамолы» пришло понятие «измена», почерпнутое из церковного тезауруса и распространившееся на деятельность широких масс светского населения. Это свидетельствует о существенных переменах в механизмах политического контроля, которые должны были сказаться и на режимах пересечения границ.

Авторы, доказывающие, что истоки новаций в праве на крестьянские души и их собственность следует искать в особенностях феодальных порядков, классовой природе эксплуатации тяглого населения феодалами и в интересах крестьянского «мира» (общин и волостей), тем не менее не дают ответа на вопрос,

⁶⁸ Данная форма обработки земли была широко распространена и на русском Севере, свидетельствуя о преобладании свободного найма над подданством (*Глазьев В.Н.* Города-крепости российского Черноземья в 1604–1618 гг.: гражданская война и её преодоление // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. 2019. № 2. С. 93–95, 103–112).

⁶⁹ *Миров Л.В.* По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 414, 430.

⁷⁰ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 242–243.

⁷¹ *Каменский А.Б.* Уроки, которые можно было бы извлечь // *Одиссей. Человек в истории.* 2004. М., 2004. С. 419.

⁷² *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»... С. 7, 61–126.

что именно служило стимулом, чтобы эти порядки претерпели настолько значительные изменения, что неизбежным стало прекращение «выходов» и «отказов» и были пересмотрены постановления Судебника 1550 г. (хотя, как отмечал ещё Ключевский, и Уложение 1649 г. в полной мере не отменило эти свободы). Наметившийся угол зрения в критических построениях, направленных на пересмотр необоснованных концепций (в данном случае — концепции классовой подоплёки крепостного права, возникшего будто бы в интересах феодалов-землевладельцев), говорит о новом витке научного «забвения» о дипломатических договорённостях и многолетней войне, вызвавшей разруху, ухудшение жизни низших слоёв российского общества и усиление податного бремени. По масштабам и последствиям для хозяйства одномоментные (приходящиеся на жизнь двух-трёх поколений служилых и тяглых людей) войны Российского государства за поволжские земли и Западную Сибирь, Степь, Ливонию и Великое княжество Литовское не имели ничего похожего в прошлом страны, и положение только усугубилось из-за эрозии наследственной линейной доктрины передачи престола в период Смуты. Рост военного противостояния между различными группами свободного и тяглого населения выразился в казачьих движениях и гражданских войнах начала XVII в., которые не свидетельствовали о росте социального напряжения или классовой борьбы в России, а являлись борьбой за легитимность в рамках действующих институтов при активном участии мигрантов, ушедших на «украины» и за пределы царства и возвращавшихся, чтобы отстаивать «подлинного царя», получить искомую свободу от миграционных ограничений, отвоевать свою собственность. Как и «панцирные бояре» в первых казачьих движениях на восточных землях Речи Посполитой, в России основу этого явления составляли свободные мелкие землевладельцы — переселившиеся на окраины царства дети боярские, боееспособные холопы, горожане и пахотные крестьяне.

К середине XVI в. правовые основания отношений между привилегированными землевладельцами и их подданными существенно не изменились. Их определяли договорные обязательства и право ухода от одного господина к другому при условии уплаты «пожилого». Договор с господином и являлся «крепостью», предполагающей взаимные обязательства между ним и подданным. Судебники 1497 и 1550 гг. их закрепили законодательно, а первые случаи правового вмешательства в порядок «крепости» относятся к окончанию войн за Ливонию и исходят не от вотчинников и помещиков, а от высших властей России и Речи Посполитой. Аракчеев пересмотрел весь комплекс данных о «заповедных летах» и пришёл к заключению: «Так как существенных отличий в практике крестьянских переходов в 1580-х и 1590-х гг. не наблюдается, наиболее экономным способом объяснения такого порядка вещей является признание того факта, что режим заповедных лет в 1590-х гг. превратился в устоявшийся порядок»⁷³. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти. Приговор и указ 1597 г. показывают, что режим «заповедных лет», ограниченный межгосударственным соглашением, испытал модификации, когда опасность возобновления войны с Речью Посполитой отпала, однако не был отменён, а лишь дополнен контролем.

Приговор о служилых холопах от 1 февраля 1597 г. оставил в силе нормы Судебника 1550 г. и предполагал занесение в «крепости» в течение года (или

⁷³ Там же. С. 316.

трёх — для служилых людей «на далных службах») холопов, которые служили без договора, но уже «били челом в службу»⁷⁴. Государство стремилось снизить риски от «добровольных холопов», видя в них неподконтрольную аморфную и потенциально опасную группу населения. Одновременно решался и не менее насущный вопрос — под фискальный контроль попадали господа этих холопов, т.е. те, у кого водилась служба и кто мог платить без налоговых обязательств. Это были высшие страты государева двора, дети боярские, служилые люди, гости и «всякие торговые люди». Отныне полагалось с договорами («всякими крепостями») на руках регистрировать своих работников и беглецов в Холопьем приказе, причём пошлины вводились только для «крепостей» от даты приговора⁷⁵. Регламентация в «серой зоне» службы означала, что государство реструктурирует государственную службу, делая её прозрачной и налогоёмкой. Это стало дополнительным ударом по моделям коммуникации в служилых рядах России при сохранении буквы закона, но одновременно подобная прозрачность гарантировала служилым людям, что они не окажутся под неформальным давлением со стороны власть имущих за отказ от явки на службу и не будут «огурством» пополнять число «нетей». Под видом амнистии незарегистрированных слуг высшая власть в XVI в. пыталась уже не впервые упростить формы зависимости, облегчить и формализовать процедуры закабаления и освобождения⁷⁶. Этому способствовало то, что к 1580-м гг. «полные» грамоты вытеснили кабальные договоры и заметно сузилась роль докладного холопства (а именно в полное и докладное холопство статья 81 Судебника Ивана IV запрещала принимать детей боярских)⁷⁷. Нормы приговора 1 февраля 1597 г. невозможно считать политикой в классовых интересах. Подтекст данной реформы был освободительным по отношению к неоформленным кабальным холопам и фискально-закрепостительным к высокопоставленным владельцам «добровольных холопов».

Угроза побегов служилых людей и тяглого населения за рубеж оказалась настолько ощутимой, что в августе 1603 г. было принято решение освободить от ответственности беглых и выгнанных от своих господ холопов, выдав им «отпускные» — лишь бы они не оставались вне закона и не угрожали стабильности государства⁷⁸. Шаг навстречу беглым крестьянам сделал Лжедмитрий I, допустивший в февральском указе 1606 г. возвращение вотчинникам и помещикам только крестьян, бежавших до «голодных годов». Впервые появилась в указной практике и тема, явно волновавшая законодателей и раньше: «А ко-

⁷⁴ ЗАРГ. С. 64–66.

⁷⁵ О времени создания приказа Холопьева суда мнения исследователей расходятся, однако оформление кабальных грамот, как отмечает Д.В. Лисейцев, входило не в его в функции, а в функции постельничего и ямских дьяков. Авторы справочника «Приказы Московского государства» отметили, что первоначальный профиль приказа — обращённые в холопство военнопленные (добровольные и кабальные холопы), с конца XVI в. — полные холопы, а также отпуск на волю дворовых людей и крепостных крестьян: Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 110–113, 141, 191–192, 236; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 163–170, 176–177; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 217–221.

⁷⁶ Яковлев А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 45–47, 47–49.

⁷⁷ Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971. С. 11–23; Панях В.М. Холопство... С. 105–131, 224–242.

⁷⁸ ЗАРГ. С. 71–72.

торые бежали з животы в далные места из замосковных городов на украины, а с украины в московские города, или из города в город, верст за двесте, и за триста, и болши», — в таких случаях крестьянам гарантировалось расследование, преступно ли он ушёл «з животы», или «от бедности», и во втором случае допускалось освобождение крестьянина от обязательств перед господином, не смогшим его прокормить⁷⁹. Позднее и Уложение Василия Шуйского говорило о «пришлых вновь», т.е. о далёких побегах от своих господ⁸⁰. Это понятие касалось, по всей видимости, как крестьян, так и холопов, а возможно, и беглых служилых людей, если они скрывались от закона под видом бывших подданных. Единство служилых и тяглых людей отражено в боярском докладе 25 февраля 1608 г. Часть схваченных «изменичьих людей», развезённых с войны по тюрьмам «на Москве, и в Серпухове, и под Тулою, и в ыных городех», были взяты на поруки и розданы в приказе Холопья суда во временное владение. Их бывшие господа, «старые их бояре, которые были в измене», но опалу с которых сняли, имели право вернуть себе своих холопов в законном порядке. Это же касалось тех дворян и детей боярских, что «были от Ростриги в опале». Если же заключённые попадались «в воровстве» (т.е. становилось известно об их участии в войне против царя Василия Ивановича), то их казнили по их «вине» или отдавали бывшим владельцам. «Отпускные» царя Дмитрия Ивановича при этом признавались⁸¹.

Приговор Боярской думы от 7 января 1606 г. дополнил указ царя Фёдора Ивановича, запретив ситуацию, когда обязательства холопов перед двумя и более господами вносились в одну кабалу. Правительство видело в подобных записях источник неупорядоченности, а само регулирование рассматривало в фискальных категориях. Однако попытки вторгнуться в свободный холопский рынок в мартовском указе 1607 г. привели только к росту напряжённости в стране. Амнистия охватывала тех «добровольных холопов», которые после полугода или года службы у своего господина отказывались дать на себя кабалу, но амнистировались и служилые люди, после такого же срока использования военной или рабочей силы с согласия самих холопов всё же регистрировавшие кабалу в законном порядке. Службу без письменной кабалы полностью запретили («не держи холопа без кабалы ни одново дни»)⁸². Это стало вызовом действующей модели службы, что на фоне боевых действий с войском И.И. Болотникова должно было полностью очистить институт подданства от непрозрачных отношений. Однако вскоре царь Василий Шуйский пошёл на уступки детям боярским и их подданным. Указ 1607 г. отменили в пользу Уложения 1 февраля 1597 г.⁸³ Майский указ 1609 г. вновь закреплял за господами их «безкабальных» холопов, служивших 5–6 лет (среднесрочная служба) или 10 и более лет (долгосрочная служба)⁸⁴. Документ, по всей видимости, вновь открыл возможность краткосрочной службы без кабалы и ограничил возможность зажиточных господ затягивать в кабалу по среднесрочным устным договорам (без кабалы). В подтексте этих мер была всё

⁷⁹ Там же. С. 73–74.

⁸⁰ Там же. С. 75–76.

⁸¹ Там же. С. 76–78.

⁸² Там же. С. 74–75.

⁸³ Там же. С. 79.

⁸⁴ Там же. С. 78–79.

та же тенденция пользоваться кабальным наймом без или сверх письменных договорённостей⁸⁵.

Обычай неформально нанимать кабальных тружеников являлся предметом беспокойства власти ещё со времён ст. 82 Судебника Ивана IV и указа 11 октября 1555 г., сохранялся и в середине XVII в., и составителям Уложения пришлось сократить допустимый срок службы без крепости с полугода до трёх месяцев⁸⁶. Всё это лишь показывает, что свободный рынок бездоговорной кабальной силы в России со времён Судебника Ивана Грозного и вплоть до Соборного уложения 1649 г. ограничить не удалось. Во многом из рядов этих неподконтрольных работников складывались группы бродячих людей, беженцев и казаков.

Указ о пятилетнем сроке сыска (24 ноября 1597 г.) также не менял норм Судебника 1550 г., а составлял основу для амнистии по неразрешимым делам, накопившимся за многие годы: «А которые дела в беглых крестьянех засужены, а до нынешняго господарева указу царева и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу не вершены, и государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси указал и по государеву цареву великого князя Федора Ивановича указу бояре приговорили: дела вершити по суду и по сыску»⁸⁷. Оба указа 1597 г. открывали возможность для амнистии по судебным делам, не содержащим документального подтверждения зависимости или закрываемым по истечению срока давности. Их следует рассматривать в одном ряду с амнистиями середины 1590-х гг. в отношении российских эмигрантов в Речь Посполитую. Власти, столкнувшись с угрозой массовых побегов на «украины» и за пределы царства, пытались регламентировать и привести к единой формуле служебные отношения в самой России. Если заграничная выдача опиралась ещё на посольские договорённости и на приграничные заставы, то внутри страны делалось всё, чтобы не обременять зависимое население судебными исками и сделать возвращение из-за границы приемлемым и выгодным. Оба указа 1597 г. гарантировали репатриантам любого уровня свободу вне зависимости от срока пребывания за границей. Реформы были дополнены в 1600 г. «посадским строением», определившим само понятие посадских людей как городских старожилов, к числу которых живущие на посаде владельческие крестьяне не относились. Эти меры, как показал ещё П.П. Смирнов, были направлены на удержание посадского населения от перехода в другие социальные классы, причём особенно частым и тревожным для российской власти являлся переход «в состояние служилых людей по прибору»⁸⁸. Эти процессы прямо предшествовали складыванию значительных масс вооружённых людей, продвигающихся из обжитых регионов к границам России и за её пределы.

⁸⁵ См. иные интерпретации приговора: *Панях В.М.* Холопство... С. 35–38, 182, 196; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 158.

⁸⁶ *Панях В.М.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967. С. 145; *Колычева Е.И.* Указ. соч. С. 181; *Шапиро А.Л.* Указ. соч. С. 130.

⁸⁷ ЗАРГ. С. 67.

⁸⁸ *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. С. 352; *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М., 1947. С. 183; *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 68; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988; *Пузанов В.Д.* Военные факторы... С. 33–34, 53–64, 226–227, 272–276, 298–310, 332–333; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 46–47.

Ограничение выхода после Ливонской войны было направлено, таким образом, одновременно на регулирование внутренних миграций и эмиграции из страны. Общее пространство сыска беглых между Речью Посполитой и Российским царством сформировалось вскоре после Ливонской войны и оказывало влияние на развитие так называемого крепостничества в России. Фактически эта мера способствовала лишь ограничению «выхода» сельского населения. Вернее было бы видеть в сделках духовенства, боярства, чиновничества, детей боярских и купечества с высшей властью взаимное ограничение права на смену подданства и любую «измену» в обмен на получение гарантий розыска тех, кому такая «измена» удалась. При этом двумя указами 1597 г. опосредованно предполагалось создание льготных условий для возвращения в страну «изменников», которым гарантировалась свобода и нераспространение на них крепостных обязательств. Эти решения ограничивали подвижность служилого, городского и пашенного населения, с одной стороны, и устанавливали новые принципы подданства и круговой поруки тех и других по отношению к новой династии и друг к другу — с другой. Все названные выше указы отличает их внешнеполитическая и военная направленность, как и у сохранившихся и предполагаемых указов о крестьянском розыске 1580–1590-х гг.

Ещё в начале 1580-х гг. казачья служба в «украинных городах» Севске или Курске рассматривалась как допустимое наказание для лжесвидетелей на суде, подкупщиков, а также уличённых «в составе и в кромоле»⁸⁹. Это наказание грозило, в свою очередь, нагрузить регион взрывоопасной массой ссыльных. Указы Бориса Годунова 1601–1603 гг. о «выходе» и «холопех» должны были предотвратить обнищание широких масс служилых людей и уход их зависимых людей в голодные годы на приграничные земли, в Сибирь, Степь и на Дон. Режим «Юрьева дня» не восстанавливался этими указами, как нередко утверждают исследователи, поскольку он и не отменялся⁹⁰. Судебник Ивана Грозного действовал по всей территории России, о чём прямо говорится в обоих указах (сохранялось без изменений и «пожилое» — 1 руб. 2 алт.). Уточнялся режим в этих указах лишь в применении к определённым группам населения. Это также позволяло усилить контроль за сменой зависимости «выезжих». В указе 1601 г. «выход» и «вывоз» в некрупные хозяйства допускался только по квоте — не более двух зависимых людей от одного господина. В крупные хозяйства он запрещался полностью. Указ 1602 г. был направлен в Великий Новгород и лишь уточнял действие прошлогоднего указа, запрещая под страхом опалы господам оказывать сопротивление и не отпускать крестьян, если те решат отозваться на призыв бирича⁹¹.

Попытка уточнить режим «Юрьева дня» в 1601–1602 гг. была направлена на создание категории подконтрольных свободных людей, могущих с «крепостными» от своих бывших владельцев легально работать на хозяйствах боеспособных служилых людей, покидая разорившихся⁹². Отношения регулировались между взаимно заинтересованными собственниками, и задача властей заключалась в том, чтобы под страхом опалы дети боярские выдавали в таких слу-

⁸⁹ ЗАРГ. С. 60.

⁹⁰ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века. Кн. 2. М., 1954. С. 337–339; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 186, 244, 319–320.

⁹¹ ЗАРГ. С. 70–71.

⁹² Козляков В.Н. Смутное время... С. 63–77.

чаях отпускные «крепости», без которых зависимые люди не могли перейти на новое место и грозили уйти к богатым господам, превратиться в бродячих людей или бежать за границу. Вопрос перемещения крестьян, в отличие от вопроса холопства, не закрепился за каким-то приказом, а контролировался непосредственно царём и Боярской думой при помощи биричей. Это связано с тем, что крестьяне не представляли никакой единой страты, а само понятие обозначало подданство, по которому (по их господину) и направлялись дела в государственные ведомства.

Корень зла виделся в Кремле не в голоде и зависимости крестьян и горожан, а в их превращении в боевых холопов и уходе, нередко вместе с разорившимися господами, на окраины государства. Угроза возникновения из числа своих же перебежчиков военной силы, способной нанести вред Московскому государству, ощущалась ещё тогда, когда велись следствия по подозрениям о «воцарении» Б.Я. Бельского в Царёве-Борисове и по «делу» о контрабандной торговле З.П. Ляпунова с Доном провизией, оружием и другими товарами (подобные запреты известны в отношениях Москвы с Рязанью с 1502 г.). Первые подозрения о поддержке лжецаревича Дмитрия Ивановича в России в сентябре 1604 г. пали также на «украинных людей» и на Дон⁹³. Опасения в полной мере подтвердились во время движений Хлопка, царевича Петра Фёдоровича, Ивана Болотникова, Истома Пашкова, Юшки Беззубцева, Федыки Берсенья и др. Уже первое из них показало, что на стороне повстанцев — организованная боевая сила, состоявшая не только из пахотного и промыслового населения, а в значительной массе — из обедневших детей боярских, боевых холопов и бродячих вооружённых людей. Наоборот, организация Первого ополчения проходила под лозунгами возвращения широким массам оружия, запрещённого московскими властями Сигизмунда III Вазы, а также освобождения «боярских людей крепостных и старинных». Тогда как Приговор 30 июня 1611 г. гарантировал возврат только крестьян, ушедших от одних дворян и детей боярских к другим «в нынешнее смутное время». Это означало амнистию по всем «выходам», которые не были документированы сторонами или предполагали переход крестьян в состав служилых людей и казаков⁹⁴.

Эта проблема и решалась взаимными соглашениями между московскими царями и властями Речи Посполитой. Борис Годунов, а позднее Василий Шуйский тщетно пытались договорами с Сигизмундом III Вазой ограничить «выход» горожан и крестьян, понимая, что благодаря бродячим людям на окраинах формируется вооружённое сопротивление. Казачество оставалось для новой власти фактором, способным повлиять на выборы царя, создать новую политическую угрозу, поддержать военное вторжение избранного царя Владислава

⁹³ Сборник ИРИО. Т. 137. С. 176–181.

⁹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук. Т. 2. СПб., 1836. С. 327. См. также: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 321–361. Можно предположить, что смоленские помещики, получившие жалованные земли от Первого ополчения, но встретившие отпор арзамасских «мужиков» в 1611 г., ушли не к нему, а именно в Нижний Новгород, поскольку Первое ополчение ещё в Приговоре от 30 июня 1611 г. не гарантировало смолянам-детям боярским прав над «мужиками», если они заявляли, что «за помещики... не бывали ни за кем» и сами служат «земскую службу» (*Эммаусский А.В.* Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. // Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения. Т. 7. 1934. Вып. 3. С. 26; *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 84, 133, 188, 198, 297, 336–337; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 360, 368, 398, 460).

Жигимонтовича, помочь в поимке на Яике Ивана Заруцкого и Марины Мнишек с «ворёнком»-царевичем или осуществлять походы на южных «украинах». В условиях призвания королевича Владислава Жигимонтовича, принятых под Смоленском в феврале 1610 г., и договоре московских бояр с Жолкевским от августа того же года, сразу вслед за вопросом о «выходе» поднята тема казаков на Волге, Дону, Яике и Тереке⁹⁵. Опасность объединения боярских холопов по пограничным крепостям виделась в том, что они могут в «дальних краях» выдвинуть из своих рядов нового «господара»⁹⁶.

Указ царя Михаила Фёдоровича от 1613–1615 гг. предполагал амнистию казаков в обмен на разоружение и возвращение «в старые свои чины». Допускалась даже готовность казаков вновь вступить в число «боярских людей», т.е. поменять «бесчиние» свободного вооружённого человека на «чин» холопа у служилых людей⁹⁷. План возвращения «русских воров» (казаков) в «старые чины» в Москве говорил о стремлении правительства Михаила Романова на период войны со сторонниками лжецаревича Ивана Дмитриевича обезопасить свои границы от новых масштабных вторжений. Вне «чинов», а следовательно, вне закона на территории России становились все казачьи формирования⁹⁸. Указ 1613–1615 гг. можно рассматривать как радикальную меру, предполагавшую запрет на любой неподконтрольный переход из «чина» в «чин», в одном ряду с последовавшими при патриархе Филарете указами о запрете на «литовскую» книжность, будто бы «засорённую латинством», и перекрещивание «белорусцев»⁹⁹.

Постановление 1611 г. и указы 1613–1615 гг. (а затем и 1619–1620 гг.) показывают между собой преемственность в сосредоточении основных хозяйственных и военных сил в руках Ополчения, а затем в руках правительства царя Михаила Фёдоровича, а также создание пограничного режима, препятствовавшего проникновению на территорию России новых «воров» и возлагавшего на всех возвращенцев обязанность отречься от «воровства», причастности к казачьим движениям и католичеству.

Отвечая на вопрос о причинах введения «заповедных лет», следует вернуться к событиям Ливонской войны 1581–1582 гг. и вспомнить, что Ям-Запольский мир устанавливал границы между государствами и запрещал их несанкционированное пересечение. Оба государства были заинтересованы в том, чтобы запретить свободное передвижение через границы, угрожавшее послевоенной стабильности и лояльности подданных. Это позволяет не согласиться с концепцией Д.Я. Самоквасова, видевшего в «заповедных летах» ограничение ст. 88 Судебника 1550 г. Заповедь полностью лишала крестьян права на несанкционированный уход от господина, что было тесно связано с запретом на уход за пределы России, поскольку движение свободного крестьянина, оставившего

⁹⁵ Сборник ИРИО. Т. 142. С. 64–69; СГГид. Ч. 2. С. 396.

⁹⁶ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 51–52; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 303–304.

⁹⁷ ЗАРГ. С. 80 (не ранее 26 февраля 1613 г. — не позднее июля 1615 г. и не ранее 26 февраля 1613 г. — не позднее 31 августа 1613 г.).

⁹⁸ Иной взгляд на казачество в названных событиях см.: *Флоря Б.Н.* Россия и восточноевропейские земли Польско-Литовского государства... С. 65–92, 359–428.

⁹⁹ *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 142–192; *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

своего господина, выходило из-под контроля и воспринималось как нарушение дипломатических соглашений. Это положение дел выросло из клаузулы освобождения от тягла для «зарубежных» и «инокняжеских» людей в жалованных грамотах XV — начала XVI в., развившихся из крестоцеловальных соглашений между старшей и зависимой властью о запретах на переход для тех, «которые от нас поедут», и из требования выдачи «холопа, робы, должника, поручника, татя, розбойника, беглеца, рубежника» в дипломатических соглашениях начиная с 1494 г. Заповедь распространялась не только на крестьян, но и на детей боярских, и на другие группы населения, лишая их права на выход за любой рубеж без санкции высших властей. По своей сути это было закрепощение, распространявшееся на всё население России, и это объясняет, почему потоки перебежчиков на Юг и в Степь вскоре охватили не только крестьян, но и многих собственников-землевладельцев, нередко уходивших от налогового бремени и разорения вместе со своими людьми.

Зависимость детей боярских в плену и эмиграции нередко граничила с порабощением и подданством. Оршанским пленникам и заложникам после битвы 1514 г., узникам замков 1561–1562 гг. и Мальборка в конце 1560-х — начале 1580-х гг. приходилось трудиться в заточении и даже бывать в кандалах, хотя из застенков они освобождались не только возвращаясь домой, но и переходя на сторону захватчика. Грань между «чинами», т.е. социальными стратами, за рубежом для выходцев из Московского государства сохранялась. Известны по актовым книгам Великого княжества Литовского расследования, касающиеся шляхетского достоинства москвитов, претендующих на равенство с местными «добрыми» людьми. Границы между правом и бесправием оказались, впрочем, не слишком надёжны в отношении иноземцев из России. Что же касается «пашенных крестьян» и торговых людей, уходивших от опричных погромов, грабежей, неразберихи военного времени и Смуты, то переписные книги и приказная документация отражают в большей мере состояние тягла, не оставляя места для выводов о причастности господ к состоянию хозяйства. Ю.В. Готье отмечает обычную картину для описаний 1610–1620-х гг. Здесь нередко слова о крестьянах, «вымерших в лихолетье», «побитых от польских и литовских людей» и «в полон пойманных». «Но ещё чаще, — пишет исследователь, — попадают известия о запустении сёл и деревень от бегства живших в них крестьян, которые “сбрили безвестно” или “ходят по миру”»¹⁰⁰. Помимо обычной смены места жительства с деревни на посад и наоборот, нередко были и далёкие выходы «по лесу и по болоту», за Оку, в «украинные города» и дальше «за рубеж». Это направление бегства тех или иных людей никто из свидетелей не мог бы удостоверить наверняка, но во многих концах страны знали, что оно полнится людьми, причём как служилыми, так и пашенными. И это же направление волновало российскую власть, как и власть Речи Посполитой после Ливонской войны, даже больше, чем все прочие, поскольку уход из страны оказывался невосполнимым и неподконтрольным. Уже в указе Лжедмитрия I о возвращении крестьян возникли как особый предмет дальние побеги и возвращение крестьян «с украины в московские города». Власть, декларировавшая своё происхождение от законных царей, стремилась милостиво обращаться со всеми, кто собирался вернуться, и допускала свободу от прежних господ для ушедших в голодные годы.

¹⁰⁰ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 121–122.

Взвешенность в крестьянском вопросе сохранялась и позднее. Отмена «Юрьева дня» не входила в планы ни одного правительства на рубеже XVI–XVII вв., а основные меры властей были направлены на регулирование «выхода» от господ при помощи правительственной (приказной) фиксации договоров и на остановку разорения служилых людей, от которых подданные бежали к более зажиточным господам, на окраины и за пределы государства. Ограничение «выходов» за государственные границы и отражено в международных договорах Российского царства и связанных с ними указах, известных как предвестие крепостничества, и именно с этими договорами прямо коррелируют по времени своего возникновения и содержащимся в них санкциям известные ныне указы и приговоры 1597–1618 гг. На внутреннем рынке холопов, мещан и крестьян в Российском государстве «старинное» право на владение подданными определялось наличием свидетельств, которые нередко исчезали в пожарах, кражах и с гибелью собственников. Эти права также гарантировались внешними событиями — нашествиями, военными поражениями и пожарами («московское разоренье», «королевичев приход»). «Старина» стала не обозначением глубокой традиции или прикрепления к собственнику, общине или земле, а правовым рычагом, позволявшим искать ближайшие по времени источники права. Если их не находили, то не было и «старины», и каких-либо обязательств, вызванных ею, а крестьяне, как и другие зависимые слои населения, становились свободными, если, конечно, не находилось других причин, чтобы считать их зависимыми (например, добровольного признания холопом своей «старинной службы»). С конца XVI в. в подобных вопросах окончательное решение принадлежало приказным и местным судьям, опиравшимся как на локальную, так и на общегосударственную документацию. Последняя, в свою очередь, составлялась с учётом межгосударственных договорённостей.

Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй половине XVII в.

Владимир Аракчеев

Council Code and the socio-political evolution of Russia in the second half of the 17th century

Vladimir Arakcheev

(Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23010029, EDN: PNPYEB

Сорокалетний период истории России от Соборного уложения до утверждения у власти «партии» Петра I всегда рассматривался как переходный к переломным петровским реформам, и особую роль в этой трансформации сыграли существенные изменения правовых норм и социальной политики государства. В современной исторической науке считается, что начало перехода Русского государства и права в новое состояние ознаменовалось изданием Уложения 1649 г., но непротиворечивого понимания сути этого процесса нет. А.Г. Маньков полагал, что «кодекс 1649 г. отразил начальный этап перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму»¹. В этой характеристике поражает непродуманность причинно-следственных связей между хорошо известными фактами: если последние Земские соборы состоялись в 1653 и 1667 гг., то когда же закончился заявленный «начальный этап перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму», и последовал ли за ним основной? Вряд ли может быть принята и полярная по отношению к концепции Манькова точка зрения Б.Н. Миронова, который считает Россию XVII в. «народной монархией», детали перехода от которой к монархии «патерналистской» исследователем не конкретизированы ни по существу, ни хронологически². Отсутствие такой конкретизации как в первом, так и во втором случае не позволяет произвести верификацию суждений историков и даёт основание считать эти высказывания лишёнными научной строгости.

Нет в историографии единства и в понимании влияния Соборного уложения на социальную динамику: В.М. Панеях полагал, что изменения, вносимые в систему права принятием кодекса, состояли в «ужесточении крепостнических порядков», «обособлении самодержца от его подданных» и «отказе от реформ», ведшем «к консервации социальной жизни»³. Н.М. Рогожин, напротив, рассматривал Соборное уложение в контексте процесса «зарождения институтов абсолютизма»; само его издание он расценивал как

© 2023 г. В.А. Аракчеев

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Отв. ред. А.Г. Маньков. Л., 1987. С. 6.

² Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб., 2018. С. 359–393.

³ Панеях В.М. Русь в XV–XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: от самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996. С. 108–110.

показатель «неуклонного развития»⁴. «Реформой суда и управления» считает принятие Соборного уложения И.Л. Андреев⁵.

В социально-экономической политике России 1660–1680-х гг. отчётливо просматриваются несколько направлений, находившихся в тесной связи друг с другом. Общий демографический рост в стране во второй трети XVII в. не приводил к пропорциональному увеличению находившихся в руках государства ресурсов, поскольку одновременно расширялась прослойка «беломестцев» и ошутимо возрастал неисчисляемый слой гулящих людей. Для повышения удельного веса тяглых людей в структуре населения сёл и городов организовали сыск беглых крестьян и посадское строение 1649–1660-х гг. Улучшить собираемость косвенных налогов должны были новые таможенные уставы и регламентация торговли; интенсификация взимания косвенных и прямых налогов диктовалась возрастающими оборонными потребностями государства. Все вышеописанные практические меры после их реализации оказывали мощное влияние на перемены в социальной стратификации общества, изменявшие саму модель классовообразования. Достижение этих целей увязывалось с реорганизацией системы правовых норм, выразившейся в появлении «Новоуказных статей», существенно изменивших правовую основу Соборного уложения.

Исследование законодательной деятельности правительства и административных практик в реализации указанных направлений деятельности позволит сформулировать верифицируемые суждения о сущности «переходного характера» исследуемой эпохи, констатация которого стала общим местом в историографии. Место Уложения в эволюции социальных институтов может быть определено только в результате исследования: где в большей степени пролегал разрыв, и где прослеживается континуитет в системе государственного строительства и права — между правом 1620–1640-х гг. и Уложением или между Уложением и правом второй половины XVII в.

Судебно-правовая система России второй половины XVI — первой половины XVII в. содержит признаки судебной монархии⁶. Однако активное соучастие выборных земских людей в судебно-следственных процедурах и других формах земской инициативы во второй половине XVI — первой половине XVII в.⁷ не помогло предотвратить гражданскую войну и восстания середины XVII в. Эти практики оказались непригодны для утверждения социального мира в обществе, раздираемом противоречиями: между столицей и провинцией, «сильными

⁴ *Рогожин Н.М.* Государственное управление в России XV–XVII вв. // *Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011. С. 394–399; *Рогожин Н.М.* Российская власть: пути централизации XV–XVII вв. // *Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть* / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012. С. 141–142.

⁵ *Андреев И.Л.* «Век новшеств» // *Реформы в России с древнейших времён до конца XX в.: в 4 т. Т. 1.* М., 2016. С. 272.

⁶ Во Франции и других европейских странах в XII — первой половине XVI в. доминировало представление об осуществлении традиционного правосудия как сущности власти монарха, что даёт возможность определить французский абсолютизм как судебную монархию (*Цибулько Г.Ф.* Политико-правовая концепция королевской власти во Франции XII–XIII вв. // *Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси.* СПб., 2004. С. 393–395; *Малов В.Н.* Ж.-Б. Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 10–13).

⁷ *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. М., 2014. С. 245–281, 397–408; *Аракчеев В.А.* Земская инициатива и фискальное принуждение // *Российская история.* 2012. № 5. С. 22–34.

людьми» в лице верхушки Государева двора, дьячества, гостей и церковных иерархов с одной стороны и массой служилых и посадских людей — с другой.

Поэтому в Соборном уложении основным способом разрешения спорных дел стали судебные процедуры, осуществляемые органами власти. Названия четырёх глав кодекса содержат термин «суд» (X, XI, XII, XX); ещё три главы (XV, XXI, XXII) также посвящены суду; судебные процедуры занимают ключевое место в разрешении конфликтов в большинстве других глав. Центральным звеном судебной системы России были приказы, как административно-судебные и финансовые учреждения, окончательно сформировавшиеся к началу XVII в., в которые поступали дела, не решённые на местах⁸. Два судебных приказа — Владимирский и Московский — вели дела, относящиеся к искам лишь служилых людей по отчеству, в том числе, чинов Государева двора. Основная же масса судебных дел шла через другие ведомства, а иски тяглого населения рассматривались главным образом в четвертях. Руководители приказов, бояре и дьяки, именовались «приказными судьями», а «суд» приказных дельцов был основным способом административного разбирательства по самым разным аспектам гражданского, налогового, торгового права.

Низовым звеном судебно-административной системы выступали институты местного управления — воеводы и губные старосты. Помимо административных функций (приёма «изветов» о заговорах, оформления проезжих грамот за рубеж, заверения кабальных записей) на воеводе наряду с губными старостами и «приказными людьми» лежали обязанности главного судьи на территории уезда. Согласно статьям 1, 5 и 6 главы X Уложения воеводы осмыслились законодателем как судьи, а их главной обязанностью был «правый» суд: «своим вымыслом в судебных делах по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти, ни убавляти, и ни в чем друг другу не дружити, а недругу не мстити». В случае обвинения правого и оправдания виноватого на суде взималась сумма иска в тройном размере. На воеводах лежали обязанности по организации сыска в городе, расспросу вольных людей и отдаче их в крестьянство. При наличии в уездном городе воеводы и губного старосты последний обладал приоритетом в расследовании «разбойных и убийственных, и татинных» дел; при отсутствии губных старост их полномочия передавались воеводам и приказным людям⁹.

Губные старосты выбирались местными всеобщими сообществами в составе «детей боярских, и посадских, и всяких чинов жилацких и уездных сошных людей». В соответствии со статьёй 4 главы XXI губные старосты должны были избираться из числа уездных дворян, отставленных от службы по ранению и возрасту, либо из тех, за которых служили дети и племянники¹⁰. В случае отсутствия в составе уездного служилого города дворян губной староста мог избираться из детей боярских, и только в тех городах, где не было служилой корпорации, губные дела передавались в руки воевод и приказных людей. Главной функцией губного старосты было ведение дел о разбоях, татьбе и убийствах и преследование преступников совместно с выборными губными целовальниками. Однако в качестве выборно-приказной власти губные старосты ведали также сыском беглых, сбором податей, межеванием земель, оформлением кабал и кабальных книг. Дублируя функции воевод и пересекаясь с ними своими пол-

⁸ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 578–579.

⁹ Соборное уложение 1649 года... С. 31–118.

¹⁰ Там же. С. 118–119.

номочиями, губные старосты практически играли роль контрольной инстанции за деятельностью воевод со стороны уездного дворянства.

В дальнейшем в Новоуказных статьях 1669 г. было повторено категорическое предписание ведать разбойные дела губным старостам без передачи дел воеводам. В целом же они представляли собой успешную попытку систематизации уголовного права, в результате которой произошло дальнейшее усиление роли государства в следствии. Вместе с Судными статьями от 11 ноября 1685 г. Новоуказные статьи заложили фундамент правовой системы абсолютизма в России¹¹. Нормы большинства глав применялись в суде по делам значительной части свободного населения, однако в целом судопроизводство по Соборному уложению осуществлялось с опорой на принципы сословной подсудности. Правовые различия между сословиями не исчерпывались деталями их обязанностей: в то время как страты служилых, посадских людей и духовенства рассматривались в качестве субъектов судебного разбирательства, две социальных страты — холопы и крестьяне — выступали как его объекты.

По мере развития во второй половине XVII в. кодифицированного ранее в Уложении законодательства судебные способы разрешения конфликтов вытеснялись административными практиками, что показывает эволюция законодательства о посадах. На определение правового положения посадских людей по Уложению значительное влияние оказали текущие политические события осени 1648 г., когда на Земском соборе были определены принципиальные основы посадского «строения». Это позволило 19 ноября 1648 г. учредить Приказ сыскных дел, судьи которого посредством рассылки указов по городам осуществили первый шаг к реализации реформы, отработывая её существенные детали на практике. И в дальнейшем, как обоснованно предположил П.П. Смирнов, в процессе работы над текстом Уложения были приняты не менее трёх указов и приговоров, относящихся к сыску и строению Москвы и других посадов¹². Глава XIX Уложения является воплощением противоречий русского общества середины XVII в. и не менее противоречивой правительственной политики.

Исследователи от В.И. Сергеевича до А.Г. Манькова зачастую сосредоточивали внимание именно на крепостнической сути правительственных постановлений о посадах¹³. Комментатор XIX главы Б.Н. Миронов также сделал акцент на реакционной закрепостительной программе правительства в отношении посадов, доказывая это утверждение ещё и тем, что русский город в XVIII в. оказался в состоянии упадка, выразившегося в падении удельного веса городского населения¹⁴. Однако Россия XVI–XVII вв. была не единственной страной в Европе, где стагнировал старый город и снижалась численность его населения: «регресс капиталистического развития» был отмечен М. Вебером и Ф. Броделем в Испании, где существовали сложившиеся ещё в Средние века крупные города, включённые в сети международной торговли¹⁵. Очевид-

¹¹ Памятники русского права (далее — ПРП). Вып. 7. М., 1963. С. 396; Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 178–202.

¹² Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. М.; Л., 1948. С. 284.

¹³ Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 205.

¹⁴ Соборное уложение 1649 года... С. 294–295.

¹⁵ Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001. С. 319; Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 552–553; История Европы. Т. 4. Европа Нового времени XVII–XVIII вв. М., 1994. С. 106.

но, что значимость постановлений Уложения о городах должна быть оценена, во-первых, в соизмерении их с практикой посадского строения 1648–1652 гг., и, во-вторых, в сравнении с ближайшими по времени принятия правительственными актами, не выходящими за пределы второй половины XVII в.

Посадские люди в соответствии с нормами главы XIX обрели монопольное право владения дворами и торгово-промышленными заведениями на посаде, не подлежавшими отчуждению беломестцам даже за долги. Легшие в основу городской политики 1649–1689 гг. положения оказались не новы: принцип принадлежности к посадскому тяглу старались воплотить в жизнь в ходе предыдущих посадских строений, однако в полной мере его можно было реализовать лишь в сочетании с другим принципом — посадской близости. Принцип принадлежности к посадскому тяглу по торгам и промыслам воплотился в статьях 1 и 5, предписывавших включить в состав посадского населения городов всё торгово-промышленное население слободок и запретить всем, кроме тяглых людей, держать за собой лавки, погреба и варницы. Это установление дополняло предписание отобрать у светских и духовных владельцев вотчины, лежавшие чересполосно с посадами, и приписать их к посадской земле, запретив впредь «строить» на ней слободы. Именно одновременная реализация принципов принадлежности людей к посадскому тяглу и конфискации слободской земли, лежащей близ посадов, позволила довести посадскую реформу до логического завершения.

Ключевое значение статей 13 и 18 Уложения заключалось в полном упразднении закладничества, выразившемся в требовании сыскивать и свозить на старые места посадских тяглецов. В случае, если их предыдущий статус был обусловлен кабалами или записями о заёмных долгах, то все долговые обязательства аннулировались. Применявшиеся в 1620–1640-х гг. постановления о телесном наказании и тюремном заключении беглых посадских людей в модифицированном виде вошли в состав царского указа от 13 ноября 1648 г. и упомянутую выше статью 13 Соборного уложения, предписывавшие потенциальным закладчикам «чинить жестокое наказание, бити их кнутом по торгом и сыслати их в Сибирь на житье на Лену»¹⁶.

Однако норма статьи 13 о свозе бывших посадских людей на старые места не носила безусловного характера, так как в статьях 19 и 20 законодатель предложил существенно иное, альтернативное решение: в случае, если беглые посадские люди оказывались в другом городе или уезде, то перевозить их следовало на посад ближайшего города. Это объясняется желанием правительства сохранить тяглоспособность наличных торгово-промышленных хозяйств, на верняка утративших бы её в случае принудительного перевода.

Важнейшим направлением правительственной политики в отношении тяглых сословий стало посадское строение 1649–1660-х гг., вызванное стремительным ростом белых слобод на посадах и вокруг них. В результате «строения» 1649–1652 гг. численность тяглых дворов в стране выросла более чем на 10 тыс. (30%). Только московский посад получил 1410 дворов белослободчиков, поскольку именно в столице располагались крупнейшие слободы наиболее значимых монастырей и светских землевладельцев, включая боярина И.Н. Рома-

¹⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 338. С. 227. То же с грамматическими модификациями: Соборное уложение 1649 года... С. 100.

нова¹⁷. В ходе посадского строения 1649–1652 гг. были ликвидированы белые слободы светских владельцев и Церкви, но не слободы как таковые. В Москве продолжали существовать многочисленные дворцовые слободы – например, Конюшенная, а в 1671 г. появилась Мещанская (Новомещанская). Они управлялись на основе пожалованных ранее привилегий, предусматривавших правовую и фискальную обособленность от посада.

В других посадах прирост тяглого населения не был столь ощутимым: в Новгороде Великом у патриарха, митрополита, монастырей, помещиков предполагалось конфисковать 130 дворов, стоявших на тяглых местах, но часть городских дворов новгородскому митрополиту удалось сохранить¹⁸. К псковскому посаду были приписаны 46 белых дворов, хотя на общей численности посадского населения это почти не сказалось: результаты переписей Пскова 1646 и 1678 гг. показывают примерно равную численность тяглых дворов, что объясняется социальной мобильностью городского населения (переходом в другие города, записью в служилые люди «по прибору» и т.д.)¹⁹. Посады черносозного Севера (Устюга, Архангельского города, Соли Камской, Соли Вычегодской) в ходе «строения» получили окружные грамоты с категорическим запрещением монастырям и церквям покупать тяглые земли. Контроль за исполнением постановления окружной грамоты в Соль Вычегодскую от 31 июля 1651 г. вёлся ещё в 1678 г., когда беломестцев предписали включить в сошный оклад вместе с посадскими людьми²⁰.

Статья 19 Уложения содержала норму, которую при желании можно было интерпретировать как запрет посадским людям перемены места жительства на будущее: «С Москвы в города по старине, и из городов к Москве, и из города в город их, посадских тяглых людей, не переводить». Б.Н. Миронов полагает, что указанные статьи «впервые в общегосударственном масштабе окончательно прикрепили посадских людей к посаду по месту жительства, запретив переходы и переезды»²¹. Однако запрет Соборного уложения на переход посадских тяглецов из одного города в другой действовал недолго, поскольку после эпидемии 1654 г. на посадах Москвы и других городов появилось немало выморочных тяглых мест, нуждавшихся в заполнении. Указом от 28 февраля 1655 г. переход тяглых людей из других посадов в Москву разрешался при условии поселения их в чёрных сотнях и слободах столицы «в тягло ж». 1 апреля 1655 г. был издан ещё один указ, преследовавший целью пополнение посадского населения Москвы, формально развивавший статью 22 главы XIX Уложения, где разрешалось «имати на посад» вольных людей, женившихся на посадских вдовах²².

Неискоренимой проблемой посада была продолжавшаяся после завершения посадского строения 1649–1652 гг. скупка тяглых посадских дворов бело-

¹⁷ Смирнов П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 102–304.

¹⁸ Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника «бунташного» века. Очерки истории Великого Новгорода XVII века. Л., 1991. С. 86–87.

¹⁹ Аракчеев В.А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004. С. 200.

²⁰ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – ДАИ). Т. 3. СПб., 1848. № 88. С. 325–326.

²¹ Соборное уложение 1649 года... С. 101, 305–306.

²² Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. С. 265.

местцами — служилыми людьми различных категорий, а также представителями духовенства. Купленный таким образом двор выводился из тяглой раскладки общины, оказываясь на особом положении в силу статуса нового владельца. Указом 1660 г. тяглым посадским людям запрещалось продавать и закладывать свои дворы беломестцам, а контроль за его исполнением возлагался на сотских и старост: «Соцким, и старостам, и всем тяглым людям черных дворов беломестцом продавать и закладывать не велено, а кто продаст или заложит, и тем быть в жестоком наказании»²³.

Однако беломестцы продолжали покупать тяглые дворы, и правительство было вынуждено закрывать на это глаза при условии уплаты ими тягла; лишь за неуплату тягла по указу от 29 октября 1677 г. их предписывали сводить с тяглых дворов: «Беломестцов, которые живут на тяглых землях, а по договору тягла с той земли не платят, и тех сводить»²⁴. Указ 1681 г. разрешил беломестцам владеть в городах тяглыми дворами, приобретёнными в прошлые годы по купчим, если их занесли в записные книги Земского приказа 1672 и 1680 гг.: «Тем людям на тех местах жить и мостовые деньги платить»²⁵. В 1680-х гг. несение тягла беломестцами признали необязательным и заменили выплатой оброка: «С беломестцев, с дворов их и с дворовых мест, которые живут в черных сотнях и в слободах на тяглых землях, имать оброчные деньги по-прежнему в черные сотни и слободы на всякие сотенные расходы сотским и старостам»²⁶.

22 января 1686 г. в статьях о «чернослободских и беломестцевых дворах» был осуществлён свод законодательства о посадских людях, включая «чернослободцев» и «белослободцев». В первых трёх статьях законодатель признал законным держание беломестцами Москвы тяглых дворов по купчим и закладным, зарегистрированным в Земском приказе до 1686 г. при условии уплаты оброка, а в определённых случаях — мостовых и решёточных денег. Однако впредь продажа чёрных тяглых дворов беломестцам запрещалась под угрозой наказания кнутом.

Отдельной проблемой формирования посадского населения были его взаимоотношения с пополнявшими посад в 1650–1680-х гг. крестьянами. Уже в указах 1658 и 1661 гг. предписывалось бывших дворцовых, черносотных и частновладельческих крестьян, взятых в посады «по указу великого государя и по промыслу... во 157 году», оставить «жить в тех городех на посадах по прежнему»²⁷. Затем последовал указ 1665 г., согласно которому крестьяне и бояры, перешедшие в московские дворцовые слободы и давшие на себя поручные записи в тягле во время посадского строения 1649–1650 гг., не подлежали возврату на прежние места жительства²⁸. Цитированные указы опирались на постановления Уложения и результаты посадского строения.

На практике уходившие в город крестьяне действовали каждый на свой страх и риск. Так, ушедший на посад в Псков крестьянин Г.О. Векшинский «поселил на свою деревню жить во крестьянство» выходца из Лифляндии, а сам в 1671 г. получил от помещика официальную отпускную, после чего

²³ ПСЗ-I. Т. 1. № 272. С. 511–512.

²⁴ Там же. Т. 2. № 707. С. 146.

²⁵ Там же. № 887. С. 347.

²⁶ Там же. № 939. С. 451.

²⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 81–82; ПСЗ-I. Т. 1. № 307. С. 558.

²⁸ Маньков А.Г. Развитие крепостного права... С. 264; ПРП. Вып. 7. С. 334.

и «записався» в состав посада²⁹. Значительная часть государственного бюджета пополнялась за счёт косвенных налогов с торговли, и в дальнейшем правительство вынуждено было отступать от жёстких предписаний Уложения. В 1682 г. послабление коснулось городов и сёл дворцового ведомства, жители которых в случае перехода в другие «дворцовые города и села» до переписи 1673/74 г. оставались на новых местах, «а на прежние их жеребьи, откуда они пришли, не сводить и сыщиков к розыску не отсылать»³⁰. В 1670–1680-х гг. вышли указы, предписавшие оставить торговых крестьян за посадом Ярославля и Москвы.

Первым был принят указ 5 марта 1677 г. о передаче посаду Ярославля крестьян Спасского монастыря, фактически здесь уже проживавших и владевших дворами и торговыми помещениями, ведших торги или занятых промыслами, а также породнившихся с посадскими людьми. Такие крестьяне должны были «по Соборному уложению и по особому его же великого государя указу 163 году быть в Ярославле в посаде безповоротно, и тягло тянуть, и подати платить, и службы служить с ними, ярославцы, посадскими людьми, в ряд»³¹. В цитированной мотивации содержится явное искажение постановлений Уложения 1649 г., в соответствии с которыми во всех перечисленных случаях владельческих крестьян полагалось возвращать с посада владельцам. Будучи документом локального характера, касавшимся лишь крестьян одного монастыря на единственном посаде, указ 1677 г. стал важным прецедентом в дальнейшем законотворческом процессе, стимулировавшимся челобитьями посадских миров.

Следующим шагом стал указ 17 декабря 1684 г. о записи в тягло в московские чёрные сотни и слободы поместных и вотчинных крестьян по отпускным грамотам, торгам и промыслам. В указе принципиально новым было игнорирование правовых отличий между такими мотивами записи в посад, как отпускные грамоты, торговые промыслы и поручные записи. Нетрудно заметить, что указ не делал различий между крестьянами, ушедшими от землевладельцев по отпускным грамотам, и беглыми, а также между теми, кто был включён в посадское тягло с оформлением поручной записи, подписанной поручителями-соседями нового тяглеца и просто ведущими торгово-промысловую деятельность. Новое постановление установило дату издания — 17 декабря — в качестве временного рубежа, после которого сотским и старостам категорически запрещалось принимать «таких поместных крестьян... в тягло»³².

7 августа 1685 г. был издан ещё один указ, инициированный челобитьем посадских людей Ярославля, которым предписывалось оставить на ярославском посаде помещичьих и вотчинниковых крестьян, бобылей, закладчиков, захребетников и их свойственников, пришедших в город после издания Соборного уложения. В перечне мотивов, по которым крестьян следовало включить в посадское тягло, были уже известные из предыдущих указов: проживание в посадских дворах и занятия торгами и промыслами, браки с жёнами и дочерьми посадских людей. Новым среди оснований оставления крестьян на посаде стала их фиксация в переписных книгах 1678 г., что отделяло их в правовом отношении от сельского населения, для которого продолжала действовать норма Уложения о крепости по писцовым книгам 1620-х гг. и переписным

²⁹ Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898. С. 334–335.

³⁰ ПСЗ-1. Т. 2. № 980. С. 488.

³¹ ПРП. Вып. 7. С. 297.

³² Там же. С. 298.

книгам 1646 г. Маньков, имея в виду оборот о крестьянах «иных городов и уездов», предположил, что указ 1685 г. касался не только ярославского посада, но и других, рассматривая его как «обобщение», имевшее целью распространить локальные нормы на «значительное число городов»³³. Указанное заключение представляется ошибочным, поскольку в тексте указа говорится всего лишь о «пришлых людях Ярославского и иных городов и уездов», пришедших исключительно в Ярославль³⁴.

Определяющую роль сыграл указ от 19 октября 1688 г. об оставлении за посадом Ярославля и других городов крестьян, бобылей, закладчиков и захребетников, поселившихся там в 1649–1684 гг. Указ запрещал отдавать людей, пришедших на ярославский посад до 17 декабря 1684 г., помещикам и вотчинникам в крестьянство и холопство, потому что они «не били челом многие годы». Поместных крестьян, пришедших в город после этого срока, разрешалось «искать судом»³⁵.

Посадские люди Великого Новгорода, Старой Руссы, Пскова и Нижнего Новгорода, куда указ 1688 г. не был послан, запрашивали его в челобитных. В 1692–1693 гг. эти города получили грамоты с изложением указа³⁶. Псковский воевода П.М. Апраксин получил из Новгородской четверти грамоту от 10 октября 1692 г., текст которой близок по содержанию к царскому указу от 19 октября 1688 г. Как и в указе, людям, пришедшим в город с 1649 по 1684 г., занимающимся торгово-промышленной деятельностью и породнившимся с представителями посада, вне зависимости от факта их записи в переписных книгах 1678 г. велели «быть во Пскове в посаде по прежнему бесповоротно». Новым членам посада предписывалось «службы служить, и подати, и во всякие платежи и в расходы велеть платить по окладу со псковскими посацкими людьми в ряд», а посадской общине разрешалось собрать поручные записи по новым тяглецам³⁷.

Таким образом, законодательство о посадах второй половины XVII в. существенно отступило от курса, принятого в Соборном уложении. Будучи гарантом выполнения фискальных требований казны, посады оказались в уникальном положении. В противостоянии посадских миров со светскими и церковными вотчинниками государство отстранилось от безусловной защиты интересов последних. Осознавая это обстоятельство, служилые люди не упоминали об уходе крестьян на посады в своих коллективных челобитных 1657–1689 гг. Помимо этого землевладельцы усматривали в ушедшем торговать на посад крестьянина не человека, порвавшего с сельским хозяйством и бесполезного для возврата к сохе. Всё это привело к укреплению посадской общины как важнейшего источника пополнения государственных финансов.

До середины XVII в. фискальная политика государства не подвергалась нормативному регулированию. Первое законодательно оформленное постановление о всеобщности действующих и вводимых потенциально налогов и о возможности повышения их ставок в зависимости от потребностей обороны содержалось в Уложении. В главе VII, предполагая возможность начала войны и мобилизации ратных людей, законодатель констатировал необходи-

³³ Там же. С. 337.

³⁴ Там же. С. 299.

³⁵ Там же. С. 299–301.

³⁶ Маньков А.Г. Развитие крепостного права... С. 284.

³⁷ РГАДА, ф. 141, оп. 7, д. 95, 1692 г., л. 1–35.

мость «своим государевым ратным людем... дати свое государево жалованье», для чего следует «деньги збирати со всего Московского государства, а побор положить, смотря по службе»³⁸.

В норме права Уложения отразилась применявшаяся с 1630-х гг. практика сбора подворных денег, выявившая потенциал для наращивания политики фискального принуждения, и в 1640/41 г. правительство резко повысило сошные оклады ямских и стрелецких денег. Эксперимент с введением новых экстраординарных налогов в конце 1630-х гг. оказался переломным моментом в процессе становления фискально-милитаризованного государства в России XVII в.³⁹ Под последним подразумевается выход государства на такую траекторию развития, когда его институты нацелены на перманентную подготовку к войне. Законодательное оформление возможности повышения налогов без каких-либо консультаций с сословиями, несомненно, отличало Россию от большинства европейских сословно-представительных монархий (пожалуй, за исключением Франции), но в то же время обозначало её принадлежность к категории фискально-милитаризованных государств⁴⁰.

Рост удельного веса прямых налогов в структуре бюджета России начался ещё в первой половине XVII в., но лишь длительная и затратная Тринадцатилетняя война привела к невиданному росту как постоянных, так и экстраординарных налогов. Основной налог на содержание вооружённых сил — стрелецкий хлеб — с 1663 г. взимался только серебряными деньгами по цене 2 руб. 35 коп. за юфть (включавшую четверть ржи и четверть овса), а в расчёте на соху превышал 822 руб. Правительство пыталось монетизировать свои доходы: с 1672 г. почти повсеместно взимание стрелецкого хлеба на посадах стало заменяться денежным сбором, а взыскание стрелецкой подати передали из четвертных приказов в Стрелецкий. Согласно указу от 29 ноября 1672 г. за юфть хлеба с посадских людей стали взимать по 2 руб.⁴¹

Нараставшие недоимки вынуждали правительство объявлять экстраординарные сборы как в виде подворного налога, так и в форме налога с оборота. После прекращения чеканки медных денег уже в октябре 1663 г. правительство объявило о сборе «пятой деньги» «с торгов и со всяких промыслов» всех категорий подданных, включая торгующих служилых людей⁴². С окончанием Тринадцатилетней войны практика взимания экстраординарных налогов не прекратилась. В 1668–1672 гг. были объявлены четыре чрезвычайных сбора: десятой и пятнадцатой деньги с торговых и ремесленных людей, денег «ратным людем на жалованье» по 70 коп. с двора⁴³.

Чигиринская кампания привела к резкому росту чрезвычайных налогов. В 1677–1680 гг. правительство собирало налоги по полтине и полуполтине

³⁸ Соборное уложение 1649 года... С. 24.

³⁹ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 161, 417. Подробнее см.: Аракчеев В.А. Фискальные инновации в России во второй четверти XVII в. и европейский контекст // Уральский исторический вестник. 2018. № 4(61). С. 6–12.

⁴⁰ The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999. P. 142–493.

⁴¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. 4. СПб., 1836. № 189. С. 243.

⁴² ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. № 131. С. 316–317.

⁴³ Там же. Т. 5. СПб., 1853. № 64. С. 333–334; Т. 6. СПб., 1857. № 33. С. 178; № 44. С. 200; ААЭ. Т. 4. № 175. С. 226; ПСЗ-1. Т. 1. № 547. С. 929–930; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. С. 503–504.

с двора, а также десятую деньгу с торгов и промыслов⁴⁴. Уже в ходе экстраординарных взиманий 1670–1678 гг. именно двор стал основной окладной единицей, что было predetermined составлением переписных книг в 1678 г. В ходе налоговой реформы 1679–1681 гг. страна перешла к подворному налогообложению, однако по масштабам реформа фиска оказалась значительно и шире введения подворного принципа налогообложения⁴⁵.

В ходе реформы была регламентирована практика взимания натурального продовольственного налога — ржи и овса на годовое жалованье московским стрельцам с уездов Центра и Северо-Запада России. В приговоре Боярской думы 2 сентября 1679 г. предписывалось собирать стрелецкий хлеб по переписным книгам 1677–1679 гг. с дворов крестьян, бобылей и задворных людей. Хлеб следовало собирать «в торговую таможенную орленую меру и с верхи под гребло». Сентябрьский приговор 1679 г. регламентировал размеры и порядок сбора хлеба московским стрельцам с владельческих крестьян, и в зависимости от категории владельцев (церковные, дворцовые, вотчинные и поместные) и региона оклад хлеба варьировался от 1 до 7 четвериков с двора. Перечень городов в приговоре 2 сентября охватывал лишь те, стрелецкий хлеб с которых собирали московским стрельцам; в перечне не упомянуты города Поморья, Предуралья, некоторые поволжские, с которых взималась денежная стрелецкая подать. И.А. Голубцов показал, что с Новгородского и Старорусского уездов стрелецкий хлеб собирался отдельно на жалованье новгородским и старорусским стрельцам в объёме 4747 четвертей ржи и столько же овса⁴⁶.

Особая ситуация сложилась в Псковской земле, где находились стрелецкие гарнизоны. Они обеспечивались деньгами и хлебом, собираемыми здесь же. По данным сметного списка 1678/79 г. с посадов Пскова и пригородов собирали деньги за стрелецкий хлеб в объёме 880 руб. и собственно хлеб с уездов⁴⁷. По подсчётам Голубцова, на хлебное жалованье московским и новгородским стрельцам собирали 107305 четвертей ржи и столько же овса⁴⁸; пример Пскова показывает, что в некоторых окраинных землях также собирали стрелецкий хлеб; это увеличивает указанную цифру. Будучи одной из крупнейших статей государственного дохода, стрелецкий хлеб, как следует из указа от 24 сентября 1688 г., выплачивался зерном до конца XVII в.⁴⁹

Второе направление реформы коснулось консолидации налогов, выплачиваемых в денежном виде. Ямские и полоняничные деньги слились в один общий оклад (5–10 коп. с двора) и уже с декабря 1679 г. должны были выплачиваться подворно с крестьян, бобылей и задворных людей⁵⁰. Указами 5 сентября и 27 ноября 1679 г. на посадах и в поморских уездах правительство осуществило замену целого комплекса налогов (данных, четвертных, пищальных денег, денежных доходов «на мелкие расходы») консолидированным прямым

⁴⁴ ПСЗ-І. Т. 2. № 1210. С. 917; ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. № 28. С. 77–86.

⁴⁵ Излагаемая ниже история податной реформы резко противоречит неверной и упрощённой интерпретации её И.Л. Андреевым (Реформы в России с древнейших времён до конца XVII в. / Отв. ред. И.Н. Данилевский. Т. 1. М., 2016. С. 329).

⁴⁶ Голубцов И.А. К истории податной реформы 1679–1681 гг. // Исторический архив. 1959. № 5. С. 157–166.

⁴⁷ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Псков, кн. 15а, л. 50 об.–59.

⁴⁸ Голубцов И.А. Указ. соч. С. 157–158.

⁴⁹ ААЭ. Т. 4. № 299. С. 446–447.

⁵⁰ ДАИ. Т. 8. № 66. С. 258–259.

налогом — стрелецкими деньгами. Деньги на жалованье московским стрельцам следовало отправлять в Стрелецкий приказ, а на местах их сбор осуществлялся земскими старостами и выборными лучшими людьми посадов и уездов.

Крупнейшими плательщиками стрелецких денег по росписи 1679 г. были Вятская земля (13614 руб.), Великий Устюг (10450 руб.), Каргополь (8027 руб.) и Соль Камская (6977 руб.). В роспись городов и уездов, обложенных новыми стрелецкими деньгами, не включены собиравшие стрелецкий хлеб Новгород и Псков с пригородами (за исключением Старой Русы). Согласно окладу 1679 г. со 137 посадов и 16 поморских уездов следовало собрать 152657 руб. стрелецких денег. Новый налог оказался чрезмерно тяжёлым, поскольку должен был взиматься одновременно с наборами даточных людей и выплатами им подъёмных денег, а также экстраординарными изъятиями рублёвых, полтинных денег, пятой и десятой денег. После совещаний с гостями в сентябре 1681 г., руководствуясь тем, что стрельцам вкупе с начальствующим составом следовало выплачивать ежегодно 107227 руб., правительство снизило общую сумму стрелецкой подати почти на треть — до 107550 руб.⁵¹ Даже если правительство в своих реформаторских замыслах и руководствовалось целью добиться своевременной и полной уплаты налогов, очевидно, что этой цели ему в полной мере достичь не удалось.

Однако достигнутой оказалась более важная цель: ещё П.Н. Милюков по бюджетным росписям Ближней канцелярии выявил основополагающий принцип, лежавший в основе бюджета страны в конце XVII — начале XVIII в. Текущие «сборы» налогов должны были «заходить... за сборы» предыдущего года, т.е. перекрывать их, образуя бюджетный профицит. Уже в 1680 г. «остаток», перешедший в следующий 1681 г., составил более 407 тыс. руб., и, ежегодно увеличиваясь, к 1703 г. достиг суммы более 3366 тыс. руб.⁵² Бюджет не был подорван растущими в 1690-х гг. расходами на войну с Турцией и начавшимся строительством флота в Воронеже. Изложенные обстоятельства позволяют охарактеризовать траекторию развития России второй половины XVII в. и её институтов, в первую очередь органов фиска, как мобилизованных для извлечения ресурсов в целях возрастания оборонной мощи.

Ещё бóльшую роль в мобилизации людских и материальных ресурсов в России сыграл институт крепостного права. В отличие от наиболее распространённого в историографии представления о крепостном праве как законодательстве, закрепощающем тяглое население, я рассматриваю его как систему, состоящую из двух основных элементов. Первой составной частью этой системы была совокупность правовых норм, регламентирующих прикрепление тяглого населения к местам проживания и порядок сыска беглых, второй — вотчинный режим, формировавшийся во второй половине XVII в. в процессе оформления крепостных актов на вновь закрепощаемых людей.

Безусловным императивом Уложения, резко противопоставлявшим его предыдущему законодательству, следует признать лишь категорическое запрещение приёма беглых крестьян: «По нынешней государев указ государевы заповеди не было, чтобы никому за себя крестьян не принимать, а указаны были беглым крестьяном урочные годы» (статья 3 главы XI). Закрепощение крестьянства

⁵¹ ААЭ. Т. 4. № 250. С. 345—351.

⁵² Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 76, 176—182.

по Соборному уложению для разных его категорий, как и процедура возврата беглых, различались. Дворцовых и черносошных крестьян, бежавших на земли частных владельцев, следовало свозить «на старые их жеребьи», используя процедуру сыска без суда, как это делалось и прежде⁵³. Вотчинных и поместных крестьян, бежавших на земли всех категорий, включая посад, следовало «отдавать» (возвращать на земли прежних владельцев) «по суду и по сыску» (статьи 1, 2 главы XI). На практике же до конца 1650-х гг. государственного сыска беглых не существовало, поэтому возврат их, как и в конце XVI — первой половине XVII в., должен был осуществляться через решение суда воеводы, или, чаще всего, соответствующего приказа.

Существенным отличием суда по делам о беглых по Соборному уложению от аналогичных процедур предыдущего периода стало то, что сыск и судебные иски подавались и действовали без «урочных лет», однако и здесь нормы Уложения содержали исключения. Статья 5 главы XI запрещала рассматривать в судебном порядке дела о крестьянах, которые бежали до составления писцовых книг 1626 г., но пустые дворы которых были занесены в писцовые книги по сказкам самих вотчинников и помещиков. Эта норма действовала в случае отсутствия челобитных от землевладельцев относительно побегов, а дата 1626 г., таким образом, фактически становилась исходным сроком сыска беглых. Ещё одно исключение содержала статья 8, предписывавшая оставлять в силе осуществлённые до 1649 г. судебные решения о беглых крестьянах, даже если суд отказывал истцам в исках об их возврате по причине просроченных урочных лет. В этом случае крестьяне, чьи предки фигурировали в писцовых книгах 1620-х гг., не возвращались прежним владельцам⁵⁴.

Запрет приёма беглых и их бессрочный сыск не означали невозможности законного ухода крестьянина от вотчинника. Статья 3 главы XV предписывала не отдавать новому владельцу вотчины крестьянина или бобыля, который был «написан» за прежним вотчинником в писцовых книгах, но «отпущен из вотчины с отпускною». Эта норма, однако, не распространялась на поместных крестьян, даже получивших отпускную от прежнего владельца, поскольку, как разъяснял законодатель, «ис поместей помещиком крестьян на волю отпускать не указано». В последующие десятилетия после Уложения различия в правовом статусе вотчинных и поместных крестьян сохранялись. Поместные крестьяне считались неотъемлемым атрибутом поместья как «государева жалованья» и не подлежали продаже. Вотчинными крестьянами разрешалось «поступаться» в погашение долга и в качестве залога, а с течением времени и осуществлять их прямую продажу. До 1675 г. купчие на вотчинных крестьян регистрировались в приказе Холопьего суда, а с 1675 г. временно и с 1688 г. окончательно — в Поместном приказе⁵⁵.

Рассмотрим эволюцию крепостного права как системы государственного сыска беглых крестьян во второй половине XVII в. Проблема владельческой принадлежности крестьян ставилась и решалась первоначально в контексте возврата беглых прежним владельцам по суду. Соборное уложение предписывало «записывать», т.е. регистрировать в Поместном приказе, возвращённых из бегов крестьян, отданных законным владельцам как по суду, так и доброволь-

⁵³ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 296–299.

⁵⁴ Соборное уложение 1649 года... С. 65, 234–235.

⁵⁵ ПРП. Вып. 7. С. 210–211, 259–263.

но⁵⁶. Необходимость создания системы государственного сыска беглых стала очевидной с возобновлением военных действий против Речи Посполитой после перемирия во второй половине 1650-х гг. В челобитной 1657 г. дворян и детей боярских Галицкого и других уездов содержались жалобы о безнаказанных побегах крестьян, оказывавших ожесточённое сопротивление попыткам дворян их вернуть, вынуждая прерывать службу⁵⁷.

С марта 1658 г. началась рассылка по уездам сыщиков с чрезвычайными полномочиями. Сыск осуществлялся по нескольким направлениям, поскольку среди беглых были посадские, служилые по прибору, в том числе бежавшие с южных оборонительных линий, дворцовые крестьяне. В наказ нижегородскому сыщику Д. Плещееву предписывалось начинать расследование с расспросов тех «новоприходцев» из беглых, кто окажется бывшим посадским человеком, служилым человеком по прибору, беглецом с Белгородской черты, крестьянином дворцовых или ясачных сёл⁵⁸. Сыск начинался с рассмотрения челобитных владельцев беглых крестьян и поэтому фактически оказывался вооружённой административной поддержкой частной инициативы землевладельцев. Как показал Маньков, всего за 1658–1689 гг. известно об отправке под руководством сыщиков в разные уезды 73 сыскных комиссий. Известно и о других сыскных мероприятиях: в 1665 г. 25 неизвестных по именам сыщиков отправились в города приказа Казанского дворца, а в 1677 г. — в 96 повожских городов.

География сыска охватывала почти всю территорию страны за исключением новгородско-псковских и поморских земель. Столь масштабные сыскные мероприятия тем не менее не всегда приводили к должному результату. Беглые крестьяне и их потомки находились в розыске десятки лет, как, например, 50 крестьянских семей из болховской вотчины кн. Кольцова-Масальского, поселившиеся в 1669 г. на землях помещика Кобелева и обнаруженные спустя 36 лет⁵⁹. Свобода передвижения оставалась велика и в новгородско-псковских землях, где до 1690-х гг. сыскных комиссий из столицы не было, причём крестьяне мигрировали относительно далеко, включая ближнее зарубежье⁶⁰.

Однако даже если беглых находили, вернуть их было непросто. В поданной в декабре 1658 г. коллективной челобитной дворяне и дети боярские указывали на противоречия и лакуны в законодательстве: если крестьяне вышли из-за прежних владельцев до переписных книг 1646 г., то, несмотря на их запись в писцовых книгах 1620-х гг., новые владельцы отказывались их отдавать. Мотивация новых владельцев состояла в том, «что в... государеве указе и в Соборном уложении за тех крестьян и бобылей за владенье ничево не указано, и им теми нашими крестьяны и бобыли и впредь мочно владеть безстрашно и безо всякие боязни, потому что им от тебя, государя, ни едина заповедь, ни вина не лежит». Поэтому челобитчики просили для держателей беглых ввести «свою государеву заповедь с наказанием... и пеню брать безо всякие пощады в свою государеву казну»⁶¹. Перечисленные в челобитной лакуны в законодательстве показывают, что несмотря на декларации Соборного уложения, механизм удер-

⁵⁶ Соборное уложение 1649 года... С. 65.

⁵⁷ Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв. М., 1975. С. 304–305.

⁵⁸ ДАИ. Т. 4. № 48. С. 123.

⁵⁹ Маньков А. Г. Развитие крепостного права... С. 83–114.

⁶⁰ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 107, 110.

⁶¹ Дворянство и крепостной строй... С. 308–311.

жания крестьян за землевладельцами не стал более совершенным, чем в период действия «урочных лет». Правительство вняло жалобам дворян, и указом от 13 сентября 1661 г. существенно изменило санкции в адрес землевладельцев, удерживавших беглых. За бежавших с февраля 1658 г. (даты рассылки «заповедных грамот») по дату указа с принявших беглых вотчинников и помещиков сверх «зажилых денег» в размере 10 руб. за каждого беглого и самого возвращённого беглого брали «наддаточного» крестьянина, а за принятых беглых после 13 сентября 1661 г. брали четверых «наддаточных»⁶².

Одним из направлений бегства крестьян были города и уезды Белгородской черты, и уже указом 1656 г. законодатель обозначил важнейшее противоречие системы закрепощения: между обязанностями тягла по прежнему месту жительства и службы на черте. Согласно этому указу, крестьяне и холопы, бежавшие на Белгородскую черту до 1653 г., не подлежали сыску и возврату к прежним землевладельцам. Однако, когда в 1675 г. возникла угроза войны с Турцией, правительство провело разбор служилых людей Белгородского полка, включая бывших крестьян, которые были записаны в «разборные книги». Разбор 1675 г. имел исключительное значение для судеб служилых людей «черты», поскольку, будучи записанными в книги, они оказались под защитой закона вместе со своим потомством, включая детей, братьев и внуков. В ответ на челобитную воеводы кн. Ромодановского Разрядный приказ указал не отдавать в крестьянство записанных, имевших ранения. Грамоты 1676 г. предписывали прекратить отдачу служилых людей городов Белгородского разряда без грамот из Разрядного приказа, а помещикам подавать в Разряд челобитные о беглых. В ответном царском указе и боярском приговоре от 2 июля 1676 г. действие указа 1656 г. было подтверждено⁶³.

Такой порядок вызывал законное возмущение дворянства центральных уездов страны, проявившееся в коллективных челобитных 1676 и 1677 гг. Дворяне указывали, что с воцарением Фёдора Алексеевича в «понизовые украинные города» и «по Черте» перестали присылать сыщиков, а беглых принимали не только помещики и вотчинники, но и приказные люди, стрелецкие головы, земские старосты, казацкие сотники укреплённых городов Юга⁶⁴. Лишь 8 февраля 1683 г. нормы указа 1656 г. были изменены: бежавших в города по «черте» крестьян разделили на четыре категории; от крестьянства и холопства освободили записанных в военную службу в городах Белгородского полка до разбора и в разбор 1675 г.: «А которые в те города пришли в их государеву службу в копейщики, и в рейтары, и в солдаты, и в городовую службу написаны до разбору и в розбор 183-го году, и на тех в холопстве и во крестьянстве суда никому не давать»⁶⁵. Бессрочному сыску в соответствии с нормами Уложения подлежали беглые, осевшие в вотчинах и поместьях южных уездов в качестве крестьян, а ограниченному, с 1652/53 г., беглецы, поселившиеся на посадах или в захребетниках⁶⁶.

Важнейшие законодательные акты 1658–1683 гг. включили в итоговый Наказ сыщикам беглых крестьян и холопов от 2 марта 1683 г. В силе оставалось взимание 10 руб. в год за каждого беглого, принятого до сентября 1661 г., а за

⁶² Маньков А. Г. Развитие крепостного права... С. 43.

⁶³ Там же. С. 129–131.

⁶⁴ Дворянство и крепостной строй... С. 316–319.

⁶⁵ ПРП. Вып. 7. С. 201–203, 244–250.

⁶⁶ Там же. С. 201–203, 244–250.

приём беглых после 1661 г. полагалось брать по 20 руб. на год «за всякого человека з женою и з детьми... а буде и не женат, по двадцати ж рублей». Пятой статьёй указанного документа отменялось наказание кнутом приказчиков поместий и вотчин («помещиковых и вотчинниковых прикащиков кнутом не бить, а имать пожилые деньги на помещиках их и на вотчинниках, и на той деревне, где-то беглые люди и крестьяне жили»), а вся ответственность за приём беглых возлагалась на самих помещиков и вотчинников и на их крестьян⁶⁷. Работа сыскных комиссий вкупе с ужесточением законодательства о беглых принесла результаты: запустевшие прежде уезды испытывали демографический рост, казна получила устойчивый приток налоговых поступлений, снизился накал противостояния между крупным столичным и провинциальным дворянством.

Не менее важной проблемой было изменение статуса крестьянина при смене владельца или переводе крестьянина владельцем из поместья в вотчину. Коль скоро различался правовой статус поместья и вотчины, то и законодательство не предполагало полного равенства между крестьянами вотчинными и поместными. С одной стороны, правовой статус вотчинных и поместных крестьян, и, прежде всего, принципы их прикрепления к земле и землевладельцам, согласно главе XI Соборного уложения, были одинаковы. Однако, поскольку поместье считалось государственной собственностью, передаваемой помещику за службу, для крестьян, зафиксированных в писцовых и переписных книгах в поместье, перевод на вотчинные земли запрещался. Если же вотчина переходила в другие руки, а прежний владелец ранее перевёл на её территорию своих поместных крестьян, последних следовало возвратит в поместья. Столь же существенные различия действовали и при отпуске крестьян на волю. Статья 3 главы XV Уложения устанавливала, что если помещик или вотчинник даст отпускные крестьянам, то в случае, если новый владелец вотчины или поместья опротестует этот акт, отпускная на вотчинного крестьянина сохранит силу, а поместный крестьянин будет возвращён новому помещику⁶⁸.

Однако в дальнейшем законодательстве стали рассматриваться и казусы, относящиеся к переводу вотчинных крестьян в поместья. В указе от 10 марта 1676 г. и Новоуказных статьях 1677 г. трактовался переход приданных вотчин после смерти владельцев к их родственникам. В этом случае, если владельцы «из приданных своих вотчин крестьян сведут на поместные земли, а те вотчины после кому отданы будут по родству, и тех крестьян с поместной земли отдать по писцовым и по переписным книгам по-прежнему на вотчинную землю тому, кому та вотчина дана будет»⁶⁹. Согласно частному определению от 13 декабря 1680 г. цитированный выше закон о возврате вотчинных крестьян из поместий распространялся на родовые унаследованные вотчины боярина М.И. Морозова⁷⁰. В указе от 1 февраля 1689 г. правило возврата крестьян на вотчинные земли по челобитьям новых владельцев касалось всех вотчинных земель, даже если крестьяне значились там в писцовых книгах 1620-х и переписных книгах 1646 г.⁷¹

Вторым элементом системы крепостного права был вотчинный режим, формировавшийся благодаря изощрённой системе государственной регистра-

⁶⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. С. 83.

⁶⁸ Соборное уложение 1649 года... С. 68, 73.

⁶⁹ ПСЗ-I. Т. 2. № 700. С. 130.

⁷⁰ Там же. № 848. С. 287–288.

⁷¹ Там же. Т. 3. № 1334. С. 14.

ции крепостных актов. В Соборном уложении 1649 г. мимоходом упоминалось о крестьянах и бобылях, записанных за землевладельцами в писцовых и переписных книгах «или в иных каких крепостях»⁷². Однако по мере того, как результаты переписей 1620-х и 1646 гг. всё более противоречили реальному положению вещей, правительство вносило в законодательство коррективы. В наказе сыщикам 1664 г. принадлежность «старинных людей», под которыми законодатель понимал крестьян-старожильцев, определялась на основании «старинных крепостей», а «будет крепостей на старину не положат, и великий государь указал и бояре приговорили: быть тем крестьяном по писцовым и переписным книгам, за кем те люди и крестьяне написаны»⁷³. Изложенная статья указала представляла собой нормативный разрыв с законоположениями Соборного уложения, настойчиво выдвигавшего на передний план запись в писцовых, переписных и отдельных книгах в качестве доказательств принадлежности крестьянина.

Под понятие «старинных крепостей» попадали акты двух основных разновидностей: порядные, ссудные, отпускные и другие грамоты, оформлявшие или прекращавшие зависимость крестьянина, и сделочные (поступные) записи, оформлявшие замаскированную или открытую куплю-продажу крепостных крестьян. Правовые нормы порядных 1660–1670-х гг., заключавшихся «по смерти» помещика, не соответствовали нормам Соборного уложения о потомственном прикреплении крестьян к вотчине или поместью, что обеспечивалось, в свою очередь, записью крестьянской семьи в переписных книгах⁷⁴.

Правовые основы владения «крепостными людьми» в Соборном уложении были чётко определены: согласно нормам главы XX, «крепостными» считались холопы, находившиеся во владении служилых людей различных категорий и не включённые в тягло. Тяглых же людей разрешалось удерживать в найме не более пяти лет с оформлением на них жилых (жителейских) записей (статья 116). Крестьян, нанимавшихся «в работу» к «всяких чинов» людям, согласно статье 32 главы XI, запрещалось «крепить» любыми документами: жилыми, ссудными записями и служилыми кабалами⁷⁵. Действительное положение вещей в русской деревне, однако, существенно отличалось от правовых норм. Согласно данным переписной книги дворцового села Лысково 1672 г., зажиточные крестьяне, занимавшиеся промыслами и пахотой, держали у себя на дворах зависимых людей. Среди них выделялись «купленные люди польского полону», «русские крепостные люди», «работники русские крепостные», «работные люди кумычане»⁷⁶. Их правовой статус, равно как и права дворцовых крестьян на владение ими, подлежали регулированию вплоть до рубежа XVII–XVIII вв.

В составе крепостного населения вотчин и поместий светских землевладельцев значительную долю занимали задворные люди. Взрывной рост их численности (в новгородских землях они составляли 20–25% крепостного населения) подтолкнул правительство к идее рассчитывать налогооблагаемую базу для развёрстки стрелецкого хлеба исходя из численности дворов, в том числе задворных людей. Об их включении в тягло говорится в указах 2 сентября

⁷² Соборное уложение 1649 года... С. 66.

⁷³ ПСЗ-1. Т. 1. № 364. С. 597.

⁷⁴ Дьяконов М.А. Указ. соч. С. 340.

⁷⁵ Соборное уложение 1649 года... С. 68, 117, 239, 353.

⁷⁶ Хозяйство крепостного крестьянина XVII века: переписная книга 1672 года по селу Лысково / Сост. А.И. Копанев, Д.И. Петрикеев. М.; Л., 1982. С. 8–11, 14–15, 33, 40.

и 9 октября 1679 г.⁷⁷ Включение задворных людей в тягло указами 1679—1680 гг. обозначило, с одной стороны, переход к новой системе взимания налогов, а с другой — переломный момент в процессе закрепощения сельского населения. Увеличение удельного веса в составе населения поместья задворных людей меняло саму суть вотчинного режима: в составе крестьянского населения росла прослойка людей, всецело, в большей степени, нежели крестьяне, зависевших от господина. Утрата задворными людьми статуса холопов и их уравнивание с крестьянами делало, по справедливому замечанию Г.В. Вернадского, «закрытой» систему крепостничества, оформляя её как тотальную систему угнетения⁷⁸.

На завершающем этапе становления крепостного права, в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в., утвердилась практика покупки крестьян посредством заключения разного рода «сделочных записей». Указ, регламентирующий порядок записи сделок на крестьян «на периферии в приказных палатах крупных городов», в частности, Казани и Новгорода, остался неизвестен Манькову⁷⁹. 22 мая 1680 г. из Холопьевого приказа была дана указная грамота, зафиксированная в записной книге Псковской приказной избы: «Велено в городех служилые кабалы и на крестьян ссудные записи и всякие крепости — данные, и рядные, и купчие, и поступные, и сделочные, и житейские записи — записывать в городех воеводам и приказным людям по указу великого государя и по Уложению, расспрашивая перед собою налицо, и в рожи, и в приметы записывать именем»⁸⁰. Из этого указа следует, что в 1680-х гг. не только в центральных приказах, но и в провинциальных приказных избах регистрация сделок на крестьян велась единым порядком в одних и тех же книгах, а контроль над этим процессом осуществлял Холопий приказ.

Наказ сыщикам 1683 г. отдавал приоритет «сделочным крепостям» перед писцовыми и переписными книгами: если владельцы крепостных в суде «ис приказов положат какую отдачу, или по полюбовному с кем договору вместо... крестьянина взятую крепость, или поступную запись», то в этом случае крестьян по писцовым и переписным книгам предписывали владельцам не отдавать, «а быть тем людям и крестьяном за теми помещики и вотчинники по сделошным крепостям»⁸¹. Наконец, в 1688 г. правительство радикально изменило порядок регистрации крепостей на крестьян, постановив начать их регистрацию в Поместном приказе и предписав «учинить» для этого специальные записные книги. В указе определялись правовые ограничения сделок на вотчинных и поместных крестьян: если вотчинных крестьян можно было продавать и заключать на них другие сделки, поместными разрешалось лишь «поступаться» взамен беглых.

Законодатель допускал, что «суды» о спорных крестьянах решались и в других приказах, например Московском или Владимирском судных, по решению судей которых спорные крестьяне могли быть отданы законным владельцам. В этом случае крестьян следовало также отправлять к записке в Поместный приказ. Географически действие указа не определялось, но сохранившиеся записные книги крепостей на крестьян охватывают обширный регион Замосков-

⁷⁷ Голубцов И.А. Указ. соч. С. 155—167.

⁷⁸ Вернадский Г.В. Крепостничество в России // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Florence, 1955. P. 247—272.

⁷⁹ Маньков А.Г. Развитие крепостного права... С. 216—217.

⁸⁰ РГАДА, ф. 1209, оп. 3, кн. 17761, л. 540.

⁸¹ ПРП. Вып. 7. С. 199.

ного края и южных «украинных уездов». Регистрация сделочных записей на крестьян Поволжья и Северо-запада России осуществлялась в приказных избах Нижнего Новгорода, Казани, Великого Новгорода и Пскова⁸². Правовые ограничения на сделки с поместными крестьянами были сняты указом от 7 апреля 1690 г., узаконившим «поступку» ими, после чего количество сделок на крестьян посредством поступных записей стало расти по экспоненте⁸³.

Изложенные факты убеждают в справедливости трактовки В.О. Ключевским крепостного права как института, объединявшего в себе фискальные, правовые и экономические компоненты. Этот взгляд, сложившийся у него к моменту составления текстов лекций, оказался сложнее и рельефнее, чем высказанное в работах 1885–1886 гг. представление о закреплении посредством ссудной записи, «утверждавшей личную зависимость без права зависимого лица прекратить её»⁸⁴. Правовой компонент системы крепостного права наглядно проявился в статье 7 главы XIII Соборного уложения, утвердившей судебный иммунитет дворянского землевладения: «За крестьян своих ищут и отвечают они же, дворяне и дети боярские, во всяких делах, кроме татьбы, и разбоя, и поличного, и смертных убийств»⁸⁵. На практике, как показывают документы архива стольника А.И. Безобразова, и в татебных делах зачастую подсудимые представляли лишь перед вотчинным судом. Попавшийся в 1669 г. на краже в вотчине кн. П.С. Прозоровского крестьянин Безобразова был посажен в клеть и приведён к приказчику, который «сделал по-сусицки: пабил ево батоги, да и пустил». Приказчик Безобразова, в свою очередь, ограничился взятием на поруки отца этого вора и ждал распоряжения своего «государя» о его дальнейшем наказании⁸⁶. Такое расширение полномочий вотчинного суда до дел о татьбе свидетельствует не только о нарушении закона, но и о силе вотчинного режима.

Фискальный компонент системы крепостного права был закреплён законодательно в Уложении («имати за крестьян государевы всякие поборы с вотчинников и помещиков»)⁸⁷ и проявлялся как в сборе государственных налогов приказчиками и старостами, так и во взаимовыгодной системе «зачётов» оброков в счёт уплачиваемых вотчинником налогов. Об этом прямо писали в 1669 г. приказчик и староста кашинской вотчины Безобразова после перечисления исполненных оброчных и барщинных повинностей: «Да преж сего, государи, государев стрелецкой хлеб плачивал ты, государь, за нас, сирот своих, а ныне, государь, как ты, государь, пожалуешь?»⁸⁸.

Очевидно, что по мере эскалации налоговых требований государства во второй половине XVII в. общинные структуры, обеспечивавшие их выполнение, должны были обретать большую гибкость и универсализм. Именно к XVII в. относится оформление «мирского» самоуправления как низшего звена аппарата принуждения в вотчинах⁸⁹. Подчёркивая важное управленческое значение общины, Л.В. Милов указал на тормозящую роль общинных традиций

⁸² Там же. С. 210–211, 261–262.

⁸³ Маньков А.Г. Развитие крепостного права... С. 205.

⁸⁴ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. М., 1988. С. 159–175; Т. 8. М., 1990. С. 182–184.

⁸⁵ Соборное уложение 1649 года... С. 60.

⁸⁶ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. М., 2012. № 450. С. 436.

⁸⁷ Соборное уложение 1649 года... С. 55.

⁸⁸ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. № 559. С. 546.

⁸⁹ Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.

в землепользовании, препятствовавших «развитию частнособственнических тенденций в феодальном землевладении»⁹⁰. Продолжая мысль Милова, следует подчеркнуть, что в России крайне своеобразно развивалось право частной собственности и в городах, а система сыска беглых посадских людей во многом напоминала крепостную зависимость крестьян.

Закрепощение крестьян в XVII в. не было уникальной особенностью России — аналогичные меры имели место в нескольких странах Центральной и Восточной Европы. В Бранденбурге в 1653 г. в ходе рецесса (перерыва в работе Генерального ландтага) вышел указ электора Фридриха-Вильгельма I, по которому все крестьяне Бранденбурга считались крепостными под сеньориальной юрисдикцией, если они не могли доказать свой свободный статус⁹¹. С другой стороны, отсутствие крепостного права также не являлось гарантией поступательного развития страны: Испанию не спасла от отсталости и отмена крепостных повинностей крестьян по Гваделупской сентенции 1486 г.⁹² Влияние крепостного права на развитие России во второй половине XVII в. оказалось неоднозначным. Принимая во внимание низкий уровень развития производительных сил и высокую степень разорения страны после Смуты, следует признать обоснованной концепцию Милова, связавшего нарастающее закрепощение с низким объёмом производимого в России совокупного общественного продукта⁹³.

Эскалация закрепостительных мероприятий во второй половине XVII в. совпала с совершенствованием системы изъятия налогов. Невзирая на постоянные недоимки, фискальный аппарат, рекрутируемый из выборных лиц общинного самоуправления, удовлетворял потребности государства в нараставшей количественно и совершенствуемой качественно армии. Позволив мобилизовать материальные ресурсы народа для решения внешнеполитических задач, крепостничество надолго стало основным способом удовлетворения возраставших потребностей господствующего класса. Если на рубеже XVII—XVIII вв. система крепостного права дала возможность кратковременного преодоления отсталости, то в дальнейшем она стала продуцировать замедление развития и в социальной, и в хозяйственной сферах.

Предварительные результаты изучения Соборного уложения в контексте развития государства и общества России раннего Нового времени показывают, что нормы Соборного уложения действительно носили переходный характер, зафиксировав права и обязанности статусных групп сословного общества, сохранивших элементы земского представительства под властью самодержавного монарха. В условиях обострения социально-правовых конфликтов утверждение социального мира оказалось возможно путём их судебного разрешения в рамках институтов административно-судебной монархии⁹⁴. Поэтому новый свод законов включал в себя, например, отсылки к практикам подачи корпорациями служилых людей коллективных челобитных. Но эти практики уходили

⁹⁰ Милова Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 562–563.

⁹¹ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010. С. 225.

⁹² Там же. С. 63.

⁹³ Милова Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Милова Л.В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 662–664.

⁹⁴ О различиях между двумя типами абсолютной монархии во Франции см.: Милова В.Н. Ж.-Б. Кольбер... С. 10–17.

в прошлое, ибо привилегированный статус дворянского сословия был связан не с ними, а, как показал Б.Н. Флоря, с характером «службы» сына боярского и её ценностью для государства⁹⁵.

Следует ли из этих данных, что нормы Уложения предопределили развитие государства и права России? Исследование показало, что континуитет в большей мере прослеживается между правом 1620–1640-х гг. и Соборным уложением, унаследовавшим от предшествующего законодательства комплекс правовых норм, подвергшихся переработке и обобщению в новом своде законов. Правовые нормы Уложения и «Новоуказных статей», включая понятие преступления против государства, запрета на приём беглых, переустройства посадов, принятые во второй половине XVII в., формировались путём переработки предшествующего законодательства.

Напротив, дискретный характер носила эволюция системы государственного строительства и правового оформления социально-классовой структуры общества второй половины XVII в. Многие существенно важные сегменты права в Уложении декларативны и лишены юридико-технического инструментария: провозглашённый бессрочный сыск беглых крестьян не мог быть эффективно реализован без налаженной системы государственного сыска, которая возникла лишь в 1660-х гг. Подавляющее большинство статей Уложения были существенно изменены в законодательстве второй половины XVII в.; эти изменения затронули нормы, описывающие сословно-классовую структуру общества, в том числе формы реализации прав властвующей элиты на крепостных крестьян, права и статус посадских людей и групп тяглого населения, получивших в петровском законодательстве название «государственных крестьян». Переход к абсолютизму в 1660–1710-х гг. происходил путём дальнейшего демонтажа традиционных институтов и надстройки над ними новых социально-политических структур.

⁹⁵ Флоря Б.Н. Оценки возмещения за оскорбление дворянской «чести» и «чести» представителей других сословий в памятниках русского законодательства XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4(70). С. 5–16.

Рыбные ресурсы крестьянского хозяйства Северо-Запада России по материалам Генерального межевания

Лилия Степанова

Fish resources of the peasant economy of the North-West of Russia according to the materials of the General land surveying

Liliya Stepanova

(Kuban State University, Krasnodar, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23010030, EDN: PNWTVQ

Рыбные ресурсы на протяжении столетий играли большую роль в хозяйственной жизни народов, причём не только живших на побережье, но и традиционно относившихся к аграрным социумам. Неслучайно в народной памяти проживание на берегах рек становилось определённым символом достатка¹. Во многих случаях этот достаток определялся наличием в реках и озёрах рыбы, входившей в рацион питания и служившей значительным подспорьем в неурожайные и голодные годы, во время религиозных постов и в повседневном меню. В местностях, где имелись значительные запасы рыбы, рыболовный промысел играл ведущую роль в хозяйстве, отодвигая на задний план сельскохозяйственное производство. Особенно быстро рыбный промысел развивался на территориях, где имелись крупные реки и озёра с развитой ихтиофауной, а также выход к морю.

За рубежом активно проводятся исследования, связанные с изучением влияния человека на морские экосистемы и оценкой размеров рыбного промысла в различные исторические эпохи. Важность таких исследований обосновывается сокращением промысловых площадей и необходимостью управления этими ресурсами в будущем². В российской историографии достигнуты успехи в изучении морских промыслов Баренцева и Белого морей. Исследователям удалось оценить численность важнейших промысловых рыб — атлантического лосося, сельди и трески — в XVII — начале XX в. Проведена количественная оценка видов и сортов рыб по таможенным книгам на рынках Центрального Черноземья в XVII — первой половине XVIII в.³; исследованы рыболовецкие промыслы в Поволжье в конце XVI — начале XVIII в., развитие которых заложило основу для складывания в этом регионе одного из крупных мировых центров добычи ценных видов рыб. Особое внимание уделяется изучению рыболовства в мона-

© 2023 г. Л.Г. Степанова

¹ Zeisler-Vralsted D. Rivers, memory, and nation-building: a history of the Volga and Mississippi rivers. N.Y.; Oxford, 2015.

² Rosenberg A.A., Bolster M.J., Alexander K.E. The history of ocean resources: modeling cod biomass using historical records // *Frontiers in Ecology and Environment*. 2005. Vol. 3(2). P. 84–90; Swartz W., Sala E., Tracey S., Watson R., Pauly D. The Spatial Expansion and Ecological Footprint of Fisheries (1950 to Present) // *Plos one*. 2010. Vol. 5(12) (URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0015143>).

³ «Море — наше поле». Количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII — начало XX в. СПб., 2010; Кончаков Р.Б., Мизис Ю.А. Рыба и икра на рынках Центрального Черноземья в XVII — первой половине XVIII в. (из опыта количественного анализа) // *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2004. № 4(36). С. 27–38.

стырских вотчинах⁴. В последние годы получены новые данные о распространении на территории Европейской России на рубеже XVIII–XIX вв. осетровых и лососёвых рыб⁵.

Однако мы по-прежнему не располагаем полными данными о рыбных ресурсах в различные исторические эпохи и об их изменениях на протяжении веков как в количественном, так и качественном отношении. Вопрос обеспечения рыбой является особенно важным для Северо-Запада России – региона, в климатическом отношении не благоприятного для развития хлебопашества. В эпоху Средневековья эта территория относилась к обширной Новгородской земле. На протяжении веков здесь остро стояла проблема обеспечения населения хлебом. Материалы новгородских писцовых книг XV–XVI вв. свидетельствуют об урожаях зерновых на уровне сам-2. При регулярных низких урожаях хлебный баланс региона оказывался дефицитным, не позволяя прокормить всё его население⁶. Низкой оставалась урожайность зерновых здесь и в XVIII в., составляя в 1760–1770-х гг. в среднем не более сам-1,3. Рожь давала урожай от сам-0,3 до сам-2,8; в 1780–1790-х гг. – от сам-2,1 до сам-3,2⁷. В XIX в. земледелие в северо-западных губерниях России не покрывало даже половины годовых расходов крестьянского хозяйства, а средняя урожайность ржи в Новгородской губ. во второй половине века достигала лишь сам-2,6⁸.

Исследователи единодушны во мнении, что вряд ли крестьяне для покрытия дефицита бюджета покупали привозной хлеб. Однако решение проблемы продовольственного обеспечения крестьянского хозяйства в условиях хлебного дефицита виделось по-разному. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» предполагали, что нехватка хлеба в Новгородской земле компенсировалась за счёт подсеки⁹. Л.В. Милов, подчёркивая скудость рациона питания русского крестьянина, обращал внимание на повсеместное распространение на протяжении веков разного рода фальсификаций хлеба в виде добавок к ржаной муке¹⁰. В.Г. Гудковым была выявлена определённая зависимость между доступ-

⁴ Дубман Э.Л. Рыболовецкие промыслы юго-востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Российская история. 2012. № 3. С. 128–138; Шамина И.Н. Рыболовство в монастырских вотчинах Севера в XVI–XVII веках // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни). Материалы всероссийской научно-практической конференции. М.; Сыктывкар, 2006. С. 213–220.

⁵ Солдатов М.С., Румянцев В.Ю., Голубинский А.А., Хитров Д.А. Осетровые рыбы Европейской России на рубеже XVIII–XIX вв. в материалах Генерального межевания // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5. С. 512–525; Солдатов М.С., Румянцев В.Ю., Хитров Д.А., Голубинский А.А. Лососёвые рыбы Европейской России на рубеже XVII–XIX вв. в материалах Генерального межевания // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Т. 122. 2017. Вып. 1. С. 13–25.

⁶ Степанова Л.Г. Урожайность зерновых культур в конце XV – начале XVI в. (по данным Новгородских писцовых книг) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 5. С. 89–102; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 348.

⁷ Комиссаренко А.И., Прохорова М.Ф. Посевы и урожаи зерновых культур в Новгородском уезде в 60–70-х годах XVIII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1995. С. 91–93; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. Табл. 1.9. С. 184.

⁸ Никулин В.Н. Из истории лесных промыслов сельского населения северо-западных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России. 2012. № 19. С. 119–138; Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 68.

⁹ Аграрная история Северо-Запада России... С. 349.

¹⁰ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 358–359.

ностью хлебных заменителей, в основном водно-болотных растений, и количеством регулярной пашни на душу населения Русского Севера¹¹.

Среди традиционных природных пищевых резервов, помогавших уменьшить потребление хлеба и разнообразить рацион питания крестьянина, наряду с дарами леса, была рыба. Рыбные запасы России поражали иностранцев, которые рассказывали об осетрах, лососях, белугах, белорыбцах, стерлядях и разнообразных породах пресноводных рыб, в большом изобилии водящихся в местных реках¹². Обилие рыболовного инвентаря и остеологического материала, найденного во время археологических раскопок¹³, свидетельствует, насколько важную роль на протяжении многих веков играло на территории Северо-Запада России рыболовство. Археологам удалось определить 22 вида рыб, обитавших в эпоху Средневековья в реках и озёрах Новгородской земли. Было установлено, что главными объектами промысла являлись атлантический осётр, судак, лещ и сиг. Существенную роль играл также промысел окуня, щуки, сома и налима¹⁴. Сведения о рыбе, водившейся в водоёмах Северо-Запада России, имеются и в письменных источниках¹⁵.

Обширный материал по ихтиофауне предоставляют новгородские писцовые книги конца XV – XVI в., в которых рыба описывается в составе мелкого дохода, выплачиваемого крестьянами феодалу. В большинстве случаев отмечается, что крестьяне на территории новгородских пятин ловили всякую белую или просто мелкую рыбу. Среди распространённых видов наиболее часто называются щуки, ерши, окуни, плотва, остреды (мелкие окуни) и караси. В писцовых книгах встречаются упоминания мойвы и репуксы (ряпушки), судака, язя и меня (налима)¹⁶. Достаточно часто фигурируют сиги, поставлявшиеся в бочках, курва (корюшка), объём которой достигал 1 тыс. штук, лосося, лещи¹⁷. В целом в Новгородской земле основными промысловыми видами рыб

¹¹ Гудков А.Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2006. С. 22.

¹² Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии с описанием того, что произошло там наиболее памятного и трагического при правлении четырёх императоров, именно с 1590 года по сентябрь 1606, капитана Маржерета // Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 146.

¹³ Маракулин В.А. Знаки на предметах лова в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 389–397.

¹⁴ Тарасов И.И. Обзор промысловой ихтиофауны Новгородской земли в Средние века по данным археологии // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья. СПб., 2008. С. 95–102.

¹⁵ Куза А.В. Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам // Археологический сборник МГУ. М., 1961. С. 55–62; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 584, 656; Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлыны»). М.; СПб., 2011. С. 10, 51.

¹⁶ Новгородские писцовые книги, изданные императорской Археографической комиссией (далее – НПК). Т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины, около 1500 года. Первая половина. СПб., 1868. Стб. 36, 499, 670; Т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886. Стб. 132, 192; Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 года. Первая половина. СПб., 1859. Стб. 11, 82; Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПКНЗ). Т. I. СПб., 1999. С. 211, 286; Петрова Р.Г. Отрывок из писцовой книги конца XV в. // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1979. М., 1980. С. 262.

¹⁷ НПК. Т. III. Стб. 462, 499, 521, 649, 763; Т. V. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905. Стб. 134; Гневушев А.М. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504–1505 г.,

в первую очередь являлись осётр, лещ, сиг, лосось и корюшка, второе место по значимости занимал лов окуня, ерша и ряпушки¹⁸. Различные виды рыб, водящихся в северо-западных реках, упоминают и путешественники. П.С. Паллас, путешествовавший по России в 1768–1769 гг., описывал обилие лососей в р. Мсте; в Валдайском озере он отметил наличие больших экземпляров ряпушки¹⁹. Учёный-энциклопедист академик Н.Я. Озерецковский, проводивший на рубеже XVIII–XIX вв. описание Ладожского озера, среди промысловых рыб назвал ряпушку, сегов, лососей и осетров (последние «очень редки и весом едва ли больше трёх пудов бывают»). В соседних озёрах он упомянул щук, окуней, ершей, судаков, плотву, ряпушку, корюшку, сегов, угрей, налимов, лещей и лососей²⁰.

Большой интерес для изучения рыбных ресурсов крестьянского хозяйства представляют материалы Генерального межевания земель, начавшегося при Екатерине II. Они содержат разнообразные систематические сведения о природной среде многих регионов России²¹. В межевом отделе РГАДА сохранился комплекс этих документов по разным губерниям. В Экономических примечаниях к планам Генерального межевания содержатся записи о рыбе, вылавливаемой для крестьянского или господского употребления и на продажу. Эти сведения имеются в большей степени в Камеральных и Полных экономических примечаниях к Генеральным планам²². Полные экономические примечания до наших дней дошли не целиком, сохранились лишь отдельные экземпляры по различным уездам. Плохая сохранность связана с их использованием как справочного материала и черновиков при составлении Кратких экономических примечаний; часть межевого архива погибла при эвакуации в 1812 г.²³ В отличие от Полных экономических примечаний, Краткие предоставляют описательную информацию в сокращённом виде.

Источниками данного исследования стали Экономические примечания к Генеральным планам городов и уездов Новгородской и Санкт-Петербургской губерний. Наиболее полные данные об имевшихся во второй половине XVIII в. видах рыбы предоставляют Камеральное экономическое примечание к Генеральному плану Новой Ладоги с уездом²⁴ и Полные экономические примечания

содержащий в себе опись дворцовых земель этой пятины. Киев, 1910. С. 125–127; ПКНЗ. Т. 1. С. 211, 213, 299.

¹⁸ Тарасов И.И. Промысловая ихтиофауна Новгородской земли в XII–XV веках по данным письменных источников // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 269.

¹⁹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1772. С. 7, 10, 13.

²⁰ Озерецковский Н.Я. Путешествие по озёрам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 49, 52.

²¹ Stepanova L.G. Natural Environment of Valdai on the Materials of General land survey // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 40(2). С. 345–355.

²² Камеральные экономические примечания составлялись в первый период межевания (с 1765 до 1782 г.). После 1782 г. стали создавать Полные и Краткие экономические примечания (Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 95).

²³ Архив государственной межевой канцелярии. М., 1868. С. 49; Горский А.А. Количественный анализ сводных данных экономических примечаний к Генеральному межеванию. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 5.

²⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, Петербургская губерния, Новолadoжский уезд, д. 1154.

к Генеральному плану Луги с уездом²⁵, относящиеся к Санкт-Петербургской губ., Камеральное экономическое примечание к Генеральному плану Боровичей с уездом²⁶, Камеральное экономическое примечание к Генеральному плану Череповца с уездом²⁷, Полные экономические примечания к Генеральному плану Валдая с уездом, состоявшие в Новгородском наместничестве²⁸. В этих источниках видовой состав рыбы указывается при описании отдельных дач. Нередко в составе дачи оказывалось несколько озёр, речушек и ручьёв. Иногда считалось дачей одно озеро целиком. В Кратких экономических примечаниях к Атласам, сохранившихся по большинству уездов северо-западных губерний, содержатся лишь отрывочные сведения о природной среде отдельных дач. Однако при описании больших городов, расположенных по берегам крупных рек, обязательно приводятся сведения о видах рыбы.

Для систематизации, обработки и анализа массовых данных о видах и количестве рыбы, содержащихся в Экономических примечаниях, были составлены базы данных по различным уездам Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. В отличие от предыдущих исследований, основанных на Экономических примечаниях, проводилась не выборочная, а сплошная обработка материалов, когда в базы данных все сведения вносились по мере встречаемости упоминаний определённого вида рыбы. Фактически проводился тотальный поиск сведений о ней. Благодаря этому появилась возможность не только выявить разнообразные виды рыбы, водившейся во второй половине XVIII в. в реках и озёрах Северо-Запада России, но и оценить имеющиеся рыбные ресурсы крестьянского хозяйства. Созданные базы данных по уездам позволили получить перечень видов, обитающих в водоёмах региона в тот период, оценить их распространённость на различных территориях, выявить наиболее редко встречающиеся и сопоставить полученные данные со сведениями источников предыдущих и последующих столетий. Исследование охватило 11 уездов (Новолодожский и Лугский уезды Санкт-Петербургской губ., Валдайский, Боровичский, Череповецкий, Новгородский, Белозерский, Кирилловский, Старорусский, Крестецкий и Тихвинский уезды Новгородского наместничества). Выбор уездов обусловлен особенностью источников (в Экономических примечаниях по Ораниенбаумскому, Санкт-Петербургскому, Царскосельскому и Шлиссельбургскому уездам Санкт-Петербургской губ. сведения о рыбе отсутствуют)²⁹. В целом объединённая база данных по северо-западному региону содержит 10896 записей. В Экономических примечаниях по северо-западным уездам России встречаются упоминания 30 различных видов рыбы, относящихся к девяти семействам. Встречаемость упоминаний видов промысловых рыб по данным Экономических примечаний к Генеральному межеванию различных уездов Санкт-Петербургской и Новгородской губ. конца XVIII в. приведена в сводной таблице. Большой интерес представляют региональные различия по видам и количеству упоминаний определённых видов рыб, которые на основании созданных баз данных можно проследить по отдельным уездам.

²⁵ Там же, Петербургская губерния, Лугский уезд, д. 1145.

²⁶ Там же, Новгородская губерния, Боровичский уезд, д. 858.

²⁷ Там же, Новгородская губерния, Череповецкий уезд, д. 879.

²⁸ Там же, Новгородская губерния, Валдайский уезд, д. 862.

²⁹ Там же, Петербургская губерния, Ораниенбаумский уезд, д. 1158; Петербургская губерния, Санкт-Петербургский уезд, д. 1159; Петербургская губерния, Царскосельский уезд, д. 1160; Петербургская губерния, Шлиссельбургский уезд, д. 1161.

* Количество упоминаний данного вида рыбы.

В Новолadoжском уезде Санкт-Петербургской губ. насчитывалось 15 крупных рек, 83 речки и 28 озёр, где ловилась рыба как для пополнения рациона питания крестьян, так и для продажи. Подробные сведения о видах рыбы содержатся при описании города Новая Ладога, расположенного на левом берегу Волхова вблизи устья этой реки, впадающей в Ладожское озеро: «Город водами изобилен. В них водятся осетры, стерлядь, лососи, сиги, лещи, окуни, плотва, сырты, судаки, шуки, корюха, лини и прочих мелких родов, которую по изловлению отправляют в город Санкт-Петербург для продажи»³⁰. В деревнях и сёлах, расположенных на побережье Ладожского озера, рыболовство постоянно упоминается как одно из основных занятий крестьян. Рыбу ловили для собственного или господского употребления, для довольствия архимандрита с братией, а также отправляли на продажу в Санкт-Петербург, Новую Ладогу и другие города. Масштабы промыслов в уезде косвенно подтверждают сведения о вязании сетей и мерёжи для рыбной ловли, которыми промышляло местное население³¹.

В Камеральном экономическом примечании сохранились известия о том, что в р. Волхов около города Старая Ладога ловились сиги, лещи, язи, налимы, окуни, плотва, ерши; в речке Ладожке — шуки, окуни, плотва. Нередко сведения о различных видах рыб имеются в описаниях озёр. Так, в озере Безымянном ловили шуку, окуня, плотву, язей и ершей. При описании островов и пожен с изрядными покосами, расположенных при Пашиной губе, названы лососи, лини, лещи, язи, шуки, окуни, плотва, а в речке Козоваше — шуки, окуни, плотва и ерши. На островах и пожьях при р. Паше описаны сиги, шуки, окуни, плотва, ерши, в р. Ояти — сиги, лососи, окуни, шуки, плотва, ерши³².

В базу данных по Новолadoжскому уезду вошли 2474 упоминания различных видов рыбы на 564 (54%) из 1059 дач уезда. Выяснилось, что наиболее часто в Камеральном экономическом примечании упоминаются шуки — 514 случаев (доля дач с их упоминанием составляет 91,5%), плотва — 509 упоминаний (90,2%) и окуни — 503 упоминания (89,2%). Эти три вида рыбы встречались повсеместно — как в Ладожском озере, так и в крупных и мелких водоёмах. Вторую группу составили налимы — 251 упоминание (44,5%) и ерши — 233 упоминания (41,3%). Они имелись в крупных и мелких реках, озёрах Чёрном и Белом, Углинском, Островском и др. В третью группу по распространённости вошли лещи — 114 упоминаний (20,2% дач) и более ценные сиги — 104 упоминания (18,4%). Сигов ловили в Ладожском озере, реках Волхове, Ояти, Паше и их притоках. Следующую по количеству группу составили язи — 73 упоминания (12,9%) и судаки — 38 упоминаний (6,7%). Остальные виды рыб упоминались в Камеральном экономическом примечании гораздо реже. К их числу относятся как ценные промысловые, так и малоценные, в том числе мелкие виды. Среди ценных рыб 23 раза названы лососи, водившиеся в Ладожском озере, реках Волхов, Ояти, Паше, речках Бабьей, Ополье, Котихе. В Ладожском озере и Волхове 17 раз упоминались осетры и 15 раз — стерлядь. Гольцы, относящиеся к семейству лососёвых, девять раз упоминались в речке Липа. В Ладожском озере, реках и озёрах Новолadoжского уезда ловились также пескари — 22 упоминания (3,9% дач), голавли — 21 упоминание (3,7%), лини — 14 упоминаний

³⁰ Там же, Петербургская губерния, Новолadoжский уезд, д. 1154, л. 1 об.

³¹ Там же, л. 34, 36, 46 об., 51, 65, 78, 80, 81, 121 об., 178 об., 281.

³² Там же, л. 86, 145 об.—146, 220—223, 228, 229—229 об.

(2,5%), сырть — 10 упоминаний (1,8%). Один раз в ручье рядом с р. Марьинкой упомянут сом, и один раз в Волхове рядом с Новой Ладогой — корюшка.

В Лугском уезде Санкт-Петербургской губ. во время Генерального межевания были зафиксированы 10 рек, 126 речек и 35 озёр. «И сверх оного есть множество озер с названием и без названия обширности от 2 верст до 2000 сажень», — отмечали землемеры³³. В Кратких экономических примечаниях к описанию города Луги и Лугского уезда Санкт-Петербургской губ. содержатся только сведения о рыбе, которая ловится в р. Луге вблизи города: лососи, щуки, окуни, лещи, ерши, голавли, язи, плотва, уклейка³⁴. Расширенную информацию о рыбных ресурсах Лугского уезда представляют Полные экономические примечания, где содержатся сведения о рыбе в реках, речках и озёрах вблизи деревень и сёл: щуки, окуни, плотва, голавли, язи, налимы и ерши, вылавливаемые в Луге около деревни Ручей, «употребляются для жителей оной деревни». В озере Прудок, расположенном при низком и болотистом месте, ловились щуки, окуни, плотва и ерши, «кои употребляются для жителей, окружающих оное озеро своими селениями, равно и означенных господ»³⁵. В Полных экономических примечаниях по уезду имеются сведения не только о вылове рыбы для собственных нужд и для господ, но и на продажу³⁶.

В базу данных по Лугскому уезду включены 4634 записи о различных видах рыбы, которая встречалась на 873 (61,1%) из 1362 дач уезда с описанием природной среды. Среди ценных рыб в Лугском уезде 60 раз (6,9%) упоминались лососи и пять раз — гольцы. Среди самых распространённых рыб в уезде оказались плотва, имевшаяся на 830 дачах (95,1% дач с рыбой), окуни (791 дача, 90,1%), и щуки (751 дача, 86%). Следующими по распространённости в реках и речках Лугского уезда были налимы, зафиксированные на 623 дачах (71,4%). Почти на половине дач (394 упоминания) встречались ерши, на каждой третьей даче имелись пескари (334) и язи (298), на четверти дач — голавли (205), почти на каждой десятой из них — лещи и уклейка (80). Остальные виды рыб представлены жерехом (44 упоминания), вьюном (39), ельцами (32), линиями (30) и карасями (27). Среди редко упоминаемых оказались подусты, отмеченные на четырёх дачах, снетки — на трёх, в одном случае названа беребра (мелкий лещ, подлещик³⁷).

Во время Генерального межевания в Валдайском уезде Новгородской губ. землемеры насчитали 11 рек, 185 речек и 313 озёр³⁸. Многие поселения находились на суходолах, и наличие рыболовного промысла у крестьян фиксируется здесь в меньшей степени. В базу данных по Валдайскому уезду на основании Полных экономических примечаний включены 329 упоминаний различных видов рыбы из описаний 65 (5%) из 1571 дач уезда. В этом озёрном крае чаще всего встречались окуни — 58 упоминаний (89,2% дач с рыбой), плотва или плотича мелкая — 57 (87,7%) и щука — 49 (75,4%). Часто ловились ерши — 45 (69,2%), налимы — 38 (58,5%) и язи — 24 упоминания (36,9%). Почти на каждой пятой даче с рыбой встречались лещи (14 упоминаний), густера (13), снетки (12), на каждой седьмой — пескари (10). Дважды отмечены линии. Цен-

³³ Там же, Петербургская губерния. Лугский уезд, д. 1150, л. 6 об.

³⁴ Там же, д. 1144, л. 2.

³⁵ Там же, д. 1145, л. 273, 580 об.

³⁶ Там же, л. 11, 367 об., 416.

³⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М., 1880. С. 83.

³⁸ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, Новгородская губерния, Валдайский уезд, д. 864, л. 1—19.

ные виды рыб встречались в уезде редко. Только пять раз названы гольцы и один раз — сёмга, обитавшая в ручье. В то же время в Валдайском уезде при описании деревни Старое село зафиксированы пресноводные жемчужницы — двустворчатые моллюски мителиды³⁹.

В Боровичском уезде Новгородской губ. во время межевания землемеры насчитали 28 рек, 264 речки и 202 озера⁴⁰. В Камеральном экономическом примечании к Генеральному плану города и уезда сохранились описания 206 дач, причём сведения о рыбе зафиксированы только на 49 из них (23,8%). В речке Быстрице водились лососи и хариусы; в Велчей и Быстрице, а также в ручье Тиновом крестьяне для собственного употребления ловили шук, плотву и окуня. Эти сведения дополняют Краткие экономические примечания по Боровичскому уезду. В большинстве озёр ловились щука, окуни, плотва, ерши, язи, налимы, пескари, лещи. Однако виды рыбы в источнике называются не всегда, часто указывается, что в озёрах водится рыба «разных родов»⁴¹. В Камеральном экономическом примечании при описании Боровичей перечислена рыба в р. Мсте: «щука, окуни, лещи и лососи, судак, стерляди и прочих мелких родов для своего продовольствия и на продажу». В Кратких экономических примечаниях упоминаются также язи и ерши⁴². В базу данных по Боровичскому уезду внесены 258 упоминаний о различных видах рыбы на 79 из 3 223 дач (2,5%), в том числе в 30 озёрах на территории уезда. Чаще всего встречались плотва — 55 упоминаний (69,6% дач, внесённых в базу данных), окунь — 45 (56,7%) и щука — 36 (45,6%). На трети дач названы ерши и язи. На каждой пятой даче имелись пескари (16 упоминаний), на каждой шестой — лещи (13), на каждой седьмой — налимы (11). В р. Мсте и речках Велчья, Чаплинка, а также в ручьях водились лососи, упомянутые 12 раз (15,2%). На дачах вблизи Мсты четыре раза названа стерлядь (5,1%), в речках Каменке и Крупе — трижды гольцы (3,8%). Среди менее ценных, но редко встречающихся в Экономических примечаниях видов рыб, в Боровичском уезде оказались шересперы (жерехи) и голавли (зафиксированы в р. Мсте по три раза). И только один раз в озере Сушанском упомянуты караси.

В Череповце и уезде по данным Камерального экономического примечания к Генеральному плану насчитывалось 23 реки, 99 речек и 46 озёр⁴³. Крестьяне деревни Кабачиной ловили в р. Шексне стерлядей, шук, судаков, лещей, налимов, окуней, плотву, «а временем бывают в ней небольшие осетры, которыми по изловлению довольствуются оной деревни крестьяне сами, а стерлядь отправляют в продажу»⁴⁴. В речке Ягорбе водились щуки, окуни, плотва «и прочих родов довольно»⁴⁵. Ценные виды рыб встречались не везде. В небольших речках, как правило, упоминались плотва, пескари, ерши, окуни, в озёрах — щуки, окуни, караси. Сведения о видах рыб в Череповецком уезде зафиксированы на 551 (56,1%) из 982 дач. В базу данных по уезду включены 3 163 упоминаний рыбы. Самыми распространёнными оказались плотва — 525 упоминаний

³⁹ Там же, д. 862, л. 49.

⁴⁰ Там же, Новгородская губерния, Боровичский уезд, д. 860, л. 1—17.

⁴¹ Там же, д. 858, л. 16, 38; д. 857, л. 1, 57, 72, 74, 79 об., 80 об., 83 об. 165 об., 169 об., 170, 172, 184, 229, 231 об., 240, 250, 251, 277, 283.

⁴² Там же, д. 857, л. 1 об.; д. 858, л. 3.

⁴³ Там же, Новгородская губерния, Череповецкий уезд, д. 882, л. 1.

⁴⁴ Там же, л. 18.

⁴⁵ Там же, д. 879, л. 2.

(95,3% дач), щуки — 501 (90,9%), окуни — 497 (90,2%), пескари — 359 (65,2%). Во вторую группу по степени распространённости вошли ерши — 259 (47%) и налимы — 225 упоминаний (40,8%). Почти на каждой третьей даче уезда встречались язи (161 упоминание), на каждой четвёртой — голавли (148), почти на каждой пятой — судаки (107). Большое обилие рыбы отмечалось в крупных реках, где водились и ценные её виды. Так, в Шексне и Мологе имелись стерлядь — 65 (11,8% дач) и осетры — 27 упоминаний (4,9%). В Суде, Шексне и Мологе встречалась относящаяся к семейству лососёвых белорыбца — 39 упоминаний (7,1%). В Шексне и мелких реках водились гольцы — 64 упоминания (11,6%), в Мологе и Шексне — сомы (26), в озёрах — в основном караси (15 упоминаний).

В Экономических примечаниях по другим уездам Санкт-Петербургской и Новгородской губерний сведений о рыбе представлено гораздо меньше. В Новгородском уезде Новгородской губ. в конце XVIII в. землемеры насчитали 22 реки, 42 речки и 21 озеро⁴⁶. В Кратком экономическом примечании к описанию Новгорода и его уезда, несмотря на расположение поселений около водоёмов, видовой состав рыбы не указывается. Рыба не названа даже в описании дач с деревнями, расположенными на побережье озера Ильмень, жители которых промышляли рыболовством⁴⁷. Лишь при описании Новгорода есть об этом сведения: «Жители города водою довольствуются из реки Волхова, и она по употреблению людям и скоту здорова. Река Волхов против одного города в самое жаркое время бывает на пять, а шириною на сто на двадцать сажень. В оной ловится рыба щуки, язи, шерешперы, ерши, налимы, окуни, судаки, плотва, пескари, которая употребляется для городского обывательского обиходу и на продажу»⁴⁸.

При описании Белозерского уезда Новгородской губ., в котором имелось 32 реки, 103 речки и 169 озёр, в Кратких экономических замечаниях приведены только сведения о рыбе в Белом озере в районе Белозерска. Здесь названы стерлядь, язи, щуки, окуни, плотва, а также отмечено, что и «прочих родов довольно»⁴⁹. Краткие экономические примечания не предоставляют сведений о видах рыб и в водоёмах Кирилловского уезда Новгородской губ. В то же время при Генеральном межевании здесь было насчитано 11 рек, 30 речек и 11 озёр. Только при озёрах Сиверском, Долгом, Лунском и по обе стороны речки Копани вблизи г. Кириллова отмечается, что «водами тот город изобилует и вода здорова. В озерах ловится рыба щуки, окуни, плотва, язи, лещи, ерши и других родов довольно»⁵⁰.

На основании Кратких экономических примечаний, описывающих Старорусский уезд Новгородской губ., можно узнать состав рыбы в реках Полисти, Порусье и Перерытице, на берегах которых расположен город Старая Русса. Здесь в конце XVIII — начале XIX в. водились сомы, голавли, язи, щуки, судаки, плотва, налимы, ерши, пескари⁵¹. При описании города Крестцы в Крестецком уезде Новгородской губ. перечисляются водившиеся в р. Холове щуки, окуни, плотва. Хотя в целом в уезде землемеры насчитали 16 рек, 151 речку

⁴⁶ Там же, Новгородская губерния, Новгородский уезд, д. 872, л. 3.

⁴⁷ Там же, д. 870, л. 40.

⁴⁸ Там же, л. 22.

⁴⁹ Там же, Новгородская губерния, Белозерский уезд, д. 856, л. 1–15; д. 854, л. 1 об.

⁵⁰ Там же, Новгородская губерния, Кирилловский уезд, д. 867, л. 1; д. 865, л. 15–15 об.

⁵¹ Там же, Новгородская губерния, Старорусский уезд, д. 873, л. 12.

и 78 озёр, в Кратких экономических примечаниях по отдельным дачам описание видов рыбы не встречается⁵². Из Кратких экономических примечаний Тихвинского уезда можно извлечь сведения о рыбе в р. Тихвинке, разделяющей Тихвин на две части. Это щуки, окуни, лещи, язи, плотва, пескари, которые «употребляются для городского обывательского обиходу»⁵³.

Несмотря на неравнозначные по информативности сведения, Камеральные и Полные экономические примечания позволяют определить наиболее распространённые виды рыб в реках и озёрах различных уездов, а вместе со сведениями Кратких экономических примечаний предоставляют возможность выявить наличие или отсутствие в регионе определённых видов, имевших промысловое значение в предыдущие столетия и сокративших численность и ареал обитания в наше время.

Ценные виды красной рыбы, входящие в семейство осетровых, на территории Северо-Запада России в конце XVIII — начале XIX в. были представлены атлантическим осетром (17 упоминаний в Ладожском озере и р. Волхов), русским осетром (27 — в Шексне и Мологе) и стерлядью (85 — в Ладожском озере, Волхове, Мсте, Шексне, Мологе, Белом озере). Семейство лососёвых включало в себя атлантического лосося, или сёмгу. В Экономических примечаниях по различным уездам лосось упоминается 96 раз, причём 60 раз — в Лугском уезде (54 — в р. Луге). Он водился также в Ладожском озере, реках Волхове, Ояти, Паше, речках Бабьей, Ополне, Котихе, Велчье, Чаплинке. К семейству лососёвых относится также голец (паляя), долгое время считавшийся наиболее многочисленной ценной промысловой рыбой на Северо-Западе России. В представленной выборке голец назван 86 раз (в озёрах Холмском и Олонцком, реках Шексне, Мологе, Луге, Липе, Березае, Каменке, Крупе, Кардеге, Чашковке, Кисме, Нелазе). Представителями семейства лососёвых являются и выделенные в отдельное подсемейство хариусы.

К семейству сиговых относится волховский сиг. Издревле на Северо-Западе России он считался ценным промысловым видом. Однако доля сигов в целом по региону в конце XVIII — начале XIX в. зафиксирована небольшая — всего 1,7%. Они упоминались 104 раза только в Новоладожском уезде — в Ладожском озере, реках Волхове, Паше и Ояти, речках Чагоде, Тигоде, Кусенке, Кумбите, Рыбежье, Сясновой, Котихе, Бабьей, Ополне. На Северо-Западе в конце XVIII — начале XIX в. отмечен ещё один предмет ценного промысла — белорыбица, поднимавшаяся из Волги по Шексне в Белое озеро. Эта крупная проходная рыба относится к группе сиговых из отряда лососёвых. После осетровых она считалась наиболее ценной. Все 39 упоминаний белорыбицы относятся к Шексне, Мологе и Суде с притоками.

При анализе видового состава рыб выясняется, что самыми распространёнными в реках и озёрах Северо-Запада России в конце XVIII — начале XIX в. были представители семейства карповых: плотва, пескари, язи, лещи, голавли, караси, сырь или рыбец, густера, лини, жерехи, уклея. Доля этих рыб составляет в базе данных 39,5%. В достаточно большом количестве присутствовало семейство окунёвых: ерши, судаки и окуни, доля которых достигала 27,7%. Следом шли представители семейства щуковых — щука обыкновенная (17,1%) и тресковых — налим обыкновенный (10,6%).

⁵² Там же, Новгородская губерния, Крестецкий уезд, д. 868, л. 15; д. 869.

⁵³ Там же, Новгородская губерния, Тихвинский уезд, д. 874, л. 2.

Доля рыб, принадлежащих к другим семействам, оказалась заметно скромнее. Причём, если малое количество сомов, выделенных в семейство сомовых, связано с их небольшим промыслом, то упоминание только в 16 случаях корюшки или снетков (семейство корюшковых) можно объяснить только тем, что эта небольшая и распространённая рыба скрывалась в Экономических примечаниях под записями «и прочего рода рыбы довольно число». Корюшка и сейчас является объектом промышленного рыболовства на Северо-Западе России.

Многие ценные виды рыб, являвшиеся конце XVIII — начале XIX в. объектами промысла, в наши дни уже не встречаются либо находятся под угрозой исчезновения. В водах Северо-Запада больше не водится атлантический осётр. Он отнесён к вероятно исчезнувшим в России видам, находящимся также под угрозой полного исчезновения на Севере и Востоке Европы. Ранее его ловили в Ладожском озере, он заходил на нерест в Волхов. Однако интенсивный промысел, вплоть до 1960-х гг., привёл к резкому уменьшению его численности. Значительно сократился и ареал обитания русского осетра, поднимавшегося до строительства Рыбинского водохранилища для нереста в многочисленные притоки Волги, в том числе Шексны и Мологу. В Ладожском озере перестала водиться стерлядь, и в целом в России находящаяся под угрозой исчезновения. Промысловое значение она имела вплоть до 1970-х гг. На грани исчезновения находится белорыбица, ранее широко распространённая в бассейне Волги. В критическом состоянии популяции и многих других рыб: атлантического лосося, волховского сига, ручьёвой форели (кумжи), европейского хариуса. Достаточно низкими считаются промысловые запасы гольца⁵⁴.

Сравнительный анализ данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию со сведениями источников эпохи Средневековья позволил установить, что промысловое значение отдельных видов рыб на Северо-Западе России с течением веков уменьшалось. Особенно это касалось рыб ценных видов, в том числе осетра и волховского сига, что, однако, не означает, что такая рыба была широко распространена на Северо-Западе в конце XVIII — начале XIX в. Доля ценных видов по всему региону в то время составляла всего 4,2%. В большинстве случаев на Северо-Западе России отмечалось обилие менее ценной промысловой и мелкой рыбы. Причём более половины записей (52,7%) приходится на плотву, щуку и окуня. Достаточно распространёнными были также налимы, ерши, пескари и язи. Представители именно этой категории существенно пополняли пищевой рацион и служили подспорьем для крестьянских семейств. Наличие большого количества малоценной и мелкой рыбы свидетельствует об имевшихся в регионе пищевых ресурсах, позволяющих перекрыть недостаток зерновых в голодные и неурожайные годы.

⁵⁴ Красная Книга Российской Федерации (URL: <http://www.sevin.ru/redbooksevin/index.html> (дата обращения: 25.04.2018)); Красная книга Новгородской области. СПб., 2015. С. 77–85; Атлас пресноводных рыб России: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 38–39; *Китаев С.П., Ильмаст Н.В., Михайленко В.Г.* Кумжи, радужная форель, гольцы и перспективы их использования в озёрах Северо-Запада России. Петрозаводск, 2005. С. 46–47.

Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в.

Аркадий Долгих

**The search for a solution to the peasant question in Russia in noble projects
of the late 18th – mid 19th century**

Arkady Dolgikh

(Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23010042, EDN: PNYXDW

Исследователи, изучающие общественную мысль и массовые настроения прошлого, постоянно нуждаются в цифровых показателях, которые могут в большей степени (по сравнению с отрывочными сведениями из дневников, мемуаров и отдельных актов разного рода) представить панораму мнений, распространённых в той или иной части населения. Однако нередко в силу отсутствия таких данных учёным приходится оперировать лишь единичными известными фактами и прибегать к выражению «так, например». Неудивительно, что и отношение русских помещиков к крепостному праву в дореформенную эпоху до сих пор нередко рассматривают или указывая на жестокость Салтычихи, или напоминая про гуманного А.С. Шишкова, хотя ни тот, ни другой опыт не был ни характерным, ни типичным для своего времени. Это заставило, вслед за В.И. Семевским¹, предпринять попытку выявления и сбора источников особого рода — дворянские проекты решения крестьянского вопроса, включая и собственно записки, посылавшиеся в различные правительственные органы (а иногда и инспирированные их руководством или самими монархами и их сподвижниками), и различные тексты, зафиксировавшие мнения, высказанные в тех или иных государственных учреждениях, и эпистолярные памятники, и статьи в журналах и т.п. за 60 лет — с начала правления Павла I (когда, согласно современным представлениям, в политике самодержавия наметился поворот в сторону смягчения крепостного права²) до воцарения Александра II. Подобные материалы второй половины 1850-х гг. гораздо лучше изучены и, кроме того, создавались уже в принципиально иную эпоху. Всего на данный момент удалось выявить 1452 документа³.

© 2023 г. А.Н. Долгих

¹ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 1–2. СПб., 1888.

² Долгих А.Н. К проблеме поворота во внутренней политике российского самодержавия по крестьянскому вопросу в царствование Павла I // Вестник Елецкого государственного университета. Сер. История. 2004. Вып. 4. С. 81–92.

³ Их тесты см. в изданиях: Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): дворянское общество и власть. Сборник документов / Публ. А.Н. Долгих. Т. 1–2. Липецк, 2005; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество. Сборник документов / Сост. А.Н. Долгих. Т. 1–2. Липецк, 2008; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX в. Сборник документов и материалов / Публ. А.Н. Долгих. Т. 1–4. Липецк, 2016.

Исследование этого массива и извлечение из него соответствующей информации при помощи элементов контент-анализа⁴ оказалось занятием отнюдь не лёгким и не всегда очевидным из-за фрагментарности сохранившихся сведений, которые к тому же порою несопоставимы, поскольку каждый подобный проект имел свои собственные цели, логику и структуру. А так как их количество не конечно, то и соотношение многих параметров при обнаружении новых текстов может измениться (хотя 35-летний опыт показывает, что открытия такого рода, как правило, мало что меняют в общей картине). Тем не менее данные об общем количестве проектов и их датировке вполне достоверны, а рассмотрение их по пятилетним группам нивелирует возможные неточности.

Сложнее выявить мотивы создания таких источников. Они иногда темны, но чаще всего делятся на гуманистические и экономические. Более или менее адекватным представляется соотношение проектов, составленных лицами, принадлежавшими к военному и гражданскому «генералитету» — чинам I–IV класса Табели о рангах, и записок, подготовленных представителями остальной части дворянства (выходцы из других сословий писали на эти темы так редко, что их вкладом можно пренебречь). Большое внимание в этих документах уделялось мерам, направленным на облегчение положения собственно владельческих крестьян (таксация ренты, запрещение продажи без земли, смягчение наказаний), меньше говорилось о дворовых (зачастую они отдельно вообще не упоминались). Труднее всего определить общее число авторов проектов, так как нередко речь шла о коллективных мнениях (особенно в государственных структурах). Об имущественном положении тех, кто формулировал и разделял эти позиции, также имеются лишь фрагментарные сведения.

Следует отметить, что и количество, и содержание данных источников напрямую зависели от колебаний правительственной политики, в которой при Александре I и Николае I наблюдалось чередование периодов активности и простоя: в 1801–1805 гг. — подъём, в 1806–1815 гг. — спад интереса к крестьянскому делу на фоне реформ М.М. Сперанского, в 1816–1820 гг. — новый всплеск, затихший в 1821–1825 гг. (что во многом оказалось связано с разочарованием монарха в прежней деятельности), в 1826–1830 гг. — некоторое оживление, в 1831–1840 гг. — штиль, сменившийся в конце десятилетия довольно динамичным обсуждением планов социальных преобразований, которое продолжилось до начала 1850-х гг. и реакции на европейские революции. Характерно, что количество известных проектов вполне соответствует этой динамике: за март 1801–1805 гг. их выявлено 171 (в том числе около 130 — за первые три года), за 1806–1810 гг. — 94, 1811–1815 гг. — 89, 1816–1820 гг. — 243 (в том числе около 160 — за 1817–1819 гг. и 72 — только за 1818 г.), с 1821 по ноябрь 1825 г. — 103, с конца 1825 по 1830 г. — 98, за 1831–1835 гг. — 56, 1836–1840 гг. — 50, 1841–1845 гг. — 197 (из них 72 датированы 1842 г.), 1846–1850 гг. — 280 (при этом в 1848–1849 гг. — более 130 и всего 8 — в 1850 г.), с 1851 по февраль 1855 г. — 46 (см. табл. 1).

Таким образом, в первой половине XIX в. в среднем ежегодно возникало по 25 проектов. При этом за весь период правления Павла I, когда жёсткий административный режим не способствовал развитию дворянской общественно-

⁴ Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997; Манеки Р.В. Контент-анализ как метод исследования истории мысли (Поджо Браччолини). Источниковедческие исследования // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1991. № 6. С. 72–82; Holsti O.R. Content analysis for the social sciences and humanities. Reading (Mass.), 1969.

политической мысли, их появилось всего 25 (в среднем по 6 за год), в александровское царствование — 700 (в среднем 28–29 за год), в николаевское — 727 (в среднем 25 в год). Конечно, они отражали взгляды наиболее энергичной части правящего сословия — дворянских мыслителей, государственных деятелей и предприимчивых помещиков и т.п., а не разного рода Плюшкиных и Коробочек.

Таблица 1

Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России (1796–1855)

Годы	Число проектов	В среднем за год	% к общему числу проектов за царствование	% к общему числу проектов 1796–1855 гг.
При Павле I	25	5,8	100	1,7
При Александре I	700	28,5	100	48,2
1801–1805	171	35,6	25,1	11,7
1806–1810	94	18,8	13,4	6,5
1811–1815	89	17,8	12,7	6,1
1816–1820	243	48,6	34,1	16,7
1821–1825	103	21,2	14,7	7,2
6.11.1796–19.11.1825	725	25,1	100	49,9
При Николае I	727	24,8	100	50,1
1825–1830	98	19,4	13,5	6,7
1831–1835	56	11,2	7,7	3,9
1836–1840	50	10,0	6,9	3,5
1841–1845	197	39,2	27,1	13,5
1846–1850	280	56,0	38,5	19,3
1851–1855	46	11,1	6,3	3,2
Итого	1452	24,9	100	100

Составлено по: Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.). Т. 1–2; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII — первой четверти XIX веков. Т. 1–2; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII — первой половине XIX в. Т. 1–4.

Разумеется, дворянское сословие отнюдь не было едино ни по опыту и способностям к ведению хозяйства, ни по своему мировоззрению, что осознавали и представители власти. Так, обращаясь к депутатам петербургского дворянства 21 марта 1848 г., Николай I говорил: «У нас весьма мало хороших и попечительных помещиков, много посредственных и ещё более худых, а при духе времени, кроме предписаний совести и закона, вы должны для собственного своего интереса заботиться о благосостоянии вверенных вам людей и стараться всеми силами снискать их любовь и уважение»⁵. С такими суждениями императора перекликались и слова, включённые ранее весьма консервативно настроенным гр. А.Ф. Орловым в отчёт по III отделению Собственной е.и.в. канцелярии за 1844 г.: «К сожалению, многие из дворян наших, особенно мелкопоместные, по недостатку образования и грубому образу жизни, который ведут они в деревнях, доселе мало понимают, что кроткими внушениями можно успевать более, нежели постоянною строгостью, и не умеют иначе взыскать, как только телесными наказаниями. Равно и крестьяне наши находятся ещё в том состоянии, в котором человек работает для другого и даже для себя

⁵ Николай I и его время. Т. 1 / Сост. Б.Н. Тарасов. М., 2002. С. 123–124.

нерадиво и сам вызывает против себя строгость». В итоге «это соединение двух малообразованных, но характерных сил производит нередко случающееся противодействие между властью и покорностью, которое не могут совершенно уничтожить ни учреждение опеки над некоторыми из владельцев, ни наказание крестьян, восстающих на своих помещиков»⁶. Ещё в 1841 г. гр. П.Д. Киселёв, которого крепостники считали «красным», писал императору: «Русские дворяне вообще столь проникнуты мыслию о крепостном владении людьми, что ещё долгое время невозможно ожидать точного исполнения со стороны их предписываемых правительством мер ограничения в пользу крестьян»⁷.

По целям их авторов проекты можно условно разделить на четыре группы — «реакционные», умеренно-консервативные, нацеленные на смягчение крепостного права и на полную эмансипацию помещичьих крестьян (см. табл. 2). Впрочем, следует учитывать, что грань между этими направлениями была достаточно гибкой и даже в весьма консервативных текстах порою выдвигались идеи запрещения продажи людей без земли и злоупотреблений вотчинной властью. Характерно, что «реакционные» инициативы, подразумевавшие отмену уже существовавших в законодательстве норм, которые ограничивали притязания землевладельцев, и требовавшие ужесточения крепостнических порядков или распространения их на новые категории населения и т.п., выдвигались сравнительно редко. Их насчитывалось 27 при Александре I и 65 — при Николае I. Любопытно, что больше всего подобных проектов (58, т.е. более половины от общего числа за полвека) было представлено в 1840-х гг., когда стало ясным стремление самодержавия перейти к подготовке крестьянской реформы. Предложения в умеренно-консервативном духе, критиковавшие отдельные стороны крепостничества, звучали чаще. К середине XIX в. их число достигало 324: при Павле I — 5, при Александре I — 157, при Николае I — 162. Из них на 1801—1805 гг. приходилось 32, 1816—1820 гг. — 46, 1825—1830 гг. — 33, 1841—1845 гг. — 44, 1846—1850 гг. — 53 проекта.

«Либеральные» проекты (создававшиеся, как правило, владельцами «крещёной собственности», что плохо гармонировало с принципами либерализма⁸) предусматривали смягчение крепостного права и упразднение некоторых его крайностей. Их достаточно сложно отделить от умеренно-консервативных, они во многом пересекались, отличаясь прежде всего открытым сочувствием к реформам, тогда как их оппонентам импонировала патриархальность связей между помещиками и крепостными⁹, напоминая будто бы отношения «отцов» и «детей». К условно «либеральным» проектам за 60 лет можно отнести 540 (37,2%): 10 при Павле, 252 при Александре I и 278 при Николае I. Больше всего их появилось в 1816—1820 гг. (91) и 1846—1850 гг. (89), а в процентном соотношении — с конца 1825 по 1830 г. (46,9%), в 1831—1835 гг. (48,2%) и 1836—1840 гг. (46%).

⁶ «Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827—1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 359.

⁷ Крестьянский вопрос в России в конце XVIII — первой четверти XIX веков. Т. 3. С. 284—285.

⁸ Подробнее см.: Долгих А.Н. Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII—XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2(52). Ч. II. Тамбов, 2015. С. 70—73.

⁹ Долгих А.Н. Об использовании понятий «рабство» и «свобода» в отношении владельческих крестьян России первой четверти XIX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI в. Сборник статей. Коломна, 2015. С. 14—18.

Цели дворянских проектов 1796—1855 гг.

Годы	«Реакционные»		«Консервативные»		«Реакционных» и «консервативных» вместе		Направленные на смягчение крепостного права		Направленные на освобождение крестьян		Направленные на смягчение крепостного права и освобождение крестьян вместе	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
При Павле I	0	0	5	20,0	5	20,0	10	40,0	10	40,0	20	80,0
При Александре I	27	3,9	157	22,4	184	26,3	252	36,0	264	37,7	516	73,7
1801—1805	4	2,3	32	18,8	36	21,1	66	38,6	69	40,3	135	78,9
1806—1810	7	7,4	30	32,0	37	39,4	31	33,0	26	27,6	57	60,6
1811—1815	7	7,9	29	32,5	36	40,4	17	19,1	36	40,5	53	59,6
1816—1820	5	2,1	46	18,9	51	21,0	91	37,4	101	41,6	192	79,0
1821—1825	4	3,9	20	19,4	24	23,3	47	45,6	32	31,1	79	76,7
6.11.1796—19.11.1825	27	3,7	162	22,4	189	26,1	262	36,1	274	37,8	536	73,9
При Николае I	65	8,9	162	22,3	227	31,2	278	38,2	222	30,7	500	68,9
1825—1830	3	3,1	33	33,6	36	36,7	46	46,9	16	16,4	62	63,3
1831—1835	3	5,4	16	28,5	19	33,9	27	48,2	10	17,9	37	66,1
1836—1840	1	2,0	10	20,0	11	22,0	23	46,0	16	32,0	39	78,0
1841—1845	26	13,2	44	22,3	70	35,5	71	36,0	56	29,5	127	65,5
1846—1850	32	11,4	53	19,0	85	30,4	89	31,8	106	37,8	195	69,6
1851—1855	0	0	6	13,0	6	13,0	22	47,8	18	39,2	40	87,0
Итого	92	6,5	324	22,2	416	28,7	540	37,2	496	34,1	1036	71,3

Составлено по: см. табл. 1.

Всего умеренно-консервативных и либеральных проектов насчитывалось 864 (около 60%). Именно они являлись типичными для дворянской общественной мысли дореформенного периода. Не следует забывать, что и авторы сугубо эмансипационных проектов зачастую лишь заявляли о своей приверженности освобождению крестьян в будущем, а основное внимание уделяли различным паллиативным мерам, направленным на облегчение крепостных порядков, например, таксации повинностей, запрету торговли душами без земли, а также ограничению вотчинной власти при рекрутских наборах и определении наказаний (наиболее часто все эти предложения раздавались в 1840-х гг.). Запрещение ссылки крестьян по воле помещиков в Сибирь часто как бы подразумевалось, но прямо не проговаривалось авторами (см. табл. 3 и 4). В 244 проектах планировалось юридически оградить крестьянское имущество от барского произвола. Ещё чаще, даже в заведомо консервативных по духу рекомендациях, особенно в 1840-х и первой половине 1850-х гг., речь шла об усилении контроля за жестокими помещиками. Косвенно это подтверждает утвердившееся в историографии мнение, согласно которому именно в николаевское время правительство предпринимало в этом отношении особые усилия. Напротив, довольно редко предлагалось предоставить помещичьим крестьянам право перехода к другим владельцам (33).

Как ни странно, весьма скромное место в дворянских размышлениях о положении крепостного населения отводилось дворовым (см. табл. 5). Их судьба беспокоила авторов проектов гораздо меньше, чем будущее деревни. Так, лишь в 162 документах, из которых 85 созданы в 1840-х гг., предусматривался запрет перевода крестьян в состав дворни, в 84 (из них 35 — в 1840-х гг.) ограничивалась власть помещиков над прислугой, а в 49 вообще намечалась ликвидация этой социальной группы. Сравнительно часто (в 242 проектах, включая 167 написанных в 1840-х гг.) отмечалась лишь недопустимость их продажи, а также необходимость контролировать обращение с ними помещиков (167 мнений, в том числе 146 — в 1840-х гг.). В марте 1848 г. императору пришлось даже просить столичных дворян «обратить особенное внимание» на то, что «у нас существует класс людей весьма дурной... — это дворовые люди», которые «вообще развратны и опасны как для общества, так и для господ своих, поскольку, будучи взяты из крестьян, они отстали от них, не имея оседлости и не получив ни малейшего образования»¹⁰.

Наиболее сложно определить, как именно понималось дворянами освобождение крестьян, которое чаще всего лишь постулировалось «эмансипаторами». Что же касается возможности перевода крепостных в вольные хлебопашцы, то до сих пор неизвестно, сколько всего лиц составляли и подавали такие проекты, какая их часть была отвергнута и на каком уровне. При этом многие авторы записок (особенно в царствование Александра I) просто высказывались против «рабства», как тогда выражались сторонники освобождения крепостных, конкретные же методы и пути предстоящей «эмансипации» в них не указывались. Поэтому если общее число «эмансипаторских» проектов достигало 496 (10 — при Павле I, 264 — при Александре I и 222 — при Николае I), то до размышлений об освобождении крестьян с землёй и без земли дело доходило лишь в 317, о предоставлении воли безвозмездно или за выкуп — в 249, о сроках отмены крепостного права — в 200, о предоставлении крепостным права

¹⁰ Николай I и его время. Т. 1. С. 123.

Способы освобождения владельческих крестьян в дворянских проектах 1796–1825 гг.

Годы	Всего записок об освобождении крестьян	При участии государства	Самими помещиками	Без земли	С землей	Сразу	Через некоторое время	Без выкупа	За выкуп	На основании действующих законов	При продаже имения другому дворянину	При продаже имения недворянам
При Павле I	10	8	0	3	2	0	4	1	3	0	1	1
При Александре I	264	148	62	79	52	19	98	26	81	24	10	5
1801–1805	69	43	15	19	15	7	32	1	27	4	7	0
1805–1810	26	15	9	2	10	1	13	1	15	4	0	0
1811–1815	36	17	5	9	2	1	8	4	3	2	0	2
1816–1820	101	54	29	40	20	5	39	17	26	5	3	2
1821–1825	32	20	4	9	5	5	6	3	10	9	0	1
6.11.1796–19.11.1825	274	156	62	82	54	19	102	27	84	24	11	6
При Николае I	222	193	76	87	94	31	49	10	128	93	4	1
1825–1830	16	14	9	9	9	0	9	3	3	0	0	0
1831–1835	10	7	4	10	3	1	4	2	10	10	0	0
1836–1840	16	14	3	8	1	0	8	0	5	4	1	0
1841–1845	56	54	34	27	18	20	13	2	40	36	2	1
1846–1850	106	88	22	27	57	7	13	3	62	42	1	0
1851–1855	18	15	4	6	7	3	2	0	8	1	0	0
Итого	496	349	138	169	148	50	151	37	212	117	15	7

Составлено по: см. табл. I.

Таблица 4

Паллиативные меры, направленные на смягчение крепостнических порядков, в дворянских проектах 1796–1855 гг.

Годы	Всего проектов, предусматривавших те или иные паллиативные меры	Число проектов, предусматривавших:									
		Таксация повинностей	Запрет отлучения крестьян от земли	Запрет или ограничение продажи без земли	Ограничение вотчинной власти помещика	Ограничение наказаний крестьян помещиками	Запрет или ограничение ссылки в Сибирь помещиками	Предоставление крестьянам имущественных и хозяйственных прав	Предоставление права перехода к другим владельцам	Ограничение прав помещиков в отношении рекрутских наборов	Контроль за помещиками
При Павле I	10	6	2	4	2	2	0	3	1	2	3
При Александре I	252	115	51	97	76	65	7	92	18	25	103
1801—1805	66	28	7	30	20	23	0	34	3	5	23
1805—1810	31	18	5	9	12	8	0	12	0	3	11
1811—1815	17	8	6	7	5	2	0	6	3	0	6
1816—1820	91	44	22	37	24	24	2	28	10	12	43
1821—1825	47	17	11	14	15	8	5	12	2	5	20
6.11.1796—19.11.1825	262	121	53	101	78	67	7	95	19	27	106
При Николае I	278	208	168	186	188	174	89	149	14	53	247
1825—1830	46	19	17	25	8	10	4	2	0	0	15
1831—1835	27	19	19	19	19	17	12	12	6	5	20
1836—1840	23	13	12	12	11	14	6	3	1	2	15
1841—1845	71	69	54	61	62	52	35	54	3	18	74
1846—1850	89	70	49	52	66	59	24	64	3	20	96
1851—1855	22	19	17	17	22	22	8	14	1	8	27
Итого	540	329	221	287	266	241	96	244	33	80	353

Составлено по: см. табл. I.

Взаимоотношения помещиков и дворовых людей в дворянских проектах 1796–1855 гг.

Годы	Число проектов, предусматривавших:											
	Ограничение числа дворовых	Запрет перевода крестьян в дворовые	Ограничение прав помещиков	Ограничение продажи дворовых людей	Упразднение категории дворовых людей	Освобождение дворовых неземельное	Освобождение дворовых спустя некоторое время	Освобождение дворовых на основании действовавших законов	Освобождение дворовых без выкупа	Освобождение дворовых за выкуп	Приписку дворовых к пехам	Меры контроля за помещиком
При Павле I	1	1	1	4	0	0	0	1	0	1	0	0
При Александре I	21	22	14	71	20	6	17	10	8	10	5	21
1801–1805	8	4	0	22	2	1	1	4	1	3	1	1
1806–1810	1	2	1	6	1	0	1	0	0	0	0	1
1811–1815	2	3	1	4	2	0	2	1	1	0	0	3
1816–1820	7	10	8	30	9	3	9	2	3	5	3	9
1821–1825	3	3	4	9	6	2	4	3	3	2	1	7
6.11.1796–19.11.1825	22	23	15	75	20	6	17	11	8	11	5	21
При Николае I	137	139	69	167	29	0	16	9	3	0	13	146
1825–1830	13	14	4	24	3	0	4	2	0	0	6	4
1831–1835	9	11	9	12	0	0	0	0	0	0	4	11
1836–1840	20	20	7	20	7	0	3	0	0	0	0	21
1841–1845	47	47	12	49	8	0	7	3	2	0	3	44
1846–1850	38	38	23	49	10	0	1	4	0	0	0	54
1851–1855	10	9	14	13	1	0	1	0	1	0	0	12
Итого	159	162	84	242	49	6	33	20	11	11	18	167

Составлено по: см. табл. 1.

выкупаться при продаже имения другому хозяину — в 22 и т.д. Очевидно, дворянская общественная мысль билась над дилеммой: признавалось, что владеть крепостными нехорошо, но как существовать без них, оставалось загадкой. Кроме того, освобождение крестьян с землёй наносило дворянам огромный ущерб, а без земли — грозило язвой «пролетариата», опасной и для собственников, и для государства. Отсюда и крайне незначительные итоги эмансипации крестьян: лишь чуть более 100 тыс. (1–2%) крепостных перешли за полвека в вольные хлебопашцы и около 25 тыс. — в обязанные крестьяне.

Непросто установить и подлинные мотивы создания подобных проектов (см. табл. 6). Тут переплетались различные побуждения, вплоть до стремления к карьерному росту. Однако обоснование предлагаемых в них мер могло быть преимущественно «гуманистическим», в том числе и христианским (697 случаев, или 48%), «экономическим», выдвигающим на первый план помещичье (чаще) и государственное преуспевание (505, или 35%), или иным, например, связанным с обеспечением безопасности и соблюдения существующих законов (250, или 17%). Гуманистические соображения преобладали как при Александре I (56,6%), так и при Николае I (39,5%). Экономические цели в разные годы играли то большую, то меньшую роль, но в среднем им отдавали предпочтение при Александре I — в 32,3%, а при Николае I — в 37,5% проектов.

Таблица 6

Мотивы создания дворянских проектов 1796–1855 гг.

Годы	«Гуманистические»		«Экономические»		Иные	
	Число	%	Число	%	Число	%
При Павле I	14	56,0	7	28,0	4	16,0
При Александре I	396	56,6	226	32,3	78	11,1
1801–1805	107	62,6	47	27,5	17	9,9
1806–1810	48	51,1	31	32,9	15	16,0
1811–1815	29	32,6	44	49,4	16	18,0
1816–1820	151	62,1	67	27,6	25	10,3
1821–1825	61	59,2	37	35,9	5	4,9
6.11.1796–19.11.1825	410	56,6	233	32,1	82	11,3
При Николае I	287	39,5	272	37,4	168	23,1
1825–1830	35	35,7	28	28,6	35	35,7
1831–1835	20	35,7	15	26,8	21	37,5
1836–1840	18	36,0	12	24,0	20	40,0
1841–1845	61	31,0	93	47,2	43	21,8
1846–1850	124	44,3	114	40,7	42	15,0
1851–1855	29	63,1	10	21,7	7	15,2
Итого	697	48,0	505	34,8	250	17,2

Составлено по: см. табл. 1.

Реформаторские идеи выдвигали прежде всего потомственные дворяне (2580 из 2715, что составляло около 95% от общего числа авторов соответствующих записок, часть которых отражала коллективные мнения членов секретных комитетов, Государственного совета и проч.). Из 2715 авторов 1834 (67,6%) являлись чиновниками I–IV класса (см. таблицы 7 и 8). Они представили 1264 (68,9%) «либеральных» и 570 (31,1%) «консервативных» проектов, а прочие служащие соответственно – 634 (72%) и 247 (28%).

Такова была в общих чертах и цифровых показателях динамика размышлений наиболее активной части российского дворянства над крестьянским вопросом в конце XVIII – первой половине XIX в.

Таблица 7

Проекты чиновников I–IV класса 1796–1855 гг.

Годы	Авторы проектов					
	«Либеральных»		«Консервативных»		Всего чинов I–IV класса среди авторов проектов решения крестьянского вопроса	
	Число	%	Число	%	Число	%
При Павле I	15	55,6	12	44,4	27	100
При Александре I	416	68,1	195	31,9	611	100
1801–1805	124	78,0	35	22,0	159	100
1806–1810	53	45,7	63	54,3	116	100
1811–1815	37	54,4	31	45,6	68	100
1816–1820	152	80,4	37	19,6	189	100
1821–1825	50	63,3	29	36,7	79	100
6.11.1796–19.11.1825	431	67,6	207	32,4	638	100
При Николае I	833	69,6	363	30,4	1196	100
1825–1830	182	67,9	86	32,1	268	100
1831–1835	105	68,6	48	31,4	153	100
1836–1840	119	96,0	5	4,0	124	100
1841–1845	193	81,4	44	18,6	237	100
1846–1850	192	53,3	168	46,7	360	100
1851–1855	42	77,8	12	22,2	54	100
Итого	1264	68,9	570	31,1	1834	100

Составлено по: см. табл. 1.

Проекты прочих чиновников 1796–1855 гг.

Годы	Авторы проектов					
	«Либераль- ных»		«Консерватив- ных»		Всего чиновников до V класса включительно среди авторов проектов	
	Число	%	Число	%	Число	%
При Павле I	8	100,0	0	0	8	100
При Александре I	298	80,1	74	19,9	372	100
1801–1805	44	73,3	16	26,7	60	100
1806–1810	14	48,3	15	51,7	29	100
1811–1815	28	68,3	13	31,7	41	100
1816–1820	157	87,7	22	12,3	179	100
1821–1825	55	87,3	8	12,7	63	100
6.11.1796–19.11.1825	306	80,5	74	19,5	380	100
При Николае I	328	65,5	173	35,5	501	100
1825–1830	21	65,6	11	34,4	32	100
1831–1835	17	61,5	9	38,5	26	100
1836–1840	12	66,7	6	33,3	18	100
1841–1845	79	66,9	39	33,1	118	100
1846–1850	168	62,0	103	38,0	271	100
1851–18. 2.1855	31	86,1	5	13,9	36	100
Итого	634	72,0	247	28,0	881	100

Составлено по: см. табл. 1.

Смоленское дворянство против правительства: из истории отмены крепостного права в России

Наталья Горская

Smolensk nobility against the Government: From the history of the abolition of serfdom in Russia

Natalia Gorskaya
(*Smolensk State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23010054, EDN: ROCKND

На протяжении «долгого девятнадцатого века» российская монархия не раз сталкивалась с противодействием оппозиционно настроенных дворян. В период подготовки крестьянской реформы 1861 г., когда, как показала Л.Г. Захарова, правительственный курс постепенно менялся под влиянием разнообразных социальных, политических и личностных факторов¹, группа богатых и образованных землевладельцев, имевших широкие связи в правящих кругах, выступила со своей программой отмены крепостного права, включавшей требование создания сословного представительства с законосовещательными полномочиями².

Провинциальные помещики в массе своей также не сочувствовали тогда действиям властей. Хорошо известна борьба «либерального меньшинства» и «консервативного большинства» губернских комитетов, созданных для обсуждения условий освобождения крестьян³. В ней проявлялись как попытки отстоять свои хозяйственные и сословные интересы, вопреки давлению и диктату государства, так и сложившиеся представления о правах и отношениях монарха и дворянства, в основе которых лежало взаимное признание заслуг перед отечеством, исключавшее планы ограничения или захвата верховной власти.

В царствование Николая I после выборов предводителей губернские дворянские собрания по традиции просили императора принять их депутации «для изъявления благодарности». Обычно такие обращения отклонялись, но в начале 1847 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский сообщил смолянам, что царь примет их представителей. Помня о преданности престолу, проявленной местным населением в 1812 г., Николай I не раз бывал в Смоленске и всячески

© 2023 г. Н.И. Горская

¹ Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. годов XIX века в России // *Вопросы истории.* 1989. № 10. С. 3–24; *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

² *Долбилов М.Д.* Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850-х – 1860-х годах // *Вопросы истории.* 2000. № 6. С. 32–52; *Христофоров И.А.* «Аристократическая оппозиция» Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.). М., 2002; *Кочукова А.В.* Либеральные бюрократы и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника // *Известия Саратовского университета. История. Международные отношения.* Т. 7. 2007. Вып. 1. С. 20–28.

³ *Орлов В.С.* Отмена крепостного права в Смоленской губернии. Смоленск, 1947; *Emmons T.* The Russian Landed gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1969; *Evtuhov C.* Portrait of a Russian Province: Economy, Society and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod. Pittsburgh, 2011; *Блохин В.В.* Черты коллективного политического портрета помещиков Орловской губернии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* Т. 66. 2021. Вып. 3. С. 718–741.

демонстрировал особое расположение к городу и губернии⁴. Высоко оценив новый знак внимания с его стороны, уездные предводители дворянства направили в Петербург губернского предводителя полковника кн. М.В. Друцкого-Соколинского (отказавшегося от поездки из-за болезни), рославльского уездного предводителя полковника М.Л. Фантона-де-Веррайона и генерал-майора А.И. Шембеля⁵.

17 мая 1847 г., принимая их, Николай I не только сообщил о намерении возобновить строительство шоссе от Смоленска до Юхнова, которое из-за дороговизны и предчувствия крупных злоупотреблений прекратили десять лет назад⁶, но и коснулся более острых проблем. В частности, он заявил, что «крестьянин не может быть собственностью», и «как первый дворянин государства» просил обсудить «келейно», какие шаги требуются для постепенного перехода «от крепостной зависимости к обязанной»⁷.

Характерно, что говорилось это представителям одной из самых крепостнических и дворянских губерний, где помещичьи крестьяне составляли 69,7%, а дворяне — 5,8% жителей⁸. Впрочем, в то время уже готовилась инвентарная реформа в Западном крае, предусматривавшая дарование крестьянам личной свободы при сохранении «существующих наделов» и фиксации их повинностей перед помещиками⁹. Не случайно Перовский, беседуя с Фантоном-де-Веррайоном, напоминал о необходимости действовать «крайне осторожно», чтобы не возбудить преждевременных слухов¹⁰.

Когда делегация вернулась в Смоленск, дело взял в руки выздоровевший кн. Друцкой-Соколинский. Будучи противником каких-либо изменений в положении крестьян, он тем не менее, исполняя волю императора, провёл несколько совещаний: 8 января 1848 г. собрал в губернском центре 13 дворян, которым поручил выработать общее «мнение», а сам направился в Дорогобуж, где встретился с «настоящими и бывшими предводителями дворянства» Дорогобужского и Ельнинского уездов (причём, стараясь сохранить всё в тайне, беседовал с каждым из них «врозь»)¹¹.

Всё это вызвало слухи и волнения среди смоленских дворян. Единства не оказалось даже у тех, к кому обращался кн. Друцкой-Соколинский. 13 дворян составили «программу», предусматривавшую уничтожение права продавать, завещать, дарить и отдавать крестьян в услужение и т.п. Дорогобужский уездный предводитель Кононов, «не во всё» согласный с губернским предводителем, высказался за открытие комитета для обсуждения деталей предстоящей реформы и соглашался перевести своих крепостных в обязанных в том случае, если на них ляжет уплата части долга Московскому опекунскому совету. Но боль-

⁴ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 211–212, 217–218.

⁵ Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. 6, оп. 1, д. 32, л. 2–2 об., 7; Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб., 1888. С. 162.

⁶ Горская Н.И. Местная администрация и высочайшие путешествия 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 33.

⁷ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 163.

⁸ Будаев Д.И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии. Смоленск, 1967. С. 24, 25.

⁹ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права... С. 86, 87; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. Т. 1. М., 1946. С. 298, 627.

¹⁰ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 161.

¹¹ Там же. С. 162–166.

ше всего кн. Друцкого-Соколинского возмутила позиция А.А. Вонлярлярского (брата известного писателя 1840-х гг. В.А. Вонлярлярского) — образованного помещика Смоленского уезда, применявшего в своём имении хозяйственные новшества и доказывавшего необходимость полного освобождения крестьян с землёй за выкуп. Изложенный им план опережал время и, по словам А.А. Корнилова, «в сущности, являлся прототипом проектов, составленных в конце пятидесятых годов передовыми представителями дворянства»¹². В мае 1848 г. кн. Друцкой-Соколинский собрал уездных предводителей и «предложил подписать лист» с перечнем общих пожеланий, однако Кононов отказался это сделать, сославшись на то, что дворянство уезда «не уполномочило его на это»¹³.

Между тем «полугласное» обсуждение положения крестьян вышло за пределы губернии. В 1847–1848 гг. смоляне обменивались мнениями с тверскими землевладельцами. В столицу же были направлены только предложения 13 дворян об облегчении крепостного состояния. В МВД, а затем и в Комитете министров их признали «неудовлетворительными». Известно также, что «один из смоленских помещиков» направил письмо о необходимости изменения отношений с крестьянами цесаревичу¹⁴.

Инициативы Кононова и Вонлярлярского кн. Друцкий-Соколинский заблокировал. В двух пространственных записках, адресованных царю, губернский предводитель утверждал, что «в России рабства нет», и доказывал необходимость сохранения существующих порядков. Князя беспокоила «незаконность» и неисполнимость каких-либо договоров между помещиками и крестьянами, неспособными, как ему казалось, по своему «нравственному и умственному состоянию» добросовестно работать, соблюдая условия заключённого соглашения. А это грозило гибелью не только помещицкому хозяйству, но и всему государству. Не случайно во второй записке кн. Друцкой-Соколинский рассуждал об опасности для России революции, которую в то время переживала Европа¹⁵. Эти записки обсуждались в верхах. Министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселёв даже выступил с их опровержением¹⁶. 6 февраля 1849 г. князь присутствовал на приёме в Зимнем дворце, а на следующий день Николай I 35 минут беседовал с ним в своём кабинете. Впрочем, убедить монарха ему не удалось. Внешне одоблив столь консервативную позицию, император в доверительных разговорах называл предводителя «болтуном» и «до своей смерти не мог простить этого Друцкому»¹⁷.

Между тем в Смоленской губ. взгляды кн. Друцкого-Соколинского разделялись абсолютным большинством помещиков. Его успех успокоил противников эмансипации. Князь считал себя «спасителем Отечества» и, вернувшись

¹² Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. С. 133–134.

¹³ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 135, 167–174.

¹⁴ Там же. С. 139, 168; Корнилов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 132; Будаев Д.И. Указ. соч. С. 63. В конце 1850-х гг. Фантон-де-Веррайон с сожалением писал: «Если бы записка, поднесённая по сему предмету на Высочайшее покойного государя императора имя в 1848 г., была составлена в другом духе, то крестьянский вопрос уже получил бы доселе полное разрешение, и время не было бы утрачено» (ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 30 об.).

¹⁵ ГА СО, ф. 6, оп. 1, д. 35, л. 11 об.–39 об., 41–61, 63–64 об.

¹⁶ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 183.

¹⁷ Записки сенатора Я.А. Соловьёва о крестьянском деле // Русская старина. 1881. Т. XXX. С. 219–220.

в Смоленск, заказал в Успенском соборе благодарственный молебен (правда, половина уездных предводителей не успела на него приехать)¹⁸.

И всё же ряды сторонников отмены крепостного права постепенно росли¹⁹. Я.А. Соловьёв, руководивший в начале 1850-х гг. сбором статистических сведений для регламентации повинностей в государственной деревне в Смоленской, Владимирской и Самарской губерниях, писал, что «во всех губерниях была более или менее многочисленная прогрессивная партия, которая желала освобождения крестьян и составляла в разговоре предположения о способе освобождения задолго до обнародования правительственных мер»²⁰.

С начала 1858 г. подготовка реформы стала гласной: 8 декабря 1857 г. в губернии были разосланы рескрипт петербургскому генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву и отношение к нему министра внутренних дел С.С. Ланского, а 11 и 18 января 1858 г. они появились в «Смоленских губернских ведомостях»²¹. В данных документах дворянам предлагалось «просить» о создании губернских комитетов, в которых их представители в течение шести месяцев разработали бы детальные проекты освобождения крепостных в губерниях. При этом предполагалось, что помещики сохранят право собственности на все свои имения и вотчинную власть над сельскими обществами, а крестьяне получают личную свободу и возможность постепенно выкупить находившиеся в их пользовании усадьбы — жилые и хозяйственные постройки с землёй и огороды (размеры этих участков и выкупа предстояло определить членам комитетов)²².

Первоначально обсуждение рескрипта происходило в уездных совещаниях. Привлекая местное дворянство к выбору членов губернских комитетов, столичные консерваторы, по словам Корнилова, полагали, что «сборища менее культурных провинциальных помещиков окажутся менее податливыми на либеральные проекты и замыслы правительства»²³. Однако деятельность этих совещаний, по-видимому, слабо документировалась, и о ней остались лишь самые скудные сведения²⁴. Но, судя по отзывам смолян, опубликованным в печати, и составленному редакционной комиссией губернского комитета «Своду предметов, обративших на себя внимание при уездных совещаниях», совершенно определённо выраженное в рескрипте желание царя освободить крестьян споров не вызвало²⁵.

Характерной особенностью Смоленской губ. являлось преобладание мелкопоместных владельцев. Из 5308 дворян, проживавших тогда на её территории, у 50% было не более 20 крестьян, у 34% — от 21 до 100 и только у 16% — свыше 100 душ (у 748 — от 101 до 500, 56 — от 501 до тысячи и 35 — более тысячи)²⁶. Кроме того, сказывалась относительная близость восточных уездов губернии

¹⁸ ГА СО, ф. 6, оп. 1, д. 35, л. 4 об.—11.

¹⁹ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 135—136.

²⁰ Записки сенатора Я.А. Соловьёва... Т. XXXI. С. 7. В 1855 г. Соловьёв опубликовал «Сельскохозяйственную статистику Смоленской губернии», материалами которой пользовался К.Д. Кавелин для составления своей «Записки об освобождении крестьян в России».

²¹ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 2. 11 января; № 3. 18 января.

²² Сборник правительственных распоряжений по устройству быта помещичьих крестьян, вышедших из крепостной зависимости (за 1857, 1858, 1859, 1860 годы). Т. 1. СПб., 1861. С. 4—6, 86—92.

²³ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 198.

²⁴ Там же.

²⁵ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 4, л. 3—5 об.

²⁶ Будаев Д.И. Указ. соч. С. 24—25.

(Гжатского, Сычёвского, Юхновского, Вяземского и Бельского) к столицам, открывавшая возможность для отхода крестьян в Москву и Петербург на заработки. Дворяне стремились к увеличению размера выкупа и старались обеспечить имения (как барщинные, так и оброчные, где «крестьяне не дорожат землёй») рабочей силой, постоянно или временно «до дозволения на выход». В Гжатском уезде были уверены в целесообразности перехода к договорным отношениям ещё до выкупа крестьянских усадеб²⁷.

В то же время решение земельного вопроса вызывало среди помещиков размежевание. Во всех уездах соглашались с передачей усадеб крестьянам, но в одних — в пользование, в других — в собственность. Дворяне Бельского, Рославльского и Юхновского уездов допускали даже выкуп части полевой земли. Так, рославльские помещики высказались за то, «чтобы крестьянин получил во владение землю усадебную, полевую и луговую с выгонами, где они есть»²⁸. Дорогобужское и духовщинское дворянство, напротив, «ни за какую цену» не желало «добровольно уступить крестьянам в собственность землю», надеясь удержать «исключительные права владения... землями, без перехода оных к лицам других сословий». Улучшение же деревенского быта они связывали не с дарованием личной свободы, а с уничтожением винного откупа²⁹.

Неопределённость будущих отношений с крестьянами особенно тяготила помещиков. В этих условиях их волновало состояние правопорядка, в частности конокрадство, корчемство и лесные порубки. Землевладельцы добивались высылки из губернии цыган и ужесточения уголовных наказаний³⁰. В некоторых уездах дворяне готовы были отказаться от вотчинной власти в «её прежнем виде», поскольку в случае отмены крепостного права не могли гарантировать исполнение крестьянами государственных и земских повинностей. В Гжатске помещик П.Д. Неелов, имевший опыт управления крестьянами в крупном вотчинном имении кн. В.В. Долгорукова, разработал проект реформирования уездной и губернской администрации на основаниях выборности и всесословности³¹.

На уездных совещаниях местные помещики говорили также о доверии правительства к губернским комитетам, о взыскании с крестьян хлебных и денежных долгов, о пересмотре обязательств перед кредитными учреждениями, о положении дворовых, об обеспечении землёй мелкопоместных дворян, об освобождении землевладельцев от ответственности за починку дорог и содержание хлебных магазинов, о необходимости «переоброчки» после истечения переходного периода. Обсуждение реформы вышло далеко за стены уездных совещаний. Только в губернский комитет поступило более 200 записок³². Их писали по просьбе дворянских предводителей и по собственной инициативе, направляли в местные канцелярии, в журналы и газеты. Иные брались за перо по нескольку раз. Все эти «мнения» передают тревожную атмосферу провинциальной жизни, наполненную острыми противоречиями, ожиданиями предстоящих преобразований и сожалениями о прошедшем.

²⁷ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 6, л. 3 об., 6–7.

²⁸ Там же, д. 4, л. 3, 4.

²⁹ Там же, л. 3 об.

³⁰ Там же, л. 4 об.—5.

³¹ Там же, д. 6, л. 4 об., 10, 11.

³² Орлов В.С. Указ. соч. С. 61.

Две статьи в «Русском вестнике» образованного и имевшего связи в столичных кругах смоленского помещика Д.Д. Неелова свидетельствуют о его приверженности популярной в то время теории экономического либерализма. Он осуждал общинные порядки и круговую поруку, отстаивал принципы частной собственности на землю, экономической и личной свободы, в том числе и при заключении трудовых договоров³³. Ему возражал в «Журнале землевладельцев» помещик Бельского уезда В.И. Лыкошин, видевший в крестьянской общине и общественной запашке инструмент, необходимый для выживания крестьян в сложных условиях³⁴.

Большую активность проявлял землевладелец Смоленской, Харьковской и Екатерининской губерний В. Римский-Корсаков, предрекавший в случае отмены крепостного права расстройство помещичьего и крестьянского хозяйства, кредитных учреждений, фабричных и «скотоводных» заведений. Смоленских дворян он призывал «просить государя» оставить «за свободу» оброк и трёхдневную барщину, телесные наказания и мирскую запашку³⁵.

Владелец с. Максимково Рославльского уезда Фантон-де-Веррайон, ездивший к царю в 1847 г., в своей записке развивал взгляды, аналогичные идеям К.Д. Кавелина и Н.А. Милютина. По его словам, полумеры или освобождение крестьян без земли по «примеру балтийских губерний» неминуемо вызвали бы «тяжкие последствия». А для того, чтобы их избежать, крестьянина следовало не только освободить, но и «поставить его в безусловную независимость от землевладельца», наделив за денежный выкуп усадьбой, «огородами и прочими принадлежностями», а также «достаточным» количеством полевой земли. Общину при этом следовало сохранить, но только до немедленной и единовременной выплаты государством помещику выкупных платежей («посредством выдачи облигаций»)³⁶. В 1858 г. Фантон покинул губернию и больше не принимал участие в работе губернского комитета, что ослабило сторонников «прогрессивной партии» в его рядах.

В целом, предложения, звучавшие в уездах, создавали весьма пёструю картину: среди смолян были и более правые, чем Римский-Корсаков, считавшие, что «дисциплина есть первая необходимость содержания народных масс в порядке», и предлагавшие оставить всё по-старому (отставной генерал-майор Н. Дудинский)³⁷, и сторонники Фантона-де-Веррайона и Вонлярлярского, ратовавшие за наделение крестьян полевой землёй (вяземский помещик П.А. Миронов)³⁸. Как и повсюду, в губернии наметилось размежевание на «консерваторов» и «либералов». Некоторые помещики в своих рассуждениях выходили за рамки положений рескриптов. Однако многообразие и полярность мнений ещё не свидетельствовали о неразрешимости противоречий и невозможности поиска общих решений. Хотя именно активность дворянства и обилие проектов отодвигали начало работы губернского комитета.

³³ Неелов Д.Д. Что должно разуметь под рациональным сельским хозяйством? (По поводу статьи г. Арсеньева «О трудностях при введении рационального хозяйства в нашем отечестве») // Русский вестник. Т. 9. 1857. № 5. С. 93–140; Неелов Д.Д. О личном и общинном владении землёю // Русский вестник. Т. 16. 1858. № 7. С. 197–246.

³⁴ Журнал землевладельцев. 1858. № 3. С. 121–124.

³⁵ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 9, л. 14–15.

³⁶ Там же, л. 30–41.

³⁷ Там же, л. 16–17 об.

³⁸ Там же, д. 15, л. 5–14.

Смоленская губерния ходатайствовала об открытии дворянского комитета одной из последних (позже это сделали только владимирские, калужские и оренбургские дворяне). Александр II подписал соответствующий рескрипт 28 мая³⁹, а 31 мая последовало отношение министра внутренних дел смоленскому губернатору⁴⁰. Однако помещики продолжали совещаться в уездах, неспешно выбирая депутатов, отвлекаясь на летние сельскохозяйственные работы и прислушиваясь к доходившим до них толкам о борьбе в верхах и смене правительственного курса⁴¹.

3 сентября 1858 г. в ходе поездки по десяти губерниям в Смоленск прибыл Александр II. На встречу с ним в губернаторский дом были приглашены и члены губернского комитета. Выступая перед ними, царь стремился сыграть на монархических чувствах (напомнил о героическом прошлом, об отношении к ним Николая I и т.п.), одновременно успокаивая подданных и заверяя их в том, что при проведении реформы учтёт сословные интересы. Тем не менее эта встреча резко отличалась от доверительных бесед его отца со смоленскими депутатами. Александр II ограничился общими фразами, посетил сельскохозяйственную выставку и ночью отбыл в Минск⁴². Торжественная встреча не обманула императора, понимавшего, что дворяне подчинятся его воле, но отнюдь не сочувствуют продвижению начатой им реформы. По выражению Корнилова, «не благоволил» к ней и Н.А. Ахвердов, с 1852 г. занимавший пост губернатора. В 1840-е гг. он состоял офицером для особых поручений при шефе жандармов гр. А.Ф. Орлове и, вероятно, ориентировался на позицию своего бывшего патрона, председательствовавшего в Главном комитете по крестьянскому делу⁴³. В начале 1859 г. во главе губернии его сменил генерал-майор Свиты А.П. Самсонов, окончивший Царскосельский лицей, с 1851 г. состоявший при вел. кн. Александре Николаевиче, а после его восшествия на престол выполнявший различные поручения монарха. Под его управлением Смоленск находился вплоть до лета 1861 г.⁴⁴

После отъезда царя 6 сентября 1858 г. Смоленский губернский комитет собрался на первое заседание. В него входили 27 человек — губернский предводитель, по два члена от уездов и два члена от правительства. Среди них насчитывалось 19 военных. Любопытно, что половина уездных предводителей не попала в состав комитета (в нём их оказалось только шесть). До утверждения 31 января 1859 г. Н.Е. Криштафовича в должности губернского предводителя работой комитета руководил вице-президент — сычёвский уездный предводитель С.С. Иванов, передовой хозяин и председатель Смоленского общества сельского хозяйства, созданного накануне приезда императора⁴⁵. Членами от правительства стали рачительные и либеральные помещики Д.Д. Неелов и А.А. Вонлярлярский. Однако никто из членов комитета не

³⁹ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 24. 14 июня.

⁴⁰ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта помещичьих крестьян... Т. 1. С. 95.

⁴¹ Морозова Е.Н. Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов, 2019. С. 116–121.

⁴² Смоленские губернские ведомости. 1858. 1 ноября. № 44. Приложение.

⁴³ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 203.

⁴⁴ Там же. С. 261, 276–279.

⁴⁵ Будаев Д.И., Левитин М.Н. Неизвестное об известных. Смоленск, 2003. С. 142–144.

обладал общероссийской известностью⁴⁶. Это были в полном смысле слова местные деятели.

Состав губернского комитета отражал структуру местного землевладения. У абсолютного большинства его членов было до 200 крестьян и только двое (И.П. Римский-Корсаков из Ельнинского уезда и И.Н. Чаславский — из Смоленского) имели более 500 душ⁴⁷. Характерно, что уездные совещания видели в губернском комитете выразителя своих интересов и мнений. 5 из 12 совещаний (Смоленского, Вяземского, Краснинского, Поречского и Сычёвского уездов) прямо делегировали «учреждение будущего порядка усмотрению избранных ими членов в губернский комитет»⁴⁸. Другие составили проекты, которыми должны были руководствоваться их представители в Смоленске.

На первом заседании рассматривались преимущественно организационные вопросы. При этом сразу же выяснилось, что у губернской администрации нет «никаких сведений о помещичьих имениях»⁴⁹. В первой половине XIX в. проводилось полюбовное межевание земель, но в губернии из-за множества чересполосных имений его так и не завершили⁵⁰. В уездных совещаниях предлагалось «для развода дач употребить местных землемеров и свободных чинов Межевого корпуса» или передать определение ценности и количества земли губернскому комитету⁵¹. 24 июля 1858 г. ельнинское дворянство решило создать в уезде оценочную комиссию с присоединением к ней большого числа землемеров, чтобы «составить предложение о дворянской собственности»⁵².

В стенах комитета затем ещё несколько раз возвращались к проблеме межевания и кадастра. Но это трудоёмкое дело могло замедлить подготовку реформы, поэтому Ланской дважды (20 марта и 31 октября 1858 г.) запрещал «касаться этого вопроса»⁵³. Смоленскому комитету пришлось обратиться к традиционному порядку сбора данных: помещики подавали сведения о своих владениях, а объединение их «в таблицу» поручалось членам от правительства⁵⁴. В результате, как отмечают исследователи, сведения, на которые опирались комитеты, по «большой части были неудовлетворительны»⁵⁵.

Смоленский губернский комитет работал над своими проектами с 1 ноября 1858 г. по 6 мая 1859 г., немного превысив шестимесячный срок, отведённый правительством для его деятельности. Он заседал по вторникам и четвергам с 11 до 3 часов пополудни. С марта 1859 г. обязательное чтение журналов предыдущего дня перенесли на среду и пятницу. Всего состоялось более 60 заседаний. До марта 1859 г. на них продолжалось чтение многочисленных записок, сопровождавшееся прениями, иногда по уже обсуждавшимся предметам. Затем члены комитета перешли к работе «по правительственной программе». По мере

⁴⁶ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта помещичьих крестьян... Т. 1. С. 315–316.

⁴⁷ Орлов В.С. Указ. соч. С. 81.

⁴⁸ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 4, л. 4 об.

⁴⁹ Там же, д. 9, л. 14–14 об., 37.

⁵⁰ Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-е —1890-е гг.). М., 2011. С. 46; Рябков Г.Т. Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 1991. С. 34.

⁵¹ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 9, л. 14–14 об., 37.

⁵² Там же, д. 37, л. 2 об.

⁵³ Там же, л. 5, 177.

⁵⁴ Там же, л. 1 об.

⁵⁵ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 276; Христофоров И.А. Судьба реформы... С. 46–47, 131–132.

того как дело переходило в практическую плоскость, укреплялось единство дворян, защищавших интересы местных землевладельцев и всё сильнее дистанцировавшихся от тех государственных задач, которые формулировала и решала «прогрессивная бюрократия» Петербурга.

Среди членов комитета не было идейных крепостников. Практически сразу они единогласно и без дебатов проголосовали за предоставление крестьянам личной свободы⁵⁶. Тем не менее ещё долго ими велись споры о том, как понимать «улучшение быта крестьян» и «уничтожение крепостной зависимости», а также включать ли в состав усадьбы оседлости только дом и хозяйственные постройки или же, помимо того, ещё и конопляник и огороды. Повод к таким дискуссиям давали сами тексты рескриптов и отношений министра внутренних дел⁵⁷.

Как и в уездных совещаниях, основные споры шли о выкупе, землепользовании и способах обеспечения владельцев рабочей силой. В рескриптах говорилось только о выкупе усадьбы. Но в смоленском комитете до начала 1859 г. обсуждали возможность выкупа как имущества, так и личности крестьянина. Разногласия же касались, прежде всего, того, следует ли их выкупать вместе или отдельно. При этом большинство недоумевало, «каким образом можно купить два предмета (и землю, и крестьян), заплативши за одно?»⁵⁸.

Представители восточных («оброчных») уездов настаивали на том, чтобы размер выкупа усадьбы учитывал «промысловые выгоды», т.е. доход, который приносили отходники. Представители барщинных уездов всячески завышали стоимости земли. Но если «выкуп земли» был вполне осязаемой величиной, то «выкуп личности» для одних означал цену свободы (Вонлярлярский), для других — доход, получаемый от оброка (П.Д. Неелов из Гжатского уезда), для третьих — обязательный труд (Д.Д. Неелов), для четвёртых — «все права на крестьян» (Иванов).

Со временем в Смоленске всё отчётливее проявилось недовольство петербургскими реформаторами и разочарование в действиях императора. «Хоть каждый из нас готов беспрекословно исполнить священную волю государя, но никто, верно, не изволит добровольного, непринуждённого согласия на безвозмездную уступку земли», — констатировал А.Г. Ковалёв из Юхновского уезда. А Н.В. Синявский из Смоленского уезда заявлял: «Пусть правительство откажет нам в выкупе личности, тогда, по крайней мере, мы будем знать, что личность от нас отходит безвозмездно»⁵⁹.

Из-за выкупа возник конфликт между «самыми влиятельными» лицами комитета: членом от правительства Нееловым и вице-президентом Ивановым, требовавшим «вознаграждения за все права на крестьянина, потому что после отмены крепостного права обязательный труд станет бессмысленным». Со своей стороны, Неелов, ссылаясь на рескрипт, допускал лишь выкуп усадьбы, напоминая, что «на переходный период сохранится обязательный труд», притязания же дворян должны лежать «не в праве личности, а в праве собственности»⁶⁰.

Все эти рассуждения дворян опирались на их собственный хозяйственный опыт. Различия же между отдельными поместьями были столь велики, что смоляне уже собирались писать особые проекты для каждого уезда. Однако 18 ок-

⁵⁶ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 87.

⁵⁷ Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права... С. 130–132.

⁵⁸ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 81.

⁵⁹ Там же, л. 50, 82–83.

⁶⁰ Там же, л. 79–79 об., 119 об., 122.

тября 1858 г. Главный комитет принял решение о составлении общего для всей России Положения⁶¹, что означало победу «средних величин».

В такой ситуации смоленский комитет высказался в пользу «высокого» выкупа, который помещикам платило бы правительство, поскольку крестьяне необходимыми для этого средствами не располагали и к тому же нередко сами были в долгах. Смоляне искали такой способ, который позволил бы им вернуть крестьянские долги и рассчитаться с государством.

Вследствие острого конфликта пришлось создать специальную комиссию для рассмотрения разногласий. 17 декабря 1858 г., после очередных дебатов, смоленский комитет принял прямо противоречившее рескрипту решение о выкупе личности крестьянина с вознаграждением от правительства (размеры усадеб оставались без изменений)⁶². До его уплаты сохранялись обязательные работы, затем уже заключались добровольные договоры. Большинство членов комитета желало, чтобы усадьбы передавались в пользование, а крестьяне могли отказываться от них, превращаясь в батраков. «Пролетариат необходим, — говорил кн. А.А. Голицын из Гжатского уезда, — без него мы не найдём работников для обработки земли»⁶³. За выкуп усадеб в собственность и свободные договорные отношения в деревне высказывалось меньшинство (в том числе братья Нееловы и А.А. Мего из Рославльского уезда).

Принятое 17 декабря решение, по-видимому, объяснялось тем, что в комитете заговорили депутаты «молчаливых» уездов, не присылавших ранее свои проекты. Обстановка гласности (в дебатах, хотя и без права решающего голоса, участвовали кандидаты в депутаты, а в зале заседаний присутствовала публика) обязывала его членов активно защищать сословные интересы. Между тем дворян всё больше беспокоила глубина и детали предстоящей реформы. А её очертания были ещё далеко не ясны, и для многих «выкуп личности» вовсе не означал полного отказа от предоставления земли.

Ранее, 27 ноября, комитет принял решение сохранить в пользовании крестьян существующий размер усадьбы. В тот же день был получен циркуляр, разосланный МВД 16 ноября и сообщавший о новых подходах к реформе, в соответствии с которым требовалось, «чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшается; а дворяне, что интересы их учтены»⁶⁴. И комитетам следовало теперь указывать, в чём именно в их проектах выразится «улучшение быта»⁶⁵. Это заметно сказалось на положении в комитете членов от правительства: они уже не могли отстоять ни решения центра, ни свои собственные убеждения. В декабре им так и не удалось добиться от комитета ни согласия на выкуп усадьбы в собственность, ни конкретизации того, что считалось бы «улучшением быта крестьян»⁶⁶.

10 января 1859 г. Неелов подал прошение об увольнении от звания члена комитета от правительства по «непредвиденным домашним обстоятельствам»⁶⁷. Ахвердов сразу же принял его отставку и предложил занять его место

⁶¹ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права... С. 191.

⁶² ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 220, 229.

⁶³ Там же, л. 180.

⁶⁴ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права... С. 187; ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 180, 182.

⁶⁵ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права... С. 191.

⁶⁶ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 180.

⁶⁷ Там же, л. 280.

кн. Друцкому-Соколинскому, но тот отказался, заявив: «Мне начала правительства не более известны, чем другим». Затем губернатор рассматривал кандидатуру краснинского исправника Михайловского, но уже 15 января обязанности члена от правительства согласился принять бельский помещик полковник Н.А. Апухтин⁶⁸. Так или иначе, уход Неелова предотвратил образование в смоленском комитете «меньшинства», как это происходило в других губерниях. Было решено считать недействительными все положения, противоречащие постановлениям, принятым большинством голосов⁶⁹. К этому времени в нём уже председательствовал Криштафович, недавно утверждённый в должности губернского предводителя, а новый губернатор, исполняя последовавшее 22 января распоряжение Ланского, закрыл комитетские двери для посторонних лиц и 29 января ограничил литографирование материалов, касавшихся подготовки реформы⁷⁰.

16 февраля Главный комитет отверг попытку смолян включить в проект выкуп личности с вознаграждением от правительства и предложил объявить им выговор «за упорное невнимание к указанным началам». 22 февраля Александр II утвердил это мнение, и 5 марта собравшимся на заседание членам губернского комитета пришлось выслушать царский выговор, а затем отменить «все решения комитета о выкупе»⁷¹.

«Комплекс стыда» заставил местных «либералов» (А.А. Вонлярлярского, Н.В. Синаевского, А.А. Соловцова, П.Н. Энгельгардта) признать, что «нельзя ставить материальные выгоды выше понятия справедливости»⁷². Однако решение о наделении крестьян при освобождении полевой землёй, принятое Главным комитетом 4 декабря 1858 г., застало смолян врасплох. Поэтому редакционная комиссия губернского комитета сформулировала стоявшие перед ним вопросы предельно чётко и в полном соответствии с новой программой: «Предоставлять ли усадьбу и прочую землю в пользование; ...предоставлять ли усадьбу в продажу, а прочую землю в пользование; ...предоставлять ли крестьянам в продажу усадьбу и часть прочей земли?»⁷³. Вокруг этого и развернулась дальнейшая полемика, фактически парализовавшая заседания в феврале. Как отметил П.Д. Неелов, «остановка в работе нашего комитета происходит потому, что многие из членов до сих пор не убедились в необходимости предоставить крестьянам в постоянное пользование землю и в обязательной продаже усадеб»⁷⁴.

Только 3 марта 1859 г., «скрепя сердце», члены комитета согласились составить свой проект Положения «буквально по программе» и «не требовать ничего от освобождаемых крестьян, кроме платы за землю»⁷⁵. 19 марта они решили «не вносить словесных прений» в журналы, ограничившись изложением доводов в пользу принятых постановлений⁷⁶. К маю 1859 г. были подготовлены «Записка, показывающая, в чём будет состоять улучшение быта крестьян», «Обзор оснований, принятых смоленским комитетом при составлении проекта» и «Положение об улучшении быта помещичьих крестьян Смоленской

⁶⁸ Там же, л. 284, 330.

⁶⁹ Там же, ф. 598, оп.1, д. 459, л. 67.

⁷⁰ Там же, ф. 567, оп. 1, д. 17, л. 2, 3.

⁷¹ Там же, ф. 598, оп.1, д. 14, л. 2; д. 37, л. 54–54 об.

⁷² Там же, ф. 107, оп. 1, д. 65, л. 26.

⁷³ Там же, д. 37, л. 205.

⁷⁴ Там же, л. 510.

⁷⁵ Там же, д. 14, л. 2 об.

⁷⁶ Там же, л. 8 об.

губернии»⁷⁷. В этих документах смоленские дворяне признавали моральную и экономическую несправедливость крепостного права, но представляли его отмену как жертву своего сословия, свидетельствующую о готовности строить «взаимно-обязанные отношения» с крестьянами, значительно больше выигрывавшими от реформы⁷⁸. При этом «улучшение крестьянского быта» усматривалось даже в сохранении за помещиками лесных дач, поскольку их передача крестьянам «возвысила бы повинности» и привела бы к «скорому и безрасчётному выпутошению» лесов⁷⁹.

Немаловажно и то, что в Смоленске составили проект местного Положения только на переходный период и надеялись на переобработку и ликвидацию поземельной общины после его завершения. Круговую поруку в местном комитете считали «неизбежным», но временным злом и охотно предоставляли «право освобождаться от общинного владения тем крестьянам, которые видят в том пользу и имеют на это средства». Также в губернии допускалось сосуществование подворного и общинного владения землёй⁸⁰. На смолян явно влиял опыт хозяйствования в близких белорусско-литовских губерниях, где преобладала подворная форма собственности.

Созданный в комитете проект не включал положений о *бессрочности* пользования землёй и *неизменности* повинностей (их предполагалось пересматривать через десять лет), за что боролась «просвещённая бюрократия» во главе с Милютиным⁸¹. В нём говорилось про обеспечение крестьян землёй «преимущественно в размере прежнего надела», однако не свыше 4 десятин на душу, что предполагало в будущем отрезки, так как в 1850-е гг. в среднем на душу в губернии приходилось 5,3 десятины⁸².

Смоленское Положение также включало в себя детально разработанную программу преобразования сельского управления, основанную на принципах сословности и разделения административно-хозяйственных, полицейских и судебных функций. Она кардинальным образом отличалась от планов Редакционных комиссий, исходивших из того, что сословность оградит крестьян от давления со стороны помещиков. Но в губернском комитете именно во *всословности* и видели рычаг сохранения власти землевладельцев.

Согласно смоленскому проекту, учреждалась *всословная* волость во главе с волостным собранием и начальником из местных дворян, которая обладала бы большей хозяйственно-административной и полицейской властью, чем *сословная* волость, созданная после 19 февраля 1861 г. Смоляне, например, надеялись её правом распределения по селениям казённых повинностей, тогда как сельскому миру, на котором лежало их исполнение, доверялось только *взыскание* недоимок⁸³. Впоследствии, после отмены крепостного права, раскладка всех податей и натуральных повинностей была возложена на *сельский сход*⁸⁴.

⁷⁷ Там же, д. 4, л. 6–14; д. 35, л. 1–23.

⁷⁸ Там же, д. 4, л. 13 об.–14.

⁷⁹ Там же, л. 7.

⁸⁰ Там же, л. 6 об.

⁸¹ Там же, л. 2 об., 6, 7. В вопросе неизменности повинностей либеральная бюрократия пойдёт на уступку и согласится на переобработку через 20 лет (Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права... С. 294–296).

⁸² Будаев Д. И. Указ. соч. С. 77.

⁸³ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 35, л. 14–17.

⁸⁴ ПСЗ-II. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36657. Ст. 51.

Судебную власть комитет передавал корпорации волостных и уездных мировых судей из местных дворян. Ожидалось, что этот «словесный и безотлагательный» суд — аналог будущей мировой юстиции — ограничит произвол помещика и окажется милостивее к крестьянам. К примеру, он мог заменять телесное наказание (до 50 ударов розгами) общественными работами: один день, проведённый на них, шёл «в замену каждых пяти ударов»⁸⁵. В то же время смоленское Положение чётко регламентировало и ужесточало действия мировых судей и волостных приставов при рассмотрении дел о лесных порубках и порче лесов, о потравках полей и лугов, о конокрадстве и воровстве хлеба⁸⁶.

Добиваясь участия и председательства в волостных собраниях, а также должностей волостных попечителей и мировых судей, дворяне рассчитывали обеспечить себе контроль над местным управлением. В этом отношении смоленское Положение вполне соответствовало планам «аристократической оппозиции» и замыслам тверского, калужского и харьковского губернских комитетов, а также «меньшинства» владимирского и саратовского комитетов⁸⁷.

Решительное несогласие с видами правительства депутаты смолян В.П. Пенский и С.С. Иванов выразили и в феврале 1860 г., когда их вызвали, наряду с представителями других губернских комитетов, для ознакомления с проектами Редакционных комиссий. Оба подписали протест против упразднения вотчинной власти помещика, добивались сохранения за помещиками лесных дач и т.д. «Существующий надел» они признали лишь потому, что ожидали по истечении переходного периода «дарования права перехода крестьян и свободных договоров о земле»⁸⁸. Тем самым они играли роль не столько экспертов, каковыми их желали видеть в Петербурге, сколько делегатов, уполномоченных местными землевладельцами защищать их интересы. Таким образом, степень сословной консолидации смоленских дворян в конце 1850-х гг. была весьма велика, они проявили значительное упорство в отстаивании своих позиций наперекор властям, однако не имели ни возможностей, ни желания вступать с ними в открытый конфликт даже в ситуации, напрямую затрагивавшей и существенно менявшей их социальное и имущественное положение.

⁸⁵ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 35, л. 15, 16, 18.

⁸⁶ Там же, л. 18, 19, 19 об.

⁸⁷ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 268, 291.

⁸⁸ Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование Александра II. Т. 2. М., 2011. С. 120, 121, 151, 162 и др.; Корнилов А.А. Указ. соч. С. 288; Будаев Д.И. Указ. соч. С. 78–79.

Мусульманское крымскотатарское приходское «наследственное» духовенство в конце XVIII — начале XX в.

Ильдус Загидуллин

**Muslim Crimean tatar parish «hereditary» clergy
in the late 18th — early 20th centuries**

Il'dus Zagidullin

*(Center of Islamic Studies, Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23010066, EDN: POFMAI

На формирование государственно-исламских отношений в Российской империи, в том числе на учреждение религиозных управлений¹ в анклавов с мусульманским населением, оказывал влияние целый ряд факторов: геополитические условия, время присоединения этих территорий к России, степень лояльности местного населения к новой власти, уровень общественного развития и культуры и др.

Присоединение Крыма в 1783 г. сформировало новую модель государственно-исламских отношений в империи. В этой связи изучение истории мусульманского крымскотатарского духовенства представляет несомненный интерес в плане выявления общего и особенного в функционировании исламских институтов в Тавриде по сравнению с другими мусульманскими анклавами страны.

В начале XX в. эта тема затрагивалась в публикациях И.Ф. Александрова и А. Кричинского². Приметой советской эпохи явилось свёртывание научных изысканий по исламским институтам и откровенно атеистический характер публикаций. В работах современных историков сюжеты о крымскотатарском духовенстве излагаются в рамках изучения более крупных или смешанных научных проблем. В частности, в монографии и сборнике документов, подготовленных Д.Ю. Араповым, данная тема рассматривалась в контексте освещения

© 2023 г. И.К. Загидуллин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан, проект № 17-11-16011.

¹ В Российской империи были учреждены всего четыре религиозных управления мусульман. В 1788 г. появилось Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), в 1831 г. — Таврическое магометанское духовное собрание. В 1872 г. были образованы управления духовенством шиитского и суннитского направлений в Закавказье, которые не распространялись на Черноморскую губ., Дагестанскую, Батумскую и Карскую области, а также Закатальский и Сухумский округа.

² Александров И. О наibaх в Крыму // Мир ислама. Т. 1. СПб., 1912. № 1. С. 669–670; Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // Известия Таврической учёной архивной комиссии (далее — ИТУАК). 1914. № 51. С. 207–220; Александров И. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления // ИТУАК. 1918. № 54. С. 316–355; Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах. [В 2 ч.]. Ч. 1. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919.

конфессиональной политики правительства до 1905 г. включительно³, Д.М. Усмановой — при анализе законодательской деятельности депутатов-мусульман в Государственной думе, в кандидатской диссертации З.З. Хайрединовой — при освещении истории Таврического магометанского духовного правления (ТМДП)⁴.

Мой исследовательский интерес⁵ к этой теме появился в ходе подготовки к публикации отчёта чиновника особых поручений при министре внутренних дел В.В. Вашкевича⁶, командированного в 1891 г. в Таврическую губ. с целью изучения исламских религиозных институтов и составления проекта реформы управления духовными делами крымских татар⁷. Благодаря общению с членами и сотрудниками религиозного управления, чиновниками, духовными лицами и крымскотатарскими общественными деятелями Вашкевич написал научный труд, основанный на материалах архивов местных учреждений⁸, справок, составленных по его указанию сотрудниками ТМДП. Автору удалось создать целостную картину социального положения приходского духовенства в системе исламских институтов Тавриды. Огромное научное значение имеют приложения его отчёта, где представлены тексты документов конца XVIII — первой половины XIX в., извлечённые из местных архивов, а также статистические таблицы, составленные по его указанию. Некоторые из документов позднее были опубликованы.

Манифест от 8 апреля 1783 г. гарантировал мусульманам охрану и защиту их лиц, храмов и веру, «коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»⁹. Это означало утверждение новых

³ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.

⁴ Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999; Хайрединова З.З. Возникновение и развитие Таврического магометанского духовного правления (конец XVIII — начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2004.

⁵ Загидуллин И.К. Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783–1831 гг. // Минбар. Исламские исследования. Т. 11. 2018. № 4. С. 724–740; Загидуллин И.К. Динамика численности мусульманского крымскотатарского приходского «наследственного» духовенства во второй половине XIX — начале XX вв. // Научный Татарстан. 2018. № 2. С. 56–65; Загидуллин И.К. О записке крымских мурз по реформированию системы образования мусульман 1867 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11(85). С. 63–65; Загидуллин И.К. О проектах реформирования управления духовными делами крымских татар в 1865–1869 гг. // Ислам в современном мире. Т. 14. 2018. № 1. С. 25–44.

⁶ См.: Загидуллин И.К. В.В. Вашкевич — первый российский исследователь крымскотатарского духовенства нового времени // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X всероссийского съезда востоковедов, посвящённого 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). Кн. 2. Уфа, 2015. С. 25–28.

⁷ Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В. Вашкевича. Сборник документов / Сост. И.К. Загидуллин. Казань, 2016.

⁸ Поражает объём изученных Вашкевичем документов. В описях архивов Комиссии для разбора споров о землях (за 1802–1851 гг.), канцелярии Новороссийского генерал-губернатора (конец XVIII в.), канцелярии Таврического губернатора (за 1803–1831 гг.), Таврического губернского правления (за 1882, 1887 и 1890 гг.), Таврического магометанского духовного правления (за 1809–1884 гг.), Симферопольского и Евпаторийского уездных по воинской повинности присутствий (за 1891 г.) он выявил 13260 дел, из которых подробно изучил 3230.

⁹ ПСЗ-I. Т. 21. № 15708.

форм взаимодействия не только с элитами, но и с религиозными институтами. В концептуальном плане манифест являлся логическим продолжением декларируемой идеологией «просвещённой монархии» идеи о веротерпимости, изложенной в отношении к исламу в указе Екатерины II от 17 июня 1773 г.¹⁰

Следует отметить, что в сфере религиозных институтов правительство в целом оставалось верным манифесту 8 апреля 1783 г. Несмотря на гарантию неприкосновенности традиционного религиозного уклада крымских татар, социальное поведение и общественное мнение коренного населения о перспективах проживания в Российской империи формировалось под воздействием всего комплекса факторов. Поэтому в рамках заявленной в настоящей статье темы, рассматриваемой в контексте истории исламских институтов крымских татар в составе Российской империи, правомерно выделить периоды: адаптационный (1783 г. — вторая треть XIX в.) и стабильный (последняя треть XIX в. — 1917 г.). Хронологические рамки адаптационного периода определяются движениями мухаджиров¹¹, среди которых выделяются повторяющиеся эмиграционные «волны» 1784–1786¹² и 1860–1861 гг.¹³ Итогом стало превращение крымских татар в малочисленный народ в России¹⁴ и локальную группу жителей Таврической губ.¹⁵ Движения мухаджиров привели к невосполнимым потерям интеллектуальных и людских ресурсов, сокращению численности исламских институтов¹⁶, хаосу в управлении вакуфами¹⁷, изменениям в составе крымскотатарского духовенства.

Важно подчеркнуть, что изначально российские власти весьма лояльно относились к местному населению¹⁸. Администрация доверила управление духовными делами крымских татар и ногайцев переназначенным в 1784 г.

¹⁰ Там же. Т. 19. № 13996.

¹¹ Мухаджиры (*араб.*) — выселившиеся. В данном случае речь идёт о вынужденных переселенцах из Тавриды в Османское государство.

¹² *Озенбашлы А.* Кырым фаджиасы. Сайлама эсерлер (Трагедия Крыма. Избранные произведения). Из истории трагической судьбы крымскотатарского народа. Симферополь, 1997. С. 55.

¹³ О выселении крымских татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена. Сообщил С.П. Зыков // *Русская старина*. 1893. Июнь. С. 536–537; *Сергеев А.* Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 годах // *ИТУАК*. 1913. № 49. С. 210.

¹⁴ К 1805 г. в Тавриде крымских татар и ногайцев мужского пола проживало 73 681 человек (*Александров И.* К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления. С. 353). К 1866 г. насчитывалось мусульман обоего пола 102 951 человек (38,8% от прежнего состава до начала эмиграции в 1858 г.). Вследствие выезда практически всех ногайцев в этническом плане мусульмане были представлены крымскими татарами (Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлечённые из дел Таврической дирекции училищ и других местных источников директором Таврических училищ Марковым // *Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев*. СПб., 1869. С. 101–102).

¹⁵ В 1897 г. в Таврической губ. мусульмане составляли 13,2% жителей (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLI. Таврическая губерния. СПб., 1904. С. XI–XII).

¹⁶ В 1805 г. в Тавриде насчитывалось 1 556 мечетей, 5 136 духовных лиц (*Александров И.* К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления. С. 355). В 1891 г. действовало 755 мечетей, при них служили до 1 200 духовных лиц (Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 48, 72).

¹⁷ *Конкин Д.В.* Вакуфное землевладение в Крыму в конце XVIII — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2013. С. 75–142.

¹⁸ *Крючков А.В.* Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII — начало XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 161.

в своих должностях муфтию¹⁹ и кади-эскеру²⁰, которые начали получать жалование в рублях. Однако создание в том же году Таврической области в составе новых административных единиц — пяти уездов — вместо прежних четырёх десятков судебно-административных округов (кадылыков) привело к трансформации прежней системы контроля и определения на духовные должности.

В 1792 г. таврический генерал-губернатор гр. П.А. Зубов ходатайствовал о назначении на должность муфтия кади-эскера и избрании вместо кади-эскера шести эфендиев, которые под представительством муфтия «составляли бы духовную в Тавриде Консистирию». Правительство приняло половинчатое решение: новые пять штатов эфендиев выделили без учреждения Духовного правления²¹.

После первой волны эмиграции 1784–1786 гг. наметились структурные изменения в организации религиозного уклада местного населения. Новыми явлениями стали практика выполнения хатибами²² по совместительству функций имамов²³ и «двойное совместительство», когда одно и то же духовное лицо совмещало обязанности в своём и соседнем приходах. В условиях возникшего кадрового дефицита по договорённости с обществом прихода хатибами и имамами становились муэдзины²⁴, служители при мечетях²⁵ или лица, умеющие читать Коран и исполнять обряды. Изменился порядок определения на духовные должности, ориентированного теперь на утверждение подготовленных религиозных кадров. Если в ханский период роль первой скрипки играл муфтий, назначавший имама по итогам экзамена, и подчинённые ему институты, то сейчас хозяином положения стало общество прихода. В частности, в 1811 г. таврический муфтий Сеит Мустафа Челеби жаловался, что в ходе ревизии 1795 г. «много в числе духовенства помещено было таких, кои вовсе по незнанию наук, для духовенства предписанных, в духовном звании быть неспособны», одновременно прихожане переводили в податное сословие духовных лиц, потерявших их доверие²⁶.

В этой связи обращение в 1796 г. депутатов от местного дворянства к императрице об удовлетворении насущных просьб и социальной защиты единоверцев, в том числе о предоставлении духовным лицам льготы от уплаты налогов, явилось стремлением лояльных к новой власти представителей элиты комплексно решить возникшие проблемы в крымскотатарском обществе.

¹⁹ Таврический муфтий — духовный глава крымских татар и ногайцев в Таврической губ., с 1831 г. — председатель ТМДП, духовный глава мусульман Западных губерний.

²⁰ В Российской империи кади-эскер — второе лицо в иерархии крымскотатарского духовенства, с 1831 г. — заместитель таврического муфтия, председателя ТМДП.

²¹ ПСЗ-I. Т. 22. № 17274.

²² Хатиб — духовный руководитель прихода, заведующий соборной (джами) мечетью, читает хутбу, проповедь в мечети, руководит пятничной полуденной молитвой прихожан и другими праздничными богослужениями.

²³ Имам — духовный руководитель прихода, заведующий пятивременной мечетью, руководитель общественной молитвы.

²⁴ Муэдзин (маязин) — служитель мечети, провозглашающий азан, символ веры мусульман, и призывающий мусульман на молитву в определённые часы. Помимо прямых обязанностей по собранию верующих, он объявлял о начале общественной молитвы.

²⁵ Ферраши, каюмы — сторожа при мечетях, наблюдающие за их чистотой и в случае отсутствия муэдзина исправляющие его обязанности.

²⁶ Загидуллин И.К. Особенности формирования... С. 731, 732.

Предоставление указом от 17 сентября 1796 г. духовным лицам льготы от уплаты налогов означало появление в государстве нового привилегированного сословия, что, откровенно говоря, не вписывалось в алгоритм государственно-церковных отношений²⁷, в котором ислам, будучи нехристианской религией, занимал третью строчку после православия и «инославных» конфессий. Поэтому указ правомерно оценивать не только как высшую точку попечения императрицы об исламе, но и как признание Екатериной II необходимости обеспечения «мягкого вхождения» края в политико-правовое поле империи.

Муфтий Сеит Мустафа Челеби, согласовав вопрос с властями, издал циркуляр от 20 июля 1811 г. о проверке эфендиями знаний по исламским наукам всех духовных лиц в ходе проведения шестой переписи населения с правом смещения и записи в ревизские сказки духовными лицами по итогам испытания «более достойных» поселян и мещан.

По-видимому, в 1811 г. не удалось качественно обновить весь состав приходского духовенства. Желая препятствовать бесконтрольным действиям религиозных обществ, таврические муфтии стали настаивать на определении имамами и хатибами исключительно сыновей духовных лиц как гарантию подготовленности кандидата к пастырской службе благодаря полученному под контролем отца религиозному образованию.

В рамках кодификации законов 23 декабря 1831 г. состоялось высочайшее утверждение «Положения о Таврическом магометанском духовном правлении²⁸ и порядке отправления подлежащего ведению его дел». Согласно ему и на основании указа от 17 сентября 1796 г. за крымскотатарским духовенством был закреплён его обособленный привилегированный статус. Представители данной корпоративной группы освобождались от всех податей, повинностей (§ 6) и телесного наказания (§ 48, 49). Право принадлежности к духовенству основывалось на происхождении и доказывалось ревизскими сказками (§ 7). Новый закон сделал правилом определение на духовные должности сыновей и внуков высшего (муфтий, кади-эскер, уездные кадии²⁹), приходского (хатибы, имамы, муэдзины) духовенства, служителей при мечетях, начальников текий³⁰ — шейхов³¹. Закон уточнял, что хатибами, имамами и муллами³² могут быть только лица, происходящие из духовенства (§ 41). Для получения зва-

²⁷ В округе ОМДС духовенство не пользовалось льготами от налогов и было приписано к тем сословиям, из которых их определили на духовные должности.

²⁸ Помимо крымских татар и ногайцев Тавриды, ТМДП были подчинены и исламские институты литовских татар в Западных губерниях.

²⁹ В 1831 г. институт уездных эфендиев был заменён уездными кадиями, также получавшими казённое жалованье. Кадии — средний, уездного уровня институт управления в Таврической губ., призванный осуществлять взаимодействие между ТМДП и приходским духовенством. Они избирались обществами из числа наиболее авторитетных духовных лиц уезда. Однако в «Положении» 1831 г. не были прописаны их полномочия по надзору за местным духовенством и религиозно-обрядовой жизнью прихожан. Как правило, кадии решали спорные дела мусульман и духовных лиц. Симферопольский кадий являлся постоянным членом ТМДМ, принимал участие во всех его заседаниях. Остальные четыре уездных кадия раз год приглашались на общее собрание ТМДП для окончательного решения дел, остававшихся по разным причинам не рассмотренными.

³⁰ Текие — обитель дервишей, суфиев.

³¹ Шейх — руководитель общины дервишей.

³² В списке крымскотатарского духовенства муллы не значились, так именовалось лично свободное от налогов и повинностей на период несения службы мусульманское духовенство Западных губерний, входивших в округ ТМДП.

ния хатиба, имама, муллы и мударриса³³ было необходимо согласие приходского общества, выраженное в общественном приговоре, удостоверение ТМДП «по правилам, на сей случай постановленным», и утверждение губернского правления (§ 42). При утверждении в низшие духовные звания требовались только согласие приходского общества и удостоверение приходских хатибов, имамов или мулл, которые затем утверждались ТМДП (§ 42)³⁴.

Итак, вопросы определения на должности хатиба, имама, муллы и мударриса решались таврическим губернским правлением, муэдинов, мечетских служителей — ТМДП. Хатибы, имамы и муллы приводились к присяге в уездных судах в присутствии уездного стряпчего (§ 45), при назначении к должностям низшего духовенства — муэздина, мечетских служащих — присяга не требовалась³⁵.

Оказалось, что к этому времени 864 лица различных сословий уже занимали приходские должности. Со ссылкой на «Положение» 1831 г. и факт отсутствия испытания на духовное звание таврический муфтий потребовал обязать приходские общества избирать вместо них лиц «из духовного происхождения». Однако под предлогом того, что со стороны прихожан «не было жалоб в незнании ими магометанского закона», правительство в 1833 г. причислило их «лично» к духовенству, лишив такого права их детей³⁶. Как видим, большая группа лиц была официально легализована властями.

В период правления Николая I появились инициативы по упразднению привилегированного статуса крымскотатарского духовенства и обложения их положенными податному населению налогами³⁷. Ответной реакцией правительства стало принятие закона от 24 мая 1848 г.³⁸, согласно которому льготами от уплаты налогов из числа «наследственного» духовенства могли пользоваться только занимающие духовные должности лица и их сыновья, а также старшие члены семей не служащего духовенства. Все другие категории их родственников попадали под фискальный контроль государства и были обязаны в течение года приписаться в другое сословие, безвозвратно потеряв право перейти в «наследственное» духовенство. Исключение делалось лишь для тех, кто в установленном порядке избирался на приходскую должность, но мог рассчитывать на льготы лишь на время духовной службы³⁹.

Известно, что в 1858 г. в Крыму насчитывалось 3553 человека служащего духовенства, в том числе в городах — 119 человек. Они состояли при 1200 мечетях. После массового движения мухаджиров 1860–1861 гг. произошло резкое сокращение численности исламских институтов. Даже спустя 30 лет, в 1891 г., насчитывалось лишь 755 мечетей (по сравнению с 1858 г. их убыль составила 78,7%) и 700 представителей служащего «наследственного» духовенства (убыль на 80,3%)⁴⁰. Они составляли 58,3% всего служащего духовенства в губернии. Из

³³ Мударрис — преподаватель медресе.

³⁴ ПСЗ-П. Т. 6. Отд. 2. СПб., 1832. № 5033.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Т. 8. Отд. 1. СПб., 1834. № 6466.

³⁷ *Кравчук А. С.* К биографии таврического гражданского губернатора Матвея Матвеевича Муромцова // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. Т. 1(67). 2015. № 4. С. 21, 27, 29.

³⁸ ПСЗ-П. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1849. № 22297.

³⁹ Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 79.

⁴⁰ Там же. С. 48, 49.

них 78 мулл и 20 муэдзинов жили в городах, 483 мулл и 119 муэдзинов служили при сельских мечетях⁴¹.

Согласно материалам X ревизии (1858), в Таврической губ. насчитывалось 12 875 членов семей «наследственного» духовенства, к 1890 г. их количество сократилось до 5857 человек (на 54,5%). Между тем численность мужского крымскотатарского населения с 1863 по 1896 г. выросла с 56 563 до 103 736 человек (на 183,4%)⁴². Поэтому правомерно говорить об активном участии в эмиграции 1860–1862 гг. духовных лиц, а также о прекращении всеми их потомками духовной службы⁴³.

Первые обращения религиозных общин к властям с просьбой о разрешении лицам податных сословий занимать духовные должности зафиксированы в 1861 и 1863 гг.⁴⁴

В 1860-х гг. из-за дефицита духовных кадров сельскими обществами Перекопского и Ялтинского уездов в мечетские служители «почти исключительно» избирались поселяне и мещане⁴⁵. При возникновении споров по внутриобщинному вопросу мусульмане обращались за консультацией в вышестоящие инстанции. Так, в 1864 г. мусульмане Евпатории задали властям следующий вопрос: должно ли лицо податного сословия, избранное на духовную должность, пользоваться льготами, если прихожане отказываются принять эти налоги и повинности? Крымские татары Алуштинской и Байдарской волостей Ялтинского уезда увязывали этот вопрос с упразднением привилегий местного духовенства⁴⁶.

Пытаясь найти выход из ситуации, жители Бахчисарая в 1865 г. также обратились к императору с просьбой реформировать систему управления духовными делами, один из пунктов которой предполагал избрание на приходские духовные должности лиц податных сословий. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу поддержал их, отметив, что из-за переселения в Османское государство мурз и дворян оставшимся на полуострове татарам придётся избирать духовных лиц из числа мещан и поселян⁴⁷. В 1866 г. ТМДП также высказалось за определение на духовные должности лиц без различия сословий с предоставлением всем этим лицам льгот, предусмотренных духовной корпорацией⁴⁸.

Представители властных структур подходили к проблеме с точки зрения государственных интересов. В частности, Коцебу видел в ликвидации духовной корпорации упразднение её сословных привилегий⁴⁹. Возглавлявший учебное ведомство Д.А. Толстой знал о намерении МВД пересмотреть сословный статус духовенства⁵⁰. Опережая события, с его подачи в «Правила о мерах к образова-

⁴¹ Там же. С. 72.

⁴² Загидуллин И.К. Динамика численности... С. 57–58.

⁴³ Следует учесть, что закон от 24 мая 1848 г. обрёл всё неслужащее наследственное крымскотатарское духовенство на естественное вымирание. Иначе говоря, семьи, в которых к 1858 г. умер глава семейства, были приписаны в крестьянское или мещанское сословие в зависимости от места прописки.

⁴⁴ РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 408, л. 35 об.–36.

⁴⁵ Там же, л. 34.

⁴⁶ Там же, оп. 8, д. 605, л. 42 об.–43.

⁴⁷ Там же, д. 1116, л. 31–32.

⁴⁸ Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 50.

⁴⁹ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 605, л. 42 об.–43.

⁵⁰ Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. М.; Л., 1936. С. 292.

нию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г.⁵¹ был включён пункт, предусматривающий возможность избрания в будущем на духовные должности лишь кандидатов, знающих русский язык, «хотя бы (они. — И.З.) и не происходили от лиц духовного звания»⁵².

Принимая во внимание представления таврических губернаторов о том, что с упразднением особого статуса духовных лиц снизится их «вредное влияние» на прихожан, министр внутренних дел А.Е. Тимашев 3 мая 1875 г. инициировал законопроект по отмене «наследственного» статуса крымскотатарского духовенства. В основе его инициативы лежала идея унификации положения религиозных институтов в Оренбургском и Таврическом духовных округах. Однако осложнение международной обстановки на Балканах и последовавшая затем Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привели к тому, что этот вопрос отложили до более «благоприятных обстоятельств»⁵³.

Очевидно, что большинство приходских духовных лиц усердно исполняли свои обязанности. Однако привилегированный статус, закрытый характер духовной корпорации, уменьшение её численности вследствие вынужденной эмиграции и индифферентного отношения наследников к получению духовных должностей привели к острому дефициту духовных кадров. Претензии к «наследственному» духовенству имелись и у властей, и у местного населения. Губернское начальство было, с одной стороны, обеспокоено более высоким статусом мусульманского духовенства по сравнению с православными священниками, с другой — не могло отказать в сохранении традиционного религиозного уклада в приходах под руководством духовного лица. В рамках системной унификации статуса мусульманских институтов в различных регионах империи МВД планировало упразднить этот «нонсенс». Видевшее в тот период во владевшем русской грамотой имаме своего союзника, Министерство народного просвещения планировало ввести русский образовательный ценз для кандидатов на духовные должности.

Прихожане нередко страдали от нерадивых представителей «наследственного» духовенства, от которых практически невозможно было избавиться. В целом отсутствие конкуренции при определении на должность и механизма устранения от занимаемой должности способствовало пренебрежению некоторыми из представителей «наследственного» духовенства религиозным обучением и строгим соблюдением нравственных устоев традиционного общества. Расхождение поступков со словами проповеди дискредитировало таких лиц в глазах прихожан, не способствовало укреплению доверительных и уважительных отношений, препятствовало формированию дружественной атмосферы в религиозной общине.

Обеспеченность мечетей вакуфами не всегда играла положительную роль. Неотъемлемой частью религиозного уклада некоторых приходов становились «фиктивные имамы», которые, пренебрегая своими прямыми обязанностями, не желали обременять себя исполнением духовных треб у прихожан, нанимали для повседневной работы единоверцев, знакомых с обрядовой практикой⁵⁴.

⁵¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1877. Стб. 1556–1557.

⁵² Аграрный вопрос и крестьянское движение... С. 292.

⁵³ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1116, л. 36–36 об.

⁵⁴ Там же, д. 625, л. 167.

В 1860-х гг. в высших кругах крымскотатарской знати существовало устойчивое мнение о том, что все проблемы (пассивность, застой в мировоззрении, низкий уровень образованности имамов и хатибов) вызваны закрытостью духовенства, что, конечно же, не соответствовало действительности и являлось весьма утрированной оценкой социокультурной ситуации. Важно отметить, что на фоне нелицеприятного поведения некоторых представителей корпорации, которое резко контрастировало с народными представлениями о благочестивом, высоконравственном, образованном руководителе религиозной общины, прежде всего среди мурз сформировалось весьма неоднозначное представление о духовных лицах. В частности, в 1867 г. уездные предводители дворянства Арслан-бей Тащи оглу и Абдулвели мурза Карашайский рекомендовали постепенно отказаться от принципа наследственности крымскотатарского духовенства, предложив определять на духовные должности лиц всех сословий, окончивших медресе с русским классом обучения. «Тогда у нас все имамы, хатибы и кадии будут люди с образованием, которые и будут самыми надёжными двигателями к осуществлению того стремления, о котором теперь мы заботимся», — подчёркивали мурзы⁵⁵.

В 1883 г. некоторыми мусульманскими приходами Ялтинского и Евпаторийского уездов были составлены ходатайства, адресованные в высшие инстанции. В них утверждалось, что с отменой наследственности «уничтожится кастовая его обособленность и господствующее в нём невежество»⁵⁶. То же в 1891 г. заявляли председатель губернской земской управы Стевин, председатель «Особой комиссии о вакуфах» Ф.С. Голицын, члены местной земской управы Асан ага Абдурахманчиков, мирза Али бей Булгаков, подполковник Исмаил Муфтий-Заде, Исмаил бей Гаспринский и хатиб в Симферополе Мемет эфенди⁵⁷. Как видим, замкнутостью и обособленностью духовенства они объясняли низкий уровень образованности приходских имамов и неприятие ими новых явлений, вызванных модернизацией общества.

Очевидно, русские чиновники и татарские общественные деятели поразному оценивали понятие «мрак» («невежество»). Если для первых это слово означало закрытость мусульманского духовенства по отношению к русской культуре, незнание большинством мулл государственного языка, следовательно, невозможность полноценного диалога⁵⁸, то для вторых — невыполнение улемами миссии по продвижению народа к прогрессу в качестве лидеров общины. В этой связи И. Гаспринский, идеолог обновления общественной жизни мусульман России (джадидизм), подчёркивал: «Просвещённый, честный и нравственный мулла может принести громадную пользу своему приходу: он учитель, советник, юрист, проповедник и образец хорошей жизни. Как учитель он сеет грамоту; как проповедник он поучает (или должен поучать) людей к нравственной, трудовой жизни, вести их к совершенствованию и прогрессу; как юрист и судья он сглаживает столкновения, устанавливает право, порядок... Они могут вести народ ко всему хорошему; но могут так же своим бездействием и своим упадком деморализовать тёмное население и вести его

⁵⁵ Загидуллин И.К. О записке крымских мурз... С. 64.

⁵⁶ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 503, л. 52 об.

⁵⁷ Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 50.

⁵⁸ В 1891 г. только 10% крымскотатарского духовенства умели читать и писать по-русски (Там же. С. 130).

к гибели духовной и материальной»⁵⁹. Как видим, для джадидистов критика «наследственности» мусульманского духовенства являлась составной частью их идеологической борьбы с традиционалистами. В этот лагерь они записывали практически всю крымскотатарскую духовную корпорацию, мешающую своим монопольным положением занимать приходские должности новому поколению религиозных деятелей, готовых принять вызовы времени.

В конце XIX в. губернские власти сильно беспокоило нарушение закона при назначении кандидатов на должности приходского духовенства. Специфическую ситуацию, сложившуюся в этой сфере государственно-исламских отношений, красноречиво охарактеризовал в 1890 г. таврический губернатор П.М. Лазарев: «Во многих мечетях духовные должности исполняются лицами, допущенными и утверждёнными к тому Магометанским духовным правлением без ведома и утверждения губернского правления, а в некоторых мечетях даже лицами недуховного звания... Причина этого кроется в том, что в среде магометанского духовного сословия не находится лиц, достаточно удовлетворяющих закон — что подтверждается достаточно значительным количеством поступающих в губернское правление общественных приговоров об избрании на духовные должности поселян»⁶⁰.

Желая навести порядок в этом хаосе, Лазарев в феврале 1890 г. возбудил перед МВД ходатайство об изменении действующего законодательства с целью допуска на приходские должности лиц, происходивших из недуховного звания. По его указанию в октябре 1890 г. местное губернское правление предписало уездным полицейским управлениям запретить богослужение в мечетях духовным лицам из податных сословий. Однако вскоре, опасаясь волнений в среде мусульман, губернатор был вынужден секретным предписанием отменить это постановление губернского правления⁶¹.

В начале 1890-х гг. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) участвовал в решении нескольких вопросов, имевших отношение к религиозным институтам крымских татар. Так, на основании представления Лазарева, считавшего, что совместительство должностей в соседних приходах не дозволено действующим законодательством, и поэтому духовное лицо не в состоянии своевременно исполнять возложенные на него обязанности, в 1890 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново запретил практику совмещения приходских должностей⁶². В 1891 г., под предлогом необходимости завершить упорядочение в Тавриде вакуфных имуществ «Особой комиссией о вакуфах» и осуществить разрабатываемый проект преобразования религиозного управления, МВД отвергло предложение учебного ведомства о передаче в его ведение конфессиональных школ крымских татар⁶³. Согласно высочайшему указу от 27 мая 1891 г., проект которого был подготовлен ДДДИИ, кандидаты на должности таврического муфтия и кади-эскера впредь высочайше утверждались по рекомендации министра внутренних дел, без какого-либо согласования с мусульманами⁶⁴. Ранее, 5 апреля 1891 г., были высочайше утверждены «Правила

⁵⁹ Тарджеман-Переводчик. 1887. 11 января.

⁶⁰ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 625, л. 87.

⁶¹ Там же, л. 87—87 об.

⁶² Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 70.

⁶³ Там же. С. 105.

⁶⁴ ПСЗ-III. Т. 11. СПб., 1894. № 7754.

заведования вакуфными имуществами», регламентирующие механизм государственного контроля за вакуфными земельными угодьями⁶⁵.

Видимо, при подготовке этих документов у директора ДДДИИ кн. М.Р. Кантакузена, гр. Сперанского⁶⁶, привыкшего комплексно подходить к решению проблем, возник план реформирования исламских институтов в Таврической губ., в том числе упразднения привилегий духовенства. Причиной отмены здесь привилегированного мусульманского сословия, по мнению Кантакузена-Сперанского, являлись: 1) фискальная проблема: незаслуженное и несправедливое пользование членами семей мусульманского служащего духовенства предоставленной правительством льготой по уплате налогов и повинностей; 2) отягощение «магометанского общества» сословным духовенством и его «бесполезность»; 3) несостоятельность ранее принятых законодательных актов, направленных на сокращение крымскотатарского духовного сословия; 4) игнорирование российского законодательства в вопросе регулирования религиозно-обрядовой жизни крымских татар⁶⁷, т.е. бессилие имперской власти и нарушение губернской администрацией российских законов.

Кантакузен-Сперанский был обеспокоен также «опасностью» проникновения в Таврическую губ. «более фанатичных оренбургских мулл» (т.е. мулл из Волго-Уральского региона. — *И.З.*) и предлагал «ограничить право избирать в служители крымских мечетей только крымских уроженцев, русских подданных, с соблюдением при этом ныне действующих правил о возрасте кандидатов и политической их благонадёжности». Вопросы утверждения или удаления от духовной должности, по его проекту, переходили в компетенцию местного губернатора⁶⁸.

По распоряжению министра внутренних дел 11 сентября 1891 г. В.В. Вашкевич был командирован в Симферополь для выяснения вопроса о том, насколько проектируемые реформы соответствуют потребностям местного населения и будут ли они успешно реализованы⁶⁹. Возвратившись в столицу, в декабре 1891 г. Вашкевич представил свои соображения по этому поводу. Чиновник в целом нелестно охарактеризовал представителей духовенства и настоятельно рекомендовал своему начальству отменить его «наследственность», дозволить замещение мечетских должностей лицами без различия сословий. При этом он оценивал и «наследственное», и ненаследственное приходское духовенство как единую по своим идеологическим воззрениям группу крымских татар, не выделяя среди них консерваторов или прогрессистов⁷⁰. Вслед за Кантакузеном-

⁶⁵ Свод уставов духовных дел иностранных исповеданий. По прод. 1906 г. // Свод законов Российской империи. Т. IX. Ч. 1. Приложение к ст. 1391.

⁶⁶ М.Р. Кантакузен-Сперанский занимал должность директора ДДДИИ с 1882 по 1894 г.

⁶⁷ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 625, л. 121.

⁶⁸ Там же, л. 121 об.

⁶⁹ Там же, оп. 12, д. 262, л. 120 об.—121.

⁷⁰ Полезность данной меры, с «государственной точки зрения», Вашкевич объяснял следующим образом: «Во 1-х, что существование в Крыму татарского духовенства, как собрания лиц не только должностных, но и облечённых заранее духовным званием, поддерживает то, чему правительство постоянно противодействовало, т.е. размножению магомет[анских] духовных; во 2-х, что с упразднением наследственности означенного духовенства, несогласной ни с воззрениями магометан вообще, ни с пользами крымских татар и существующей лишь *proforma*, устранится нежелательный обход действующего о сей сословности закона, в сущности несостоятельного, и что, по сему, в 3-х, отмена сего закона представляется настоятельно необходимою, а означенными ходатайствами следует воспользоваться как средством к уничтожению той привилегии Крымско-

Сперанским Вашкевич предложил распространить привилегии только на служащее духовенство. Сыновей их, в случае непоступления на духовную службу, рекомендовалось приписать к податному сословию, сделав исключение только для детей муфтия как лица, назначаемого высочайшей властью⁷¹.

В осуществлении реформы управления духовными делами крымских татар ДДДИИ избрал «пошаговый принцип» — законотворчество по отдельным аспектам организации социальной жизни религиозных общин. В феврале 1893 г. начальник отделения ДДДИИ И.М. Платонников был командирован в архив Государственного совета для выявления и выписки материалов, имеющих отношение к таврическому мусульманскому духовенству⁷². Проанализировав эти документы, 13 апреля 1893 г. МВД обратилось в Министерство юстиции с запиской об отмене наследственности мусульманского крымско-татарского духовенства⁷³ — с готовым текстом законопроекта для представления в Государственный совет. «Принимая во внимание, что 1) существование в Крыму татарского духовенства как собрания лиц, не только как духовных лиц, но и облечённых заранее духовным званием, поддерживает то, чему правительство постоянно противодействовало, т.е. размножению магомет[анских] духовных лиц, 2) что с устранением наследственности означенного духовенства, не согласной ни с воззрениями магометан вообще, ни с пользами крымских татар, устранится нежелательный обход о сей сословности закона, в сущности, несостоятельного, 3) разрешение избирать служителей при мечетях из светских лиц не только не будет противоречить шариату, но и окажет, с одной стороны, существенную пользу в деле противодействия развитию фанатизма между мусульманами, поддерживаемого духовенством, с другой — приведёт к необходимости духовных лиц изучать не только Коран, но и грамоту, чем они теперь нередко пренебрегают, сознавая за собой неотъемлемое право только по происхождению занимать должности служителей при мечетях», — такими аргументами Дурново обосновывал необходимость отмены действующего порядка⁷⁴. Главный его посыл заключался в том, что после выявления точного списка сословия служащих духовных лиц освободить на период несения духовной службы их лично от податей и повинностей, за исключением воинской, а остальных членов приписать в установленный законом срок к податным сословиям⁷⁵.

Министерство юстиции поддержало инициативу Дурново⁷⁶. Между тем ответ Министерства финансов, также с положительным заключением, перевернул представление чиновников о привилегированном статусе таврического духовенства, заставив по-новому взглянуть на проблему. Оказалось, что чиновники упускали из вида новые принципы налогообложения. В 1874 г. рекрутская повинность была заменена всесословной воинской повинностью, которая распространялась на мусульманское духовенство, но от которой освобождались

го магом[етанского] духовенства, какой не пользуются татары ни Оренбургского и Закавказского округа, ни даже Западных губерний, входящих в состав Таврического духовного округа» (Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 51).

⁷¹ Там же. С. 80.

⁷² РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 625, л. 98–98 об.

⁷³ Там же, л. 138–153.

⁷⁴ Там же, л. 151–152 об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, л. 154–154 об., 156.

священники. В 1885 г. упразднили подушную подать, объектом казённых сборов, налога на недвижимость и поземельного налога стало имущество, при этом сословная принадлежность собственника не принималась во внимание. Аналогичный принцип действовал в земском налогообложении. Это означало отсутствие сословных привилегий у крымскотатарского духовенства по уплате основных налогов. Привилегии могли распространяться лишь на несколько несущественных налогов, собираемых по подушному принципу: по натуральным земским и общественным сборам и повинностям⁷⁷.

Справка Земского отдела МВД от 9 сентября 1893 г. окончательно рассеяла сомнения чиновников относительно привилегий «наследственного» таврического духовенства. Мирские и натуральные повинности подлежали сбору между членами сельского общества или лицами, приписанными к волости. После отмены наследственности и приписки духовных лиц к крестьянскому или мещанскому сословию местное общество имело право освободить их от уплаты налогов⁷⁸.

Итак, аргументы Министерства финансов и Земского отдела МВД сняли с повестки отмену «наследственности» крымскотатарского приходского духовенства, что означало сохранение обычного права при назначении кандидатов из недуховного сословия на приходские должности при сохранении преимущества лиц духовного звания. Видимо, для столичных чиновников ключевым являлся вопрос упразднения льготы по налогообложению, что для православного государства имело и политический оттенок, а проблема дефицита духовных кадров в крымскотатарских приходах была второстепенной.

Тему «закрыли», а проблема осталась. Заменивший в 1902 г. Лазарева на посту таврического губернатора В.Ф. Трепов 16 октября 1903 г. также обратился к директору ДДДИИ по поводу изменения порядка и допущения на приходские должности лиц недуховного сословия. Административную практику местного губернского правления по определению на духовные должности лиц из других сословий МВД в ответе 3 декабря 1903 г. объяснило тем, что закон о замещении приходских должностей духовенством не имеет в виду категорического требования, а составляет прежде существовавший у крымских татар порядок определения к духовным должностям⁷⁹.

В собрании крымских татар, состоявшемся 7 апреля 1905 г. в Симферополе, было заявлено о предоставлении права избираться на приходские духовные должности всем достойным мусульманам без различия сословий с предоставлением им права «наследственного» духовенства на пользование доходами с вакуфных имуществ. Крымскотатарскую депутацию, приехавшую в Санкт-Петербург для подачи петиции, возглавлял Гаспринский, который, превышая свои полномочия, составил 16 мая 1905 г. обновлённый текст ходатайства, адресованного в Комитет министров. В нём заявлялось не только о праве всех единоверцев занимать духовные должности, но и о необходимости упразднения сословных привилегий духовного звания (п. 4). Однако после подавления Первой русской революции правительство Николая II воздержалась от удовлетворения требований крымских татар⁸⁰.

⁷⁷ Там же, л. 157–158.

⁷⁸ Там же, л. 172–173 об.

⁷⁹ Государственный архив Республики Крым, ф. 27, оп. 3, д. 363, л. 3.

⁸⁰ Засидуллин И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 года // Научный Татарстан. 2015. № 3. С. 22.

В начале XX в. под воздействием демократических преобразований и по мере усиления обновленческих тенденций всё больше приходских должностей стали занимать лица, не имевшие отношения к духовному сословию. Продолжали формироваться второе и третье поколения ненаследственного духовенства, старавшиеся обеспечить своих сыновей «тёплым местом», стабильным благосостоянием и высоким социальным положением в мусульманском сообществе. Известно, что в 1909 г. в Таврической губ. при 600 мечетях служили только 317 лиц духовного звания, что составляло менее одной трети (31%) всего духовного корпуса, а, например, в Феодосийском уезде они состояли лишь при 6 из 65 мечетей⁸¹.

Один из конфликтов между представителями «наследственного» духовенства приходов Бахчисарая и его округа, с одной стороны, и местными мусульманами — с другой, стараниями первых был доведён до сведения министра внутренних дел П.А. Столыпина. В своей жалобе от 29 мая 1909 г. они сообщали о нарушении закона из-за избрания обществами на должности приходского духовенства лиц из других сословий и ущемлении своих законных прав. К этому времени в правительственных кругах доминировали консервативные настроения, союзником государства признавались духовные лица-традиционалисты⁸², с которыми, очевидно, ассоциировались представители «наследственного духовенства». В результате, во исполнение предписания ДДДИИ таврическое губернское правление постановлением от 21 декабря 1909 г. потребовало от ТМДП ограничить допуск лиц недуховного сословия на приходские должности, обязав в конкретные сроки переизбрать туда лиц духовного звания⁸³. Из-за невозможности исполнения собственного постановления губернское правление дважды переносило сроки замены приходского духовенства.

В нашем распоряжении имеются, главным образом, прошения, составленные в 1909–1910 гг. «светскими мусульманами» под угрозой потери своих имамов и хатибов из числа лиц податных сословий, поэтому их оценка «наследственного» духовенства в целом негативная, что, несомненно, создаёт одностороннее представление о его религиозно-общественной деятельности. Тем не менее ходатайства выражают мнение определённых кругов крымскотатарского сообщества. По критическим суждениям невольно создаётся впечатление, что среди посвятивших себя духовной стезе сыновей имамов и хатибов насчитывалось немало тех, кто был вынужден заниматься религиозно-обрядовой практикой вследствие безуспешности попыток приобщиться к другому ремеслу. Думается, свою лепту в их дискредитацию вносили временно исполняющие должность духовные лица из податных сословий⁸⁴.

Среди крымскотатарских общественных деятелей на кризисную ситуацию одним из первых отреагировал Гаспринский, который 10 февраля 1910 г. подал директору ДДДИИ А.Н. Харузину прошение, текст которого перекликался с резолюцией собрания крымских татар, состоявшегося 7 апреля 1905 г. в Симферополе. Гаспринский предлагал заменить в уставе ТМДМ статью о назначении на приходские духовные должности следующим текстом: «В Таврической

⁸¹ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 503, л. 2.

⁸² Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / Сост. И.К. Загидуллин, Р.М. Зялетдинова. Казань, 2015. С. 461, 462, 467.

⁸³ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 503, л. 43 об.

⁸⁴ Там же, л. 9 об.

губернии в звание хатибов, имамов, мулл, маязинов и прочих служителей мечетей избираются: а) принадлежащие духовному званию и б) лица, принадлежащие к другим сословиям, без различия состояний, так же, как и в Западных губерниях. Лица магометанского духовенства, избранные и утверждённые из сословий мещан или крестьян, пользуются всеми законными правами, присущими магометанскому духовенству, пока они на действительной службе»⁸⁵.

В апреле 1910 г. группа мусульман во главе с депутатом III Государственной думы от Таврической губ. Исмаилом Муфтий-Заде обратилась к местному губернатору с просьбой о дозволении всем без исключения мусульманам занимать духовные должности, сохраняя привилегии «наследственного» духовенства. Предложенная ими формулировка легла в основу закона «О допущении к занятию мусульманских духовных должностей при мечетях округа Таврического магометанского духовного правления лиц всех состояний» от 27 января 1912 г.⁸⁶, официально утвердившего практику определения в Таврической губ. на духовные должности кандидатов из податных сословий.

Отмечу, что крымскотатарское «наследственное» духовенство — это в значительной степени искусственно зафиксированное российским законодательством явление, состав которого обновлялся при проведении пятой (1795) и шестой (1811) ревизий путём избрания на вакантные должности представителей податных сословий.

Традиция определения на приходские должности преимущественно сыновей духовных лиц привела к закреплению в 1796 г. в иерархической структуре России мусульманского духовенства Тавриды в качестве привилегированного сословия. Массовые движения вынужденной эмиграции крымских татар и ногайцев нанесли существенный удар по структуре и функционированию религиозных общин, в рамках которых организовывалась религиозно-обрядовая практика местного населения. Возникший острый дефицит в духовных кадрах стал одной из главных причин невозможности соблюдения принципа «наследственности» и привёл к увеличению в составе духовенства лиц из других сословий.

На рубеже XIX–XX вв., в условиях модернизации общества, проблема «наследственного» духовенства приобрела и идеологическое обрамление. Крымскотатарские модернисты видели в корпоративном духовенстве традиционалистов, обвиняли их в замкнутости, нежелании выступать в качестве лидеров обновления общества, сопротивлении распространению новых идей. В 1905 г. Гаспринский обратился в Комитет министров с предложением упразднить привилегии своему идеологическому оппоненту. В период реакционного внутриполитического курса правительства для устранения угрозы освобождения от занимаемых духовных должностей лиц податных сословий джадидисты предложили компромиссный, устраивающий все заинтересованные стороны, в том числе правительственные круги, вариант решения проблемы, позволивший лицам других сословий занимать приходские духовные должности при сохранении материальных льгот малочисленного «наследственного» духовенства.

⁸⁵ Там же, л. 2 об.

⁸⁶ ПСЗ-III. Т. 32. Отд. 1. Пг., 1915. № 36482.

Выборы в революционной России

Электоральные предпочтения на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Белоруссии в 1917 г.

Олег Буховец

Electoral preferences in the elections to the All-Russian Constituent Assembly in Belarus in 1917

Oleg Bukhovets

*(Belarus State Economic University, Minsk;
Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X23010078, EDN: POGDNR

Как известно, в 1917 г., после июльских событий в Петрограде, надежды на Учредительное собрание в России стали мало-помалу ослабевать. Именно поэтому принятое 9 августа Временным правительством решение перенести выборы с 17 сентября на 12 ноября оказалось фатальной ошибкой, в решающей степени ускорившей «переток» реальной власти к советам. Не исключено, что при проведении выборов в установленные сроки Учредительное собрание, созданное согласно изначальному плану 30 сентября, не было бы уже на следующий день «закрыто» подобно тому, как это произошло три месяца спустя. Не случайно, захватив власть, большевики небезуспешно добивались на местах переноса голосования даже на более поздние сроки, чем это предусматривалось постановлением 9 августа. Так, в Западно-фронтовом избирательном округе выборы состоялись 22–28 ноября, а в гражданском Минско-Виленском округе — 26–28 ноября.

Белорусский историк А.А. Воробьёв в монографии, посвящённой выборам в Учредительное собрание в 1917 г. на русском Западном фронте, а также на территории Минской, Витебской, Могилёвской, Смоленской и Псковской губерний, подробно осветил подготовку, ход и итоги избирательной кампании¹. Опираясь на архивные документы, он пересмотрел и уточнил давно уже закрепившиеся в историографии цифры, отражающие результаты голосования за различные избирательные списки (прежде всего в Витебском округе). Основное внимание при этом автор уделил борьбе лидировавших партий — большевиков и эсеров. Однако собранный в его книге статистический материал имеет гораздо больший информационный потенциал, и, в частности, позволяет проанализировать массовое электоральное поведение тех, кто поддержал многочисленные этнокофессиональные группы и списки.

Согласно опубликованным Воробьёвым данным, на выборах в Учредительное собрание по всем трём белорусским гражданским избирательным округам

© 2023 г. О.Г. Буховец

¹ Воробьёв А.А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний. Могилёв, 2010. О Северном фронте в работе сказано значительно меньше.

проголосовали 2 137 147 избирателей (917 248 — в Минско-Виленском, 725 052 — в Могилёвском и 494 847 — в Витебском). В Западно-фронтовом округе число проголосовавших составило 729 917 человек². Лидировали с большим отрывом от всех остальных партий большевики, набравшие в гражданских округах 42,2%, и эсеры. В Минско-Виленском избирательном округе полученный ими результат составил соответственно 63,1 и 19,8%, в Витебском — 46,3 и 29,3%, в Могилёвском — 12,8 и 70,6%, в Западно-фронтовом округе — 66,1 и 19% (характерно, что за занявший третье место единый кандидатский список украинских меньшевиков и эсеров проголосовало 7,8%, т.е. без малого в два с половиной раза меньше солдат)³.

Прочие общероссийские партии потерпели в крае полное поражение. Так, кадетов в Белоруссии поддержали лишь 37 423 (или 1,7%) избирателей, принявших участие в выборах в гражданских округах. В Минско-Виленском округе число их сторонников составило 1,2%, в Витебском — 1,5%, в Могилёвском — 2,7%, в Западно-фронтовом — 1,8%. Немногим лучше оказались результаты меньшевиков (выступавших в блоке с Бундом): 1,8% по Минско-Виленскому, 2,5% — по Витебскому, 3% — по Могилёвскому и всего 0,8% — по Западно-фронтовому округу⁴. Трудовая народно-социалистическая партия смогла выставить свой кандидатский список только в Витебском округе, где он собрал 3 299 голосов (0,7% от общего числа проголосовавших в губернии)⁵. В Западно-фронтовом округе за энесов, блокировавшихся с социал-демократической организацией «Единство» и эсерами, группировавшимися вокруг газеты «Воля народа», проголосовали 0,4%. Всего в этом округе за кадетов, меньшевиков и энесов проголосовали 21 729 избирателей, т.е. 3% от общего числа проголосовавших⁶.

Всероссийский союз земельных собственников включил в свои списки по Минско-Виленскому и Могилёвскому округам таких видных представителей местной элиты, как М.П. Воронцов-Вельяминов, кн. Н.Н. Друцкий-Соколинский, Р.А. Скирмунт, Б.А. Энгельгардт и др. В Минско-Виленском округе союз блокировался с Польским избирательным комитетом, но если тот собрал 36 882 голоса, то землевладельцы — только 3 465. В Могилёвском округе за них высказались 10 136 человек. Таким образом, им удалось привлечь не более 0,6% от всех участвовавших в выборах на территории края⁷.

Несравненно более внушительно выступили национально-конфессиональные организации, получившие в среднем 15,5% голосов (332 296 человек из проголосовавших в гражданских округах): в Минско-Виленском округе — 15,5% в Могилёвском — 12,5%, а в Витебском — 20,1%. Несколько ниже этот показатель был в Западно-фронтовом округе — 11,6% (84 824 избирателя)⁸. Но и там

² Подсчитано по: Там же. С. 70, 142, 206.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. Единственный внеблоковый меньшевистский список представила в Минско-Виленском округе организация «Единство». Однако окружная избирательная комиссия отказалась его регистрировать из-за несоответствия требованиям «Положения о выборах».

⁵ Подсчитано по: *Воробьев А.А.* Выборы во Всероссийское Учредительное собрание... С. 55, 70, 142, 206.

⁶ Там же. С. 55.

⁷ Там же. С. 60–61, 70, 74, 206.

⁸ Там же. С. 55, 70, 142, 206. Подробнее о дестабилизирующей роли этнонациональных и конфессиональных факторов в событиях революции и Гражданской войны см.: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

он оказался в четыре раза выше, чем результат кадетов, энесов и меньшевиков вместе взятых.

Из 45 зарегистрированных кандидатских списков 26 были национально-конфессиональными (по 7 — в Минско-Виленском и Могилёвском округах, 8 — в Витебском и 4 — в Западно-фронтовом). В каждом из них имелись белорусские списки. За них проголосовали 18 594 избирателя: в Минско-Виленском округе 2988 (0,3%), в Витебском — 8703 (1,8%), в Могилёвском — 2523 (0,3%) и в Западно-фронтовом — 4380 (0,6%). В трёх гражданских округах пользовались успехом еврейские (соответственно 92 389 (10,1%), 37 027 (7,5%) и 72 038 (9,9%)) и польские (36 882 (4%), 9940 (2%) и 15 981 (2,2%)) списки, а в Минско-Виленском, Витебском и Западно-фронтовом — русские (10 040 (1,1%), 6028 (1,2%), 3805 (0,5%)). Кроме того, в Витебском избирательном округе баллотировались латгальские (31 973 (6,5%)), латышские (5784 (1,2%)), православные и единоверческие (8703 (1,8%)) и старообрядческие (6028 (1,2%)), а в Западно-фронтовом — украинские эсеров-меньшевицкие (56 816 (7,8%)) и мусульманско-социалистические (19 823 (2,7%)) кандидаты⁹.

Характерно, что за белорусские списки в крае, где белорусы составляли абсолютное большинство населения, было подано всего 14 214 голосов по гражданским округам (0,7%) и 4380 (0,6%) — по Западно-фронтовому. Более того, из этих избирателей 8703 отдали предпочтение единому списку консервативно-почвеннического Витебского белорусского народного союза и Союза православных и единоверческих приходов Полоцкой епархии, тогда как белорусские националисты «незалежницкого» толка добились признания лишь 0,25% проголосовавших. В Витебске, где окружная комиссия отличалась особым демократизмом, они не сумели даже представить собственный кандидатский список, хотя для этого требовались подписи всего-навсего 100 местных жителей¹⁰.

Схожей была ситуация с русскими списками: их поддержали 16 068 человек по гражданским округам (0,7%) и 3805 — по Западно-фронтовому. Несмотря на подавляющее преобладание великороссов среди солдат, офицеров и военных чиновников Западного фронта, за список мусульман-социалистов, в котором фигурировали представители их комитетов из Казани и Уфы, а также Всероссийского мусульманского военного шуро, проголосовало в пять с лишним раз больше избирателей, чем за кандидатов Русской демократической партии — трёх генералов, полковника, других высокопоставленных должностных лиц фронта и одного солдата¹¹. Основная же масса военнослужащих пошла за большевиками¹². В их списках отсутствовали генералы и старшие офицеры, но имелось девять солдат (у эсеров — восемь)¹³.

Вторым по численности этносом в 47 уездах пяти губерний Северо-Западного края являлись евреи. В городах они и вовсе составляли абсолютное

⁹ См.: Воробьёв А.А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание... С. 46–49, 55, 60–64, 70, 72–77, 90–94, 117, 142, 206. При этом единый список Витебского белорусского народного союза и Союза православных и единоверческих приходов следует рассматривать одновременно как белорусский и православно-единоверческий, а Общества старообрядцев Витебской губернии и Витебского губернского союза земельных собственников — как старообрядческий и русский.

¹⁰ Там же. С. 142–143.

¹¹ Там же. С. 48–49.

¹² Для сравнения, на соседнем Северном фронте им досталось 56% голосов (Там же. С. 41, 70, 142, 206).

¹³ Там же. С. 49–51.

большинство. В то время в Белоруссии отмечался самый высокий удельный вес евреев среди местного населения не только в России, но и в Европе. Еврейские партии и организации регистрировали 11 списков (пять по Могилёвскому, четыре по Минско-Виленскому и два по Витебскому округам) с фамилиями 87 кандидатов. Им отдали свои голоса 201 454 человека, т.е. намного больше, чем за все остальные национально-конфессиональные списки вместе. В том числе 131 797 (65,4%) из них поддержали Еврейский национальный избирательный комитет, 50 254 (24,9%) — проголосовали за блокировавшийся с меньшевиками Бунд, 1 737 — за блок Идише фолкспартей и Внепартийного еврейского демократического комитета, а в Минско-Виленском и Могилёвском округах 8 884 — за Объединённую еврейскую социалистическую рабочую партию «Поалей-Цион». Лидеры всех этих групп, кроме Бунда, стремились провести в Учредительное собрание как можно больше евреев, надеясь образовать там затем сильную общую еврейскую фракцию, которая смогла бы организовать Всероссийский еврейский съезд — фактически «собственное Учредительное собрание», способное «решить вопросы об основах национальной работы и создании институтов по строительству жизни многомиллионного еврейства страны»¹⁴.

Поляки, удельный вес которых в Минской, Витебской и Могилёвской губерниях на рубеже XIX–XX вв. не превышал 2,3%¹⁵, выдвинули в каждом гражданском округе по одному списку: в Минско-Виленском — от Польского избирательного комитета, собравшего в итоге 36 882 голоса, в Могилёвском — от губернской польской рады (15 981 голос), в Витебском — от Объединённых польских организаций (9 940 голосов). В результате электоральная поддержка их кандидатов достигла 2,9% от всех проголосовавших (не считая фронта). Причём в качестве ведущей силы в Минско-Виленском и Витебском округах они блокировались с кадетами, с Всероссийским и Витебским губернским союзами земельных собственников и Обществом старообрядцев Витебской губернии.

Между тем, если в Могилёвском и Минско-Виленском округах среди этноконфессиональных списков доминировали еврейские и польские, то в Витебском сказывалось наличие православных, единоверческих и старообрядческих кандидатов, оттянувших почти 3% (14 731 голос)¹⁶, и особенно активность латгальцев и латышей, за представителей которых проголосовало 7,7% (37 574 человека, тогда как за все еврейские — 37 027)¹⁷. Любопытно также, что если вожди латышского национального движения рассматривали латгальцев как субэтническую общность, то сами они отчётливо воспринимали и позиционировали себя как отдельный, наряду и наравне с латышами, этнос. Об этом весьма красноречиво свидетельствует, в частности, то, что из 32 652 избирателей, подавших голоса за блок объединений «Социалисты-федералисты и крестьяне

¹⁴ Локшин А.Е. 100 лет эмансипации евреев в России // Великая российская революция, 1917: 100 лет изучения. М., 2017. С. 348; Урбанович А.А. Тактика политических партий Белоруссии в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание (март 1917 — январь 1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1993. С. 12; Воробьёв А.А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание... С. 60–63, 70, 72–76, 91–92, 142, 206.

¹⁵ Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі з сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня, 2010. С. 123.

¹⁶ Подсчитано по: Воробьёв А.А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание... С. 91–92, 142.

¹⁷ Там же.

Латгалии» и «Латыши демократы-националисты», 26 868 (82,3%) поддержали латгальский список и лишь 5 784 (17,7%) — латышский¹⁸. И это несмотря на то, что в выборы грубо вмешались солдаты самой большевизированной 5-й армии Северного фронта, уничтожившие списки избирателей в нескольких волостях Двинского уезда, где ожидалась победа латгальцев¹⁹.

В целом, выборы в Учредительное собрание в Белоруссии не только верифицировали надежды и ожидания местных организаций и партий, но и стали зеркалом, отразившим полиэтничность и многоконфессиональность края и электоральные предпочтения его населения, нуждающиеся ещё в дальнейшем системном статистическом анализе. Тем не менее нельзя не обратить внимание на то, что более 90% избирателей, голосовавших за этноконфессиональные списки в гражданских округах, поддерживали представителей национальных меньшинств — евреев, поляков, латгальцев. В результате на каждую тысячу избирателей, выступавших за белорусских кандидатов, приходилось 10 873 отдавших голос за еврейские, 3 778 — за польские и 2 031 — за латгальско-латышские. Немногим лучше обстояло дело и с русскими кандидатами: тут на каждую тысячу их сторонников приходилось соответственно 10 137, 3 160 и 1 900 человек. Это отчётливо указывало на то, что подавляющее большинство населения Белоруссии, в отличие от меньшинств, руководствовалось на выборах преимущественно не соображениями этноконфессиональной идентичности, а социально-экономическими и политическими интересами.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 135.

Городские выборы на Белом Юге России (осень—зима 1919 г.)

Антон Чемакин

City elections in the White South of Russia (autumn—winter 1919)

Anton Chemakin

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X2301008X, EDN: POKHPT

В сентябре—декабре 1919 г. в десятках городов Юга России, контролировавшихся деникинскими войсками, прошли выборы в городские думы. В большинстве случаев уверенную победу на них одержали блоки, которые условно можно назвать «правыми», однако явка избирателей оказалась чрезвычайно низкой. Итоги данной кампании до сих пор не исследовались, хотя они безусловно важны для понимания обстановки в белом тылу. Конечно, электоральная статистика не отражала настроения всего населения Юга России, но вполне демонстрировала тенденции, доминировавшие в антибольшевистской среде.

Главнокомандующий Вооружёнными силами на Юге России (ВСЮР) А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» утверждал, что «переход от полуназначенных городских управлений к выборным» дал «преобладание национально-демократическим элементам»¹. В советской историографии, напротив, указывалось на недемократичность избирательного закона и заявлялось, что правые добились победы «благодаря абсентеизму и сознательному бойкоту выборов рабочими и вообще трудовыми элементами городов»². Участие же в легальной борьбе за органы местного самоуправления меньшевиков и связанных с ними профсоюзных организаций характеризовалось при этом как «социал-соглашательство», приведшее к провалу, поскольку «рабочие смотрели на выборы городских дум не только как на ненужную, но и как на вредную затею»³. В конце 1980-х гг. В.П. Федюк констатировал: «Результаты выборов ещё не означают, что средние городские слои в массе своей поддержали правых», так как «значительная часть обывателей в страхе перед происходящим вообще отошла от политической жизни»⁴. Правда, впоследствии, по-прежнему ссылаясь

© 2023 г. А.А. Чемакин

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-78-00015, <https://rscf.ru/project/21-78-00015/>.

The study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015, <https://rscf.ru/en/project/21-78-00015/>.

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 271. Генерал, видимо, позаимствовал это выражение из названия предвыборного блока, победившего в Харькове, но вряд ли оно применимо к итогам голосования в других городах. Деникинские оценки поддержал позднее и Я.А. Бутаков, полагавший, впрочем, что это не свидетельствовало «о популярности правительства» (Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). М., 2000. С. 155—156).

² Кин Д. Деникинщина. Л., 1927. С. 75—77.

³ Колесников Б. Профессиональное движение и контрреволюция. Очерки из истории профессионального движения на Украине. Харьков, 1923. С. 214—218.

⁴ Федюк В.П. Деникинская диктатура и её крах. Учебное пособие. Ярославль, 1990. С. 54.

на массовый абсентеизм, он не отрицал, что «политические симпатии городского обывателя явно сместились вправо»⁵.

В.Ж. Цветков рассматривал избирательные кампании 1919 г. как своеобразный «опрос общественного мнения», выявивший «очевидную тенденцию к “сдвигу вправо”»⁶. Со временем стали появляться исследования, посвящённые результатам выборов в отдельных городах или губерниях⁷. Однако почти всегда выводы авторов (например, о том, «правел» электорат или нет) делались на примере отдельных эпизодов, хотя выборы состоялись не менее чем в 40 городах, не считая тех, где голосование сорвалось из-за крушения белого фронта. Поэтому представляется важным обобщить имеющиеся данные о ходе и результатах их проведения на всём пространстве Юга России.

Территория, подконтрольная Добровольческой армии, стала формироваться во второй половине лета 1918 г. По мере занятия новых губерний командование белых столкнулось с проблемой организации местного самоуправления. Полномочия городских дум, избранных в 1917 г. по закону, изданному Временным правительством, истекали 1 января 1919 г.⁸ Следовало или продлить их, или опираться на управы, назначенные военными властями, или провести новые выборы, что казалось предпочтительным, поскольку позволяло избавиться от доминирования в «демократических» думах представителей социалистических партий и при этом избежать обвинений в «реакционности» и конфликтов с левыми и либеральными кругами. В результате 6 ноября 1918 г. была создана Комиссия по местному самоуправлению во главе с бывшим московским городским головой Н.И. Астровым, принадлежавшим к левому крылу кадетской партии⁹. Часть её, включая председателя, выступала за сохранение всеобщего избирательного права, против чего возражали правые во главе с Н.Н. Львовым, желавшие возвращения к «цензовым» думам и куриальной системе. «Несмотря на сопротивление, комиссия довела свою работу по пересмотру Городового положения до конца, — вспоминал Астров. — К закону Временного правительства внесены были поправки, полагающие границы “безграничному” избирательному праву, но принцип всеобщих выборов был, однако, удержан»¹⁰. После бурного обсуждения за это, при повышении возрастного ценза и введе-

⁵ Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917–1920 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. С. 367, 508.

⁶ Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917–1919. М., 2019. С. 695–699.

⁷ Королёв В.И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. Симферополь, 2002. С. 124–125; Раков В.В. «Крайне желательно, чтобы выборы дали состав гласных, благожелательных Добровольческой армии» (из опыта организации муниципальных выборов в Крыму в 1918–1919 гг.) // Российские регионы в условиях перемен: исторический опыт и современность. Сборник трудов IV научно-практической конференции. Иваново, 2013. С. 100–107; Чемакин А.А. Лебединая песня «чёрной сотни»: «Христианский трудовой блок» и выборы в Одесскую городскую думу 1 декабря 1919 г. // Вопросы национализма. 2016. № 2(26). С. 58–94; Владимирский М.В. Белый деникинский Крым. Июнь 1919 — март 1920. М., 2019. С. 29–34; Булат В.В. Местные и региональные выборы на территории бывшей Российской империи (городские думы, советы, парламенты новых государств). СПб., 2019. С. 140–141. Впрочем, данный справочник не отличается особой точностью.

⁸ Все даты в статье даны по юлианскому календарю.

⁹ Журналы заседаний Особого совещания при главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918 — декабрь 1919 года. М., 2008. С. 52.

¹⁰ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (далее — BAR), S.V. Panina Papers, box 9, folder «Astrov N.I. Grazhdanskaia voina», p. 146–147.

нии ценза оседлости, высказались 11 членов, против — 7¹¹. 6 марта 1919 г. Деникин утвердил «Временное положение об общественном управлении городов в местностях, находящихся под верховным управлением главнокомандующего Вооружёнными силами на Юге России» и «Временное положение о выборах городских гласных».

Городские думы должны были избираться на четырёхлетний срок, но в первый раз — только до 1 января 1921 г. Правом голоса обладали российские граждане обоего пола без различия национальности и вероисповедания, достигшие 25 лет ко времени начала составления избирательных списков и проживавшие в городе или владевшие в нём недвижимым имуществом или торгово-промышленным предприятием не менее чем два года. В отличие от норм 1917 г. лица, состоявшие на действительной военной службе, голосовать не могли.

Для производства выборов город мог составлять единый округ или делиться на несколько. Кандидатский список, выдвигаемый в каждом округе партией, блоком или группой жителей, подписывался горожанами, причём под ним должно было стоять не меньше подписей, чем числилось гласных по всему городу (или вдвое больше, чем избиралось по округу). Один и тот же кандидат мог фигурировать в разных списках, но не более чем по двум округам. Голосование производилось закрытой подачей избирательной записки, в которой указывались номера, имена, отчества и фамилии предлагаемых кандидатов, при этом допускалось, чтобы их было в полтора раза больше числа избираемых по данному округу. Голосующий мог получить готовую записку от представителей того или иного списка и подать её без изменений. Если кто-то из кандидатов избирателя не устраивал, его разрешалось вычеркнуть, но дописывать другие фамилии запрещалось. Также можно было изготовить (напечатать или написать от руки на непрозрачной бумаге) собственную избирательную записку, включив в неё кандидатов из разных списков, выдвинутых по данному округу. Побеждали те из них, кто получал относительное большинство голосов¹².

Таким образом, на Юге России вводилась мажоритарная система одобрительного голосования в многомандатных округах с неограниченным вотумом. Списки играли роль только при выдвижении кандидатов и агитации, но не при подсчёте результатов. Вследствие этого от партий их практически не выдвигали. «Для избрания требуется большинство голосов, — говорилось в одной из газет. — Поэтому родственные группы, отказываясь от объединения и составляя самостоятельные списки, вызовут лишь раздробление голосов и победу своих противников»¹³. Закон с одобрением восприняли в умеренных кругах, но левые резко возмущались его недемократичностью и требовали возвращения к пропорциональной системе.

Следует учесть, что Донская и Кубанская области, имевшие собственные правительства, сами определяли порядок избрания дум, не подчиняясь Деникину и Особому совещанию¹⁴. В большинстве прифронтовых губерний (Подольской, Черниговской, Орловской, Воронежской) о выборах речи не шло, в Терско-Дагестанском крае, Черноморской, Таврической, Ставропольской, Екатеринославской, Харьковской и Херсонской губерниях они состоялись как минимум

¹¹ ГА РФ, ф. Р-439, оп. 1, д. 52, л. 8 об.

¹² Журналы заседаний... С. 177–184.

¹³ Юрьев Б. Выборы // Южное слово. 1919. 8 октября. № 144. С. 1.

¹⁴ Про выборы на Кубани см.: Чемакин А.А. Городские выборы на Кубани (весна-осень 1919 года) // Научный диалог. 2021. № 12. С. 497–515.

в одном городе, в Полтавской губ. только были назначены, а в Саратовской, Киевской и Курской безуспешно пытались приступить к их проведению.

Терско-Дагестанский край стал первым регионом Юга России, испытывавшим новую избирательную систему. В крупнейшем его городе — Владикавказе — возник «Прогрессивно-деловой блок организаций, стоящих на платформе созыва Учредительного собрания», объединивший почти все местные буржуазные, социалистические, профессиональные и национальные группы¹⁵. К нему не примкнули лишь большевики, находившиеся в подполье, и организация «Закавказская Русь», к которой принадлежали бывшие члены Союза русского народа¹⁶. В итоге вся борьба развернулась внутри блока, в особенности — между домовладельцами и рабочими. Возможность вычёркивать неугодных позволяла избирателям частично скорректировать заранее согласованный расширенный список¹⁷. На участки пришло чуть больше 16% тех, кто имел право голоса, причём на долю «демократических» слоёв приходилось не более 3%, кадетов и близких к ним групп — 5%, домовладельцев — более 8%. В итоге домовладельцы провели 35 кандидатов из 36, кадеты — 14 из 17, осетинская группа — 8 из 15, союз учителей — 6 из 10, союз конторских служащих — 4 из 11, рабочая группа — 4 из 15, союз юристов — 4 из 6, армянская группа — 3 из 6, молоканская группа — 3 из 3, группа врачей — 2 из 2, стоящие вне групп и партий и рекомендованные всем блоком — 2 из 3, еврейская группа — 1 из 3¹⁸.

Выборы в Грозном также отличались заметным абсентеизмом. Конкурировали два списка — Деловой (кадетско-домовладельческий), от которого в думу прошли 36 кандидатов, и Демократический (социалистический), прошедший только одного человека; ещё четверо избранников числились в обоих списках. Среди новоизбранных гласных оказалось 18 беспартийных домовладельцев «неопределённой политической физиономии», 15 кадетов и пять близких или сочувствующих им, два монархиста и правый эсер¹⁹. Несмотря на наличие в Деловом списке большого числа кадетов, его представители уверяли избирателей, что их блок «не партийный, не митинговый и политикой заниматься не будет»²⁰.

В Пятигорске, игравшем роль административного центра края, в первом округе при явке 13% победили кандидаты от «деловой», домовладельческой и слободской групп, а во втором при явке 10% — «Объединённый деловой список союза демократических и профессиональных организаций, стоящих на платформе широкого народоправства и полномочного Всероссийского Учредительного собрания», созданный Крестьянским союзом, эсерами, меньшевиками и народными социалистами²¹. В думу прошли от «правых» 14 домовладельцев, шесть кадетов и шесть беспартийных, от «левых» — 11 членов

¹⁵ Список кандидатов // Кавказская газета. 1919. 20 сентября. № 3. С. 2.

¹⁶ *Нето*. Городские выборы // Местное самоуправление на Северном Кавказе (далее — МССК). 1919. 10 октября. № 14. С. 33–34.

¹⁷ Кавказская газета. 1919. 20 сентября. № 3. С. 1.

¹⁸ *Нето*. Указ. соч. С. 33–34.

¹⁹ BAR, S.V. Panina Papers, box 13, folder «Civil War. Kadet Party in Grozny, 1919». Письмо Грозненского комитета партии к[онституционных] д[емократов] в Центральный комитет партии 9 сентября 1919 г.

²⁰ Там же, листовка «Граждане».

²¹ Избирательный список // Терско-Дагестанский вестник. 1919. 21 августа. № 118. С. 2; К выборам в городскую думу // Там же. 23 августа. № 120. С. 2; Выборы в городскую думу // Жизнь. 1919. 6 сентября. № 111. С. 3; Выборы в городскую думу // Понедельник. 1919. 9 сентября. № 10. С. 3.

Крестьянского союза (в том числе девять эсеров), шесть народных социалистов и два меньшевика²².

Кисловодск являлся одним из монархических центров Юга России, именно туда съехались многие видные черносотенцы. На выборах правые вместе со слободской группой, состоявшей из мелких собственников, выдвинули Объединённый деловой список, получивший 35 мест, а умеренные представители местной интеллигенции противопоставили ему Прогрессивно-деловой список, кандидаты которого почти не вели агитацию, но всё же провели в думу пять человек. В итоге дума состояла преимущественно из домовладельцев, примыкавших к крайним правым²³.

О выборах в Моздоке шутили на всём Юге России. Пресса передавала, будто голосовать там пришли всего два человека²⁴. В действительности выборы, назначенные на 8 сентября, перенесли из-за отсутствия кандидатских списков: был представлен только список домовладельцев, да и его составили неправильно²⁵. С.Я. Маршак откликнулся на это стихами²⁶:

Начало выборов так близко,
Но всё спокойно и мертво.
И даже выборного списка
В Моздоке нет ни одного.
Не стало групп, союзов, партий,
Тяжёлый сон Моздок сковал.
А как неистово он в марте —
Во дни свободы бушевал!..
Проснись же снова, городок — Моздок!

Какая странная загадка —
Невозмутимый твой покой...
Или тебе живётся сладко
Без всякой думы городской?
Или, отдавшись попеченью,
Ты от заботливых властей
Ждёшь “головы по назначению”
За неимением своей?
Ах, что за милый городок — Моздок!

Несколько недель спустя голосование всё же состоялось: большинство мест получили представители домовладельцев и Деловой группы, но были избраны и несколько кандидатов от Списка трудовой интеллигенции²⁷.

Схожая ситуация сложилась в Георгиевске, где выборы назначили на 1 октября, но к этому сроку не имелось ни одного кандидатского списка²⁸, и голосование пришлось перенести на 20 октября. Только тогда появились списки Трудовой группы, Союза домовладельцев, Госпитальной слободки, Беспартийный и Торгово-промышленный, а также скомбинированный, составленный из всех остальных группой избирателей. Домовладельцы усердно агитировали и заняли все места в думе²⁹. Лишь со второй попытки состоялись выборы и в Кизляре: там победил единственный Деловой объединённый список. Как иронизировали в одной из газет, «кандидаты означенного списка принадлежат к числу деловых людей, а потому не представляется возможности дать сведения о партийной принадлежности их»³⁰.

²² Результаты выборов в Пятигорскую городскую думу // Терец. 1919. 4 сентября. № 165. С. 2.

²³ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 154; Избирательные списки // Доброволец. 1919. 25 августа. № 143. С. 2; Минеральные воды. Городские выборы // Жизнь. 1919. 7 сентября. № 112. С. 3; Б.К. Настроение казачества и городские выборы // Там же. 17 сентября. № 119. С. 4; С. Накануне выборов // МССК. 1919. 25 августа. № 12. С. 37; Павлов Д. Пятигорск. I. Выборы на группах // Там же. 10 октября. № 14. С. 35.

²⁴ Выборы в думу // Русская мысль. 1919. 16 сентября. № 33. С. 1.

²⁵ Б.К. Указ. соч. С. 4.

²⁶ Д-р Фрикен [Маршак С.Я.] Выборы в Моздоке // Утро Юга. 1919. 14 сентября. № 205. С. 1. Также см.: ОР РНБ, ф. 469, оп. 1, д. 5, л. 353.

²⁷ Вибори. Моздок // Слово. 1919. 24 жовтня. № 32. С. 2.

²⁸ Георгиевск. К выборам в думу // Кавказский край. 1919. 10 октября. Приложение к № 158. С. 1.

²⁹ Георгиевск. Выборы в думу // Кавказский край. 1919. 26 октября. Приложение к № 172. С. 1.

³⁰ Выборы в Кизляре // Грозный. 1919. 4 октября. № 15. С. 2.

Дагестанскую область, обладавшую в Терско-Дагестанском крае широкой автономией, осенью 1919 г. охватило восстание местных мусульман. Несмотря на это, в нескольких городах, где русские составляли значительную часть населения, выборы всё же удалось провести. В октябре 1919 г. в крупнейшем городе области Порт-Петровске одержал убедительную победу и занял все 20 мест в думе объединённый список общественных организаций, собравшихся вокруг группы «Российского национального возрождения» (Союз служащих торговли и промышленности, Дагестанская трудовая артель, Союз учителей, Союз городских служащих, Еврейский национальный совет)³¹. Группа эта сформировалась за два месяца до того при участии газеты «Русская мысль» и развернула бурную агитацию. При этом её сторонники играли руководящую роль в избирательной комиссии. Программа победившей «Петровской группы Российского национального возрождения», опубликованная в «Русской мысли», в целом напоминала кадетскую³². Также выборы состоялись в Дербенте и Темир-Хан-Шуре³³. По данным Отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, они прошли при крайнем абсентеизме населения, выдвинувшего 2–3 списка. В гласные были избраны исключительно «беспартийные с уклоном вправо»³⁴.

Черноморская губерния. В Новороссийске конкурировали домовладельцы, объединённый список квартиронанимателей и кооператоров и торгово-промышленная группа. Эсеры и меньшевики самостоятельного участия не принимали, так как в городе не было их партийных комитетов³⁵. Местные старожилы не помнили такого абсентеизма даже во времена «цензовых» дум. В итоге выиграл весьма рыхлый домовладельческий список³⁶. Когда в новоизбранной думе началось формирование городской управы, в неё захотели попасть буквально все гласные — оплачиваемая должность могла стать серьёзным подспорьем в тяжёлые времена³⁷.

В Сочи все 24 места в думе получили кандидаты Союза домовладельцев, набравшие 13 773 балла (совокупность всех голосов за всех кандидатов списка), т.е. 59,2%, тогда как Список внепартийных общественных деятелей, составленный при участии кадетов, набрал 7 824 балла (31,3%), а Список трудовой интеллигенции — 2 204 балла (9,5%). Такой результат получился во многом вследствие активности домовладельцев: среди тех, кто имел право голоса, их насчитывалось 23%, а среди явившихся на участки — почти 54%, причём из них 80% голосовали за Союз (к нему же, по-видимому, присоединились и базарные торговцы, не владевшие недвижимостью). Любопытно, что в Сочи 382 человека подали печатные бюллетени за тот или иной список целиком, 162 — печатные с вычёркиваниями, 16 — комбинированные (по всей видимости — некий «анонимный» список, упоминавшийся в прессе³⁸ и включавший в себя кандидатов

³¹ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 285.

³² Программа Петровской группы Российского национального возрождения // Русская мысль. 1919. 23 августа. № 139. С. 1.

³³ Сроки выборов // Кавказский край. 1919. 30 июля. № 101. С. 2; Выборы в думы // Южный рабочий. 1919. 25 августа. № 9(422). С. 2.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 285–285 об.

³⁵ Перед выборами в думу // Утро Юга. 1919. 11 сентября. № 202(230). С. 2.

³⁶ Городские выборы // Новая Россия. 1919. 27 сентября. № 108. С. 2.

³⁷ Выборы городской управы // Кубанский путь. 1919. 14 ноября. № 26. С. 4.

³⁸ Выборы в городские думы // Объединение. 1919. 26 сентября. № 28. С. 2.

из трёх других), 38 — комбинированные с вычёркиванием, 231 — рукописные. При этом сторонники Союза домовладельцев с огромным отрывом лидировали среди тех, кто подавал печатные бланки без исправлений, зато жители, опускавшие в урну рукописные перечни, чаще всего включали в них внепартийных общественных деятелей, а домовладельцы попадали туда даже реже, чем «трудовая интеллигенция»³⁹. Это опять же указывало на большую дисциплинированность домовладельческого электората.

В Туапсе кандидаты домовладельцев конкурировали с блоком Торгово-промышленного союза, квартиронанимателей и группы домовладельцев, поддержанным Национальным центром⁴⁰, в Геленджике — списки от домовладельцев и от поселян Геленджикского сельского общества⁴¹. В обоих случаях победа осталась за домовладельцами.

Эти результаты свидетельствовали о деполитизации населения. Во всех четырёх городах губернии победили условно «правые», но свои убеждения и позиции они сколько-нибудь внятно не декларировали. Характерно, что социалистические списки при этом не выставлялись.

Ставропольская губерния. Выборы в Ставрополе стали, вероятно, самыми скандальными из всех, проведённых осенью 1919 г. На выборах, назначенных на 15 сентября, столкнулись пять списков, причём один из них — Список демократических организаций и социалистических партий (№ 5), подготовленный местными организациями эсеров, меньшевиков, союзами городских и коммерческих служащих, квартиронанимателей, губернским бюро профессиональных союзов, семейным собранием служащих, школьным союзом, — отличался открыто оппозиционным отношением к местным властям. Видя это, администрация арестовала десять эсеров, включая бывшего депутата Учредительного собрания Е.А. Дементьева, служившего в Екатеринодаре и приехавшего в Ставрополь по личным делам, — в официозной прессе его изображали одновременно большевиком и эмиссаром Кубанского правительства, привезшим деньги на предвыборную кампанию⁴². В итоге «административная горячка», запугивание и очернение оппонентов в подконтрольной прессе дали обратный результат.

Пытаясь помешать социалистам, власти даже запрещали в день голосования раздавать избирательные записки под предлогом «препятствования свободному передвижению публики»⁴³. Всего было подано 5623 действительных бюллетеня. Демократическо-социалистический список (№ 5) получил 2018 (35,9%) голосов, районных попечительств и общества «За Россию» (№ 3) — 1233 (21,9%), мещанский (№ 1) — 711 (12,7%), домовладельческий (№ 2) — 708 (12,6%), прогрессивных внепартийных избирателей (№ 4) — 310 (5,5%), смешанные списки — 643 (11,4%)⁴⁴. В итоге по списку № 5 прошло 49 гласных, № 3 — семь, № 4 — шесть, № 1 и 2 — по пять.

Тогда военный губернатор Г.И. Кортацци опротестовал результаты выборов, сославшись на нарушение закона при составлении списков, и 3 октября

³⁹ Х. Сочи. Выборные итоги // МССК. 1919. 20 декабря. № 16–18. С. 61–62.

⁴⁰ К предстоящим выборам // Наш путь. 1919. 31 августа. № 68. С. 2; ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 170, 196.

⁴¹ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 196.

⁴² Гр. Накануне выборов // МССК. 1919. 15 сентября. № 13. С. 34.

⁴³ Выборы в думу // Утро Юга. 1919. 20 сентября. № 209(237). С. 2.

⁴⁴ По городу. Подсчёт поданных избирательных записок на выборах в городскую думу // Родная речь. 1919. 19 сентября. № 61. С. 2.

административное отделение окружного суда их отменило. Так, в № 1 и 2 не были указаны профессия или общественное положение кандидатов, а подписей под ними оказалось меньше положенного; № 3, 4 и 5 поступили в комиссию 4 сентября, в последний день, и рассматривались ею уже после окончания срока выдвижения, к тому же заявления о согласии баллотироваться представили не все кандидаты из списков № 3 и 4. Таким образом, вина за случившееся лежала преимущественно на избирательной комиссии. Неудивительно, что в левых кругах её подозревали в умышленном создании поводов для кассации выборов в случае их нежелательного исхода⁴⁵. Действительно, в рекомендациях, направлявшихся губернаторам из Управления внутренних дел, указывалось: поскольку «крайне желательно, чтобы выборы дали состав гласных, благожелательных Добровольческой армии», то «единственным средством для корректирования выборов остаётся кассация их»⁴⁶.

Новые выборы назначили на 10 ноября. Представители проигравших списков предпочли объединиться⁴⁷, чему, возможно, способствовала администрация. Всего осталось три списка — домовладельцев, мещан и районных попечительств (№ 1), демократических организаций и социалистических партий (№ 2) и прогрессистов (№ 3). Последний из них наблюдатели рассматривали как «подсобный» список первого, так как в нём присутствовало 46 кандидатов домовладельцев.

После агитации, вновь проходившей под административным давлением, явка упала с 22 до 14%. Часть интеллигенции и многие рабочие игнорировали голосование, заявляя: «Выбирай не выбирай, всё равно назначат, кого сами хотят». В то же время некоторые мещане, недовольные объединением списков, перешли на сторону социалистов. Наблюдалось также вычёркивание еврейских фамилий даже из списка № 2. В итоге за № 1 было подано 1610 записок, за № 2—1551, за № 3—188. Тем самым социалисты потеряли всего около 20% голосов по сравнению с сентябрьским туром, а домовладельцы и прогрессисты — почти 40%. Однако, уступив буквально несколько десятков голосов, оппозиция получила вместо 49 мандатов только 5, а объединённый «правый» блок — 67⁴⁸. Левые не исключали фальсификацию волеизъявления горожан (за 10 дней избирательная комиссия не предоставила им никаких данных с подсчётами) и утверждали, что получилась домовладельческая дума, состав которой, «в смысле реакционности, гораздо резче, чем это было до революции»⁴⁹.

В городе Святого Креста выборы также назначили на 15 сентября⁵⁰, но, по всей видимости, они так и не состоялись.

Таврическая губерния. Крым в 1918—1919 гг. находился в состоянии перманентной избирательной кампании⁵¹: то в земства и городские думы (сначала по закону правительства М.А. Сулькевича, затем по закону сменившего его С.С. Крыма), то в так и оставшийся в замыслах краевой сейм. Всё это перемешалось приходом интервентов, красных, добровольцев.

⁴⁵ Отмена городских выборов // Ставропольские губернские ведомости. 1919. 9 октября. № 46. С. 4; Бур. Выборная эпопея // МССК. 1919. 20 декабря. № 16—18. С. 66—67.

⁴⁶ Государственный архив Республики Крым (далее — ГА РК), ф. Р-2235, оп. 1, д. 72, л. 241.

⁴⁷ К новым выборам // Северокавказский край. 1919. 11 октября. № 214. С. 3.

⁴⁸ Бур. Указ. соч. С. 67—68; ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 298, 304—304 об.

⁴⁹ Бур. Указ. соч. С. 67—68.

⁵⁰ Выборы городских гласных // Северокавказский край. 1919. 6 июля. № 138. С. 2.

⁵¹ Страхов Д. В Крыму. Перманентное «волеизъявление» // МССК. 1919. 15 сентября. № 13. С. 38—39.

В Симферополе главным претендентом на победу считалось Демократическое объединение «За Единую Свободную Россию», в которое вошли кадеты, энесы, домовладельцы и беспартийные деятели. Блок этот также был поддержан Союзом возрождения России и Национальным центром⁵². К нему присоединились правые эсеры, меньшевики-оборонцы и часть группы «Единство» во главе с П.С. Бобровским⁵³. Им противостоял Социалистический блок, образованный эсерами центра, меньшевиками, частью «плехановцев», сторонниками «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») и Социалистической еврейской рабочей партией (СЕРП)⁵⁴. Отдельно выступали Татарский список и Еврейская национальная группа (преимущественно сионисты). Правых списков выставлено не было, и электорату черносотенцев приходилось голосовать за «демократов», что подтверждается множеством поданных за них записок с вычеркнутыми еврейскими фамилиями⁵⁵.

В итоге Демократическое объединение уверенно выиграло, получив 72 места и оставив Социалистическому блоку всего шесть (их заняли четыре эсера и два меньшевика). Впрочем, известные по четырём из пяти участков «списочные» итоги (в которых отражены только голоса, поданные за готовые списки, без учёта вычёркивания отдельных кандидатов) показывают, что успех победителей не выглядел столь уж сокрушительным (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты выборов в Симферополе по участкам

№ участка	Списки								Подано готовых списков	Всего голосов
	№ 1 (демократиче- ский)		№ 2 (татарский)		№ 3 (еврейский)		№ 4 (социалисти- ческий)			
	число	%	число	%	число	%	число	%		
2	907	66,7	2	0,1	164	12,1	287	21,1	1360	1466
3	369	32	26	2,2	299	26	458	39,8	1152	1210
4	176	22,5	412	52,8	24	3,1	169	21,6	781	804
5	221	31,4	68	9,7	63	9	351	49,9	703	719
Всего по четырёх участкам	1 673	41,9	508	12,7	550	13,8	1 265	31,6	3996	4 199

Составлено по: К результатам выборов в гор[одскую] думу // Таврический голос. 1919. 10 сентября. № 41(191). С. 4.

Всего же Демократическое объединение получило примерно 2200 голосов, а Социалистический блок — 1850⁵⁶. Таким образом, «демократы» получили

⁵² Демократическое объединение «За Единую Свободную Россию» // Таврический голос. 1919. 28 августа. № 31(181). С. 4.

⁵³ Выборы в городские думы // Приазовский край. 1919. 24 сентября. № 216. С. 3.

⁵⁴ Предвыборные комбинации // Таврический голос. 1919. 28 августа. № 31(181). С. 4; Блок социалистов // Там же. 27 августа. № 30(180). С. 4.

⁵⁵ ГА РК, ф. 63, оп. 2, д. 653, л. 241 об.—242.

⁵⁶ Городские выборы // Южный край. 1919. 13 сентября. № 81. С. 1.

перевес благодаря избирателям участка № 2, самого «буржуазного» по своему составу. Если бы Симферополь разбили на округа, совпадающие с участками, всё могло кончиться совершенно иначе. Социалисты, победив на трёх из пяти участков, претендовали бы на абсолютное большинство мест, хотя по городу в целом голосов они собрали бы меньше, чем их противники.

В Севастополе соотношение сил оказалось иным. В отличие от губернского центра, он был разбит на пять округов, и в думу прошли кандидаты от трёх списков — социалисты, домовладельцы и демократы. Понимая, что в одиночку проиграют «блоку консерватизма и реакции», социалисты решили собрать коалицию «на почве следующей программы: признание демократической республики как формы государственного устройства России, борьба за неограниченное народовластие, за расширение и самостоятельность органов местного самоуправления, за социальные завоевания февральской революции»⁵⁷. Между тем правление Союза домовладельцев, где, как писали в левой прессе, преобладали реакционные цензовые «зубры», дистанцировалось от проблем общероссийского масштаба и обращалось к «коренным жителям» с призывом «образовать свою думу, которая занялась бы упорядочением жизни в городе, благоустройством окраин, думу без политиков и политиканства»⁵⁸. Первоначально оно пыталось договориться о совместном участии в выборах с профсоюзом учителей, но в итоге организации «трудовой интеллигенции» (инженеров, юристов, педагогов, служащих правительственных учреждений) вошли в соглашение с кадетами, энесами, плехановцами, квартирнанимателями, районными попечительствами и создали «прогрессивный деловой» Демократический блок, занявший промежуточное положение между левыми и правыми⁵⁹.

В этих условиях особый резонанс вызвали неуклюжие действия властей: сначала они арестовали городского голову и одного из лидеров меньшевиков В.А. Могилевского, который подозревался в содействии большевикам⁶⁰, затем приостановили издание газеты РСДРП «Прибой»⁶¹ и закрыли Рабочий клуб имени Плеханова, где будто бы проводились неразрешённые собрания⁶². Городская управа предупреждала, что арест её председателя «вносит значительное смутение в круги общественности, создавая значительный сдвиг в их настроениях»⁶³, но к ней никто не прислушался. В итоге многие рабочие, до этого относившиеся к кампании индифферентно, возмутились, пришли на участки и проголосовали за Социалистический блок, получивший чуть более 50% голосов. В записки они добавляли фамилию арестованного головы, хотя его не было среди кандидатов, или включали в них послания в таком духе: «Место Могилевскому в управе, а не в тюрьме»⁶⁴. При этом социалисты выиграли всего в двух округах из пяти (включая, правда, самый населённый), домовладель-

⁵⁷ Веров Н. О блоке // Прибой. 1919. 20 августа. № 536. С. 1; Среди домовладельцев // Там же. 24 августа. № 530. С. 2.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 10073, оп. 2, д. 219, л. 1.

⁵⁹ К предстоящим выборам в думу // Прибой. 1919. 22 августа. № 538. С. 2; Прогрессивный блок // Там же. 31 августа. № 546. С. 1; Кандидаты Демократического блока // Юг. 1919. 12 сентября. № 39. С. 4.

⁶⁰ В чём обвиняется В.А. Могилевский // Таврический голос. 1919. 5 сентября. № 37(187). С. 4.

⁶¹ Приостановка газ[еты] «Прибой» // Юг. 1919. 7 сентября. № 35. С. 3.

⁶² Закрытие Рабочего клуба // Юг. 1919. 8 сентября. № 36. С. 4.

⁶³ РГА ВМФ, ф. Р-2092, оп. 1, д. 12, л. 112 об.

⁶⁴ Кто выбирал // Юг. 1919. 19 сентября. № 44. С. 4.

цы — в двух окраинных, демократы — в центральном (наиболее «интеллигентном» по своему составу) (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты выборов в Севастополе по округам

Округа	Социалистический блок	Союз домовладельцев	Демократический блок
1-й округ	6	0	12
2-й округ	20	0	0
3-й округ	10	2	0
4-й округ	1	9	0
5-й округ	1	10	0
Всего гласных	38	21	12

Составлено по: Выборы в думу. Победили социалисты // Юг. 1919. 19 сентября. № 44. С. 3.

Если бы Севастополь составлял единый округ, как Симферополь, победа социалистов, скорее всего, была бы ещё более убедительной, а демократы вряд ли провели бы даже одного кандидата. Однако деление города на округа было осуществлено управой, контролировавшейся социалистами, и вряд ли преследовало цель уменьшить представительство левых.

В отличие от «умеренного» Симферополя и «левого» Севастополя, Ялта была центром монархического движения на полуострове. Деловая беспартийная группа, к которой примкнули домовладельцы, группы внепартийной трудовой интеллигенции, и Верхней Аутки, а также районные комитеты⁶⁵, на самом деле состояла преимущественно из крайне правых⁶⁶. Во главе её списка стояли лидер крымских монархистов, бывший таврический губернатор, товарищ председателя Русского собрания гр. П.Н. Апраксин, бывшие местные городской голова И.И. Иванов и градоначальник А.П. Еленев. Противостояли им Демократический (кадеты, энесы и объединённые прогрессисты) и Социалистический (меньшевики, эсеры, Бунд, профсоюзы, украинцы) блоки⁶⁷. Деловая группа, добившись перевеса примерно на 70 голосов⁶⁸, получила 32 места, социалисты — 18; «демократам» не досталось ничего. Пользуясь своим большинством, правые провели своих представителей на все основные думские посты⁶⁹. Левым оставалось только жаловаться на то, что «деловики» обещали заняться работой вместо политики, «однако на практике “деловитость” оказалась той же политикой, только чёрненькой»⁷⁰.

⁶⁵ К выборам в думу // Ялтинский вечер. 1919. 28 августа. № 30. С. 2.

⁶⁶ Бертенсон М. Письма из Крыма. I // Одесский листок. 1919. 6 ноября. № 169. С. 4.

⁶⁷ Выборы в думу // Южный рабочий. 1919. 6 сентября. № 19(432). С. 1; ГА РК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 72, л. 279, 280.

⁶⁸ Великая Россия. 1919. 28 сентября. № 308. С. 1.

⁶⁹ ГА РК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 72, л. 444.

⁷⁰ Ял. Ялта. «Деловики» // МССК. 1919. 20 декабря. № 16–18. С. 69.

Правый список победил и в Мелитополе. Здесь в Беспартийный деловой блок сплотились Союз домовладельцев, Русская национальная община и приходской совет. Оппоненты иронизировали над тем, что этот список, несмотря на заявленную беспартийность, «сохраняет ясное *партийное* лицо — Русской общины». В итоге именно его представители, собрав около 50% голосов, заняли все места в думе. Кандидаты из других списков — Социалистического блока (более 30% голосов) и Прогрессивного квартиронанимательского союза, в который входили Союз квартиронанимателей, Прогрессивная группа и Еврейская национальная группа (менее 20%), — в неё не попали вовсе⁷¹.

Курьёзная ситуация сложилась в Джанкое: образовавшийся в городе Деловой беспартийный блок решил не принимать в свой состав евреев. Тогда они выдвинули еврейский список, который и получил 58,3% голосов. Однако его составители, видимо, не ожидали такого оглушительного результата и поэтому включили в него всего шесть человек (в том числе одного меньшевика). В силу этого их конкуренты из Делового беспартийного блока, серьёзно уступив по голосам, провели 18 гласных⁷². В Бердянске победил правый Домовладельческий список, который поддерживали одновременно и православные приходы, и Еврейская национальная группа⁷³. В Старом Крыму в думе заседали исключительно сторонники «партии беспартийно-деловой», как в письме к таврическому губернатору охарактеризовал новых гласных заместитель начальника Феодосийского уезда⁷⁴. В Евпатории, разделённой на два округа (фактически по этнорелигиозному признаку), развернулись, по сути, две параллельные кампании. В одном из них был выставлен только Татарский список, взявший все 17 мест (тогда как при едином округе ни один его кандидат не мог бы рассчитывать на избрание⁷⁵), во втором конкурировали блок умеренных и правых во главе с кадетами, левые и евреи⁷⁶. В Бахчисарае, по словам современника, «получилась ярко-националистическая татарская дума»⁷⁷, причём 18 из 30 гласных являлись социалистами, а её новый председатель А. Абиев, согласно справке для губернских властей, принадлежал к «татарской социалистической национальной партии, которая преследует самостоятельность Крыма и придерживается турецкой ориентации»⁷⁸. Таким образом, думы Таврической губ. оказались весьма пёстрыми по своему составу (см. табл. 3).

⁷¹ Зорев М. Партийные и беспартийные // Народная жизнь. 1919. 6 сентября. № 117. С. 1; Победа или поражение // Там же. 14 сентября. № 124. С. 1.

⁷² Выборы в городскую думу. Джанкой // Таврический голос. 1919. 20 сентября. № 49(199). С. 3; Итоги городских выборов // Там же. 28 сентября. № 56(206). С. 4; ГА РК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 72, л. 267–267 об.

⁷³ К выборам в Бердянске // Народная жизнь. 1919. 17 сентября. № 125. С. 2.

⁷⁴ ГА РК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 72, л. 429.

⁷⁵ Выборы гласных // Евпаторийский курьер. 1919. 17 сентября. № 53. С. 4.

⁷⁶ В Таврии // Народная жизнь. 1919. 24 сентября. № 130. С. 2.

⁷⁷ П.Б. Городское самоуправление в Крыму в 1919 и 1920 г. // Местное самоуправление. Труды Общества для изучения городского самоуправления в Чехословацкой республике. Вып. III. Прага, 1926. С. 263.

⁷⁸ ГА РК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 72, л. 358–359, 365–365 об.

Таблица 3

Результаты выборов в Таврической губернии

Дата	Город	Избирательные списки	Число гласных	Партийная принадлежность и национальный состав	Число гласных
08.09	Симферополь	Демократическое объединение «За Единую Свободную Россию» Социалистический блок Еврейская национальная группа Группа татар г. Симферополя	72 6 0 0	беспартийные кадеты примыкающие к кадетам эсеры примыкающие к эсерам меньшевики «Единство» энесы Национальный центр сионисты правые	37 20 1 7 1 4 3 2 1 1 1
08.09	Ялта	Деловая беспартийная группа Блок объединённых социалистических партий и примыкающих к ним национальных и демократических групп, поддерживаемый советом профессиональных союзов Ялты Демократический блок	32 18 0	правые эсеры меньшевики украинцы	32 9 8 1
08.09	Алушта	Единый список Мусульманского общества и Союза домовладельцев из 27 кандидатов	20	умеренные правые кадеты «неустойчивые» беспартийные	8 7 2 2 1
08.09	Алушка	Единый список Мусульманского общества и Союза домовладельцев	20*	татары русские караимы правые кадеты эсеры	10 9 1 14 2 4

08.09	Геническ	Крестьянская группа (эсеры) Беспартийная деловая группа Еврейское общество	20 5 3		
08.09	Перекоп и Армянский базар	Представители Армянского базара (разных национальностей) Представители Перекопа (русские)	17 3	беспартийные меньшевики кадеты «Единство» нет данных	13 3 2 1 1
				русские мусульмане иудеи греки немцы караимы армяне	9 5 2 1 1 1 1
08.09	Мелитополь	Беспартийный деловой блок Социалистический блок Прогрессивный квартиронанимательский союз	33 0 0	правые кадеты октябристы правые кадеты левые кадеты	16 10 5 1 1
08.09	Орехов	Внепартийные	22		
08.09	Ногайск	Группа разных служащих во всех учреждениях (деловой список) Еврейское общество (оба избранных кандидата также шли по деловому списку) Группа педагогов (оба избранных кандидата также шли по деловому списку) Список торговцев (избранный кандидат шёл также по деловому и еврейскому спискам)	21 2 2 1		
15.09	Севастополь	Социалистический блок Союз домовладельцев Демократический блок	38 21 12		
15.09	Балаклава	Список рыбаков (греки-старожилы) Демократический блок Кооператив «Согласие»	16 3 1		

15.09	Евпатория	Объединённый прогрессивный блок и деловая группа Муслиманское общество Демократическая группа Еврейское общество	23 17 5 0	татарские националисты кадеты правые меньшевики эсеры энесы	17 15 6 5 1 1
15.09	Джанкой	Два списка без названий: «деловой» «еврейский»	18 6	беспартийные сионисты меньшевики монархисты	18 4 1 1
15.09	Бахчисарай	Два татарских списка: националистический с социалистическим уклоном умеренный с привлечением представителей других национальностей	30	национально-татарская партия беспартийные кадеты меньшевики курултайцы сионисты	21 4 2 1 1 1
15.09	Старый Крым	Список кандидатов, предлагаемых Старо-Крымским татарским обществом Список без названия	10 10		
15.09	Карасубазар	Единый список из 44 кандидатов	32	правые (русские и татары) прогрессисты социалисты** кадеты правые эсеры эсеры октябристы	12 7 7 2 2 1 1
				татары русские евреи	15 10 7

15.09	Бердянск	Беспартийная деловая группа (объединённый блок домовладельцев и торгово-промышленников) Группа общественных деятелей (кадеты) Бердянская организация РСДРП Список без названия	32 11 6 0		
22.09	Феодосия	Церковно-общественная и беспартийно-деловая группа Феодосийская организация РСДРП Группа лиц, разделяющих программу Партии народной свободы Группа лиц мусульманского общества	33 8 6 0		
22.09	Керчь	Список Союза домовладельцев и торгово-промышленников Поселковый список Список объединённых прогрессистов Трудовая демократическая группа	49 8 8 3		
22.09	Алешки	Единственный список, составленный преимущественно из домовладельцев и служащих государственных учреждений	38		

Составлено по: Результаты выборов // МССК. 1919. 10 октября. № 14. С. 40; Выборы // Там же. 20 декабря. № 16–17. С. 72; Выборы в Феодосии // Родина. 1919. 26 октября. № 101. С. 5; Городские выборы // Южное слово. 1919. 24 сентября. № 28. С. 2; Бердянск. Выборы в гор[одскую] думу // Таврический голос. 1919. 22 сентября. № 51(201). С. 3; ГА РК, ф. Р-2235. оп. 1. д. 72, л. 119, 140, 142, 144, 145, 162, 224, 225, 231, 238–240, 246, 247, 251, 255, 281, 282, 327 об. –328, 358–359, 361–361 об., 368, 369–372 об., 376 об. –379, 391, 424 об. –425, 461.

* Изначально в нарушение закона было избрано 30 гласных (16 русских и 14 татар), занявшие места с 21-го по 30-е не были утверждены властями.

** По всей видимости, имеются в виду меньшевики.

Городские думы Таврической губ., в отличие от других городских самоуправлений Юга России, проработали почти полный срок своих полномочий и были распущены после эвакуации Русской армии в конце 1920 г.

В Екатеринославской губернии первоначально выборы были назначены на 27 октября⁷⁹, но вскоре губернатор С.С. Щетинин, ссылаясь на приказ Управления внутренних дел об отмене их в девяти городах, поручил начальникам уездов приостановить составление избирательных списков⁸⁰. Из уездных городов голосование провели только в Бахмуте, где все места достались Трудовому блоку, объединившему 21 кооперативную, профессиональную и «общественно-демократическую» организацию (Союз домовладельцев в думу не прошёл)⁸¹, и в Луганске — там при полном безразличии населения избрали кандидатов, принадлежавших к «буржуазным партиям»⁸². Должны были выбрать гласных и в Мариуполе⁸³.

В самом Екатеринославе предвыборная кампания продолжалась, хотя ей мешала тяжёлая обстановка в губернии. В первой половине октября был образован Демократический блок, в который вошли Национальный центр и кадетская партия, еврейские национальные группы, плехановцы, энесы, кооператоры и Союз возрождения России⁸⁴. Эсеры обращались к группе социал-демократов «активистов», отколовшейся от «интернационалистов», с предложением создать Социалистический блок, но получили отказ. «Интернационалисты» также вели переговоры с «активистами» о едином блоке, но, не добившись согласия, решили не участвовать в выборах. Таким образом, ожидалось соперничество двух социалистических партийных списков. Тем временем раскололся и Союз домовладельцев, игравший ведущую роль на правом фланге. В нём возобладала группа «окраинцев», поддерживавших бывшего председателя П.А. Корецкого, а «центровики», обвинявшие его в финансовых махинациях, решили образовать отдельную организацию и подать собственный список «из чисто деловых работников», независимо от наличия у них собственности. Деловая группа вела переговоры с Демократическим блоком, но они закончились безрезультатно⁸⁵. Городской голова кадет Н.Н. Коростовцев ожидал, что явка не превысит 20%, а большинство голосов получит Демократический блок⁸⁶. Так как в губернии не прекращались многочисленные восстания, эсеры предлагали отложить выборы⁸⁷. Но этого не потребовалось — вскоре последовало наступление махновцев

⁷⁹ Выборы гласных // Родина. 1919. 7 сентября. № 61. С. 3.

⁸⁰ К городским выборам // Приднепровский край. 1919. 14 сентября. № 6705. С. 3.

⁸¹ Городские выборы. Бахмут // Наш путь. 1919. 13 ноября. № 34. С. 4.

⁸² Результаты выборов в городские думы // Жизнь. 1919. 5 декабря. № 183. С. 2; Избирательная кампания // Донецкое слово. 1919. 11 октября. № 30. С. 1; Городские выборы // Донская речь. 1919. 4 декабря. № 19. С. 4.

⁸³ Государственный архив Донецкой народной республики. Коллекция листовок. 1919 г. № 892. Объявление Мариупольской городской управы по выборам гласных в городскую думу. 5 декабря 1919 г.

⁸⁴ Демократический блок // Екатеринославский вестник. 1919. 13 октября. № 124. С. 3.

⁸⁵ В союзе домовладельцев // Приднепровский край. 1919. 25 сентября. № 6713. С. 2; Политические группировки // Екатеринославский вестник. 1919. 8 октября. № 119. С. 4; Домовладельцы и демократический блок // Там же. 9 октября. № 120. С. 2.

⁸⁶ Собрание Партии Народной свободы // Приднепровский край. 1919. 19 сентября. № 6708. С. 3.

⁸⁷ Заявление социалистов-революционеров // Екатеринославский вестник. 1919. 13 октября. № 124. С. 3.

и их изгнание, сопровождавшееся ожесточёнными боями за город, а в декабре Екатеринослав заняла Красная армия.

Саратовская, Киевская, Курская губернии. Здесь выборы не назначались, хотя их возможность живо обсуждалась. Саратовская губ. контролировалась белыми войсками лишь частично, тем не менее царичинская управа ходатайствовала о разрешении начать подготовку к выборам думы. Эту просьбу обещали рассмотреть в ближайшем будущем⁸⁸, но больше к ней не возвращались.

В Киеве, только что занятом добровольческими частями, осенью 1919 г. много говорили и писали о думских выборах. 11 сентября городская управа постановила начать составление избирательных списков⁸⁹ и просила Деникина назначить день голосования (предполагалось, что его устроят не ранее конца года⁹⁰) и определить количество гласных⁹¹. В печати предсказывали, что кадеты вступят в соглашение с энесами и плехановцами, объединив свои силы под эгидой Союза возрождения и Комитета национального объединения России, эсеры вместе с меньшевиками и польскими социалистами сформируют Социалистический блок, который поддержат профсоюзы и кооперативы «Жизнь» и «Днепросоюз». Еврейские социалистические партии могли выдвинуть собственных кандидатов или блокироваться с другими левыми группами. Украинские партии не планировали выступать со своими списками. И, наконец, ожидалось появление списка Внепартийного блока русских избирателей во главе с В.В. Шульгиным — главного претендента на победу⁹².

Однако уже в конце сентября губернатор А.Г. Чернявский опротестовал действия управы в окружном суде как не соответствующие закону⁹³. По его мнению, любые подготовительные меры были неуместны, пока Киев находился в зоне военных действий⁹⁴. Тяжба тянулась до 11 ноября, суд отменил решение управы всего за три недели до взятия города красными⁹⁵.

В Курске осенью 1919 г. также ждали выборов. Союз домовладельцев на собрании 1 октября принял решение участвовать в них или самостоятельно, или в «тесном единении с другой группой, преследующей те же общественные интересы»⁹⁶. 13 октября о предстоящем голосовании толковали на общем собрании представителей улично-участковых комитетов⁹⁷. Близость линии фронта, видимо, их не смущала. Между тем советская власть вернулась уже через три недели.

Харьковская губерния. Выборы в Харьковскую городскую думу, состоявшиеся 27 октября, вызвали на белом Юге особый интерес. В избирательную комиссию поступили четыре списка: «Национально-демократического объединения избирателей, стоящих на платформе Добровольческой армии», которое пользовалось поддержкой Национального центра и включало кадетов, активистов местных общественных организаций и беспартийных прогрессивных

⁸⁸ К выборам городской думы // Неделимая Россия. 1919. 3 августа. № 38. С. 3.

⁸⁹ Выборы в Киевскую городскую думу // Киевлянин. 1919. 12 сентября. № 19. С. 1.

⁹⁰ Междудумье // Русь. 1919. 12 сентября. № 27. С. 3.

⁹¹ До виборів у міську думу // Слово. 1919. 24 вересня. № 13. С. 1.

⁹² Выборы в городскую думу (Новые политические группировки) // Киевское эхо. 1919. 13 сентября. № 20(25). С. 2.

⁹³ К выборам в гор[одскую] думу // Киевлянин. 1919. 26 сентября. № 30. С. 2.

⁹⁴ К выборам в гор[одскую] думу // Киевская жизнь. 1919. 21 сентября. № 22. С. 2.

⁹⁵ Дело о выборах в гор[одскую] думу // Киевлянин. 1919. 12 ноября. № 66. С. 2.

⁹⁶ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 252–252 об.

⁹⁷ К выборам в думу // Курские вести. 1919. 15 октября. № 19. С. 4.

деятелей; Беспартийной деловой группы, созданной церковно-приходскими советами (где было много черносотенцев), торгово-промышленниками и домовладельцами; Демократического блока, организованного при участии Союза возрождения России энесами, плехановцами, Объединённым еврейским национальным избирательным комитетом («Фолкспартей», «Цеире-Цион», «Ахдус» и др.) и Союзом квартиронанимателей; Социалистического блока (эсеры, меньшевики, Бунд и СЕРП, члены профсоюзов и рабочих кооперативов)⁹⁸. Казалось, кампания развивалась так, как в других городах — за исключением того, что кадеты не смогли договориться об объединении с умеренными социалистами. Но незадолго до дня голосования под давлением ЦК кадетской партии Национально-демократическое объединение вошло в союз с правой Деловой группой и согласовало с ней общий список (тут же объявленный в правой печати «Русским национальным блоком», хотя это название никогда не использовалось как официальное), дабы не допустить в думу социалистов-интернационалистов⁹⁹. Соседство фамилий видных кадетов еврейского происхождения и черносотенцев вызывало изумление. «Евреи в одном списке с реакционерами-монархистами; евреи в одной компании с бывшими деятелями Союза русского народа!», — восклицали в одной из еврейских газет¹⁰⁰. Возмущившись произошедшим, часть кадетов за день до выборов обнародовали свой Прогрессивный список¹⁰¹. В итоге основная борьба развернулась между двумя новыми, формально не зарегистрированными списками, включавшими в себя кандидатов из «официальных»: «Русским национальным» — с именами из числа «национал-демократов» и «деловиков» и «Прогрессивным» — из «национал-демократов» и Демократического блока.

Выборы прошли при низкой явке, хотя в прессе им придавалось большое значение, в них усматривали даже голосование «за или против Добровольческой армии»¹⁰². Однако, по наблюдениям одного из корреспондентов, лица избирателей, бросавших в ящики свои бюллетени, говорили: «Мы устали, мы измучались. Оставьте, пожалуйста, нас в покое!»¹⁰³. Другой журналист отмечал: «Везде и всюду одна картина: страсть, непонимание, к чему и зачем выборы, косность и даже озлобление. Вычёркивают “евреев” и всех, носящих нерусские фамилии»¹⁰⁴. Показательно, что явка в «буржуазных» районах оказалась намного выше, чем в «рабочих» (на участок № 1, находившийся в центре города, пришло 34,4% избирателей, а на участок № 22 на окраине — 4,4%¹⁰⁵). Абсентеизм явно носил «характер бойкота выборов, хотя таковой официально и не проводился»¹⁰⁶. Если бы сохранялась пропорциональная система, кадеты и правые могли бы рассчитывать на 65–67% голосов, демократы — на 22–25%,

⁹⁸ К выборам в городскую думу // Новая Россия. 1919. 18 октября. № 125. С. 3.

⁹⁹ Русский национальный блок // Русская жизнь. 1919. 25 октября. № 1. С. 1; К выборам в городскую думу // Новая Россия. 1919. 27 октября. № 133. С. 1. См. также: ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 291.

¹⁰⁰ Тамузов С. Печальная страница // Заря. 1919. 10 ноября. № 19. С. 2.

¹⁰¹ Исправьте ошибку! Прогрессивный список // Южный край. 1919. 26 октября. № 116. С. 3.

¹⁰² Свободная речь. 1919. 15 ноября. № 248. С. 1.

¹⁰³ Никашин П. Харьковские выборы // Вечернее время. 1919. 1 ноября. № 401. С. 2.

¹⁰⁴ Лэнни. Победа русского национального блока // Народное слово. 1919. 29 октября. № 57. С. 3.

¹⁰⁵ После выборов // Южная газета. 1919. 29 октября. № 9. С. 2.

¹⁰⁶ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 291 об.

социалисты — на 9—10%¹⁰⁷. Но во всех пяти округах, на которые был разделён Харьков, уверенно победил объединённый блок «национал-демократов» и «деловиков». Часть кадетов, вопреки позиции своего руководства, голосовала за Прогрессивный список. Правда, повсеместно провалившимся кандидатам Демократического блока это не помогло, но зато пошло на пользу кадетской партии, конкурировавшей со своими союзниками по общему списку. Ведь теперь за её представителей голосовали все кадеты и правые, а за тех же «деловиков» — правые и лишь часть кадетов. Пресса писала, что «50% всего состава получают члены парт[ии] нар[одной] своб[оды], 30% беспартийные прогрессисты, примыкающие к к.-д., и 20% деловиков и правых»¹⁰⁸. Но, судя по спискам гласных, 116 мандатов распределились немного иначе: кадеты — 43, примыкающие к ним — 32 (в том числе 30 не состоявших в партии «прогрессистов», членов Национального центра и различных общественных организаций и два «украинских демократа»), «деловики» — 41¹⁰⁹.

В восьми городах губернии выборы были назначены на 27 октября, в трёх — на 10 ноября¹¹⁰. К сожалению, в газетах сохранились лишь отрывочные сообщения о нескольких кампаниях. Так, в Змиеве голосование прошло 27 октября при явке 7%: 105 жителей избрали 20 гласных (их списки удалось обнаружить, но остаётся только гадать, каких политических взглядов они придерживались). Поскольку пришедший первым кандидат получил 98 голосов, острой борьбы, скорее всего, не наблюдалось, а баллотировка носила персональный характер. Вероятно, и список был один¹¹¹. В Чугуеве выборы, перенесённые на 10 ноября, состоялись при явке менее 5%. Деловая группа получила 30 мест, крестьянский список — два, трудовая группа — одно¹¹². В Валках конкурировали более левый Объединённый список представителей общественных организаций и более правый список Объединённо-деловой группы избирателей, впрочем, и тот и другой сформировались «на деловых началах», а шесть фамилий были включены в оба¹¹³. В Купянске выдвинулись четыре списка — торговцев и домовладельцев, профессиональных союзов (с меньшевистским оттенком), «деловой» (куда попали некоторые кандидаты из первых двух) и ещё один, состоявший всего из двух железнодорожников¹¹⁴. В Сумах кампания шла вяло, но затем «обычная спячка сменилась необычайным оживлением», устраивалось даже несколько предвыборных собраний. В городе составили всего один «надпартийно-деловой» список из лиц, близких к комитету помощи Добровольческой армии¹¹⁵.

¹⁰⁷ *Бывший гласный*. Тогда и теперь // Южная газета. 1919. 31 октября. № 11. С. 1.

¹⁰⁸ Итоги выборов в гор. думу // Народное слово. 1919. 8 ноября. № 66. С. 3.

¹⁰⁹ Новая городская дума // Новая Россия. 1919. 8 ноября. № 143. С. 3; Городские выборы // Там же. 13 ноября. № 147. С. 3.

¹¹⁰ Выборы в городские думы // Жизнь. 1919. 29 августа. № 105. С. 4; Число гласных. Назначение выборов // Народное слово (вечернее издание). 1919. 30 августа. № 9. С. 4; Объявление Сумской городской управы по выборам в городскую думу // Харьковские губернские ведомости. 1919. 18 октября. № 17. С. 3.

¹¹¹ Центральный державный архив вищих органів влади та управління України, ф. 1742, оп. 1, д. 648, л. 1—53 об.

¹¹² Выборы в Чугуеве // Южный край. 1919. 14 ноября. № 131. С. 3.

¹¹³ Городские выборы // Новая Россия. 1919. 24 октября. № 130. С. 3.

¹¹⁴ *Избиратель*. К городским выборам // Утро. 1919. 3 ноября. № 163. С. 1.

¹¹⁵ Предвыборная кампания // Южный край. 1919. 31 октября. № 119. С. 2.

Полтавская губерния. Выборы в Полтаве назначили на 1 декабря¹¹⁶. На 68 мест претендовали кандидаты от «группы общественных деятелей», «группы квартиронанимателей», кадетов, Союза домовладельцев и, возможно, от социалистических партий. Из них, пожалуй, наибольшие шансы на успех имели кадеты. В Полтаве, в отличие от других региональных отделов партии, они пытались заигрывать с украинскими кругами, и ещё в конце лета направили в Особое совещание записку, в которой настаивали на необходимости «признать наличность национальных особенностей украинского населения и вытекающих отсюда прав его», в частности, в народных школах¹¹⁷. Однако, как и в Екатеринославе, выборы в Полтаве не состоялись из-за того, что в конце ноября город взяли красные.

В сентябре Управление внутренних дел определило количество гласных и даты выборов в 16 других городах губернии¹¹⁸. Так, в Ромнах они намечались на 15 декабря, но избирательная кампания не отличалась энтузиазмом. Ходили разговоры о том, что выдвинут свои списки домовладельцы, торгово-промышленники и меньшевики «под флагом деятелей профессионального рабочего движения». Газета «Новый пахарь» отстаивала идею консолидации интеллигентных групп¹¹⁹. Ход военных действий разрушил все эти планы.

Херсонская губерния. В Одессе выборы состоялись 1 декабря. Правые круги представлял Христианский трудовой блок (ХТБ), объединивший при поддержке газеты «Единая Русь» прогрессивных националистов, черносотенцев (Одесский союз русских людей, Русское собрание) и церковно-приходские структуры (Совет объединённых христианских организаций). Инициатором его создания стал Ф.А. Могилевский (племянник Шульгина). Несмотря на свою «правизну», блок использовал весьма «левую» риторику, обращаясь к трудящимся и жителям окраин¹²⁰. В Демократический блок «За Всероссийское Учредительное собрание» (ДБ), провозгласивший лозунги «Единая, Великая, Демократическая Россия» и «Независимая, работоспособная городская дума», вошли кадеты, энесы, плехановцы, эсеры-«возрожденцы», Еврейская народная группа (ЕНГ), Еврейская национально-демократическая партия (ЕНДП), Сионистская организация, Союз служащих государственных и общественных учреждений. К нему также присоединился ряд внепартийных общественных деятелей¹²¹. В составленном ими списке преобладали кадеты и активисты еврейских организаций, около 25% мест досталось умеренным социалистам¹²². Республиканский блок (РБ), неформально считавшийся «социалистическим», образовали одесские отделы меньшевиков, эсеров, Польской социалистической партии и Бунда, поддержанные Одесским советом профессиональных союзов и Одесским союзом рабочих потребительных обществ «Рабочее дело». Кроме того, в некоторых округах выдвигались малые

¹¹⁶ Выборы в городскую думу // Голос Юга. 1919. 28 сентября. № 43. С. 2.

¹¹⁷ Записка Полтавского комитета Партии Народной свободы // Полтавский день. 1919. 23 августа. № 30(1567). С. 2.

¹¹⁸ Гласні міських дум // Рідне слово. 1919. 19 вересня. № 34. С. 4; Гласные в уездные городские думы // Голос Юга. 1919. 8 ноября. № 73. С. 3.

¹¹⁹ К вопросу о выборах в местное городское самоуправление // Новый пахарь. 1919. 28 октября. № 37. С. 1–2.

¹²⁰ Христианский трудовой блок // Единая Русь. 1919. 27 ноября. № 88. С. 1.

¹²¹ Граждане! Голосуйте за Демократический блок «За Всероссийское Учредительное Собрание» // Одесские новости. 1919. 30 ноября. № 11075. С. 1.

¹²² Горский Е. Только демократический блок // Современное слово. 1919. 15 ноября. № 29. С. 1.

списки: Трудового блока группы кооператоров (ТБГК), Прогрессивного блока объединённых торгово-промышленных организаций, Союза домовладельцев, Союза квартирнанимателей, Окраинный прогрессивно-деловой.

В отличие от других мест, избирательная кампания протекала в городе весьма бурно, да и явка (около 25%) оказалась относительно высокой. Если говорить об абсолютных цифрах, то в Одессе, по имеющейся статистике, на участки пришло больше людей, чем во всех остальных регионах вместе взятых. После окончательного утверждения итогов голосования ХТБ досталось 86 мест (71,7%), ДБ — 22 (18,3%), РБ — 8 (6,7%), ТБГК — 4 (3,3%). Один из ведущих сотрудников «Одесских новостей» С.Б. Лазарович отмечал, что в состав «христианского» большинства вошли люди «преимущественно правого толка, которые до революции принадлежали к партиям октябристов, националистов и правых». По другим спискам прошли 16 социалистов (в основном меньшевики и эсеры, а также два «плехановца», энес, эсер-«возрожденец», четыре представителя «трудовой кооперативной группы»), восемь кадетов, семь еврейских националистов (в том числе пять сионистов и по одному члену ЕНГ и ЕНДП), трое беспартийных¹²³. «Одесские новости» попытались подсчитать неофициальные «списочные» итоги по всему городу, сложив округлённые цифры, полученные в каждом из округов. Получилось, что всего было подано около 56 тыс. голосов, из них за ХТБ — 24 тыс. (42,9%), за ДБ — 13 500 (24,1%), за РБ — 12 500 (22,3%), за кооператоров и квартирнанимателей — 2 200 (3,9%), за домовладельцев — 1 200 (2,1%), за торгово-промышленников — 1 100 (2%), за окраинный список — 900 (1,6%)¹²⁴. То, что «христиане» при этом заняли более 70% мест в думе, весьма наглядно указывало на преимущества, предоставленные избирательным законом победителям.

Весьма похожей была расстановка сил на выборах в городскую думу Николаева, проходивших 22 декабря. Бывший товарищ председателя Государственной думы С.Т. Варун-Секрет вспоминал, что там «по четырёххвостке победу одержали крайние правые», и «левые должны были признать этот факт», так как свобода выборов ничем не нарушалась¹²⁵. По воспоминаниям одного из большевиков, работавшего в николаевском подполье, думу избрали всего 500 человек¹²⁶. О низкой явке в 10% (около 4 тыс. избирателей из 40 тыс. имевших право голоса) сообщала и местная газета¹²⁷.

«Правый» Христианский блок, аналогичный одесскому, возник на базе домовладельческих и церковно-приходских организаций. Его лидером и основным пропагандистом являлся редактор газеты «Николаевский день» В.Е. Якушкин (правнук декабриста). Он прибыл в Николаев из Москвы в 1917 г. и редактировал «Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов», но затем, «эволюционируя», перешёл к кадетам, а к 1919 г. «скатился в лагерь идеологов деникинщины, став махровым черносотенцем»¹²⁸. Действительно, Якушкин

¹²³ Лазарович С. Интересные итоги // Одесские новости. 1919. 8 декабря. № 11083. С. 3.

¹²⁴ Лазарович С. За кого голосовали на выборах? // Одесские новости. 1919. 10 декабря. № 11085. С. 3.

¹²⁵ Варун-Секрет С. Методы борьбы с большевиками // Грядущая Россия. 1922. 5 января. № 19. С. 1.

¹²⁶ Ленау М. Деникинское подполье в Николаеве в 1919 году // Летопись революции. 1926. № 3—4(18—19). С. 65.

¹²⁷ Энский П. Новая дума // Южная речь. 1920. 4 января. № 9(31). С. 1.

¹²⁸ Ленау М. Указ. соч. С. 56, 63.

писал тогда, что каждый, кто чувствует себя русским, «не только имеет право, но и обязан быть антисемитом»¹²⁹. Однако считать «Николаевский день» в полной мере «черносотенным» едва ли верно. Редактор газеты утверждал, что пора перестать уравнивать антисемитизм и черносотенство. По его словам, он сам решил выступить против евреев после бесед с рядом старых, убеждённых социалистов, которые в частных разговорах не скрывали своего антисемитизма¹³⁰. Критикуя социалистов-интернационалистов, «Николаевский день» не гнушался их социальной риторики и ратовал за «национальное рабочее движение» без участия евреев¹³¹.

Горожане также могли поддержать «прогрессивно-деловой» (либеральный) и социалистический списки. Описывая голосование, прошедшее при весьма низкой явке (к сожалению, его результаты до сих пор не известны), газета «Южная речь» отмечала: «Отнюдь не следует думать, что избиратели сознательно не желали участвовать в выборах, что они последовали за тем лозунгом бойкота выборов, который был брошен (и вскоре же взят обратно) советом профессиональных союзов: наибольшее участие в выборах приняли как раз жители окраин. Число голосов, поданных по 1 и 2 Адмиралтейской части, по 2 уч[астку] Одесской части (у вокзала), значительно превышает число голосов, поданных в центральных частях города. Более того — в центре города было подано довольно значительное количество за прогрессивный блок, в то время как на окраинах подавляющее большинство собрал христианский список. Смело можно сказать, что бойкота выборов не было, и даже более — что дума главным образом является представительницей окраинного населения»¹³².

На первое заседание новой думы, состоявшееся 14 января 1920 г., незадолго до вступления в город большевиков, явились 42 гласных из 102 избранных — остальные или уже покинули Николаев, или планировали это сделать в ближайшее время. При этом среди собравшихся явно имелась оппозиционная фракция, так как Якушкин был избран председателем 33 голосами против 8. Его заместителем стал один из лидеров домовладельцев священник С.Ф. Купчевский, за которого проголосовали 30 гласных против 11¹³³. В думу, кроме домовладельцев, попали и те, кто в 1917 г. баллотировался от кадетов и различных внепартийных списков, и даже один украинский эсер¹³⁴. Скорее всего, они принадлежали к прогрессивно-деловому блоку¹³⁵. Социалистические же партии на выборах провалились — среди гласных не оказалось местных эсеров и меньшевиков. Их электорат, очевидно, дезориентировали призывы к бойкоту, к тому же часть рабочих ожидала возвращения большевиков, а другая переметнулась на сторону правых. Через несколько дней после избрания председателем Николаевской городской думы Якушкин был арестован большевиками, а затем расстрелян¹³⁶. В те дни причастность к местной политике не обходилась без смертельного риска.

¹²⁹ Якушкин В. Обвинительный акт // Николаевский день. 1919. 12 октября. № 39. С. 2.

¹³⁰ Якушкин В. Двойной сдвиг // Николаевский день. 1919. 31 октября. № 54. С. 3.

¹³¹ Николаевский день. 1919. 25 сентября. № 25. С. 1.

¹³² Энский П. Указ. соч. С. 1.

¹³³ Державний архів Миколаївської області, ф. 222, оп. 3, д. 10, л. 3, 4.

¹³⁴ Там же, оп. 1, д. 1842, л. 1–4; оп. 3, д. 10, л. 7–7 об.; Миколаївщина у вірі революційних подій: березень 1917 р. — квітень 1918 р. Документи та матеріали / Упоряд. Л.Л. Левченко. Миколаїв, 2019.

¹³⁵ Энь. Как не надо писать... // Николаевский день. 1919. 12 октября. № 39. С. 1–2.

¹³⁶ Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М., 1995. С. 438.

В Херсоне выборы были назначены на 12 января 1920 г.¹³⁷ Как и в Одессе, местные правые образовали Христианский блок (в который также вошло общество «За Россию», связанное с Отделом пропаганды), а умеренные — Демократический¹³⁸. Наступление Красной армии прервало создание дум как в самом Херсоне, так и ещё в семи городах губернии, где лишь в декабре 1919 г. Управление внутренних дел определило количество гласных, которых планировалось избрать в январе и феврале 1920 г.¹³⁹

* * *

По сообщению «Пресс-бюро», к 1 декабря 1919 г. выборы состоялись в 39 городах¹⁴⁰. Всего же они прошли примерно в 45 городах (хотя полные или частичные данные удалось обнаружить только по 39). Каковы же были общие результаты голосования?

А.П. Гельфгот, один из руководителей кубанских эсеров, в своей статье в журнале «Местное самоуправление на Северном Кавказе» попытался «расшифровать *политическое* содержание» списков, прошедших в 1919 г. в городские думы. Но поскольку классифицировать их оказалось непросто, он выделил четыре категории: левые, умеренные, правые и неизвестные. При этом, составляя таблицу, Гельфгот руководствовался названиями списков, сопоставлением их с конкурентами, данными, опубликованными в печати и сообщёнными с мест корреспондентами «Местного самоуправления». К левым причислялись партии эсеров и меньшевиков, социалистические блоки, кандидаты от профсоюзов, кооператоров и «трудовой интеллигенции». К умеренным — демократические и прогрессивные союзы, организации общественных деятелей, списки квартальных попечительств, национальных меньшинств, квартиронанимателей или интеллигентных профессий. К правым — кадеты, монархисты, домовладельцы, деловые и приходские группы, а также союзы рыбаков, крестьян и поселян.

Однако для большей точности картины подобная систематизация материала нуждалась в ряде поправок. Кадетов и некоторые из «деловых» списков явно следовало перенести из «правых» в «умеренные», а кандидатов крестьян — в «левые». Национальные меньшинства, когда они выставляли отдельные списки, необходимо рассматривать как особую категорию. Наконец, сами данные Гельфгота часто требовали проверки, исправления и дополнения (когда это возможно) по публикациям в местной прессе и архивным источникам (см. табл. 4).

Таким образом, в 35 городах, по которым есть хотя бы приблизительные сведения о явке, на выборы пришло 18,5% избирателей. Сказывались общее утомление от лихорадочной общественно-политической жизни 1917–1919 гг., неопределённость обстановки, неуверенность в прочности деникинской власти, опасения за свою судьбу в случае возвращения большевиков, бойкотистские настроения рабочих¹⁴¹. «Стоит ли избирать, — рассуждал один из жителей Севастополя, — если через 2–3 месяца или через 6 думу всё равно распустят и самый избирательный закон изменять»¹⁴².

¹³⁷ Выборы в Херсонскую думу // Единая Русь. 1919. 19 декабря. № 106. С. 4.

¹³⁸ Перед выборами // Одесский листок. 1919. 17 декабря. № 209. С. 2.

¹³⁹ Городские выборы в Херсонской губернии // Одесский листок. 1919. 13 декабря. № 206. С. 2.

¹⁴⁰ Результаты выборов в городские думы // Жизнь. 1919. 5 декабря. № 183. С. 2.

¹⁴¹ К выборам в гор. думу // Родина. 1919. 12 октября. № 89. С. 3.

¹⁴² Воров Н. О бойкотистах // Прибой. 1919. 22 августа. № 538. С. 1.

Результаты выборов в городские думы на белом Юге

Город	Дата	Число избирателей	Подано голосов	Явка (%)	Всего гласных	Левые	Умеренные	Правые	Национальные меньшинства	Неизвестные
Терско-Дагестанский край										
Грозный	25.08	6832	734	10,7	41	2	20	19	0	0
Пятигорск	01.09	9053	1192	13,2	45	19	6	14	0	6
Кисловодск	01.09	5985	1519	25,4	40	0	5	35	0	0
Владикавказ	22.09	16286	2651	16,3	86	8	28	35	15	0
Кизляр	до 04.10	2449	72	2,9	21	0	0	21	0	0
Моздок	07.10	3305	406	12,3	31	4	0	27	0	0
Георгиевск	20.10	—	—	—	46	0	0	46	0	0
Порт-Петровск	до 22.10	3618	498	13,8	20	0	20	0	0	0
Всего по краю		47 528	7072	14,9	330	33	82	194	15	6
		(по 7 городам из 8)			(по 8 городам)					
Черноморская губерния										
Новоросийск	15.09	14889	900	6,0	81	0	0	81	0	0
Сочи	15.09	3016	857	28,4	24	0	0	24	0	0
Туапсе	15.09	2282	220	9,6	25	0	0	25	0	0
Геленджик	20.10	1045	229	21,9	20	0	0	20	0	0
Всего по губернии		21 232	2 206	10,4	150	0	0	150	0	0
Ставропольская губерния										
Ставрополь	10.11	25113	3 537	14,1	72	5	46	21	0	0
Всего по губернии		25113	3 537	14,1	72	5	46	21	0	0

Таврическая губерния													
Симферополь	08.09	33036	5 501	16,7	78	17	59	1	1	0	0		
Ялта	08.09	10811	2911	26,9	50	17	0	32	0	1			
Алушта	08.09	2092	197	9,4	20	0	10	7	0	3			
Алушка	08.09	1864	445	23,9	20	4	2	14	0	0			
Геническ	08.09	7206	577	8,0	28	20	0	5	3	0			
Перекоп и Армянский базар	08.09	1705	655	38,4	20	4	2	0	0	14			
Мелитополь	08.09	4435	1240	28,0	33	0	12	21	0	0			
Орехов	08.09	—	—	—	22	0	0	0	0	22			
Ногайск	08.09	2074	263	9,9	21	0	19	0	2	0			
Севастополь	15.09	27240	4218	15,5	71	38	12	21	0	0			
Балаклава	15.09	1118	382	34,2	20	1	3	16	0	0			
Евпатория	15.09	12127	1703	14,0	45	7	15	6	17	0			
Джанкой	15.09	1916	353	18,4	24	1	17	1	5	0			
Бахчисарай	15.09	5942	591	9,9	30	0	0	0	30	0			
Старый Крым	15.09	2869	267	9,3	20	0	0	0	10	10			
Карасубазар	15.09	6433	833	12,9	32	10	9	13	0	0			
Бердянск	15.09	15595	1816	11,6	49	6	11	32	0	0			
Феодосия	22.09	14042	1570	11,2	47	8	6	33	0	0			
Керчь	22.09	—	—	—	68	3	8	49	0	8			
Алешки	22.09	2250	75	3,3	38	0	0	38	0	0			
Всего по губернии		153252	23587	15,4	736	136	185	289	69	57			
		(по 18 городам из 20)		(по 20 городам)									

Екатеринославская губерния										
Бахмут	27.10	8 986	1 941	21,6	40	40	0	0	0	0
Всего по губернии		8 986	1 941	21,6	40	40	0	0	0	0
Харьковская губерния										
Харьков	27.10	79 583	12 452	15,6	116	0	73	41	2	0
Змиев	27.10	1 495	105	7,0	20	–	–	–	–	–
Чугуев	10.11	–	–	–	33	3	0	30	0	0
Всего по губернии		81 078	12 557	15,5	149	3	73	71	2	0
			(по 2 городам из 3)					(по 2 городам из 3)		
Херсонская губерния										
Одесса	01.12	223 656	56 000	25,0	120	12	15	86	7	0
Николаев	22.12	40 000	4 000	10,0	102	–	–	–	–	–
Всего по губернии		263 656	60 000	22,8	120	12	15	86	7	0
			(по 2 городам)					(по 1 городу из 2)		
Всего по Югу		600 845	110 900	18,5	1 617	229	375	857	93	63
			(по 35 городам из 39)					(по 37 городам из 39)		

Составлено по: *Тельфорт А. Городские думы в 1919 году // МССК. 1919. 31 декабря. № 19–20. С. 4, 6; Выборы в думу // Южный рабочий. 1919. 6 сентября. № 19(432). С. 1; Городские выборы // Вечернее время. 1919. 3 октября. № 377. С. 2; Выборы в Кизляре // Грозный. 1919. 4 октября. № 15. С. 2; Выборы в Петровске // Знамя труда. 1919. 22 октября. № 195(359). С. 3; Георгиевск. Выборы в думу // Кавказский край. 1919. 26 октября. Приложение к № 172. С. 1; Городские выборы. Бахмут // Наш путь. 1919. 13 ноября. № 34. С. 4; ГА РК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 72, л. 162, 165, 237, 238, 247, 288, 289, 293, 294, 327 об.–328, 367, 368, 373, 391, 439, 461.*

Из 1617 гласных, занявших места в 37 думах, 53% можно отнести к правым, 23,2% — к умеренным, 14,2% — к левым, 5,7% — к национальным меньшинствам, принадлежность 3,9% неизвестна. Неудивительно, что современники, а затем и исследователи видели в этом «решительный сдвиг вправо» и даже начавшееся будто бы «отрезвление городов»¹⁴³. Но если проанализировать состав правых гласных, то окажется, что успех этой весьма аморфной группы во многом был эфемерным. Если левые так или иначе тяготели к эсерам и меньшевикам, а умеренные — к кадетам, то в правом лагере отсутствовала какая-либо системообразующая организация. Более того, вообще трудно говорить о правом лагере как таковом. Те, кого принято для удобства к нему причислять, руководствовались совершенно разной мотивацией, одни — исключительно экономической, связанной с защитой их собственности и стремлением спасти свои владения от новых налогов, реквизиций и уплотнений, другие увлекались идеями национализма и антисемитизма, третьи — просто желали навести порядок, похожий на тот, что существовал в дореволюционные времена. Если бы дело дошло до выборов в новое Учредительное собрание, совершенно очевидно, что у каких-нибудь сочинских домовладельцев, интересующихся в первую очередь своими отношениями с квартиронанимателями, и у антисемитски настроенных «христианских» блоков Херсонской губ., охотно воспринимавших «левую» риторику, вряд ли нашлось бы что-то общее.

Конечно, всевозможные домовладельческие союзы располагались в новых думах на правом их фланге. Именно среди них нашли себе пристанище некоторые бывшие октябристы, черносотенцы, представители царской бюрократии и деятели старых «цензовых» органов самоуправления. Но политические убеждения большинства гласных, избранных от домовладельцев, оставались крайне неопределёнными. «Христианские» блоки являлись единственной своеобразной попыткой выработки новой идеологии и построения организационных структур, но едва ли опыт Херсонской губ. с её весьма специфическими этнополитическими условиями удалось бы с лёгкостью перенести в другие регионы.

В ходе выборов в прессе активно обсуждались как успехи «правых», так и неудачи кадетов. Писатель И. Ф. Наживин полагал, что во многих городах они «с небывалым треском проваливаются»¹⁴⁴. Между тем в действительности полученные ими результаты оказались не так уж и плохи. Партия Народной свободы победила в двух губернских центрах — Симферополе и Харькове, располагала фракциями в ряде других городов, имела неплохие перспективы в Екатеринославе и Полтаве. Успехи домовладельцев, пугавшие левых, кадетов не смущали. Они понимали, что «только в больших городах, где дома строятся для эксплуатации их сдачею в наём, где домовладичество является крупным источником дохода, только в таких городах домовладельцев можно считать за представителей высшей буржуазии. В провинциальных же небольших губернских, а тем более в уездных городах домовладельцы в массе своей — это средний класс обывателей, это рядовая мешанская среда, состоящая из лавочников, мастеровых, мелких чиновников». Иными словами, это по преимуществу элемент прогрессивный и демократический, который не пойдёт ни за социалистами, ни за реакционерами, но, скорее всего, поддержит государственно мыслящие ор-

¹⁴³ *Веригин Н.* Отрезвление городов // *Голос Руси.* 1919. 12 ноября. № 69. С. 1.

¹⁴⁴ *Наживин И.* О «кадетах» // *Свободная речь.* 1919. 24 октября. № 229. С. 1.

ганизации¹⁴⁵. Поэтому кадеты, хорошо разбиравшиеся в муниципальной политике, не имея абсолютного большинства, смогли провести своих кандидатов на посты председателей ряда дум и городских голов (например, во Владикавказе и Евпатории). В целом их позиции в органах местного самоуправления были прочнее, чем может показаться на первый взгляд при формальном подсчёте количества гласных. Проблемой же кадетской партии являлось отсутствие внутреннего единства и какой-либо определённой тактики, что приводило в одних случаях к блокированию с левыми, а в других — с черносотенцами.

Социалистические партии в большинстве городов провалились. Меньшевики и эсеры находились под подозрением у новых властей, а их рабоче-крестьянский электорат в массе своей на выборы не пришёл. Редкие случаи, когда левые добивались успеха, объяснялись скорее неумелыми действиями администрации. В радикальной печати скептически отзывались об авторитете дум, избранных «ничтожной кучкой граждан, уменьшенных к тому же ещё и рядом искусственных рогаток»¹⁴⁶. Но и для Добровольческой армии массовый абсентеизм в рабочих районах был зловещим знаком. Белые крепко стояли на правой «ноге», но всё сильнее хромали на левую.

В целом, поправление электората несомненно наблюдалось, но оно коснулось далеко не всех слоёв городского населения, а только тех, кто демонстрировал лояльность к Белому движению. Часть прежних сторонников кадетов сдвинулась вправо и отдала свои голоса «деловым группам». Однако большинство горожан оказалось вообще не интегрировано в деникинскую систему и проголосовало ногами.

Всю осень 1919 г. пресса активно обсуждала массовый абсентеизм, достоинства и недостатки избирательного закона, различные нарушения и действия властей, победы тех или иных списков, обвиняла своих оппонентов в «большевизме» или «правом большевизме». И, кажется, только С.С. Ольденбург отметил ненормальность самой ситуации: «Сейчас на фронте идёт смертный бой... Запрещения собраний, закрытия газет, аресты ораторов — меры, которые могут стать неизбежными в условиях ближнего тыла, — не могут в то же время не раздражать избирателей, так как психология выборной борьбы требует некоторого равенства условий, требует свободы соревнования. А так как свободная агитация, разлагающая тыл, совершенно сейчас недопустима — назначение городских выборов в ближайшее время является вредным и опасным политическим опытом... Нам скажут, что от этого пострадают интересы городского хозяйства. Но ведь управы действуют и теперь; городские думы вряд ли смогут как-нибудь заметно улучшить их личный состав. А в условиях гражданской войны и полного расстройств городских финансов всё равно, будет ли дума или управа ходатайствовать о ссудах перед казной... Есть и другой взгляд: городские выборы часто рассматриваются как своего рода плебисцит за и против существующей власти... Но было бы слишком опасно придавать большое значение настроениям случайного большинства тех немногих избирателей, которые ещё являются на выборы. И победы, и поражения имеют тут очень относительный характер. Поэтому, с удовлетворением отмечая успехи умеренных групп, почти повсеместные до сего дня, с некоторой тревогой указывая на результаты социалистической агитации, мы решительно отказываемся признавать современные

¹⁴⁵ Таврический голос. 1919. 18 сентября. № 47(197). С. 1.

¹⁴⁶ Поощрение пассивности // Наш путь. 1919. 22 октября. № 12. С. 1.

городские выборы за голос русского народа. Это — показания политического барометра в нескольких точках страны — не более. А сейчас, пожалуй, слишком серьёзное время, чтобы можно было ради исследования политических настроений разнуздывать страсти избирательной борьбы»¹⁴⁷.

Действительно, единственный положительный итог кампании 1919 г. — богатый материал, оставленный её участниками исследователям Гражданской войны. В остальном же выборы не только не укрепили белую власть, но, скорее, напротив, осложнили её положение и отношения с «общественностью». При этом массовый абсентеизм электората серьёзно дискредитировал идею местного самоуправления и разжигал ненужные страсти в тылу сражающейся армии.

¹⁴⁷ С.О. [Ольденбург С.С.] Городские выборы // Великая Россия. 1919. 29 октября. № 332. С. 1.

Долги промышленных рабочих России в конце XIX — начале XX в.

Вячеслав Волков

Debts of industrial workers in Russia at the late 19th — early 20th century

Vyacheslav Volkov

(Military Institute (railway troops and military communications)
of the Military Academy of Logistics named after A.V. Khrulev,
Saint Petersburg, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23010091, EDN: POPCTW

Долги играли существенную роль в жизни промышленных рабочих России конца XIX — начала XX в. Они имели разнообразные формы, которые можно свести в три большие группы: долговые обязательства кабального найма, долги перед государственными или сословно-корпоративными институтами и гражданско-правовые долговые отношения с частными лицами. Предметом исследования данной статьи являются первые две формы, что обусловлено их ключевой ролью в развитии трудовых отношений в русской промышленности.

Сущность и содержание кабалы на промышленных предприятиях России ранее были мною подробно рассмотрены¹. Напомню, что в конце XIX в. кабальными рабочими назывались «те труженики, которые получают неимоверно низкую заработную плату, благодаря тому, что нанялись в то время, когда до зарезу нуждались в деньгах или благодаря тому, что задолжали нанимателям»². Следовательно кабальный наём представлял собой кредитную операцию, долг по которой отдавался трудом должника с большими процентами. Он являлся своего рода прикреплением работника к определённым видам трудовой деятельности, так как уходу от «нанимателя» изначально препятствовала ростовщическая ссуда. Однако кабальный наём не был только пережитком крепостного права послепетровской эпохи, развиваясь и как вполне самостоятельный феномен на основе смещения ростовщической сделки из сферы продажи личности наймита для осуществления трудовых операций в сферу продажи им уже своей рабочей силы, но с неминуемым ограничением его прав как личности.

В наёмную кабалу попадали за прошлые долги, в виде кредитного найма или прямо через ростовщическую кредитную операцию. В первом случае, когда крестьянин голодал или на нём копились недоимки, кулак или помещик ссужали его деньгами для уплаты податей и заставляли отдать долг или товарами, или работой в артели, создаваемой кулаками-подрядчиками³. Вторая форма

© 2023 г. В.В. Волков

¹ Волков В.В. «Дёшево и сердито». Рынок труда в Европейской России в конце XIX — начале XX в. Ч. I. СПб., 2016. С. 526–573.

² Макаренко А. Отхожие и кабальные рабочие // Юридический вестник. Т. 26. 1887. Кн. 4. С. 736.

³ Там же. С. 738; В.В. Артели для подрядных и наёмных работ // Новое слово. 1896. № 11. Август. С. 36; Триогов В. Община и подать. СПб., 1882. С. 192; Флеровский Н. (Берви В.В.) Положение рабочего класса в России. М., 1938. С. 116, 136, 142, 144, 221, 229.

зависимости рабочих была связана с таким повсеместным явлением в российской промышленности как устройство на работу в долг⁴. К этому нужно отнести продовольственное и иное бытовое кредитование уже ранее нанятых рабочих, так как данная задолженность привязывала их к предприятию. В третьей ситуации обеднение приводило к тому, что крестьянин не мог сам убыть в отхожие промыслы и был вынужден прибегать к услугам посредников⁵.

В советской и постсоветской историографии освещались лишь отдельные стороны проблемы долгов промышленных рабочих дореволюционной России. Так, Э.Э. Крузе, Ю.И. Кирьянов, Л.В. Куприянова, И.Г. Напалкова и Т.В. Доронина в своих исследованиях фиксировали повсеместную продовольственную и иную задолженность рабочих как фабрикантам, так и отдельным лавочникам⁶. При этом Доронина охарактеризовала данные отношения как кабальные⁷.

Масштабы кабальной задолженности рабочих России до сих пор не выяснены. Этому мешают, как минимум, два объективных обстоятельства. Во-первых, источники по данной проблеме (ресконтро рабочих⁸, книги записи их долгов, ведомости состояния счетов и др.) имеются лишь по некоторым фабрикам и заводам. Во-вторых, они зачастую не дают ясного представления о характере задолженности. В результате вопрос о количественном аспекте связи долга и наёмных отношений работника и фабриканта остаётся открытым.

Реконструкция реального положения дел возможна только по данным отдельных предприятий. Например, по состоянию на 1 января 1915 г. на Покровском стекольном заводе 203 выбывших в 1914 г. рабочих имели задолженность перед предприятием в размере 1178 руб. 67 коп., а 813 «действующих» рабочих — 104 руб. 29 коп. Таким образом, в среднем на каждого уволившегося задолжавшего рабочего приходилось 5,66 руб. долга, на каждого «действующего» должника — 13 коп., а в целом на каждого должника приходилось 1,25 руб. Эти данные показывают, что при общем небольшом уровне задолженности рабочих заводу 20–25% из них имели серьёзные долговые проблемы⁹.

Согласно ресконтро 106 рабочих завода точного машиностроения И.А. Семёнова 18 из них в 1905 г. имели задолженность предприятию за 1904 г. в размере 698 руб., при этом 53 были должны 1371,86 руб. уже за 1905 г. 14 рабочих имели долги за два года, поэтому в целом на всех должников в среднем прихо-

⁴ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. II. Екатеринослав, 1886. С. 240; *Микулин А.А.* Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906. С. 81.

⁵ Доклад крестьянина Г.П. Караулова об отхожем промысле // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIX. СПб., 1903. С. 864.

⁶ *Крузе Э.Э.* Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1981. С. 131–138; *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 153; *Куприянова Л.В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX вв. (URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm>); *Доронина Т.В.* Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 109–111; *Напалкова И.Г.* Рабочий вопрос в России в XIX — начале XX века: традиции социального патернализма. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 122–123.

⁷ *Доронина Т.В.* Повседневность рабочего класса Западной Сибири... С. 195.

⁸ Ресконтро — бухгалтерская книга лицевых счетов, для открытия отдельных счетов каждому должнику и заимодавцу. В ней путём списывания и приписывания сосредоточены в виде окончательных остатков (сальдо) суммы, расположенные на двух противоположных страницах (дебетовой и кредитовой) (Ресконтро // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXVIa. СПб., 1899. С. 608).

⁹ ЦГИА СПб, ф. 1449, оп. 2, д. 11, л. 1–33.

дилось 35,68 руб., а на всех рабочих, представленных в ресконтро, — 19,52 руб. Это свидетельствует о настоящей долговой зависимости от предприятия более половины рабочих (58 человек). В некоторых случаях размеры задолженности были колоссальными. Так, слесарь А. Энсар задолжал заводу за 1904 г. 271 руб. и 5 руб. за 1905 г., слесарь М. Дмитриев — 112 руб., строгальщик Г. Калмыков — 66,76 руб., токарь Г. Зубов — 58 руб., токарь А. Андерсон — 55 руб. До 20 руб. имели задолженность 26 человек (44,83%), с 20 до 40 руб. — 11, с 40 до 60 руб. — 12, с 60 и выше — 9¹⁰. За 1906 г. долг составил уже 1423,68 руб. До 20 руб. имели задолженность 17 человек (47,22%), с 20 до 40 руб. — 6, с 40 до 60 руб. — 4, с 60 и выше — 9. При сокращении количества должников (с 53 до 36) возросло число хронических (с 14 до 20). Средний долг в 1906 г. возрос до 39,54 руб. (25,88 руб. в 1905 г.)¹¹. В целом за 2 года число задолжавших рабочих выросло в 2 раза.

В 1902 г. 42 рабочих Петербургского проволочно-гвоздильного завода задолжали предприятию 882,15 руб. В 1911 г. долг достиг уже 1700,33 руб. на 70 должников¹². При этом доля мелких должников (до 20 руб.) уменьшилась с 69,05% (29 от 42) до 65,71% (45 от 70).

Несколько иная ситуация сложилась на Путиловской верфи, где в 1913 г. за многими из рабочих остался долг Путиловскому заводу в размере 1240,64 руб. Всего перешедших должников было 128, на каждого приходилось в среднем 9,69 руб. Здесь наблюдалось преобладание мелких должников (до 20 руб.) — 116 человек (90,62%). Однако были и те, кто задолжал много: к примеру, у И. Метлина — 154,65 руб., у В. Емельянова — 81,57 руб.¹³ К 1 мая 1913 г. задолженность рабочих этому предприятию составляла 500,66 руб.¹⁴

За 1911 г. рабочие Невской писчебумажной фабрики получили в долг от предприятия 3734 руб., и с их зарплаты в счёт погашения долга было удержано 3022,7 руб.¹⁵ Разницу в 711,3 руб. следовало взыскивать с рабочих уже в следующем году, по аналогии с удержанием 276 руб. в январе 1911 г. остатка долга за 1910 г. Это говорит о том, что отношения найма на данном предприятии функционировали только благодаря специфическим займам, которые предоставлялись рабочим и погашались ими ежемесячно. О распространённости этой практики свидетельствует, например, ведомость об удержании с мастеровых и рабочих депо станций Дно и Псков-П долга по продовольственной части за 1915 г.¹⁶ и вычеты долга с рабочих Петроградского проволочно-гвоздильного завода за 1914 г.¹⁷

В ряде документов зафиксированы ежемесячные вычеты и остатки по долгам. Например, с рабочего депо станций Дно и Псков-П В. Кочеткова в 1915 г. было удержано только за продовольственные долги: за январь — 6,27 руб., февраль — 20,61, март — 30,36, апрель — 13,07, май — 26,60, июль — 30,07, август — 22,15, сентябрь — 32,87, октябрь — 27,95, ноябрь — 37,17 руб.¹⁸

¹⁰ Там же, д. 221, л. 1—348.

¹¹ Там же, д. 237, л. 1—346.

¹² Там же, ф. 1299, оп. 4, д. 6а, л. 1—2; д. 17а, л. 2—2 об.

¹³ Там же, ф. 1270, оп. 8, д. 144, л. 1—3.

¹⁴ Там же, л. 5—5 об.

¹⁵ Там же, ф. 1189, оп. 1, д. 451, л. 43 об.—45.

¹⁶ Там же, ф. 1361, оп. 1, д. 1262, л. 1 об.—5.

¹⁷ Там же, ф. 1299, оп. 4, д. 25а, л. 1.

¹⁸ Там же, ф. 1361, оп. 1, д. 1262, л. 1 об.

Итого 247,12 руб., что было близко к среднегодовому заработку рабочих на фабриках и заводах, где применялись штрафы (251 руб. в 1911 г.)¹⁹. Однако уровень продовольственных долгов на этом предприятии в 1915 г. был дифференцированным. Так, с рабочего М. Гаврилова за год удержали 49,9 руб., с К. Меньшикова — 85,6, М. Богданова — 97,97, С. Филиппова — 107,83, В. Абаринкова — 119,36, М. Чеброва — 133,48, И. Ильина — 150,74, Н. Ларионова — 229,95²⁰.

Помесячный приход и расход долгов подтверждает наблюдение старшего фабричного инспектора А.А. Микулина: «Наш фабричный рабочий живёт в большинстве случаев не на имеющиеся у него средства, а на те, которые будут им лишь в будущем заработаны. Приходя наниматься на фабрику, рабочий очень часто доходит до места почти без копейки и, для того чтобы иметь возможность работать, должен немедленно получить от хозяина в кредит под будущую заработку харчей или денег. Проработавши известное время до первого получения денег, он получает уже не всю заработанную сумму, а часть её, иногда бо́льшую половины, он оставляет за забранные вперёд харчи и получает на руки половину или немного более всего заработка; эти деньги тотчас у него уходят или на отсылку в деревню, или на удовлетворение других своих нужд, и он опять идёт с просьбою выдать ему вперёд харчи под заработку»²¹. По каким же статьям расходов могли кредитоваться рабочие? В первую очередь — в счёт продовольствия, взятого в лавке фабриканта, затем — за взносы предпринимателя на страхование рабочих, штрафы, плату за проживание, за баню и прочие бытовые удобства²².

Выдача таких кредитных авансов только что нанятому рабочему была широко распространена не только в фабрично-заводской промышленности, но и в горном деле²³. Потеряв заработок в глухих малонаселённых шахтёрских местностях, он часто не мог уехать на поиски работы и вновь попадал в долговую кабалу к хозяину предприятия, из которой «не известно, когда в состоянии будет выпутаться»²⁴. На предприятиях всегда существовал большой контингент рабочих, имевших после сезона долги в виде штрафов, продовольствования в долг по завышенным ценам в хозяйских лавках, получения ссуд и др. «Есть такие рабочие, — писал Н.М. Черёмухин, — которые приезжают впервые в надежде на хороший заработок, но вскоре, после ряда всевозможных мытарств, в этом разочаровываются и мечтают поскорее уехать на родину, но отсутствие средств и накопившиеся долги надолго приковывают такого рабочего к месту»²⁵.

Именно поэтому фабриканты и заводчики направляли своих агентов в одни и те же районы для вербовки рабочих — здесь всегда было достаточное количество должников²⁶. Плотники, каменщики, столяры, маляры, паркетчики, кровельщики, водопроводчики брали у подрядчика в счёт будущего заработка

¹⁹ Свод отчётов фабричных инспекторов за 1912 год. СПб., 1913. С. XLIX.

²⁰ ЦГИА СПб, ф. 1361, оп. 1, д. 1262, л. 1 об.

²¹ Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906. С. 81.

²² ЦГИА СПб, ф. 1149, оп. 2, д. 9, л. 1–72.

²³ Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 194.

²⁴ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. II. С. 240.

²⁵ Черёмухин Н.М. Как живут и как питаются рабочие Рыковских копей в пос. Юзовка // Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губернии. 1910. № 1. С. 5.

²⁶ Сулима К.П. Свеклосахарное производство в санитарном отношении. СПб., 1892. С. 87.

деньги на дорогу и на разные неотложные расходы для деревенского хозяйства. Тем самым они «закабаливали себя» и должны были работать по той цене, какую назначал подрядчик²⁷.

Суть рассматриваемого феномена была верно подмечена в 1886 г. земскими исследователями Екатеринославской губ.: «Собственно говоря, вся система отношений капиталистов здешнего каменноугольного производства к рабочим построена на том, чтобы как-либо удержать их в пределах этого каторжного труда»²⁸. Через 25 лет этот вывод был официально подтверждён для всей промышленности России. В Своде отчётов фабричных инспекторов за 1911 г. отмечалось, что «невыдача и задержание заработка объясняются, кроме недостатка у заводууправлений наличных денег, иногда также и стремлением заведующих промышленными заведениями, преимущественно мелкими, удержать таким путём рабочих от ухода с работы, а в случае свершившегося уже ухода — возместить свои убытки»²⁹.

Нужда и несвоевременная выдача заработной платы заставляли рабочих прибегать к невыгодному кредиту у предпринимателя³⁰. Их снабжение на большинстве фабрик и заводов до 1890-х гг. происходило только через продовольственные лавки, принадлежавшие хозяевам или зависимым от них лавочникам. «Рабочие имеют возможность получать продукты в кредит, в счёт будущего и имеющегося заработка», — отмечалось в исследовании Екатеринославского губернского земства³¹. При этом, согласно отчёту фабричного инспектора Владимирской губ. П.А. Пескова, «только на очень немногих фабриках и заводах все покупки производятся на наличные деньги»³². Чаще всего для получения товаров использовались книжки или другие бумажные знаки³³. Цены в фабричных лавках одной и той же местности сильно варьировались и в целом отличались от рыночных на 20–80%³⁴, в лавках шахтовладельцев и горных подрядчиков — в 1,5–2 раза³⁵. В 1880-х гг. хозяева наживали от лавочной торговли от 8 до 10 тыс. руб. чистого барыша. Причём иногда они сдавали свои лавки в аренду с условием выплаты им определённой суммы³⁶. Даже после издания закона от 3 июня 1886 г., затруднившего деятельность продовольственных лавок, встречалась старая практика продовольственного обеспечения рабочих. Особенно это было характерно для предприятий, расположенных в сельской местности Центрального промышленного района³⁷. Фабричный инспектор 3-го участка Костромской губ. писал в отчёте за 1901 г.: «Наиболее обращавшими внимание

²⁷ Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда // Труды Чухломского отдела Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. II. Чухлома, 1926. С. 10.

²⁸ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. III. Екатеринослав, 1886. С. 376–377.

²⁹ Свод отчётов фабричных инспекторов за 1911 год. СПб., 1912. С. LXIII.

³⁰ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 140–141.

³¹ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. III. С. 375–376.

³² Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П.А. Пескова. СПб., 1884. С. 103.

³³ Там же. С. 102.

³⁴ Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. II. Л., 1924. С. 264–265.

³⁵ История рабочих Донбасса. Т. I. Киев, 1981. С. 44.

³⁶ Эрисман Ф.Ф. Пища рабочих на фабриках Московского уезда // Шестой губернский съезд врачей Московского земства [Протоколы заседаний и труды]. Февраль–март 1882 г. М., 1882. С. 176–177.

³⁷ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 186.

жалобами рабочих на заведующих должны быть отмечены жалобы на принуждение брать вместо денег товар, харчи». В Костромской губ. в 1900 г. 10% зарплаты фабричным рабочим выдали продуктами³⁸.

То же явление присутствовало и в горной промышленности: «Приходится пожалеть, что, отпуская в кредит продукты, кладовая рудника продаёт их по более возвышенным ценам, сравнительно с ценами тех же продуктов на местных рынках, берёт довольно высокий % за капитал в товарах, идущий в кредит, и не поступает своими утилитарными стремлениями в пользу рабочих, хотя бы в виду того, что контора рудника сама кредитует на значительную сумму у них без всякого %»³⁹. На Донбассе в 1902–1913 гг. имели место многочисленные факты невыплаты зарплаты шахтёрам и их принудительного продовольственного кредитования в лавках хозяев или подрядчиков⁴⁰. И.Х. Озеров в 1910 г. зафиксировал, что на Урале «некоторые заводы не платят подолгу или платят так называемыми талонами. При расплате за товары в лавках этими талонами рабочие теряют или теряли 20–50%, притом нередко бывает так, что спрашивают они, например, сахару в лавке, а им предлагают залежавшееся мыло и бруснику. Делать нечего, приходится брать, так как талоны берут только в некоторых лавках. Затем это мыло или бруснику надо идти продавать в другую лавку, и только тогда, в результате этой сложной операции, мастеровой получает нужный ему сахар»⁴¹.

В России по ст. 99 Устава о промышленности фабричной и заводской, внесённой законом от 3 июня 1886 г., расплата с рабочими вместо денег купонами, условными знаками, хлебом, товарами и иными предметами была запрещена и каралась по ст. 155 этого же устава штрафом в размере от 50 до 300 руб. Однако законодательство не запрещало устройство фабричных лавок, в которых хозяин мог устанавливать совершенно произвольные цены⁴².

Совещание Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, рассмотрев 3 октября 1898 г. представление старшего фабричного инспектора Гродненской губ. от 3 апреля 1897 г. «О выдаче рабочим определённого, установленного заранее количества необходимых предметов продовольствия»⁴³, приняло решение издать общий циркуляр фабричной инспекции на основе редакции заключения фабричного ревизора Ф.В. Фомина⁴⁴. В нём отмечалось, что в п. 2 ст. 106 (а также в ст. 140 и п. 4 ст. 142) Устава о промышленности имеется прямое указание на то, что при найме рабочих на фабрики и заводы в договоре могут быть определены условия расплаты за работу продовольстви-

³⁸ *Егоров Е.А.* Заработная плата рабочих Северо-Восточных губерний Центрально-промышленного района России (1900 – февраль 1917 г.) // Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1981. С. 75–76.

³⁹ Сборник статистических сведений по Екатеринбургской губернии. Т. III. С. 376.

⁴⁰ *Серый Ю.И.* Рабочие Юга России в период империализма (1900–1913 гг.). Ростов н/Д, 1971. С. 202–204.

⁴¹ *Озеров И.Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. С. 40.

⁴² По проекту правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности, и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, и об увеличении числа чинов фабричной инспекции (ПСЗ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3769; Устав о промышленности фабричной и заводской изд. 1893 г. // Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1900. С. 757, 780–781); *Цитумельский В.Ф.* Становление и развитие отношений социального партнёрства в сфере труда в Российской империи. М., 2012. С. 163.

⁴³ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 55, л. 4.

⁴⁴ Там же, л. 9.

ем, квартирой и другим натуральным довольствием. «Действительно, — указывалось в циркуляре, — во всех случаях, когда рабочий по договору бесплатно пользуется от фабриканта пищей, квартирой, баней и т.п., — эта пища, квартира, и пр[оч]. представляют собой не что иное, как заработную плату (или часть её). Из изложенного ясно, что ст. 99 Уст[ава] вообще не запрещает расплату с рабочими хлебом и другими предметами, если такая расплата точно обусловлена договором [найма], и имеет ввиду лишь те случаи, когда это производится названными предметами вместо денег, следующим рабочему по договору найма. (Даже в последнем случае, согласно решению Угол[овного] кас[сационного] деп[артамента] Правительствующего Сената по делу Калущкина 1876 г. № 153, уголовное преследование фабриканта может быть учинено лишь тогда, когда расплата разными предметами вместо денег имела принудительный для рабочего характер)»⁴⁵. Тем самым Министерство финансов разъяснило своим циркуляром, что расплата натурой только тогда преследуется уголовным законом, когда она имеет принудительный характер.

Кроме того, в ст. 100 указывалось, что «при производстве рабочим платежей не дозволяется делать вычеты на уплату их долгов. К числу таких долгов не относятся, однако, расчёты, производимые фабричным управлением за продовольствие рабочих и снабжение их необходимыми предметами потребления из фабричных лавок». Это предоставляло хозяину право взыскания с заработной платы стоимости забранных в лавке товаров, что вело к узаконенной возможности для работодателей продолжать прежнюю практику натуральной оплаты работников⁴⁶.

Для обеспечения формальной стороны данных отношений Гражданский кассационный департамент Сената принял решение, что «всякого рода документ, независимо от его внешней формы (т.е. будет ли это письмо, счёт, реестр, квитанция, удостоверение, свидетельство и т.п.), если он выражает собою признание долга, составляет долговое обязательство»⁴⁷. Поэтому все канцелярские документы предприятий, в которых фиксировались задолженности рабочих, обладали юридической силой.

Взыскание государственных податей и других сборов также могло производиться из заработной платы, что в 1895 г. было установлено законодательно и закреплено в ст. 100 Устава о промышленности фабричной и заводской: «При взысканиях податей и других сборов из заработной платы рабочих на фабриках, заводах и мануфактурах с рабочего может быть удерживаемо при каждой отдельной расплате не более одной трети причитающейся ему суммы, если он холост, и не более одной четверти, если он женат или вдов, но имеет детей»⁴⁸. В отношении Департамента торговли и мануфактур от 1 августа 1895 г. № 17.202, направленном в Департамент окладных сборов, разъяснялось, «что под упоминаемыми в законе 22 мая с.г. податными и другими сборами следует разуметь исключительно казённые и мирские повинности (и недоимки по ним), за исправное поступление коих отвечает каждое сельское общество круговую порукою, выкупные платежи и продовольственные ссуды; засим все

⁴⁵ Там же, л. 7—7 об.

⁴⁶ Канель В.Я. Рабочий договор. Ч. I. М., 1907. С. 46.

⁴⁷ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. 4. М., 2004 (URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/36/>).

⁴⁸ ПСЗ-III. Т. 15. СПб., 1895. № 11702; Устав о промышленности фабричной и заводской изд. 1893 г. С. 757.

остальные перечисленные в п. I сего отношения платежи и взыскания не могут быть подводимы под действие означенного высочайшего повеления»⁴⁹. Устанавливалась ответственность за взыскание долгов и на женщин-работниц, которые не являлись домохозяйками. На одобрение департамента окладных сборов выносился также вопрос о расходах на доставку получателям взысканных с должников сумм. Фабричным управлениям предлагалось отправлять казённые повинности и сборы через «ближайшее казначейство». Все остальные учреждения и лица должны были «сами озаботиться изысканием наиболее удобных для них способов получения этих удержаний»⁵⁰.

Требование о взыскании податей и других сборов из заработной платы было позже подтверждено и закреплено в статьях 50 и 52 «Положения о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ», принятом 23 июня 1899 г.⁵¹ Причём теперь взыскание долга трактовалось гораздо суровее — не как «удержание», а как «наложение ареста на заработную плату», хотя женщины выводились из-под действия данных статей.

Общий порядок взыскания долгов регламентировался в первую очередь «Сводом губернских учреждений». По ст. 682 полиции предписывалось взыскивать недоимки и всякие казённые и общественные сборы, начёты и платежи «по предписаниям высших и сообщениям разных мест»⁵². Это согласовывалось с требованиями ст. 708, по которой полиция начинала свои действия «по приказанию начальства; по требованию других, имеющих на то право, мест и лиц; по донесениям подчинённых; по прошениям, жалобам и объявлениям частных лиц; наконец, и по собственному своему усмотрению»⁵³. В столице полицейские установления «с равными местами и лицами» сносились сообщениями, «с низшими — предписаниями» (ст. 945). В ст. 946 указывалось: «По всем предметам, относящимся к ведению полиции, высшие и низшие правительственные и судебные места и власти, со всеми своими требованиями, обращаются прямо в надлежащие полицейские установления столицы»⁵⁴.

На деле это происходило примерно по такому сценарию. 24 января 1909 г. ошмянский городской староста направил отношение приставу 1-го участка Рождественской части Санкт-Петербурга: «По раскладке 1908 г. на взыскание с ошмянских мещан на общественные надобности денег, утверждённой Виленским губернским правлением, с мещан[ина] г. Ошмяны Владислава Сильвестрова Разульского-Размысловского следует недоимки общественных повинностей 2 руб. Вследствие чего имею честь просить о взыскании с него означенной недоимки и деньги прислать мне, и сообщить. Жительство г. СПб. Служит в СПб № 4 казённом винном складе». Пристав 3-го участка Нарвской части 17 февраля 1909 г. направил это отношение в указанный склад. После взыскания недоимки и 16 коп. за пересылку отношения заведующий складом 27 февраля доложил об этом приставу⁵⁵.

⁴⁹ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 139, л. 2 об.

⁵⁰ Там же, л. 3.

⁵¹ Положение о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ (ПСЗ-III. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17286).

⁵² Свод законов Российской империи / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. СПб., 1912. С. 84.

⁵³ Там же. С. 88.

⁵⁴ Там же. С. 118–119.

⁵⁵ ЦГИА СПб, ф. 1281, оп. 1, д. 248, л. 19–19 об.

Процедура могла проходить и по несколько иному алгоритму: недоимщик сразу по прошению властей места его приписки вызывался в полицию и там составлялись соответствующие документы для отправки их руководству предприятия. Например, приставу 3-го участка Нарвской части Санкт-Петербурга поступило отношение от мещанского старосты Старого Оскола от 16 февраля 1909 г. о взыскании 2,5 руб. общественных повинностей с рабочего К.А. Некрасова. Ввиду отсутствия у него денег для оплаты долга околоточный надзиратель взял с него заявление: «Взыскание прошу обратить на жалованье, получаемое мною в СПб казённом № 4 винном складе» и доложил об этом по команде. Далее все документы с сопроводительным письмом пристав 2-го участка Нарвской части передал приставу 3-го участка, а тот их направил администрации предприятия. Наконец, заведующий складом после отправления взысканной с Некрасова суммы по почте письменно известил об этом Старооскольское мещанское общество Курской губ. и попросил уведомить о получении⁵⁶.

Законодательством был предусмотрен и третий путь взыскания долгов с рабочих. Согласно статьям 50 и 53 «Положения о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ», податный инспектор уведомлял «подлежащее лицо или учреждение о невыдаче неисправному домохозяину следующих на пополнение недобора денег и о высылке их подлежащему волостному старшине»⁵⁷.

Через администрацию предприятий взыскивался весь спектр налоговых долгов, тем самым привязывая жизнь рабочих к хозяйственной организации. Так, в марте 1909 г. Санкт-Петербургская казённая палата возбудила дело о взыскании недоимок квартирного налога с работника казённого винного склада № 4 П.И. Шкулепа в размере 7,5 руб.⁵⁸ В апреле уже Санкт-Петербургская городская управа просила руководство предприятия произвести вычет из зарплаты Шкулепа в размере 3 руб. для уплаты ежегодного сбора за содержание собак и пени в размере 1,5 руб.⁵⁹

Следует признать, что долгое время в трактовке фабричной инспекции взыскание государственных, мирских или частных долгов с рабочих путём удержания из их заработка не являлось прямой обязанностью фабрикантов. Они должны были лишь предоставить такую возможность. Об этом мы узнаём из разбора дела о забастовке, произошедшей в сентябре—октябре 1898 г. на кирпичном заводе Юдиной. Старший фабричный инспектор Московской губ. И. Фёдоров доложил по команде, что «1-го сентября с.г. заведующий кирпичным заводом Юдиной, явившись к участковому фабричному инспектору, сообщил, что местный становой пристав предъявил к нему требование об удержании с работающих на заводе крестьян Скопинского уезда Рязанской губернии из их заработка причитающиеся за ними недоимки казённого сбора. Когда заведующим, согласно сему, было сделано распоряжение по конторе, то рабочие, узнав об этом, в числе около 100 человек бросили работу и к ней в настоящее время приступить отказываются до отмены сделанного распоряжения. Сообщая об изложенном, заведующий просил соответствующих разъяснений и указаний»⁶⁰. Фабричный инспектор, ссылаясь на ст. 100 «Устава о промыш-

⁵⁶ Там же, л. 38–39.

⁵⁷ ПСЗ-III. Т. 19. Отд. 1. № 17286.

⁵⁸ ЦГИА СПб, ф. 1281, оп. 1, д. 248, л. 40.

⁵⁹ Там же, л. 47.

⁶⁰ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 139, л. 13.

ленности» и суждения Государственного совета в «Справочной книге для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков» издания 1897 г., заявил, что «нет указаний собственно на обязательность для фабриканта производства удержания из заработка рабочих их недоимок и прочих сборов, а имеются таковые лишь относительно возможности этих удержаний и размера их»⁶¹. Он подчеркнул, что хотя на фабрикантах лежит «нравственная обязанность помогать в этом [удержании денег] правительству», они «могут от сего уклониться лишь в случаях, когда к тому имеется достаточно уважительная причина»⁶². Приостановку работы участковый инспектор признал достаточным основанием для отказа от удержаний. По совету инспектора заведующий сообщил обстоятельства дела приставу и просил его по составлении протокола о данном происшествии «принять какие-либо другие меры к взысканию недоимок»⁶³. В итоге все действия участкового инспектора были признаны правильными.

Однако существовала и со временем возобладала другая позиция государственных органов на роль фабрикантов в процессе взыскания долгов с рабочих. Циркуляром от 20 октября 1901 г. министр финансов установил, что «предъявляемые податным инспектором владельцам промышленных предприятий требования об удержании заработной платы работающих у них крестьян на пополнение окладных сборов как основанные на законе, подлежат безусловно обязательному исполнению со стороны фабрикантов и заводчиков, совершенно независимо от их на то согласия»⁶⁴. Соглашения податных инспекторов с владельцами промышленных предприятий впредь должны были касаться «исключительно формы и способа производства этих удержаний»⁶⁵. Кроме того, на фабричных инспекторов отныне не возлагалось «рассмотрение вопроса о том, производство каких именно удержаний для владельцев фабрик и заводов обязательно при выдаче рабочим причитающегося им заработка», а потому чины инспекции должны отзываться на просьбы по разъяснению данного вопроса «с особою осторожностью»⁶⁶.

Взыскание государственных и частных долгов с рабочих путём вычета из их жалованья производилось не только через административно-полицейские действия, но и в судебном порядке. После суда по получению исполнительных листов на предприятия составлялась «ведомость на удержанные деньги по исполнительным листам из жалованья рабочих за половину месяца»⁶⁷.

Вопрос о задаточных долгах рабочих неоднократно поднимался органами фабричной инспекции. Так, 13 декабря 1894 г. Киевским губернским по фабричным делам присутствием для директоров сахарных заводов, владельцев и заведующих кирпичными заводами был издан циркуляр, согласно которому «погашение заводоуправлением путём вычетов из заработной платы рабочих задатков, выданных им при заключении договора найма, должно производить-

⁶¹ *Кобеляцкий А. И.* Справочная книга для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков. СПб., 1897. С. 80.

⁶² РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 139, л. 13–13 об.

⁶³ Там же, л. 13 об.

⁶⁴ *Громан В. В.* Устав о промышленном труде (Св. зак. т. XI, ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597) с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным, предметным и сравнительным постатейным. Пг., 1915. С. 50.

⁶⁵ Там же. С. 51.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ЦГИА СПб, ф. 1281, оп. 1, д. 248, л. 42, 121.

ся не на основании ст. 100 Уст[ава] о пром[ышленности], а на тех основаниях, которые изложены в особых условиях каждого отдельного найма и которые, согласно пункту 5 ст. 137 Уст[ава] о пром[ышленности], должны быть помещены в расчётной книжке рабочего»⁶⁸. Однако после рассмотрения этого вопроса Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием министры финансов и земледелия и государственных имуществ 26/28 марта 1901 г. приняли противоположное решение: «Задатки, выдаваемые рабочим управлениями промышленных заведений при заключении предварительного договора о найме, могут быть рассматриваемы или как “взятые рабочими вперед деньги”, или же как “долги рабочих”; в виду сего, на точном основании ст. 100 Уст[ава] [о] промышл[енности], с рабочего может быть удерживаемо на погашение сих задатков при каждой отдельной расплате не более одной трети причитающейся суммы, если он холост, и не более одной четверти, если он женат или вдов, но имеет детей»⁶⁹.

Эта позиция оставалась неизменной, о чём свидетельствует «Устав о промышленном труде» 1913 г.⁷⁰ Как и ранее, формально по ст. 56 «расплата с рабочими вместо денег купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами» воспрещалась, а по ст. 57 при осуществлении рабочим платежей не дозволялось «делать вычеты на уплату их долгов»⁷¹. Однако в комментарии к этой статье уточнялось: «К числу таких долгов не относятся, однако, расчёты, производимые управлением предприятия за выданные рабочим вперёд деньги, за продовольствие рабочих и снабжение их необходимыми предметами потребления из лавок предприятия. При расчётах за взятые рабочим вперёд деньги, при взыскании податей и других сборов из заработной платы на предприятиях, а равно в случае предъявления исполнительного листа на денежное взыскание с рабочего, с последнего может быть удерживаемо при каждой отдельной расплате не более одной трети причитающейся ему суммы, если он холост, и не более одной четверти, если он женат или вдов, но имеет детей»⁷².

Устав оставлял много лазеек для его неисполнения. Например, в комментариях разъяснялось, что нельзя отождествлять харчи и предметы потребления и поэтому порядок снабжения рабочих харчами через поставщиков с последующим удержанием соответственной части из заработной платы не находился в противоречии с законом. При условии согласия заводоуправления и рабочих, соответствующей записи в расчётные книжки и в книгу счетов не воспрещалось производить удержания из заработной платы рабочих по их обязательствам, а также превышать доли причитающейся им суммы заработка. Это, однако, не относилось к удержанию за забранный в нефабричных лавках товар и всяким вычетам в пользу владельцев промышленных предприятий⁷³.

Итак, долг стал постоянным спутником повседневной жизни и деятельности рабочего класса России, а его размер был довольно значительным. Основной массив кредитных обязательств приходился на долги рабочих перед

⁶⁸ РГИА, ф. 20, оп. 13а, д. 121, л. 13 об.

⁶⁹ Там же, л. 20.

⁷⁰ Громан В.В. Указ. соч. С. 51.

⁷¹ Там же. С. 45.

⁷² Там же. С. 49.

⁷³ Там же. С. 52.

государственными или частными предприятиями, которые носили в целом кабальный характер. Задолженности возникали в первую очередь по причине бедности рабочих и повсеместных задержек заработной платы. С противоположной стороны присутствовали два мотива кредитования нанятых работников: невозможность в ряде производств найма без задатка и желание предпринимателей кабально закрепить рабочих и нажиться за их счёт. Второй статьёй долговых обязательств рабочих стали казённые и общественные сборы, начёты, недоимки, пени и т.п. Для их взыскания в империи был установлен чёткий бюрократический механизм, важным звеном которого являлось тесное взаимодействие полиции и администрации предприятий. В результате задолженность стала одним из ключевых экономических факторов в русской промышленности.

Семейная политика и трансформация семейно-брачных отношений в послереволюционной России (1917–1920-е гг.): основные итоги и актуальные вопросы изучения

Татьяна Смирнова

**Family policy and transformation of family and marriage relations
in post-revolutionary Russia, 1917–1920s:
main results and topical issues of study**

Tatiana Smirnova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23010108, EDN: POWIXI

Проблема трансформации семейно-брачных отношений в послереволюционной России не теряет свою актуальность уже несколько десятилетий, оставаясь в числе приоритетных тем исследований не только историков, но и демографов, этнологов, социологов, культурологов, политологов, педагогов и психологов. Расширение на рубеже XX–XXI вв. источниковой базы и обновление методологии исследований (в том числе и под влиянием зарубежной историографии) обусловили не только новую волну интереса к данной проблеме, но и выход исследований на качественно иной уровень. Вопросы, связанные с различными проблемами семьи и воспитания, репродуктивного поведения и феминизма, переосмысление дискуссий о «свободной любви», «новой морали» и т.п. получили в этот период освещение в сотнях диссертационных исследований¹, тысячах статей, монографий и учебных пособий². Итоги изуче-

© 2023 г. Т.М. Смирнова

¹ См., например: *Араловец Н.А.* Российское городское население в 1897–1926 гг.: брак и семья. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; *Гниятуллина Г.Г.* Государственная политика в отношении семьи в Башкирии в 1917–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017; *Михайлова М.В.* Семья и быт в представлениях населения Европейской части России в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Рудык О.И.* Эволюция института брака в советском семейном праве: 1917–1996. Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015; *Трефилова М.Н.* Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013; *Савчук А.А.* Трансформация отношений к семье и браку на российском Дальнем Востоке в 1917–1936 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013; и др.

² *Алфёрова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; *Васеха М.В.* Политика внедрения «нового быта» и её влияние на семейно-брачные отношения в Западной Сибири в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов. М., 2016. С. 295–338; *Голдман В.З.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М., 2010; *Давыдов Д.В.* Развод «по-крестьянски»: специфика расторжения браков в среде русского крестьянства в 1920-е годы (по материалам ТАССР) // Вестник ТГГПУ. 2010. № 4. С. 113–116; *Кулинич Н.Г.* «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 42–53; *Жданова С.Н.* Основы социологии семьи: учебно-методическое пособие. М., 2016; *Михайлова М.В.* Семья и быт в представлениях населения европейской части России в 1920-е годы. Армавир, 2003; *Осипович Т.Н.* Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х гг. // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 161–171; *Пушкарёва Н.Л.* Русская женщина

ния как советской семейной политики в целом, так и отдельных её аспектов обобщены в серии историографических работ³ и библиографических изданий⁴.

На первый взгляд, проблема относится к числу наиболее исследованных. Между тем её ключевые вопросы, несмотря на обширную историографию, до сих пор остаются дискуссионными. В какой мере происходившая в первые годы советской власти трансформация семейно-брачных отношений соответ-

в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3–17; *Пушкарёва Н.Л., Казьмина О.Е.* Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89; *Рябина Н.В.* Социальная политика Советской России (октябрь 1917–1920-е годы): женщина, семья и дети в новом обществе: учебное пособие. Ярославль, 2004; *Стрионова И.В.* Дискуссии о семейном кодексе в СССР в середине 1920-х годов: государственный и региональный аспекты // Новые страницы истории Донбасса. Сборник статей. Кн. 20. Донецк, 2011. С. 79–87; *Стрионова И.В.* Практика супружеских отношений в период формирования советского гендерного строя в 1920–1930 гг. // Новые страницы истории Донбасса. Сборник статей. Кн. 22. Донецк, 2013. С. 162–174; Эволюция семьи и семейная политика в СССР / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 1992; *Чечкова С.П.* О некоторых аспектах развития брачно-семейного законодательства в сфере опеки и попечительства в 1917–1927 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сер. Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2018. № 2(52). С. 117–122; *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007; *Clements B.E.* Bolshevik Women. Cambridge, 2000; *Goldman W.Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge, 1993; *Waters E.* The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937. The European Woman's History Reader. N.Y., 2002. P. 277–289; *Wood E.A.* The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997; и др.

³ См., например: *Анисимова Л.Ю.* Дискуссии о семье и браке в послереволюционной России // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Сер. Экономика. История. Педагогика. 2017. № 1(27). С. 32–39; *Горбачёв О.В.* Советская сельская семья в зарубежной историографии: направления изучения и подходы к интерпретации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 23. 2021. № 1. С. 160–177; *Горяев М.С., Оконов Б.А.* Проблемы трансформации семьи и брака в отечественной историографии // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. Т. 2. 2017. № 2(35). С. 84–88; *Дорская А.А.* Советское семейное право: основные направления изучения // Памятники российского права. В 35 т. Т. 27. Кодексы законов о браке, семье и опеке РСФСР. М., 2016. С. 7–11; *Дорская А.А.* Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2019. № 3. С. 27–41; *Людоровская Т.Ю.* Семейная политика советского государства в Донбассе в 1920–1930-е гг.: историографический обзор // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. № 1(68). С. 21–27; *Мицюк Н.А.* История материнства (motherhood studies) в России на страницах англоязычной историографии // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 128–145; *Олейник И.И.* Становление теории семейного права в советской юридической науке (историографический аспект) // История государства и права. 2014. № 21. С. 27–32; *Пушкарёв А.М.* К историографии «истории повседневности» и «нового быта» 1920-х гг. (Проблема «новой половой морали» в работах А.М. Коллонтай) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 55–75; *Пушкарёва Н.Л.* Русская женщина: история и современность: Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002; *Пушкарёва Н.Л.* Женщина, семья, гендерная система: противоречивая история XX века // Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции, посвящённой завершению Года семьи в Российской Федерации, Старый Оскол, 18–19 декабря 2008 / Отв. ред. З.З. Мухина. Старый Оскол, 2008. С. 5–2; *Салогуб Я.Л., Фролов В.В.* Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники // Вестник Волжского университета В.Н. Татищева. 2017. № 4. Т. 2. С. 5–17.

⁴ Семейное право: Библиографический указатель диссертационных исследований (1980–2005 гг.) и научных публикаций (1990–2005 гг.) / Под ред. О.Н. Низамиевой. Казань, 2007; Советское семейное право. Библиография, 1917–1960 гг. / Под ред. И.В. Павлова и Г.М. Свердлова. М., 1962.

ствовала общемировым тенденциям тех лет? Можно ли говорить о том, что большевики уничтожили стабильную систему семейно-брачных отношений, существовавшую в Российской империи, или кризис семьи, основанной на церковном браке, назрел ещё на рубеже XIX–XX вв., а Первая мировая война и революция лишь обострили процессы в этой области? В какой степени преобразования советской власти были направлены на намеренное уничтожение семьи, или смыслом процесса был поиск новых форм семейно-брачных отношений, основанных на принципах равенства полов и социальной справедливости? Допустимо ли отождествлять отказ от так называемой буржуазной семьи с уничтожением семьи как таковой? В какой мере и каким образом на семейные отношения и поведенческие установки на брак в те годы влияло изменение социальной роли женщин: разрушало семью или, напротив, оздоравливало её, освобождая женщин от экономической зависимости от мужа?

Ещё недавно эти принципиальные вопросы казались вполне решёнными, а дальнейшие перспективы развития темы связывались преимущественно с изучением её в региональном ракурсе. Однако в последние годы наблюдается тенденция к пересмотру прежних представлений, уже очищенных от коммунистических догм. Семейная политика большевиков и брачно-семейные отношения постреволюционного периода всё чаще рассматриваются сквозь призму современных российских представлений о приоритете «традиционных ценностей». Это заставляет обратить внимание на опасность перенесения современных понятий на почву столетней давности и подмены презентизмом научного исторического подхода к изучению сложных социокультурных процессов революционной эпохи, связанных в том числе с наличием тенденций «советской модерна», испытывшей на себе влияние «консервативного традиционализма»⁵.

Устоявшийся взгляд на сферу семейно-брачных отношений того периода в терминах трансформации, модернизации или эволюции в современной литературе всё чаще подменяется тезисами о сознательном разрушении и уничтожении семьи большевиками. Вот лишь некоторые цитаты, характеризующие такую точку зрения: «Революция и Гражданская война, вслед за разрушением социальной, политической и экономической сфер повседневной человеческой жизни, разрушили и привычный мир семейных ценностей, традиционную семью, которая существовала в России на протяжении столетий»⁶; «Правительство большевиков, пришедшее к власти в октябре 1917 г., осудило семью как буржуазный институт и обещало освободить женщин от брака, считая его главным препятствием на пути к женской эмансипации»⁷; «Первый период реформирования брачно-семейных отношений можно определить как период социального и законодательного разрушения института брака, семьи и семейной собственности»⁸; «Рассматривая брак как одну из причин неравенства женщин,

⁵ Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // НЛО. 2016. № 4. С. 19–44. См. также дискуссию по поводу данной статьи и самого содержания понятия «модерность» применительно к советской эпохе.

⁶ Семёнов А.А. Кризис традиционной семьи и эволюция брачно-семейных отношений в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109(05). С. 926.

⁷ Шаповалова Я.А. Политика большевиков в отношении семьи в первые годы советской власти // Общество: Политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 105.

⁸ Никулин В.В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 21. 2016. № 7–8(159–160). С. 108.

приверженцы марксизма-ленинизма первоначально ориентировались на уничтожение института брака»⁹.

Более аргументированной представляется позиция исследователей, призывающих отойти от популярных в 1990-х гг. «конъюнктурно-негативных оценок советского прошлого» и сосредоточить основное внимание на изучении «исторических, социальных и экономических факторов, детерминировавших формирование и развитие условий правовой регламентации института брака в РСФСР»¹⁰. Такой подход приводит к обоснованному выводу, что послереволюционная российская семья, с одной стороны, «унаследовала прежний авторитарно-патриархальный стиль внутрисемейных отношений», с другой — стремительно модернизировалась¹¹. В соответствии с этой точкой зрения, ни отмена церковного брака, ни упрощение процедуры его заключения и расторжения не несли угрозу самому социальному институту семьи. Напротив, установление правового равенства супругов способствовало его институциональной стабилизации. Так, например, П.Я. Циткилов утверждает, что прежние «нормы семейной морали» «не были отвергнуты советской властью», реформирование семейно-брачных отношений привело лишь к постепенной «трансформации российской классической патриархальной семьи в советскую патриархальную»¹². К интересным выводам пришла О.И. Рудык, которая на основе анализа советского законодательства показала, что «правовой институт брака в первое десятилетие советской власти строился на буржуазных индивидуалистических, а не коллективистских социалистических принципах»¹³.

Столь противоречивые оценки семейной политики и семейно-брачных отношений послереволюционной России свидетельствуют о назревшей потребности в обобщении чрезвычайно обширной и противоречивой историографии проблемы, анализе её основных тенденций, дискуссий и «болевых точек». Сложность этой задачи заключается не только в большом количестве исследований, но и в междисциплинарном характере и многоаспектности изучаемой проблемы, так или иначе выходящей на самые разные вопросы социальной, гендерной и экономической истории.

К числу основных её составляющих можно отнести следующие: 1. Эволюция нормативно-законодательной базы семейной политики; 2. Трансформация бытовых отношений и поведенческих установок на брак, в том числе под влиянием изменения положения женщины в семье и обществе в целом; 3. Влияние на семейную политику и семейно-брачные отношения новых норм «половой морали», теорий «свободной любви», «стакана воды», «крылатого эроса революции» и т.п.; 4. Охрана материнства и младенчества как значимая составляющая семейной политики; эволюция репродуктивного поведения, легализация

⁹ Куликова Д.Н. Политика советского государства в области семейно-брачных отношений в 1917–1925 гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. Т. 6. 2013. № 2. С. 28.

¹⁰ Рудык О.И. Эволюция института брака... С. 3.

¹¹ Ражжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6(242). С. 90.

¹² Циткилов П.Я. Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 204–205. См. также: Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005; Циткилов П.Я. Становление советской патриархальной семьи в 1917–1930-х годах: историко-социологический облик. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

¹³ Рудык О.И. Эволюция института брака... С. 3, 10–11, 24.

абортов и её последствия; 5. Положение детей в семье (соотношение общественного и семейного воспитания, «национализация детей», трансформация материнства и отцовства, социальное сиротство, профилактика семейной девиантности, политика в отношении семей с детьми-инвалидами и многодетных семей).

Все эти проблемы взаимосвязаны, вытекают одна из другой, но чаще всего являются самостоятельной темой¹⁴. Остановимся подробнее на специфике изучения некоторых из них.

Трансформации семейно-брачных отношений: нормативно-правовая база и повседневная реальность. Правовой аспект, т.е. изменение семейно-брачного законодательства, безусловно, является наиболее изученным. Комплексное рассмотрение эта проблема получила ещё в рамках советской историографии¹⁵, однако интерес к ней не утихает и сегодня. Среди наиболее значимых исследований советского семейного права следует отметить работы А.М. Нечаевой, отличающиеся комплексным подходом и широким общеисторическим контекстом¹⁶, и О.И. Рудык, проанализировавшей не только сами нормы права, но и предпосылки его реформирования¹⁷.

Внимание исследователей правового аспекта эволюции постреволюционной семьи (а это преимущественно работы юристов и историков государства и права) традиционно сконцентрировано на анализе содержания основных законодательных и нормативно-правовых актов в сфере семейной политики. Это прежде всего декреты 1917 г. «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (18 декабря), «О расторжении брака» (19 декабря)

¹⁴ В данной статье нет подробного анализа историографии проблемы по хронологическому принципу, анализируются лишь основные тенденции в изучении семейной политики молодого советского государства и послереволюционной трансформации семейно-брачных отношений с акцентом на работы конца XX — начала XXI вв. и задачи, стоящие перед современными исследователями.

¹⁵ См., например: *Бошко В.И.* Очерки советского семейного права. Киев, 1952; *Вольфсон Ф.И.* Семейное право. Учебное пособие для юридических институтов. М., 1938; *Генкин Д.М.* История советского гражданского права. М., 1949; *Нечаева А.М.* Правовые формы деятельности органов опеки и попечительства по воспитанию несовершеннолетних в семье. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969; *Нечаева А.М.* Семья и закон. М., 1980; *Нечаева А.М.* Охрана детства в СССР. М., 1987; *Нюрин Н.Д.* Забота Советского государства о матери и ребенке. Л., 1944; *Пергамент А.И.* Основы законодательства о браке и семье. Учебное пособие. М., 1969; *Пергамент А.И., Ставцева А.И.* Советское законодательство о правах женщин. М., 1962; *Свердлов Г.М.* Советское семейное право. М., 1952; *Свердлов Г.М.* Охрана интересов детей в советском гражданском и семейном праве. М., 1955; *Харчев А.Г.* Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968; *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979; и др.

¹⁶ *Нечаева А.М.* Ребёнок под опекой. М., 1993; *Нечаева А.М.* Проблемы охраны прав несовершеннолетних в Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995; *Нечаева А.М.* Охрана детей-сирот в России (История и современность). М., 1994; *Нечаева А.М.* Россия и её дети (ребёнок, закон, государство). М., 2000; *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007; *Нечаева А.М.* Семейное право: учебник для вузов. М., 2020. Подробнее о вкладе А.М. Нечаевой в развитие истории советской семьи и семейного права см.: *Лёвушкин А.Н.* Научное наследие и значение трудов А.М. Нечаевой для развития науки семейного права // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 13–16.

¹⁷ *Рудык О.И.* Институт брака по российскому законодательству 1917–1922 гг. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2(13). С. 49–53; *Рудык О.И.* Влияние буржуазно-демократических ценностей на формирование предпосылок правовой регламентации института советского брака // Там же. 2012. № 20. С. 193–197; *Рудык О.И.* Общественно-политические предпосылки реформирования брачного права в 20-е годы XX века // Там же. 2014. № 1(25). С. 222–225.

и «О внебрачных детях» (20 декабря); Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном семейном и опекунском праве (КЗАГС) 1918 г. и Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБС) 1926 г., а также совместное постановление Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин», легализовавшее аборт. При этом нормы права за редким исключением изучаются вне общеисторического контекста. За рамками исследований остаётся как процесс обсуждения и принятия законов и подзаконных актов (сколько всего было проектов, в чём их отличия, как проходило их обсуждение, была ли общественная дискуссия и т.п.), так и правоприменительная практика. Это не даёт возможности адекватно оценить причины и последствия принятия той или иной правовой нормы, а нередко формирует искажённое представление о целях, которые преследовала власть.

Так, например, известно, что проект нового кодекса законов о браке, семье и опеке, рассматривавшийся на второй сессии ВЦИК 12-го созыва в октябре 1925 г., вызвал бурную дискуссию. Наиболее «страстные прения как на самих сессиях, так и в промежутке между ними», по свидетельству Л.Д. Троцкого, вызвало предложение юридически приравнять незарегистрированный брак к зарегистрированному¹⁸. После принятия проекта нового кодекса за основу он был передан на места для широкого обсуждения¹⁹. Однако дискуссии и реакция, которую они вызвали в широких слоях общества, остались за пределами значительной части исследований²⁰. В результате мы получаем оценку правотворчества большевиков с позиций современных норм права и современных ценностей.

В ошибочности такого подхода можно убедиться на примере оценок эволюции правового статуса института усыновления, который был отменён КЗАГС 1918 г. (ст. 183) и восстановлен специальным декретом СНК РСФСР от 1 марта 1926 г., ещё до принятия нового Семейного кодекса²¹. Среди современных исследователей преобладает убеждение, что отмена усыновления в 1918 г. была вызвана в первую очередь «существовавшим тогда отрицательным отношением

¹⁸ Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 6. Проблемы культуры. Т. 21. Культура переходного периода. М.; Л., 1927. С. 513.

¹⁹ См., например: Бедный Д. Всерьёз и... не надолго, или советская женитьба. Юридический трактат // Правда. 1925. 3 декабря; Брак и семья: тезисы секции общей теории государства и права Коммунистической академии. К проекту Кодекса о браке, семье и опеке. М., 1926; Бранденбургский Я. О чём спорят? // Известия. 1925. 11 декабря; Крыленко Н.В. По поводу «философских» размышлений тов. Солца о «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и практическом смысле его предложения // Правда. 1925. 8 декабря; Крыленко Н.В. Обыватель наступает (Ещё о дискуссии по законопроекту о браке и семье) // Правда. 1926. 15 января. № 12; Курский Д.И. Семья и новый быт: споры о проекте нового кодекса законов о семье и браке. М.; Л., 1926; Луначарский А.В. Новый закон о браке и разводе // О быте. Л., 1927. С. 28–36; Сегаль М.А. Проект кодекса о браке и семье и «законодатель» Гредингер // Советское строительство. 1926. № 10. С. 215–221; Семья и новый быт: Споры о проекте нового кодекса законов о семье и браке. Сборник. М.; Л., 1926; Солц А.А. О революционной законности // Правда. 1925. 24 ноября; Солц А.А. Прокурорская критика // Правда. 1925. 16 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 6. С. 513–515; и др.

²⁰ В числе редких исключений можно назвать работы И.В. Алфёровой, проанализировавшей влияние на семейно-брачные отношения развернувшейся в печати дискуссии о «свободной любви» (Алфёрова И.В. «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!»: трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917–1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4–2(10). С. 1–15).

²¹ СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818; 1926. № 13. С. 101.

к семейным формам воспитания детей-сирот в целом»²², а также стремлением предотвратить попытки «обойти запрет на наследование, предусматривающий поступление имущества умершего в собственность государства»²³. При этом наличие во введении к Семейному кодексу 1918 г. пояснений о том, что усыновление запрещено, прежде всего, в целях защиты интересов детей — из опасений их эксплуатации в крестьянских семьях — либо игнорируется, либо интерпретируется как элемент пропагандистской риторики. Данная позиция основана прежде всего на современном понимании института усыновления как безусловного блага для всех лишённых родительской опеки детей, а его отмены — как очевидного и неоспоримого «социального зла». Иначе оценивали практику усыновления составители кодекса, опасавшиеся, что «под покровом мнимого усыновления» дети «попадут в даровые рабочие, не защищённые законом и надзором»²⁴. Тщательное изучение источников и свободная от идеологической предвзятости реконструкция событий наглядно свидетельствуют о том, что опасения эти имели веские мотивы²⁵. Отмена усыновления в 1918 г. была вызвана сложным комплексом социальных, экономических и идеологических причин. Это было непростое решение, в правильности которого сомневались многие современники, что наглядно прослеживается в дискуссиях о возможности и необходимости восстановления института усыновления, начавшихся практически сразу после его отмены²⁶.

О том, насколько далеки от реальности выводы, сделанные исключительно на анализе нормативно-правовых документов без учёта правоприменительной практики и общеисторического контекста, наглядно свидетельствует и история применения патронатного воспитания. В отличие от усыновления, патронирование как форма устройства детей, лишённых родительской опеки, не было запрещено первым советским Семейным кодексом, но и не было им регламентировано, оно в нём просто не упоминалось. Единственной формой семейного воспитания сирот должна была стать социалистическая опека, как индивидуальная, так и коллективная (КЗАГС 1918, ст. 184–246). Однако на практике именно патронирование получило наиболее широкое применение с первых месяцев советской власти²⁷. Тем не менее отсутствие в Семейном кодексе 1918 г.

²² Пчелинцева Л. М. Семейное право России. Учебник для вузов. М., 2004. С. 490.

²³ Никулин В. В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 21. 2016. № 7–8 (159–160). С. 105.

²⁴ Курский Д. И. Объяснительная записка к проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке 1925 года // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 38–39. С. 1230.

²⁵ Подробнее см.: Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 58; Смирнова Т. М. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920–1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 259–278; Goldman W. Women, the State and Revolution... P. 52.

²⁶ См., например: Курский Д. И. Объяснительная записка... С. 1230–1231; Люблинский П. И. Опека и детская беспризорность // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 196, 200; Орловский Б. Борьба с детской беспризорностью в Нижегородской губернии // Школа и жизнь Нижнего Новгорода. 1926. № 11. С. 37.

²⁷ Подробнее см.: Бендер Е. А. Опыт передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи во второй половине 1920-х годов (по материалам Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 4. С. 174–181; Смирнова Т. М. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918–1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 25–37; Смирнова Т. М. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории дет-

упоминания о патронатном воспитании послужило для ряда исследователей поводом для отрицания самого факта его существования в послереволюционной России. Вплоть до начала 2000-х гг. в отечественной исторической науке господствовало мнение, что патронатное воспитание сирот в первые годы советской власти не практиковалось. Так, Л.М. Спирина утверждает, что первые «упоминания о патронате связаны с постановлением “О передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи”» от 6 февраля 1928 года». Второй половиной 1920-х гг. датирует появление патронатного воспитания и М.А. Перова. А.Ю. Нагорнова и Е.Е. Вагина утверждают, что оно появилось лишь в 1936 г., «в связи с принятием ВЦИК и СНК РСФСР постановления “О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся”». Эту точку зрения разделяет и Л.М. Пчелинцева. Ю.Л. Зеличенко пришла к выводу, что «становление системы устройства детей в патронатную семью в России совпало с послевоенными реформами XX в.»²⁸.

С другой стороны, популярное в последние годы пренебрежительное отношение к нормативно-правовым актам как к источникам, якобы отражающим исключительно «историю власти», и абсолютизация информационного потенциала так называемых внеинституциональных источников²⁹ приводят к экстраполяции отдельных взглядов, идей, течений, которыми богато любое общество эпохи революционных преобразований, на все общество в целом.

«Что будешь искать, то и найдёшь...»: реконструкция исторического прошлого методом цитирования, или Как рождаются исторические мифы. «Семья, конечно, исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального обеспечения»³⁰. Эта цитата из выступления представителя Наркомата юстиции Я.Н. Бранденбургского в феврале 1926 г., как и известная фраза А.М. Коллонтай («семья отмирает, она не нужна ни государству, ни людям»³¹), кочует из одной работы в другую как доказательство того, что советская власть планировала «отменить» семейно-брачные отношения. Для обоснования этой точки зрения авторы обильно цитируют и других советских государственных и политических деятелей. Так, например, Г.М. Цинченко, доказывая негативное отношение к семье А.В. Луначарского, ссылается на его слова о том, что семьи создают «не людей, которые сделают вклад в общественный коллектив, но людей, которые

ства в России и других странах. Сборник статей и материалов. Вып. 1. М.; Тверь, 2008. С. 174–196; и др.

²⁸ Зеличенко Ю.Л. Этапы развития патронатного воспитания в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 10(61). С. 89; Нагорнова А.Ю., Вагина Е.Е. Призрение и социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России с древнейших времён до второй половины XX в // История и современность. 2016. № 1(23). С. 167–168; Перова М.А. Детская повседневность Советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2021. С. 17; Пчелинцева Л.М. Семейное право России. С. 487; Спирина М.Л. Отечественный опыт патронатного воспитания как форма социально-педагогической помощи детям-сиротам // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология. 2008. № 5. С. 80.

²⁹ Об опасности «нового взгляда на проблему достоверности источников» см.: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» России в 1917–1922 гг.: проблемы историографии, источников и методов исторического исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 286–291.

³⁰ Бранденбургский Я.Н. Брак и семья: Доклад на Всесоюзном совещании волостных женорганизаторов при Отделе работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) 13 февр. 1926 г. М., 1926. С. 5.

³¹ Коллонтай А.М. Семья в коммунистическом обществе. Одесса, 1919. С. 15.

будут индивидуалистами»³². Однако, поддерживая проект нового брачного законодательства, допускающий разводы, Луначарский в то же время подчёркивал значимость семьи, но лишь той, которая основана на взаимной любви. Первый нарком просвещения РСФСР выступал категорически против «лёгких и частых разводов», считая их «крайней мерой в тех случаях, когда совместная жизнь становится адом»: «Опостытели вы друг другу, не можете наладить совместную жизнь, стала она для вас адом... Ведь совершенно ясно, что такой случай, при котором трудовой брачный союз должен быть расторгнут, такой случай является редким случаем, может быть раз в жизни, может быть два, если вы уж так несчастливы»³³. Не всё так однозначно и во взглядах Коллонтай. Говоря о неизбежном отмирании семьи, она всегда подчёркивала, что речь идёт исключительно о семьях «в её буржуазном понимании», «в современном её виде»³⁴, т.е. говорила о необходимости реформирования семейных отношений.

Столь же противоречивая ситуация складывается и при попытке обильным цитированием аргументировать вывод о том, что в послереволюционной России приоритетным считалось общественное воспитание детей. Наиболее упоминаемыми в этом вопросе оказались советский правовед З. Теттенборн, убеждённая в том, что в случае неправильного (мещанского или антиобщественного) воспитания детей их следует изымать из семьи и передавать на попечение государства³⁵, и экономист, социолог, государственный и политический деятель Е.А. Преображенский, уверенный в преимуществах государственного воспитания над «домашним». «И ещё большой вопрос, — писал он в 1923 г., — разрешит ли в будущем социалистическое государство хотя бы части родителей портить домашним воспитанием своих детей»³⁶. С такой позицией был совершенно не согласен А.С. Макаренко, всю жизнь посвятивший перевоспитанию бывших беспризорников в детских домах и коммунах и на собственном педагогическом опыте убедившийся в значении семьи в судьбе каждого ребёнка. «Люди, воспитанные без родительской любви, часто искалеченные люди, — писал он. — За воспитание ребёнка отвечает семья, или, если хотите, родители»³⁷. Если же верить его близкому другу К.С. Кононенко, Макаренко, напротив, выступал за приоритет общественного воспитания и даже предлагал детей, имеющих родителей, наряду с сиротами воспитывать в специальных колониях, так

³² Цинченко Г.М. Политика в отношении семьи в первые годы советской власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2015. № 1(37). С. 175.

³³ Луначарский А.В. Новый закон о браке и разводе. С. 34–36.

³⁴ Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства. М., 1928. С. 160–161; Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства (Лекции, читанные в университете им. Я.М. Свердлова). М., 1922. С. 114. Подробнее о противоречиях и сложностях в мировоззрении Коллонтай см.: Осипович Т.Н. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174–186; Пушкирёв А.М. К историографии «истории повседневности» и «нового быта» 1920-х гг... С. 55–75.

³⁵ Теттенборн З. Родительские права в первом кодексе законов РСФСР // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 20–28; Теттенборн З. Задачи опекунских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право: издание Народного комиссариата юстиции. М., 1919. № 2/4. С. 64–73; Теттенборн З. Детский дом и борьба с беспризорностью. М., 1928.

³⁶ Преображенский Е.А. О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923. С. 96.

³⁷ Макаренко А.С. Книга для родителей. Л., 1981. С. 17, 24–25.

как семьи в подавляющем большинстве «не в силах обеспечить надлежащее воспитание ребёнка»³⁸.

Читая все эти пёстрые и разноречивые мнения современников событий, невольно вспоминаешь слова собирателя и исследователя народных частушек 1920-х гг. В.И. Симакова: «Право и лево, что будешь искать, то и найдёшь, она (частушка. — Т.С.) в своём разнообразии может всем угодить — и хулителям, и хвалителям»³⁹. Так же и цитаты об отношении к семье или к общественному воспитанию можно подобрать «на любой вкус», вот только полученный результат будет весьма далёк от реальности. Бесконечное цитирование — не метод реконструкции исторического прошлого, а лишь иллюстрация к отражению разнообразия общественных взглядов и настроений эпохи. Даже наиболее популярные в обществе идеи и течения, высказывания крупных государственных деятелей о той или иной сфере жизни общества недопустимо отождествлять с государственной политикой. В этом отношении нельзя не согласиться с Преображенским, писавшим в 1923 г., что дискуссия о форме взаимоотношений полов в значительной мере сводится к тому, «что люди рекомендуют коммунистическому обществу свои личные вкусы и выдают свои личные симпатии за объективную необходимость»⁴⁰. Эти личные вкусы и симпатии не являлись отражением государственной политики и далеко не всегда совпадали с мнением широких масс.

Радикальные идеи свободной любви, отрицания семьи или «огосударствления» детей, получившие достаточно широкое распространение после революции 1917 г., никогда не поддерживались на государственном уровне и не были закреплены законодательно, оставаясь лишь частью (хотя и значимой) общественных настроений. Вопреки расхожему мнению (создаваемому в значительной степени именно с помощью тенденциозно подобранных цитат), наркоматы просвещения, социального обеспечения и здравоохранения с первых дней своего существования отстаивали семейные ценности, боролись с «подкидыванием» детей, выступали за разумное сочетание семейного и общественного (в качестве вспомогательной формы) воспитания детей. «Сохранение ребёнку матери — первейшая задача; лучшая для него “капля молока” — из материнской груди», — говорилось, в частности, в циркулярном письме отдела охраны материнства и младенчества (ОММ) Наркомата социального обеспечения РСФСР от 21 мая 1918 г.⁴¹ Развитие государственной поддержки семей и матерей-одинок рассматривалось руководством органов ОММ в качестве одного из наиболее эффективных методов предотвращения детской безнадзорности и беспризорности. С этой целью организовывали общежития для матерей-одинок с грудными детьми, устраивали молодых мам на работу, открывали для них специальные мастерские. В 1920 г. на первом совещании ОММ приоритетным направлением было признано развитие сети открытых учреждений для детей, проживающих в семьях (ясли, детские консультации, молочные кухни). Приюты же для грудных сирот и подкидышей рекомендовалось открывать

³⁸ Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Марбург, 1997. С. 35.

³⁹ Симаков В.И. Что такое частушка? К вопросу об её историческом происхождении и значении в народном обиходе. М., 1927. С. 43–45, 59.

⁴⁰ Преображенский Е.А. Указ. соч. С. 97–98.

⁴¹ Отчёт по отделу охраны материнства и младенчества с 1 мая 1918 года по 1 мая 1919 года. М., 1919. С. 135–136.

лишь «в случае крайней необходимости», сосредоточив «все старания» на том, чтобы «создать для матерей условия, дающие им возможность удержать ребёнка у себя»⁴².

К настоящему времени эта проблема получила комплексное освещение в научной литературе. Общеизвестно, что идеи социального воспитания детей, женское движение, теории «свободной любви», дискуссии о характере и формах семейно-брачных отношений — всё это не было изобретением большевиков. Популярны в первые годы советской власти разнообразные общественно-политические, нравственно-этические и философские течения имели давние традиции развития, и их появление в России (ещё до октября 1917 г.) соответствовало общемировым тенденциям⁴³. Тем не менее, игнорируя достижения современной мировой историографии, многие исследователи повторяют одни и те же ошибки, смешивая отдельные радикальные идеи и течения (как, например, «национализация всех детей» и полная отмена института семьи) с государственной семейной политикой и политикой в сфере охраны детства. Признание государством ответственности за всех детей зачастую интерпретируется как политика их «огосударствления» («национализации»). Нередко отрицается наличие в Советской России семейных форм воспитания детей, лишённых родительской опеки. Порой эти ошибки дословно повторяются в работах разных авторов. Так, например в работе Л.М. Спириной написано: «С появлением большого количества детей сирот и беспризорных после Первой мировой войны и революции 1917 г. актуализируется проблема их призрения. Основной (если не единственной) формой устройства детей становятся государственные детские дома... Активный поиск форм устройства осиротевших детей в это время не выходил за рамки интернатного учреждения: детские коммуны, городки, трудовые колонии»⁴⁴. Почти дословно повторяют эту точку зрения А.Ю. Нагорнова и Е.Е. Вагина: «После революции 1917 г., когда Советская республика столкнулась с массовым сиротством и беспризорностью, основной формой устройства стали государственные детские дома... В те годы шли активные поиски форм устройства осиротевших детей, хотя эти поиски не выходили за рамки интернатного учреждения: детские коммуны, городки, трудовые колонии, пионердома»⁴⁵.

* * *

Знакомство с работами последних лет вызывает противоречивые впечатления. С одной стороны, наблюдается усиление междисциплинарного характера исследований, что способствует более глубокому анализу. Начиная с рубежа XX—XXI вв. можно говорить об окончательном формировании единой миро-

⁴² Спутник по охране материнства и младенчества, составленный отделом охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения. М., 1921. С. 32.

⁴³ Подробнее см.: *Алфёрова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма; *Араловец Н.А.* Семейные ценности городских жителей России в XX в. // Труды ИРИ РАН. Вып. 9. М.; Тула, 2010. С. 311–333; *Нечаева А.М.* Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних. М., 2016; *Пушкарёва Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. М., 2010. № 2. С. 51–64; *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. (1917–1940 гг.) М.; СПб., 2015; и др.

⁴⁴ *Спирина Л.М.* Отечественный опыт патронатного воспитания... С. 80.

⁴⁵ *Нагорнова А.Ю., Вагина Е.Е.* Призрение и социальная защита детей-сирот... С. 167–168.

вой историографии проблемы. В то же время с сожалением приходится констатировать нарастающую тенденцию появления работ-«скороспелок», характеризующихся идеологизацией, отсутствием комплексного подхода к изучению проблемы, сегментацией знаний, узкой источниковой базой, а также отсутствием историографической преемственности, что зачастую приводит к мнимой научной новизне и тиражированию одних и тех же ошибок. Серьёзные монографии и диссертации «тонут» в «море» написанных «на злобу дня» (или для выполнения плана) работ, перечисляющих общеизвестные послереволюционные нормативно-правовые акты и обильно цитирующих Коллонтай, Теттенборн, Бранденбургского, Луначарского и других общественно-политических и государственных деятелей. Эти исследования отличаются лишь интерпретацией и оценками одних и тех же норм права, не сопровождающимися научной аргументацией. В результате складывается парадоксальная ситуация: историографический «бум» последних лет вернул нас на несколько десятилетий назад в плане изучения трансформации семейно-брачных отношений послереволюционной России. И сегодня актуален вывод, сформулированный почти 30 лет назад социологом А.Г. Харчевым: «Один из наиболее дискуссионных вопросов, стоящих сегодня перед отечественной социологией семьи, — вопрос о том, как повлияла социалистическая революция на брачно-семейные отношения в России»⁴⁶.

⁴⁶ Харчев А.Г. Социалистическая революция и семья. Из рукописного наследия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 90.

Первый набор в космонавты: от идеи к воплощению

Виктория Батченко

The first selection for cosmonauts: from idea to implementation

Victoria Batchenko

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X2301011X, EDN: PPEAKB

Полёт первого человека в космическое пространство стал одним из знаковых событий XX в. Этот успех заметно упрочил позиции Советского Союза на международной арене. Имя первого космонавта — Ю.А. Гагарина — стало известно почти каждому жителю планеты, прославились и многие участники первого, «гагаринского» отряда космонавтов. О первопроходцах космоса современники знали всё, что допускала цензура — трудности детства и юности, пришедшихся на годы войны, мечты о небе и карьере лётчика, нелёгкий путь в космонавты. Однако на сегодняшний день освещение истории формирования отряда через героические рассказы о ком-то из «двадцатки» явно устарело. Более актуальным представляется изучение эволюции самой идеи пилотируемого полёта человека в космос в годы, когда техника, наконец, могла его туда доставить и, главное, вернуть живым обратно. Большой интерес представляет то, как формировалась и по каким принципам работала система отбора в космонавты. Наконец, «за кадром» долгое время оставались личности не прошедших в отряд и отказавшихся от отбора претендентов, причины таких решений, их последствия и связанные с этим драмы.

Настоящее исследование проведено на основе корпуса опубликованных и неопубликованных источников. Необходимо отметить, что, несмотря на активное рассекречивание архивных материалов, связанных с космонавтикой, до сих пор учёные имеют свободный доступ не ко всем из них. Основной массив хранится в Российском государственном архиве научно-технической документации (далее — РГАНТД, бывший Центр космической документации). Для восстановления истории отбора в первый отряд космонавтов интерес представляют собрания организаций, принимавших непосредственное участие в этом процессе: ф. 14 «Государственный научно-исследовательский испытательный институт авиационной и космической медицины (ГНИИИАиКМ)» и ф. 15 «Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь МО РФ (ЦНИАГ)». Но если отчёты Института авиамедицины открыты, то фонд авиাগоспиталя представлен лишь двумя небольшими описями. Охваченные ими дела содержат списки «историй болезни» кандидатов в космонавты и космонавтов в периоды прохождения обследований и доступны только для служебного пользования.

В определённой степени лакуны заполняют сборники документов, основу которых составили материалы Архива Президента РФ и РГАНТД¹. В них освещена история принятия ключевых правительственных актов, в том числе давших старт отбору в космонавты, а также представлены мемуары участников отборочной комиссии, в основном авиационных врачей. Эти воспоминания играют исключительную роль, придавая эмоциональный окрас сведениям из научных отчётов². Отдельные мемуары опубликованы в виде книг³. Дополнительное значение имеют специальные публикации Исторического бюро Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА), например, результаты многолетнего проекта по сбору воспоминаний деятелей космонавтики⁴. Однако, как и всегда при работе с источниками личного происхождения, стоит помнить об их субъективности, необходимости постоянной перепроверки сообщаемых в них сведений⁵.

В литературе укоренилось представление, что в конце 1950-х гг. полёт человека в космос считался не более чем фантастикой. Однако это верно лишь в отношении широких масс населения. В органах власти и научном сообществе ситуация виделась иначе. Ещё 30 декабря 1949 г. вышло секретное постановление Совета министров СССР «О дальнейшем развитии работ по исследованию верхних слоёв атмосферы». Согласно ему в 1950–1951 гг. предусматривались подготовка и проведение серии запусков первой советской ракеты Р-1, сопровождаемых геофизическими и медико-биологическими исследованиями⁶. Предполагалось изучить свойства атмосферы на высотах от 100 км и их влияние на живые организмы, после чего ответить на вопрос, способен ли человек жить и работать в космосе. Группа военных врачей Института авиамедицины занялась изучением влияния космических факторов на животных, в первую очередь собак. В 1953 г. по распоряжению главнокомандующего ВВС СССР в Институте сформировали отдел испытателей «из солдат и сержантов срочной службы, отобранных из авиационных частей и школ младших авиационных специалистов»⁷ для изучения возможностей человеческого организма. В кон-

¹ Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / Под ред. Ю.М. Батурина. М., 2008; Человек. Корабль. Космос. Сборник документов к 50-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина. М., 2011; Первый пилотируемый полёт. Российская космонавтика в архивных документах / Под ред. В.А. Давыдова. Кн. 1. М., 2011; Советский космос. Специальное издание к 50-летию полёта Юрия Гагарина. М., 2011.

² Воспоминания доктора медицинских наук Н.Н. Гуровского об отборе первых кандидатов в космонавты и о создании ЦПК, 19 апреля 1985 г., Москва / Человек. Корабль. Космос... С. 126–129; Письмо полковника медицинской службы П.В. Буянова журналисту Я.К. Голованову о проведении отбора лётчиков ВВС ВМФ в первый отряд космонавтов в июне–июле 1959 г. (19 июня 1986 г., Москва) / Человек. Корабль. Космос... С. 134–136; и др.

³ Колосов И.А. Пионеры российской пилотируемой космонавтики. СПб., 2011; Яздовский В.И. На тропах Вселенной. Вклад космической биологии и медицины в освоение космического пространства. М., 1996.

⁴ Gerovitch S. Voices of the Soviet space program: cosmonauts, soldiers, and engineers who took the USSR into space. N.Y., 2014; Коллекции устной истории НАСА (URL: <https://history.nasa.gov/oralhistory/ohcatalog.htm>).

⁵ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 279.

⁶ Советская космическая инициатива в государственных документах... С. 37.

⁷ Канунова Л.Н. Первопроходцы неизвестности или забытые герои: подвиг первых испытателей советской ракетно-космической техники (1953–1963) // Материалы 57-х научных чтений, посвящённых разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. Калуга, 2022. С. 172.

структорских бюро (главным образом ОКБ-1) началась разработка соответствующего оборудования: герметической кабины и аппаратуры, систем спасения и поиска, обеспечения полёта и проч.

В марте 1956 г. руководство Института получило указание начальника отдела проектирования ОКБ-1 М.К. Тихонравова и главного конструктора С.П. Королёва о начале отбора врачей для полёта в верхние слои атмосферы на геофизической ракете⁸. Вместо вертикального подъёма ракеты с человеком на борту и его последующим катапультированием предполагался полёт по суборбитальной (наклонной) траектории⁹. Эти планы подтверждаются внутренними документами ОКБ-1, согласно которым в конце 1956 г. планировались эксперименты по конструированию «средств обеспечения жизни человека в условиях орбиты» и аппарата для спуска с помощью ракет Р-5А¹⁰, созданных на базе ракеты Р-5М для изучения верхних слоёв атмосферы (500 км от Земли). Иными словами, планировался суборбитальный полёт человека в космическое пространство, и можно только представить, какой международный эффект он произвёл бы в случае успеха. Следует помнить, что научный мир готовился к Международному геофизическому году (1957–1958), апогеем которого представлялся запуск искусственного спутника Земли. «Баллистический прыжок» человека в космос за год до начала МГГ обозначил бы неоспоримое лидерство СССР в освоении космического пространства.

Заявления на участие в эксперименте подали учёные, занятые исследованиями космических факторов: А.В. Покровский, А.М. Генин, Е.М. Юганов, А.Д. Серяпин, И.И. Касьян и др. Но планы конструкторов скорректировали успешные испытания в августе 1957 г. двухступенчатой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7. Если ранее планировался «прыжок», во время которого длительность невесомости «составляла от 5 до 10 минут, и это не решало основную проблему полёта человека в космос»¹¹, то теперь более привлекательным, в том числе для науки, представлялся орбитальный полёт на корабле-спутнике. Воплощению задумки препятствовала невесомость: её длительность в одновитковом полёте составила бы полтора часа, к тому же наука не имела представления о её влиянии на организм человека¹².

Успешный запуск первых спутников в 1957–1958 гг. убедительно доказал необходимость продолжения работ. После полёта собаки Лайки (ноябрь 1957 г.) для решения вопроса о том, каким должен быть первый полёт человека в космос, в ОКБ-1 создали две группы: «одна должна была проработать баллистический полёт, другая — орбитальный» (февраль 1958 г.). 20 апреля 1958 г. на заседании Межведомственной комиссии для координации работ по исследованию верхних слоёв атмосферы при президенте АН СССР под председательством академиков А.А. Благонравова и Л.И. Седова после длительных обсуждений было принято решение о целесообразности орбитального полёта¹³. К тому времени учёные уже имели налаженную систему спасения живых существ из суборбитальных полётов. Однако разработка и проверка надёжности

⁸ Burgess C., Hall R. The first Soviet cosmonaut team. Their lives, legacy, and historical impact. Chichester, 2009. P. 13; Касьян И.И. Первые шаги в космос. М., 1985. С. 27.

⁹ Афанасьев И.Б. Золотой век космонавтики: мечты и реальность. М., 2015. С. 11.

¹⁰ Первый пилотируемый полёт... Кн. 1. С. 82–84.

¹¹ Цит. по: Касьян И.И. Первые шаги в космос. С. 27.

¹² История развития отечественной пилотируемой космонавтики. М., 2015. С. 34.

¹³ Там же. С. 34–35.

спускаемого аппарата, обеспечение тепловой защиты и снижения воздействия перегрузок при спуске оставались делом нескольких лет: «Королёв оценивал начало пилотируемых полётов в СССР 1963–1964 годом»¹⁴.

Тем временем 20 июня Совет национальной безопасности США утвердил стратегию космической политики страны, выделив пилотируемые полёты в отдельное направление деятельности¹⁵. Советскому Союзу это грозило потерей позиций в освоении космического пространства. Для начала отбора и подготовки кандидатов на осуществление полётов требовалось не только одобрение органов власти, но и существенное увеличение материальных ресурсов и штата НИИИАМ — единственной на тот момент организации, проводившей исследования в области космической медицины. 28 июня начальник 8-го отдела Института, руководитель медико-биологических работ на ракетах и спутниках В.И. Яздовский, заручившись поддержкой президента Академии медицинских наук (АМН) СССР А.Н. Бакулева, академика-секретаря Академии В.В. Парина и директора Института нормальной и патологической физиологии АМН В.Н. Черниговского, подал на имя председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущёва записку с предложениями по ускорению медико-биологических работ для подготовки полёта в космос¹⁶. До сих пор таковые проводил лишь небольшой отдел НИИИАМ, однако удержание первенства страны требовало создания специализированного Института медицинских проблем космических полётов при научной поддержке АН и АМН СССР. Подобную же записку в сентябре подала в ЦК КПСС и АН СССР группа учёных того же отдела Института — старших научных сотрудников О.Г. Газенко и А.М. Генина и младшего научного сотрудника А.А. Гюрджиана¹⁷. Для осуществления полётов требовались новые исследования влияния космических факторов — теперь уже не только на животных, но и на человека, расширенные материальные ресурсы, новые лаборатории, увеличение штата сотрудников.

Чтобы поддержать внимание «верхов» к идее космических полётов, ей придавали военный окрас. Предполагалось использование космического пространства в ходе возможной в будущем войны, в свете чего планировалось приспособить межконтинентальные ракеты к пилотированию их человеком и создать систему подготовки пилотов к подобным полётам. Будущий корабль-спутник даже называли «спутником-разведчиком с человеком на борту». Яркие примеры маневрирования учёных — подробные предложения о разработке спутника, направленные в сентябре 1958 г. в Государственный комитет СМ СССР по оборонной технике за подписью Королёва¹⁸ и другие проекты такого рода, поступившие в ЦК КПСС¹⁹.

В конце года США приступили к отбору кандидатов в астронавты: 7 октября НАСА официально объявило о начале подготовки пилотируемого полёта по проекту «Меркури», а в декабре президент Д. Эйзенхауер «распорядился, чтобы для первого этапа подготовки астронавтов отбирали только военных лётчиков-

¹⁴ Цит. по: Вклад Академии наук в освоение Космоса / Гл. ред. А.М. Сергеев, В.Г. Бондур. М., 2021. С. 143.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Первый пилотируемый полёт... Кн. 1. С. 99–104.

¹⁷ Там же. С. 113–117.

¹⁸ Там же. С. 110.

¹⁹ Там же. С. 122–125.

испытателей»²⁰. В начале 1959 г. отборочная комиссия приступила к изучению личных дел кандидатов.

В СССР 5 января того же года вышло секретное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 22–10 «Об усилении научно-исследовательских работ в области медико-биологического обеспечения космических полётов»²¹, с которого принято вести историю первого отряда космонавтов. Обеспечение полётов объявлялось «важнейшей задачей Министерства обороны СССР, Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР»²². Институт авиамедицины преобразовали в Государственный НИИ авиационной и космической медицины с увеличением штата на 100 человек и созданием необходимой материально-технической базы.

Следом, предположительно 14 января²³, в АН СССР состоялось совещание под председательством академика-секретаря Отделения математики, «теоретика космонавтики» М.В. Келдыша²⁴, «на котором подробно обсуждался вопрос о полёте в космос человека, вплоть до того, из кого выбирать будущих кандидатов в космонавты»²⁵. На нём «собрались видные учёные, представители различных министерств и ведомств»²⁶. Приняв за основу, что отбор следует проводить среди лётчиков истребительной авиации, участники совещания пришли к выводу, что разработку принципов отбора и план действий необходимо поручить авиационным врачам²⁷.

22 мая последовало ещё одно секретное постановление ЦК и правительства СССР – «Об объекте “Восток”», которое объявило создание разведывательных кораблей-спутников «неотложной оборонной задачей»²⁸. При содействии Келдыша и председателя Государственного комитета СМ СССР по оборонной технике К.Н. Руднева Королёву удалось добиться, чтобы это решение поставило также задачу разработки спутников, «предназначенных для полёта человека»²⁹. Учёных обязали заняться изучением влияния факторов космического полёта на организм, проектированием и строительством оборудования, способного обеспечить такой полёт, разработкой принципов отбора «членов экипажа к полёту»³⁰. На последнем пункте я остановлюсь подробнее.

В научно-исследовательской работе приняли участие преимущественно специалисты ГНИИИАиКМ и ЦВНИАГ. Руководителями темы стали, соответственно, Яздовский и М.Д. Вядро³¹. На вооружение взяли опыт работы Центральной врачебно-лётной комиссии Минобороны СССР, созданной в начале

²⁰ Sparrow D. История космических полётов. Люди, события, триумфы, катастрофы / Пер. с англ. Ю.О. Соколова. М., 2010. С. 66, 68; Брэнсон Р. Достичь небес: аэронавты, люди-птицы и космические старты / Пер. с англ. Н. Лисовой. М., 2017. С. 231.

²¹ Первый пилотируемый полёт... Кн. 1. С. 120–121; Советский космос... С. 115–116.

²² Первый пилотируемый полёт... Кн. 1. С. 120.

²³ По воспоминаниям Е.А. Карпова (См.: Дихтярь А.Б. Прежде чем прозвучало: «Поехали!». Документальная композиция. М., 1987. С. 51).

²⁴ Штрихи к портрету отечественной космонавтики. Сборник документов / Сост. Т.А. Головкина. М., 2018. С. 204.

²⁵ Цит. по: Вклад Академии наук в освоение Космоса. С. 145.

²⁶ Дихтярь А.Б. Прежде чем прозвучало: «Поехали!». С. 51.

²⁷ Там же. С. 53.

²⁸ Первый пилотируемый полёт... Кн. 1. С. 126; Советский космос... С. 123–125.

²⁹ Черток Б.Е. Ракеты и люди. Горячие дни Холодной войны. М., 2018. С. 28.

³⁰ Первый пилотируемый полёт... Кн. 1. С. 120.

³¹ РГАНТД, ф. 14, оп. 1Н, д. 20; Колосов И.А. Пионеры российской пилотируемой космонавтики. С. 30.

1950-х гг., в частности, проведение ею экспертиз по проверке годности лётчиков к выполнению профессиональных обязанностей. Также использовался опыт американцев, приступивших к отбору немногим ранее. Этому поспособствовал III Всемирный конгресс по авиационной и космической медицине, прошедший в Риме в сентябре 1959 г. Свежие несекретные данные об успехах и ошибках коллег-соперников позволили скорректировать отдельные аспекты работы³². Как вспоминал сотрудник ЦВНИАГ И.И. Брянов, «американцы тогда много писали о том, какие медицинские требования должны быть предъявлены при отборе, какая земная профессия наиболее подходящая для кандидата на полёт»³³, и по ряду близких моментов подходили именно лётчики-истребители. Это объяснялось схожестью факторов полёта в кабине самолёта-истребителя и на борту космического корабля — влияние вибраций, шумов, перегрузок, ускорений, высотных факторов и др.

Для координации действий военных врачей к лету 1959 г. составили «Инструкцию для членов врачебных комиссий по отбору кандидатов в космонавты в воинских частях» (утверждена заместителем главнокомандующего ВВС по боевой подготовке генералом-полковником авиации Ф.А. Агальцовым). Разработка принципов отбора осуществлялась на основе данных авиационной медицины и с привлечением последних достижений психологии. Инструкция зафиксировала антропометрические требования к будущим космонавтам: «физически здоровые лётчики в возрасте не старше 35 лет, ростом в пределах 165–175 см и весом не более 75 кг»³⁴ (они диктовались размерами кабины корабля-спутника). Кроме того учитывались личностные характеристики: лётные навыки, поведение в сложных или аварийных ситуациях, моральная и психологическая устойчивость, общественно-политическая сознательность. Претенденты проходили тщательное медицинское обследование.

Приказом главкома ВВС от 13 августа 1959 г. медкомиссия начала отбор в лётных частях страны³⁵. В список вошли истребительные дивизии 26-й, 48-й, 57-й, 69-й, 76-й воздушных армий, 30-й воздушной армии Московского военного округа, а также Военно-воздушная академия им. А.Ф. Можайского, Военно-воздушная инженерная академия им. Н.Е. Жуковского и Научно-испытательный институт ВВС. Одновременно такой же отбор производился в истребительных авиационных полках ПВО и военно-морских сил. Члены комиссии работали в парах — «комиссионных группах»³⁶ — и разрабатывали планы действий в воинских частях. Результаты опросов и бесед, работы с документацией заносятся в специальные журналы. На начальном этапе, попав в часть, члены комиссии работали с личными делами кандидатов, обращая внимание не только на здоровье, но и на автобиографии, лётные происшествия (их количество и в каком качестве в них выступал тот или иной лётчик, как вышел из ситуации), мнение политработников части и прочие моменты. Безусловно, в отборе принимали участие работники органов госбезопасности, о чём едва уловимо вспоминают ветераны событий. Однако в связи с ограниченностью ввода в научный оборот документов о деятельности органов КГБ оценка степени участия его сотрудников — дело будущего.

³² РГАНТД, ф. 14, оп. 1Н, д. 20, л. 8–16, 152–153.

³³ Человек. Корабль. Космос... С. 142.

³⁴ Там же. С. 132–134.

³⁵ Там же. С. 137.

³⁶ Там же. С. 134.

Воспоминания членов комиссии позволяют выделить некоторые особенности их работы. Так, кардинально различался подход к возможности обдумывания лётчиком своего решения. К примеру, группа подполковников медицинской службы П.В. Буянова и А.П. Пчёлкина, производившая отбор в истребительных частях ВВС Северного, Черноморского и Балтийского флотов, получив согласие лётчика работать на новой технике, давала ему возможность «обговорить предложение с супругой, домашними, подумать и дать ответ на следующий день»³⁷. Группа же руководителя отдела отбора и подготовки космонавтов ГНИИИАиКМ Н.Н. Гуровского затягивать с ответом не позволяла. На вопрос: «можно ли посоветоваться с супругой, можно ли подумать, дать ответ на следующий день?» разрешалось лишь «походить по коридору»³⁸ в одиночных раздумьях. Таким образом, хотя инструкция обязывала врачей придерживаться принципа добровольности принятия кандидатом ключевого решения, на деле всё решалось субъективно. Но всё же право выбора у лётчиков оставалось всегда, начиная с отбора в воинских частях и заканчивая тренировками в составе первого отряда слушателей-космонавтов (см. ниже).

Главную роль при первичном отборе играли профессиональная подготовка и личностные характеристики. Большинство кандидатов являлись лётчиками-истребителями третьего класса, т.е. находились лишь в начале своей карьеры. К примеру, Ю.А. Гагарин на момент зачисления в отряд космонавтов имел суммарный налёт на истребителях 265 часов³⁹, В.Ф. Быковский — 260⁴⁰, Г.С. Титов — 270⁴¹, В.В. Бондаренко — 288⁴², Г.Г. Нелюбов — 268⁴³. Несколько более опытными являлись П.Р. Попович (350)⁴⁴, А.Г. Николаев (357)⁴⁵ и П.И. Беляев (более 500)⁴⁶. В то же время в историографии часто встречается утверждение, что в первый отряд космонавтов попали только первоклассные лётчики. Они действительно отличались моральной устойчивостью, хорошим здоровьем, минимальным количеством или отсутствием лётных происшествий, но, как видим, опытом похвастаться могли далеко не все. Это подтверждают и воспоминания первого начальника Центра подготовки космонавтов, а немногим ранее — руководителя первого отбора Е.А. Карпова: «Отбор будущих командиров лётных экипажей надо было производить из числа совсем юных лётчиков... Насколько они были юные, показывает то, что когда пришли в 1-й отряд эти лётчики — Гагарин, Титов, их сверстники, — то они имели по 230–240 часов полёта... это только начинающий летать лётчик»⁴⁷.

Известно, что к первым американским астронавтам предъявлялись значительно более высокие требования, чем к советским. Кандидаты должны были не просто иметь высшее образование, но обладать степенями не ниже бакалав-

³⁷ Там же. С. 135.

³⁸ Там же. С. 127.

³⁹ Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 24 «Космонавты мира» / Под ред. А.И. Мелуа. СПб., 2016. С. 161; *Колосов И.А.* Пионеры российской пилотируемой космонавтики. С. 79.

⁴⁰ *Колосов И.А.* Пионеры российской пилотируемой космонавтики. С. 78.

⁴¹ Там же. С. 80.

⁴² Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 24. С. 93.

⁴³ *Колосов И.А.* Пионеры российской пилотируемой космонавтики. С. 81.

⁴⁴ Там же. С. 80.

⁴⁵ Там же. С. 81.

⁴⁶ Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 24. С. 71.

⁴⁷ Человек. Корабль. Космос... С. 176.

ра в области инженерии, технических или физических наук, многолетним профессиональным опытом, квалификацией пилота-испытателя и общим налётом в небе не менее 1,5 тыс. часов⁴⁸. Карпов объяснял такую разницу в требованиях тем, что американская ракета-носитель «Redstone» могла вывести на орбиту груз весом до 2 т, в связи с чем на пилота возлагалась большая ответственность по ручному управлению. Также астронавтов планировалось привлекать «к разработке и отработке оборудования для будущего пилотируемого космического объекта»⁴⁹. В свою очередь советская Р-7 «вынесла вместе с Гагариным на орбиту искусственного спутника корабль весом 5725 кг»⁵⁰, что позволило максимально автоматизировать управление, сняв нагрузку с пилота. В общем, сказались традиционные для космонавтики дебаты «о разделении функций между человеком и машиной и роли космонавтов в управлении космическими аппаратами»⁵¹.

Таблица 1

Показатели работы по первому этапу отбора

	ВВС	ПВО	ВМФ	Всего
Изучено личных дел	1 522	984	950	3 461
Проведено личных бесед	213	89	45	347
Отказались после бесед	45	5	3	53
Признаны годными	140	56	29	225
Признаны негодными	33	28	13	74

Составлено по: РГАНТД, ф. 14, оп. 1Н, д. 20, л. 22.

Завершил первый этап отбора и положил начало второму — госпитальному — совместный приказ главкома ВВС и начальника Главного военно-медицинского управления № 00240 от 30 сентября 1959 г. о создании Главной медицинской комиссии, «в задачу которой входило вынесение окончательного экспертного медицинского заключения по результатам стационарного обследования кандидатов в космонавты»⁵². Подходящей организацией для «создания и апробации первой системы медицинского отбора космонавтов»⁵³ стал ЦВНИАГ, имевший опыт по врачебно-лётным экспертизам. Начиная с октября 1959 г.⁵⁴ кандидатов вызывали в столичный авиационный госпиталь груп-

⁴⁸ Astronaut selection // Special publication-4201. NASA History series, 1989. P. 160; *Evans B.* Escaping the bonds of Earth: the Fifties and the Sixties. Chichester, 2009. P. 64–65.

⁴⁹ *Охочинский М.Н.* К 60-летию космического полёта Юрия Алексеевича Гагарина // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2021. № 2. С. 17.

⁵⁰ Человек. Корабль. Космос... С. 178.

⁵¹ *Gerovitch S.* Voices of the Soviet space program... P. 12.

⁵² *Кохан В.Е., Карлов В.Н.* История разработки медицинских подходов к отбору первого отряда кандидатов в космонавты // Авиакосмическая и экологическая медицина. Т. 35. 2001. № 2. С. 75.

⁵³ Цит. по: Человек. Корабль. Космос... С. 139.

⁵⁴ Мировая пилотируемая космонавтика. История. Техника. Люди / Под ред. Ю.М. Батурина. М., 2005. С. 11.

пами по 30–40 человек «для предварительной оценки переносимости ими некоторых факторов космического полёта»⁵⁵. Этот этап продолжался до апреля 1960 г., когда формирование отряда космонавтов завершилось⁵⁶.

Испытания, перенесённые лётчиками в столичном авиационном госпитале, освещены в широком круге публикаций. Гораздо меньше известно о тех кандидатах, кто отступил от испытаний или не прошёл их. Сухие цифры медицинских отчётов рисуют следующую картину. Молодые люди, прошедшие отбор и ощущавшие превосходство перед сослуживцами, романтику риска и неизвестности, дали согласие на участие в апробации новой техники, способной осуществить облёт вокруг Земли. Но ожидание вызова в Москву затянулось на 1–2 месяца, что позволило им взвесить все «за» и «против». В результате 52 из 225 человек (23%) приехали в ЦВНИАГ, чтобы отказаться от дальнейшего участия. Медработники к причинам этого относили неопределённость правового и материального статусов кандидатов, желавших «сохранить своё существующее положение в частях»⁵⁷.

Терять же им было что, учитывая активную фазу военной реформы Хрущёва, вызванной сменой военно-политической доктрины и направленной на снижение численности Вооружённых сил. Сокращения начались ещё в 1953 г. Только за 1955–1958 гг. они составили 2,14 млн человек, а к концу 1959 г. в стране насчитывалось лишь 3,62 млн военнослужащих⁵⁸. В 1960 г. стало известно о новом сокращении — на 1,2 млн человек⁵⁹. Остро встала проблема трудоустройства демобилизованных, поэтому молодые лётчики сочли лучшим вариантом «держатъ руку на пульсе» в своих частях, а не участвовать в отборе в космонавты. Хотелось стабильности и устроенности в жизни, чему явно не способствовала резкая смена деятельности, связанная с испытанием новой техники.

На этом отказы от испытаний не закончились. 20 человек осознали, что физическое и клиническое изучение организма в госпитале настолько углублённое, что они рискуют не просто быть признанными негодными к новой деятельности, но и получить «белый билет». Эти опасения имели под собой почву, ведь комиссия по итогам обследования выносила вердикт об общем состоянии здоровья и давала рекомендации к условиям дальнейшей службы. Как следствие, даже на втором этапе из отбора выбывали по собственному желанию, например, со словами «это какая-то не очень ясная перспектива, то ли будет, то ли нет, а я сейчас на хорошем счету у командира эскадрильи, мне жена посоветовала прекратить обследования, что я и делаю»⁶⁰. Некоторые в условиях сокращения армии боялись получить запись в медицинской книжке о выявлении заболевания, несовместимого с лётной деятельностью.

⁵⁵ Колосов И.А. Пионеры российской пилотируемой космонавтики. С. 32.

⁵⁶ Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 24. С. 2.

⁵⁷ РГАНТД, ф. 14, оп. 1Н, д. 20, л. 23.

⁵⁸ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 244; Соловьёв Р.А. Реформа Вооружённых сил СССР в 1953–1964 гг. Проблемы социальной адаптации увольняемых военнослужащих // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 142; Абрамова Ю.А. Незавершённая реформа Н.С. Хрущёва: преобразования Вооружённых сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 4. С. 21.

⁵⁹ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс... С. 244.

⁶⁰ Человек. Корабль. Космос... С. 144.

Таким образом, от прохождения госпитального этапа отбора отказались 72 человека из 225 — треть набранных⁶¹. Достаточно большой процент, который показал, что в дальнейшем при отборе в частях следует всё же давать возможность обдумать решение. Впрочем, последующие отборы существенно отличались от первого, так как после успеха первого полёта в космос весь мир узнал о трудностях и прелестях новой профессии «лётчик-космонавт».

105 человек комиссия признала негодными к новому виду деятельности. Очевидны высокие требования к будущим «первым», ведь на тот момент было ещё неизвестно, как поведёт себя человеческий организм под воздействием условий полёта, как проявятся его скрытые слабости в невесомости. Неудача могла повлечь полную дискредитацию идеи полётов в космос и перечеркнуть результаты многолетних испытаний техники и живых организмов в верхних слоях атмосферы, подорвать авторитет страны на международной арене.

Какова судьба не прошедших врачебно-лётную комиссию? Им вынесли различные рекомендации (см. табл. 3). Признали годными к лётной работе без ограничения 92 человек, годными к работе только на транспортных нереактивных и легкомоторных самолётах — 4, годными к лётной работе, но с запретом парашютных прыжков — 3, негодными — 3. Двое отказались от дальнейшего прохождения комиссии из-за выявленных проблем со здоровьем, одного отправили в отпуск на 30 суток с дальнейшим переосвидетельствованием по месту службы⁶². Слабости могли оставаться незаметными при прохождении обычной врачебно-лётной комиссии, но повышенные нагрузочные пробы неизбежно обнажали скрытые проблемы организма. У большинства не прошедших отбор наблюдались вестибулярные расстройства. Стало ясно, что нормальное самочувствие в невесомости сможет обеспечить лишь «высокий уровень устойчивости этого аппарата к раздражителям»⁶³. Основаниями для признания негодными к дальнейшей лётной деятельности послужили: гипертоническая болезнь и изменения миокарда, камень мочеочника, нарушения вестибулярно-вегетативного характера и слухового аппарата. Ограничения получили военнослужащие, у которых заметили низкую устойчивость к гипоксии (пониженному содержанию кислорода в организме), нарушения работы сердечно-сосудистой системы (в частности, сердечные блокады) и функций слуховых нервов. Таким образом не все сумели полноценно вернуться в профессию. Некоторым внесли в медкнижки ограничительные записи, «несостоявшиеся кандидаты мечтали о полётах на новой технике, а в итоге получали психологическую травму. Загнанная вглубь, она давала о себе знать каждый раз, когда радио сообщало об успешном запуске в космос очередного корабля»⁶⁴.

Опираясь на частично доступные данные личных историй болезни, заполнявшихся в авиационном госпитале на каждого претендента, можно определить сроки нахождения на госпитальном обследовании лиц, позже попавших в пер-

⁶¹ Любопытно, что в дальнейших отчётах об отборе в космонавты общее количество поступивших в ЦВНИАГ сменилось с 225 на 206, и именно последнюю цифру используют при описании истории первого отбора. Куда пропали сведения о 19 лётчиках, неизвестно. Возможно, на том или ином этапе они также отказались от дальнейших испытаний.

⁶² РГАНТД, ф. 14, оп. 1Н, д. 20, л. 41–51.

⁶³ Пономарёва И.П. Иван Иванович Брянов — воин, врач, учёный и друг космонавтов // Космический альманах. Историко-художественное приложение к журналу «Авиакосмическая и экологическая медицина». 2015. № 17. С. 7.

⁶⁴ Хайрюзов В.Н. Юрий Гагарин. Колумб Вселенной. М., 2013. С. 48–49.

вый отряд (см. табл. 2). Средние показатели составляют от 24 дней у Николаева до 33 у Титова. 11 дней обследовался старший лётчик-испытатель НИИ ВВС В.Г. Лазарев, которому «предложили пройти комиссию по отбору космонавтов»⁶⁵. Из-за выявленных небольших нарушений в работе лёгких он оказался в числе 105 «отбракованных» с решением комиссии — «к лётной работе годен без ограничения»⁶⁶. Эта неудача не помешала Лазареву в 1964 г. всё же пройти отбор в отряд космонавтов по программе первого группового полёта «Восход», а в сентябре 1973 г. — совершить полёт на корабле «Союз-12». Данный пример демонстрирует, что «самым первым пришлось испытать... “медицинскую чашу” до дна»⁶⁷. Отбор прошли 29 человек, но специальная комиссия оставила из них только 20: «Именно столько должностей предусматривало штатное расписание созданной 11 января 1960 года воинской части 26266 — будущего Центра подготовки космонавтов»⁶⁸. В 1963 г. Н.П. Каманин, руководивший последующими отборами и подготовкой космонавтов, записал в дневнике: «Пока космонавт будет в полёте переносить перегрузки, невесомость и другие неблагоприятные факторы... до тех пор потребуется специальный отбор и жёсткие тренировки»⁶⁹.

Таблица 2

Сроки пребывания в ЦВНИАГ некоторых будущих космонавтов

Ф.И.О.	Сроки первого обследования	Количество дней	Сроки второго обследования	Количество дней*
Гагарин Ю.А.	11.10.–4.11.1959**	25	21.02.–7.03.1960	16
Горбатко В.В.	7.10.–2.11.1959	27	21.02.–7.03.1960	16
Комаров В.М.	20.11.–18.12.1959	29	7.04.–29.04.1960	23
Лазарев В.Г.	1.12.–11.12.1959	11	—	—
Николаев А.Г.	8.10.–31.10.1959	24	—	—
Попович П.Р.	7.10.–31.10.1959	25	24.02.–7.03.1960	13
Титов Г.С.	3.01.–4.02.1960	33	19.02.–7.03.1960	18
Шонин Г.С.	3.12.–29.12.1959	27	28.02.–7.03.1960	9

Составлено по: РГАНТД, ф. 15, оп. 1м-дсп, 2м-дсп.

* При подсчёте учтено, что 1960 г. являлся високосным.

** Лист поступления в авиационный госпиталь Ю.А. Гагарина опубликован: Человек. Корабль. Космос... С. 154.

С начала изучения влияния космических факторов на живые организмы до формирования первого отряда космонавтов прошло всего одно десятилетие, однако оно явилось важным этапом становления пилотируемой космонавтики. В этот период развернулся сложный и многогранный процесс, потребовавший самоотверженной научной работы, борьбы за надёжность техники и колоссальных сил на преодоление бюрократической машины. История первого набора — важная часть этого процесса. До сих пор доступны ещё не все документы,

⁶⁵ Песиков Ю.В., Федонников А.С., Попков В.М. Василий Лазарев: врач, лётчик-испытатель, космонавт. Саратов, 2018. С. 7.

⁶⁶ РГАНТД, ф. 14, оп. 1Н, д. 20, л. 47.

⁶⁷ Шонин Г.С. Самые первые. М., 1979. С. 33.

⁶⁸ Железняков А.Г. Первый навсегда // Воздушно-космическая сфера. 2016. № 1. С. 77.

⁶⁹ Каманин Н.П. Скрытый космос. Т. 1. М., 2018. С. 245–246.

позволяющие восстановить её во всех деталях. Тем не менее уже сейчас можно говорить о том, что принципы, сформулированные в конце 1950-х гг., на долгое время легли в основу практики отбора и подготовки космонавтов. Конечно, первый отбор проходил непросто, сопровождался различными сложностями и личными драмами претендентов. Но в целом избранные подходы и принципы оправдали себя: страна получила команду «первых», выдержавших испытание космосом и славой.

Таблица 3

Список лётчиков, не прошедших отбор в отряд космонавтов

Ф.И.О.	Решение комиссии
Авдеев Д.Н., Акулов В.А., Акушевич Н.П., Бабенчук А.А., Бандуров Е.А., Баранов В.Ф., Башкирцев П.П., Белов С.Д., Бессонов Э.Н., Блинов В.В., Благих А.Т., Бобков А.И., Богданов В.И., Брудков С.Т., Васильев М.С., Виничук В.И., Витальев Ю.В., Волков Ю.Д., Гахов В.И., Гацков Н.И., Голубев А.Д., Гончаров Л.А., Гресь Н.П., Гречухин В.Д., Гуржий Г.Ф., Гутников А.Я., Дементьев М.Я., Демьяновский В.П., Дикарев Н.М., Добик А.И., Драган С.Е., Елонов В.К., Завадский Н.Я., Зиновьев В.Н., Иванов А.П., Иванов В.Г., Кабанов Ю.И., Казарьян Н.В., Калинин В.И., Карбут Л.А., Кикин В.Д., Киселёв В.Я., Кирюшкин В.П., Климов В.К., Колченко Н.Н., Королёв Р.А., Котов Н.С., Корчемаха В.Н., Кривинцов Б.Н., Крючков А.Т., Кузьмин С.П., Куликов В.Е., Курилин А.И., Лазарев В.Г., Лапин Ф.Н., Лысенко Л.П., Лужин Л.А., Малинин И.П., Мажныкин А.А., Маклала Э.М., Маронин В.А., Мельниченко Д.Я., Михнов И., Молокеев Н.В., Мухамеджиг Г.Р., Нахмуудинов К.Г., Онейко В.Н., Патрикеев Л.К., Петров В.Л., Платонов Н.М., Польщиков И.И., Поляков А.Г., Поляков И.А., Попов В.Д., Прокофьев Г.П., Родионов Г.Б., Рой Ф.В., Рыбаченко А.И., Савельев В.И., Сажацкий В.И., Сезенин Ю.В., Синяев И.С., Сковородников Ю.Б., Солонухин Ю.И., Толстиков В.Г., Фёдоров А.Ф., Фёдоров И.А., Фёдоров В.А., Хартанов К.И., Худолей Н.Ф., Чиж О.И.	к лётной работе годен без ограничений
Нелепов В.Ф., Потапенко Н.П., Чудаков Г.П.	к лётной работе годен без ограничений; к парашютным прыжкам не годен
Алюков Г.Г.	годен к лётной работе только на транспортных неактивных и легкомоторных самолётах
Биккулов А.Б., Волчков В.Ф., Корежд Н.А.	годен к лётной работе только на транспортных неактивных самолётах
Разумов А.И.	годен к лётной работе без ограничения; переосвидетельствование в НИАГ через 12 [меся]цев
Волков Г.П.	представлен отпуск на 30 суток с переосвидетельствованием по месту службы
Вязовкин В.А., Соболев Н.И., Тиховский Н.П.	не годен к лётной работе
Кучин Ю.Т., Макаренко В.М.	выписан без прохождения ВЛК

Пропаганда советских космических достижений в 1960–1970-х гг.: формы, способы, ограничения

Владимир Комиссаров

Propaganda of Soviet space achievements in the 1960s and 1970s: forms, methods, restrictions

Vladimir Komissarov
(*Ivanovo State Agricultural Academy, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23010121, EDN: PPLFPK

Одной из важнейших задач советской научно-популярной периодики являлась пропаганда достижений науки и техники. Особенное значение она приобрела в 1950–1970-х гг., когда СССР мог похвастаться прорывами в таких областях, как космонавтика, авиация, ядерная физика и атомная энергетика. В своих предыдущих публикациях я уже затрагивал проблему цензурного контроля освещавших их текстов¹. Общие выводы можно сформулировать следующим образом. Научно-популярный жанр в рассматриваемое время переживал расцвет, став, наряду с научной фантастикой, авторской песней, походным туризмом и др., одной из сфер самореализации советской интеллигенции. Цензурный контроль над этой сферой исходил из приоритета политико-идеологических целей и задач. При этом в процесс контроля, помимо собственно цензурных, вовлекалось множество других структур, включая партийные органы, госбезопасность, разнообразные министерства и ведомства, а также ведущие институты и предприятия данных отраслей. Однако заявленная тема настолько широка, что её несколькими публикациями не исчерпать. В данном исследовании я уделю внимание анализу организации пропаганды научно-технических достижений в СССР и методов цензурных ограничений. Статья основана на документах из фондов ГА РФ и РГАСПИ.

Организация научно-технической пропаганды. К 1960-м гг. в СССР сформировался круг периодических изданий, специализировавшихся на научной популяризации. Это, прежде всего, «старые» журналы — «Наука и жизнь», «Техника — молодёжи», «Знание — сила». В 1950–1960-х гг. к ним добавились «Юный техник», «Моделист-конструктор», «Химия и жизнь». Конечно, в структуре советской печати издания этой направленности занимали далеко не первое место. Например, в системе комсомольской периодики, выпускавшейся издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», существовала градация, определявшая зарплаты сотрудников редакций и гонорары авторов. Научно-популярные издания относились к третьей, предпоследней категории (в то время как общественно-политические, научно-теоретические и литературно-художественные СМИ принадлежали к первой и второй²). Каждое ориентировалось на конкретную

© 2023 г. В.В. Комиссаров

¹ Комиссаров В.В. Интеллигенция, научно-популярная публицистика и цензура в 1960–1980-е годы // Интеллигенция и мир. 2017. № 3. С. 33–52; Комиссаров В.В. Главлит и научно-популярная публицистика в СССР во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 116–127.

² РГАСПИ, ф. 85, оп. 1, д. 2, л. 1.

возрастную группу. По данным «прессового опроса»³, проведённого во второй половине 1980-х гг., средний возраст читателей «Юного техника» составил 13,9 лет; «Техники — молодёжи» — 22,3; «Моделиста-конструктора» — 21,9 года. При этом возрастной диапазон 11–16 лет перекрывался всеми тремя журналами⁴. Следует учесть, что за рамками данного исследования осталась продукция других издательств, ориентированная на более взрослую аудиторию, в частности журналы «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Знание — сила». Однако можно уверенно говорить о том, что научно-популярные издания и, следовательно, пропаганда научных и технических достижений охватывали советских читателей всех возрастов.

Изучение журналов 1950–1960-х гг. указывает на наличие как минимум двух вариантов такого рода работы. Во-первых, это случаи, когда форма, объём и сроки определялись редакцией самостоятельно. Такой вывод можно сделать на основании несовпадения сроков публикации в разных изданиях, различного оформления, степени внимания. Например, на появление в СССР крупнейшего на тот момент транспортного самолёта «Ан-22» первой отозвалась «Наука и жизнь», поместив материал об «Антее» в октябрьском номере 1965 г.⁵ «Техника — молодёжи» запоздала почти на полтора года, опубликовав аналогичную информацию в марте 1967 г.⁶ «Моделист-конструктор» же удостоил «Ан-22» вниманием только в декабре 1967 г.⁷

Во-вторых, это централизованная пропаганда, т.е. тексты, совпадающие по форме подачи материала и синхронизированные по срокам. Так, на рубеже 1970–1971 гг. на страницах «Науки и жизни», «Техники — молодёжи» и «Моделиста-конструктора» появились схожие по оформлению публикации об экспедициях автоматических станций «Луна-16» и «Луна-17». Как и в случае с «Ан-22», первой выступила «Наука и жизнь» (ноябрь 1970 г.)⁸, затем, синхронно, остальные (январь 1971 г.)⁹. Конечно, в данном случае следует учесть общественный резонанс. Автоматическая доставка лунного грунта «Луной-16» и отправка первого «Лунохода» виделись достойным ответом заокеанским конкурентам и, безусловно, требовали широкого освещения. Но порой появление схожих материалов в разных журналах сложно объяснить исключительно редакционным решением. В майских номерах 1970 г. «Науки и жизни» и «Техники — молодёжи», очевидно, в связи с празднованием 25-летия победы в Великой Отечественной войне, были напечатаны иллюстрированные статьи, посвящённые советскому подводному ракетно-носному флоту¹⁰. Конечно, можно также вспомнить о завершении в мае 1970 г. стратегических маневров ВМФ

³ Опрос, анкета которого публиковалась в прессе, а именно в перечисленных изданиях: «Техника — молодёжи», «Юный техник», «Моделист-конструктор».

⁴ РГАСПИ, ф. 84, оп. 1, д. 10, л. 30–33.

⁵ *Линко Д.* Крылатый исполин // Наука и жизнь. 1965. № 10. С. 42–45.

⁶ Антей — новое детище генерального авиаконструктора, лауреата Ленинской премии, члена-корреспондента АН УССР Олега Антонова // Техника — молодёжи. 1967. № 3. С. 19–21. Следует отметить, что ранее журнал всё же публиковал об «Ан-22» короткие заметки.

⁷ *Потамошнев А., Шульженко А.* Крылатый гигант // Моделист-конструктор. 1967. № 12. С. 4–8.

⁸ Выдающийся космический эксперимент // Наука и жизнь. 1970. № 11. С. 17–19.

⁹ Триумф космической техники // Техника — молодёжи. 1971. № 1. С. 6–11; *Молчанов А.* Стартуют «Лунники» // Моделист-конструктор. 1971. № 1. С. 4–5.

¹⁰ *Сорокин А.* Подводная атомная... // Наука и жизнь. 1970. № 5. С. 26–31; *Рудницкий А.* Крейсера идут под водой // Техника — молодёжи. 1970. № 5. С. 14–17.

СССР «Океан», однако подобные события традиционно освещались в армейской прессе (газета «Красная звезда», окружные и флотские издания), а не в популярных изданиях.

Особняком стоят публикации о зарубежных достижениях. Идеологические органы и подразделения цензуры (прежде всего Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР — Главлит) требовали первоочередного внимания к отечественным разработкам. В силу этого освещение успехов конкурентов искусственно сдерживалось. Например, 20 марта 1969 г. вышел циркуляр за подписью начальника Главлита П.К. Романова, согласно которому материалы о полёте американского корабля «Аполлон-9» разрешалось публиковать только после согласования с АН СССР¹¹. Тем не менее редакторы научно-популярных изданий обладали определённой свободой и могли действовать по своему усмотрению. В течение 1969 г. «Техника — молодёжи» дала в печать два богато иллюстрированных разворота об американской лунной программе: обзорную публикацию и статью, посвящённую экспедиции «Аполлона-11»¹². «Наука и жизнь» действовала более осмотрительно: материалы по полётам «Аполлона-9» и «Аполлона-10» размещены в «подвале» и меньшим, чем основное содержание, кеглем¹³. Миссия «Аполлона-11» удостоилась разворота, но без цветных иллюстраций¹⁴. Столь же скромно полёт астронавтов на Луну осветил «Юный техник»: две страницы, что при малом формате журнала совсем немного¹⁵. «Моделист-конструктор» вообще не удостоил это событие вниманием, что, впрочем, не противоречило специализации журнала. Не следует также забывать, что информация о полётах на Луну появлялась в советских ежемесячных изданиях с опозданием в 2–3 месяца.

Однако и при освещении зарубежной космической программы можно говорить о централизованном директивном размещении материалов. Например, в ноябре 1974 г. «Техника — молодёжи» и «Наука и жизнь» напечатали подробные статьи об американской программе «Space Shuttle» с цветными иллюстрациями¹⁶. Если учесть, что разработка «Челнока» в США находилась в начальной фазе, эту синхронизацию публикаций сложно объяснить простым совпадением. Тем более что автором статьи в «Науке и жизни» выступил лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза В.А. Шаталов — один из руководителей программы «Союз—Аполлон».

Представление об организации научно-технической пропаганды позволяет составить документ из фонда Главлита — «План освещения органами пропаганды полёта объекта “ДОС”»¹⁷. Это шесть страниц машинописи в альбомной ориентации. На титуле — утвердительные визы президента АН СССР М.В. Келдыша и председателя государственной комиссии К.А. Керимова, а также согла-

¹¹ ГА РФ, ф. 9425, оп 1, д. 1320, л. 28.

¹² Проект «Аполлон» // Техника — молодёжи. 1969. № 6. С. 32–33; Орлов В. Как были сделаны первые шаги по Луне // Техника — молодёжи. 1969. № 10. С. 35–36.

¹³ «Аполлон» — продолжение следует // Наука и жизнь. 1969. № 7. С. 44–45.

¹⁴ Экспедиция на Луну // Наука и жизнь. 1969. № 9. С. 20–21.

¹⁵ Посадка и взлёт // Юный техник. 1969. № 10. С. 38–39.

¹⁶ Шаталов В. На самолёте в космос // Наука и жизнь. 1974. № 11. С. 25–33; Пинко Д. Проект «Космический челнок» // Техника — молодёжи. 1974. № 11. С. 30–33.

¹⁷ ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 1401, л. 7–12. Полный текст документа опубликован: Комиссаров В.В. Приёмы советской научно-технической пропаганды на примере плана освещения в СМИ полёта орбитальной станции «Салют» // Вопросы истории естествознания и техники. 2021. № 3. С. 533–543.

сования с первым заместителем министра общего машиностроения Г.А. Тюлиным, представителем ракетных войск А.Г. Карасём и руководителем подготовки космонавтов Н.П. Каманиным. Документ подробно, в табличной форме расписывает освещение в открытой печати полёта первой советской долговременной орбитальной станции «Салют».

План интересен тем, что привносит в историю создания станции новые факты¹⁸. Он содержит 11 пунктов, некоторые из них детализированы в 14 подпунктах. В документе перечислены способы освещения экспедиции: сообщения ТАСС о запуске станции и кораблей, о биографиях космонавтов, о ходе работы экипажей и автоматическом полёте ДОС, о возвращении на Землю; передачи Центрального телевидения (прямые репортажи с борта станции, видеозаписи выступлений космонавтов перед полётом, репортажи, отклики, комментарии); официальная статья о данном космическом эксперименте и публикации в научно-популярных изданиях; пресс-конференция для советских и иностранных журналистов; «открытые» кино- и телефильмы о полёте.

Для каждого вида пропаганды установлены сроки. Официальные сообщения о запусках и биографии космонавтов шли в печать в день старта; информации ТАСС о ходе полёта — каждые пять дней; данные о здоровье космонавтов — ежедневно. На публикацию официальной итоговой статьи отводилось десять дней после окончания миссии, а кино- и телефильм должны были выйти на экраны спустя месяц. Также определялись ответственные за каждый вид публикации — организации, должностные лица, обязанные представить материал, и люди, наделённые правом визировать информацию. За сообщения ТАСС несли ответственность головные ведомства ракетно-космической отрасли: Центральный научно-исследовательский институт машиностроения (ЦНИИМАШ, директор Ю.А. Мозжорин) и Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (заместитель главного конструктора П.В. Цыбин). За биографии космонавтов отвечали также Военно-воздушные силы и Министерство общего машиностроения. Участие Министерства связано, вероятно, с тем, что не все космонавты, готовившиеся к полёту, были военными — некоторые из них являлись гражданскими специалистами ракетно-космической отрасли. В части телевизионных репортажей к освещению подключались Госкомитет СССР по телевидению и радиовещанию, АН СССР, Министерство здравоохранения (если информация касалась состояния здоровья космонавтов). На фильмовой стадии привлекались Центральное телевидение и Центрнаучфильм.

Таким образом, научно-технические достижения освещались централизованно, с привлечением широкого круга исполнителей по достаточно подробным планам, отступление от которых вряд ли было возможно без тщательного согласования. Этим во многом и объясняется наличие стандартизированных публикаций в научно-популярных изданиях.

¹⁸ Этот документ ставит под сомнение широко распространённую информацию, что станцию изначально предполагалось назвать «Заря»: в плане она именуется «Мир» (станцию с таким названием запустили только в 1986 г.). Также не подтверждается версия о подготовке трёх экспедиций на «Салют»: третий полёт якобы отменили после трагедии «Союза-11». В «Плане» предполагается освещение только двух пилотируемых кораблей: «Союза-10» и «Союза-11». Оба полёта состоялись, правда, их сложно признать полностью успешными. Как известно, «Союз-10» состыковался со станцией, но экипаж не смог перейти на неё, а космонавты «Союза-11» отработали на «Салюте» положенный срок, но погибли при возвращении на Землю из-за технической неисправности.

Цензурный контроль в сфере научно-технической пропаганды. В СССР функционировала разветвлённая система цензурных органов. Во главе стоял Главлит, которому подчинялись территориальные органы цензуры: главлиты союзных и автономных республик, краевые и областные управления — край- и облли-ты. Существовали смежные цензурные структуры, например, управление военной цензуры Генерального штаба, цензура пограничных войск КГБ. В 1969 г. появилась цензура Министерства внутренних дел СССР, организованная по образцу военной¹⁹. При этом Главлит мог действовать достаточно автономно: ещё в 1957 г. решением ЦК КПСС его работников вывели из-под контроля госбезопасности. Более того, о каждом несанкционированном контакте с сотрудниками КГБ они обязаны были докладывать своему руководству²⁰.

Деятельность цензуры определялась рядом нормативных подзаконных актов, прежде всего «Перечнем сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». Данный сравнительно небольшой документ утверждался правительством СССР и обычно издавался в качестве приложения к Уголовному кодексу РСФСР. Последнюю опубликованную редакцию утвердили 28 апреля 1956 г.²¹ С конца 1950-х гг. открытая печать подобных актов прекратилась.

Основным рабочим документом являлся «Перечень сведений, запрещённых к опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению» («Перечень Главлита»). Он представлял собой объёмный документ для служебного пользования, который обновлялся раз в несколько лет. Составление новой редакции Перечня проводилось с учётом мнений заинтересованных ведомств. К 1970-м гг. объём цензурируемой информации увеличился настолько, что потребовал создания специализированных списков. Так, в первой половине 1970-х гг. появился «Перечень сведений в области исследования космического пространства и ракетно-космической техники, запрещённых к открытой печати». В дополнение к перечням существовали разного рода «указатели» и «списки»: «Указатель электронно-вычислительных машин, сведения о которых разрешаются к открытому опубликованию»²², «Список марок самолётов, вертолёт, авиадвигателей и глубоководных аппаратов, разрешённых в установленном порядке к показу в открытой печати»²³, и др. Ещё одним видом закрытых нормативных актов можно считать «Оперативные указания руководства по цензурному контролю». Они содержали вопросы, не урегулированные в действующей редакции Перечня или возникшие в связи с изменением обстановки.

Кроме того, в вопросах цензуры научно-технической информации Главлит действовал бок о бок с ведомственной цензурой. В одной из публикаций уже отмечалось, что в каждой отрасли существовало головное учреждение, имевшее право визировать открытые публикации по своей тематике²⁴. В ракетно-космической отрасли это был ЦНИИМАШ. 15 мая 1969 г. руководство Главлита оперативным указанием запретило публиковать материалы по истории

¹⁹ ГА РФ, ф. 9425, оп. 2, д. 508, л. 45.

²⁰ Там же, оп. 1, д. 1286, л. 44.

²¹ Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1957. С. 143–145.

²² ГА РФ, ф. 9425, оп. 2, д. 578, л. 52–66.

²³ Там же, д. 890, л. 141–146.

²⁴ Комиссаров В. В. Главлит и научно-популярная публицистика... С. 118.

советского ракетостроения без визы Мозжорина²⁵. Таким образом, позиция ведомственной цензуры в вопросах научно-технических публикаций стала решающей. Для контроля в ЦНИИ существовала группа по визированию материалов, которая во внутренних документах Главлита порой прямо именуется «группой Мозжорина»²⁶. Её состав и численность постоянно менялись, а члены имели специализацию. Например, приказом от 20 апреля 1971 г. директор ЦНИИМАШ назначил трёх человек, наделённых правом визировать открытые публикации, ответственного за допуск материалов по истории ракетостроения и специалиста по телевизионным передачам²⁷. 24 января 1973 г. состав группы увеличился до девяти человек, причём трое из них получили исключительное право визировать материалы по истории ракетно-космической техники²⁸.

Сотрудники ЦНИИМАШ контролировали не только публикации в научно-популярных изданиях. В сферу их внимания попадала также кино- и телепродукция. Так, в 1971 г. члены «группы Мозжорина» совместно с работниками Главлита просмотрели фильм Ленинградской студии телевидения «О моём друге», посвящённый Гагарину, и отправили его на доработку, в первую очередь из-за упоминаний об участии в советской космической программе военных²⁹. Внимания удостоивались произведения художественной литературы по соответствующей тематике. В марте 1967 г. Министерство культуры представило на контроль пьесу «Генеральный конструктор». Прообразом её главного героя, конструктора Иванова, выступил С.П. Королёв. Главлит направил произведение в Министерство общего машиностроения, откуда оно перекочевало в ЦНИИМАШ. Институт подвёл черту под мытарствами драматургов, запретив пьесу к постановке³⁰. Через горнило ведомственной цензуры прошёл сценарий известного фильма «Укрощение огня». Согласно главлитовскому документу, первоначальный вариант сценария содержал эпизод с пребыванием главного героя Башкирцева в тюрьме³¹, отражавший реальный факт из биографий его прототипов — Королёва и В.П. Глушко. Из окончательной версии данный фрагмент удалили.

Ведомственная цензура по космической тематике включала в себя Главного военного цензора, а также «группу товарища Лебедева», действовавшую в системе АН СССР и контролировавшую публикации по астрономии, в том числе фундаментальные издания. Так, в 1973 г. из третьего издания Большой советской энциклопедии исключили упоминание о космодромах в Плесецке и Капустином Яре, допустив только информацию о Байконуре³². Для оперативного визирования открытых публикаций во время проведения длительных резонансных полётов при ТАСС создавали межведомственные группы экспертов³³.

²⁵ ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 1316, л. 8.

²⁶ Там же, д. 1392, л. 42.

²⁷ Там же, д. 1401, л. 6.

²⁸ Там же, д. 1463, л. 13–14.

²⁹ Там же, д. 1392, л. 42.

³⁰ Там же, д. 1257, л. 13.

³¹ Там же, д. 1354, л. 87.

³² Там же, д. 1459, л. 105. Парадоксально, но запрет на упоминание космодрома в Плесецке не распространялся на закрытый город Мирный (центр космодрома). В 1969 г. руководитель Главлита Романов на одном из совещаний критиковал сотрудников Архангельского обллита за удаление информации о нём из открытой публикации: «Город нельзя спрятать» (Там же, д. 1318, л. 60).

³³ Там же, д. 1401, л. 12.

Люди и псевдонимы. Особенность советской космической программы — за-секречивание имён конструкторов техники. В открытых публикациях использовались различного рода эвфемизмы, например, «главный конструктор» или «главный теоретик». Зачастую это касалось людей, чья роль не вызывала сомнения. Так, в 1971 г. к 10-летию полёта Гагарина готовилось второе издание документальной повести А.П. Романова «Конструктор космических кораблей», в котором автор решил привести вместо «главный теоретик» и «руководитель ОКБ» фамилии Келдыша и Глушко. Цензура не разрешила публикацию в подобном формате³⁴. Если в случае с Глушко, чье имя было «не на слуху», это и можно счесть оправданным, то роль и значение президента Академии наук в космических исследованиях уже не составляли особого секрета.

Другим способом соблюдения секретности стало использование в открытых публикациях псевдонимов, как правило, образованных незатейливым способом от имени. Например, Сергей Павлович Королёв фигурировал как «профессор К. Сергеев». Подобная практика продолжалась и позднее. В 1971 г. в журнале «Советский Союз» (ориентированном преимущественно на зарубежную аудиторию) появилась статья о новом космическом корабле, подписанная «главным конструктором кораблей “Союз”», которым был преемник Королёва В.П. Мишин. После согласования с Министерством общего машиностроения Главлит разрешил публикацию под псевдонимом. И здесь эксперты не проявили оригинальности, обозначив Василия Павловича как «профессора Васильева»³⁵. Под этой же фамилией — «М.П. Васильев» — Мишин фигурировал в роли председателя редакционной коллегии книги по итогам полёта орбитальной станции «Салют» (причём остальные пять членов редколлегии прошли под собственными именами)³⁶.

Распространена точка зрения, что после смерти Королёва запрет на упоминание его имени в печати сняли. Однако архивные документы показывают, что формально этот запрет действовал и позднее, создавая известные сложности для авторов научно-популярных текстов и фильмов. Так, в показанной в 1968 г. на Центральном телевидении картине «Люди и космос» есть кадры с Королёвым, где закадровый дикторский голос называет фамилию учёного, но нет ни слова о его вкладе в развитие космонавтики. У непосвящённого зрителя может сложиться впечатление, что некий посторонний мужчина отдаёт в микрофон стартовые команды. Только 8 июля 1969 г. (спустя более чем три года после смерти) Перечневая комиссия Главлита разрешила упоминать его как главного конструктора советских космических кораблей³⁷.

Псевдонимами приходилось пользоваться не только руководителям конструкторских бюро и секретных НИИ, но и сотрудникам «калибром поменьше». Например, О.Г. Ивановский, работавший сначала в КБ Королёва, а затем — у Г.Н. Бабакина, на рубеже 1960–1970-х гг. подготовил книгу воспоминаний, сначала публиковавшуюся фрагментами в газете «Правда», потом вышедшую полностью в серии «Эврика» издательства «Молодая гвардия». Во всех изданиях автор значился под псевдонимом «А. Иванов». Причём он проходил под этой фамилией даже во внутренних документах Главлита (публикация в «Правде» вызвала нарекания цензуры из-за указания местоположений КБ и опытного

³⁴ Там же, д. 1392, л. 29.

³⁵ Там же, л. 30.

³⁶ Салют на орбите. М., 1973.

³⁷ ГА РФ, ф. 9425, оп. 2, д. 512, л. 19.

завода)³⁸. Использование псевдонима нарушило стандартное серийное оформление: в двух изданиях воспоминаний Ивановского на последней странице обложки отсутствовали обязательные для изданий «Эврики» фото и краткая информация об авторе³⁹. Псевдоним не раскрывался и в редакционном каталоге 1977 г.⁴⁰ Только во второй половине 1980-х гг. Ивановский, оказавшийся плодовитым мемуаристом, смог выступать в печати под своей фамилией.

Показательно, что это разительно отличалось от ситуации в советской авиации. Руководители КБ, главные и генеральные конструкторы не только не скрывались, но напротив всячески прославлялись в прессе, а с конца 1930-х гг. применялась система индексации летательных аппаратов по начальным буквам фамилий их создателей.

Всё вышеперечисленное на новом материале подтверждает вывод исследователей о существовании в СССР рассматриваемого периода «всецензуры» (термин американской исследовательницы М.Т. Чолдин)⁴¹. В процесс визирования открытых публикаций вовлекалось огромное количество ведомств, НИИ, КБ и предприятий. Причём провести грань между цензурой и пропагандой сложно. Система была выстроена так, что лица и учреждения, ответственные за предоставление информации, одновременно занимались и её цензурированием, и допуском к открытой публикации. Централизованный характер научно-технической пропаганды не оставлял места для дискуссий. СМИ воспринимались исключительно как «органы пропаганды», другой задачи им не ставилось. Конечно, это не означало отсутствия споров в экспертном сообществе, однако они проходили в закрытом режиме, даже не все специалисты знали их подробности. Кроме того, сложный и многоступенчатый характер прохождения материалов приводил к тому, что в ежемесячных популярных журналах информация о новейших достижениях могла появляться с опозданием в несколько месяцев, особенно когда это касалось зарубежной космической программы.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 1303, л. 55.

³⁹ *Иванов А.* Первые ступени. М., 1970; Изд. 2. М., 1975.

⁴⁰ Эврика. 1965–1976. Каталог. М., 1977. С. 152–153, 276–277.

⁴¹ *Горяева Т.М.* Проблемы публикации документов по истории советской политической цензуры // Проблемы публикации документов по истории России XX века. Материалы всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. М., 2001. С. 115.

Реформы сельского хозяйства России на переломе эпох (1990–1993)

Фатима Малхозова

Agricultural reforms in Russia at the turn of an era (1990–1993)

Fatima Malkhozova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23010133, EDN: PPOANG

Рассмотрение российских аграрных реформ конца XX в. невольно вызывает в памяти слова кадетского оратора А.И. Шингарёва, сказанные в начале XX в. по поводу преобразований П.А. Столыпина: «Этот кошмарный аграрный вопрос в России обладает странным свойством феникса, вновь возрождающегося из, казалось бы, потухшего пепла»¹. Уже в совсем другой стране, пережившей революцию, коллективизацию и урбанизацию, эта проблема снова заняла центральное место. Трудности накапливались десятилетиями, будучи вызваны методами строительства социалистического строя, пока во второй половине 1980-х гг. не прозвучали в общественном пространстве со всей остротой. Появилось большое количество публикаций о состоянии и путях развития сельского хозяйства.

Первыми заговорили специалисты, которые обратили внимание на падение плодородия почвы в результате нерационального использования земли и из-за экологических проблем, писали о бессистемном использовании пастбищ и опустынивании земель, низком качестве и недостаточности материально-технической базы². С началом активной фазы реформ в конце 1980-х гг. политический курс в области сельского хозяйства был пересмотрен. Если в 1930-х гг. он заключался в насильственной коллективизации деревни, стремлении превратить крестьян в «сельскохозяйственных рабочих», то сейчас выходом из кризиса виделось возрождение крестьянства и как социального слоя, и как образа жизни. Предполагалось также усвоение западного опыта, основанного на развитии фермерских хозяйств. В центре дискуссий, как следствие, оказались вопросы частной собственности на землю и будущего коллективных хозяйств. Выдающийся исследователь аграрной истории России 1920–1930-х гг. В.П. Данилов в своих публикациях и выступлениях на Комиссии ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы настаивал, что необходимо оставить землю в общественной собственности, и противился развалу колхозов и совхозов, совокупность которых представляла собой, по его мнению, крупное современное механизированное производство. Он обращал внимание оппонентов на то, что

© 2023 г. Ф.В. Малхозова

¹ Аврех Л.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 73.

² Радугин Н.П. Аграрная реформа в России // АПК: экономика, управление. 1993. № 3. С. 7–17; Радугин Н.П. Проблемы аграрной реформы в России. М., 1993; Комов Н. Земельные отношения и земельная реформа в России // АПК: экономика, управление. 1993. № 3. С. 18–26; Шмелёв Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000.

изначально колхозы — это кооперативная, а не государственная собственность³ (хотя на практике она превратилась именно в последнюю).

Но даже противникам реформ пришлось признать, что агропромышленное производство позднего социализма крайне затратно, экстенсивно, дефицитно, а положение дел в нём привело к всевозрастающему импорту продовольствия⁴. В числе главных причин этого виделись отчуждённость тружеников села от земли, их низкая материальная заинтересованность в результатах труда, безразличие к имуществу (рассматривавшиеся, впрочем, как характерные для экономики в целом)⁵. Как следствие, требовалась радикальная реформа ценообразования, без которой невозможны глубокая перестройка хозяйственного механизма, переход на экономические методы управления⁶.

В центре внимания данной статьи — причины осознания необходимости аграрных реформ, цели, ставившиеся в свете таковых, вопрос о наличии у руководства страны программы преобразований, проблема взаимодействия экономических, правовых и социальных аспектов в процессе реформирования, а также оценка того, удалось ли достичь поставленных задач. Эти темы рассматриваются в рамках нескольких проблемно-тематических блоков. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что именно в этот период были приняты законодательные акты, в корне изменившие аграрную политику страны. Источниковую базу составили документы съездов народных депутатов, Верховного совета и правительства России, законодательные акты и документы, связанные с их разработкой и изданием. Следует отметить также значительный статистический материал и данные социологических опросов, материалы периодической печати.

Подготовка аграрной реформы. Критика положения в сельском хозяйстве звучала при каждой смене власти в СССР. Потребности населения в продуктах питания полностью не удовлетворялись, что вызывало постоянную общественную озабоченность ситуацией. Ещё в 1953 г. руководство КПСС объявило решение продовольственной проблемы обязательным условием подъёма экономики и сохранения политической стабильности в стране. Это, в свою очередь, требовало всемерного развития материально-технической базы агропромышленного комплекса, создания современной индустрии производства сельскохозяйственной продукции, сырья и кормов.

К концу 1980-х гг. общая площадь земельных ресурсов РСФСР составляла более 1,7 млрд га. Около 75% её находилось в пределах холодного пояса и в малообеспеченных теплом регионах, где возможно лишь очаговое земле-

³ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. В 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 13.

⁴ Никонов А.А. Социально-экономические проблемы аграрной реформы в Российской Федерации // АПК: экономика, управление. 1993. № 10. С. 12.

⁵ Кузнецов А., Давыдов И. Аграрные реформы в России XX столетия (на примере Тамбовской области). Тамбов, 2004; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985. М., 2007; Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке; Данилов В.П. Из истории перестройки: переживания шестидесятника-крестьяноведа // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 130–140; Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX в. М., 2010; Шмелёв Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения...; Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 гг. Новосибирск, 2014.

⁶ Дёмин Н., Куфаков В., Банников Н. Перестройка и реформа закупочных цен // АПК: экономика, управление. 1988. № 2. С. 56–64; Медведева Л., Счастливцев Л. Совершенствование ценообразования в картофельно-крахмальном подкомплексе АПК // АПК: экономика, управление. 1988. № 5. С. 55–57.

делие. Сельскохозяйственные угодья составляли лишь 13% общей площади земельных ресурсов республики, из них на пашню приходилось 132 млн га (59%), на многолетние насаждения — 1,5 млн (менее 1%), на природные кормовые угодья — 88 млн га (40%). В то же время имелись все возможности для зональной специализации при возделывании различных сельскохозяйственных культур. Развитые западные страны претворяли её в жизнь активно и очень успешно. Десятилетиями писала об этом и отечественная экономическая наука, однако практика сильно отставала от теории. Разница в средней урожайности зерновых культур в лучшие и худшие по погодным условиям годы составляла 7 ц/га и выше (до 40%)⁷. По мнению специалистов, качественные показатели урожайности и продуктивности сортов и гибридов растений, пород животных оставались на 40–60% ниже их генетических возможностей. По этим показателям сельскохозяйственное производство регионов России с одинаковым или близким биоклиматическим потенциалом значительно отставало от стран Европы и Америки, и разрыв этот только увеличивался. Для сравнения можно указать, что один крестьянин нашей страны кормил 12 человек, фермер США — 60, Голландии — 114 человек⁸. В Нидерландах годовой сбор сахара, сопоставимый с российским, обеспечивался на втрое меньших площадях⁹.

Во второй половине 1960-х гг. государство начало на постоянной основе вкладывать средства в сельское хозяйство. Ежегодно оно получало 450 тыс. наименований продукции производственно-технического назначения общей стоимостью более 25 млрд руб.¹⁰ Тем не менее потребности отрасли по большинству материальных ресурсов не удовлетворялись. Неблагоприятные климатические условия, отсутствие стимулов рационального использования и охраны земель обусловили низкую эффективность использования пашни и её деградацию, наносили ощутимые удары по производству. Эти и многие другие факторы привели к ухудшению показателей работы пищевой промышленности. В период перестройки некоторый рост валовой продукции (2–3% в 1988 и 1989 гг.) в основном вызывался благоприятными погодными условиями, но уже в 1990 и 1991 гг. сменился 5-процентным спадом¹¹. Как следствие, наблюдалась перманентная нехватка продуктов, которые приходилось закупать за границей.

Требования принять экстренные меры по коренному улучшению материально-технического обеспечения сельского хозяйства содержались в заявлениях депутатов-«аграрников» первому Съезду народных депутатов СССР, выступлениях на первом Съезде народных депутатов РСФСР, учредительных съездах Аграрного и Крестьянского союзов¹². В начале 1990 г. была создана Комиссия ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы, которую возглавил глава партии М.С. Горбачёв. На её заседаниях началось обсуждение вопросов о замене колхозов и совхозов на хозяйства фермерского типа и, главное, о переходе к частной собственности на землю¹³. К этому времени политическое руко-

⁷ *Комов Н.* Земельные отношения и земельная реформа в России... С. 18.

⁸ *Радугин Н.П.* Аграрная реформа в России... С. 7–8.

⁹ ГА РФ, ф. 10026, оп. 4, д. 1789, л. 84.

¹⁰ Там же, д. 1628, л. 52.

¹¹ Там же, д. 903, л. 119.

¹² Там же, д. 1628, л. 19.

¹³ *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Ч. 2. С. 642.

водство страны осознало, что сохранение форм ведения сельского хозяйства, характерных для колхозного строя, не в состоянии повысить производство продукции, а административными методами добиться изменений не удастся¹⁴. Выход из положения виделся в том, чтобы наделить трудовые коллективы правами собственности на средства производства и доходы. Это гарантировало бы саморегулирование внутри- и межхозяйственных производственных отношений. Государственное управление могло осуществляться посредством налоговой и ценовой систем контроля за состоянием экологических факторов, содействия научно-техническому прогрессу в отрасли¹⁵. Эффективность хозяйствования, таким образом, достигалась сочетанием принципов коллективизма и индивидуализма.

Однако целостная программа реформ отсутствовала. Таковой, впрочем, и не могло появиться без решения главной проблемы — признания частной собственности на землю. Согласно Конституциям СССР и РСФСР, основу экономической системы составляла социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной¹⁶. Поэтому для начала обозначили вектор дальнейшего развития — разгосударствление, предполагавшее перестройку производственных отношений в деревне, а также приватизацию собственности. В то же время чёткое понимание сути приватизации отсутствовало, поэтому пошли от противного, по упрощённой форме — путём замены общественного производства индивидуальным, перехода от крупного производства к мелкому¹⁷. Результатом должны были стать многоукладная экономика, в которой сотрудничали бы индивидуальные производители, ведущие хозяйство на основе принципа частной собственности на средства производства; формирование конкурентной среды для всех товаропроизводителей; создание рыночной инфраструктуры и эффективной системы социальной защиты населения.

Таким образом, в программах реформаторов конца XX в. «всплыла» вековая мечта российской либеральной интеллигенции — наделение мужика землёй. О «чувстве хозяина» как экономической категории, аренде земли и праве владения ею много писал экономист Г.Х. Попов¹⁸. Для большинства же жителей страны, в том числе Б.Н. Ельцина — выходца из семьи раскулаченных и репрессированных крестьян, вопросы собственности оказались не научной теорией, а драматичным личным опытом. СМИ немедленно включились в популяризацию новых отношений в сельскохозяйственном секторе. Идеал искали — и находили — в прошлом, открывая, по меткому выражению Данилова, период «столыпинианы»¹⁹. Началась переоценка реформ премьер-министра Российской империи, они подавались как прообраз современных²⁰. Интересно, что одновременно процесс реорганизации колхозов и совхозов сопрово-

¹⁴ Михайловский И.Ю. Аграрные преобразования в начале 1990-х годов и социально-политические настроения в российской деревне (на примере Волгоградской области) // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 7. С. 50–58.

¹⁵ Мишин В. Реформирование аграрной экономики // АПК: экономика, управление. 1993. № 1. С. 89.

¹⁶ Конституция (Основной закон) РСФСР от 12 апреля 1978 г. М., 1979. С. 6.

¹⁷ Данилов В.П. Из истории перестройки... С. 135.

¹⁸ См., например: Попов Г.Х. Эти четыре года. М., 1989. С. 160.

¹⁹ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Ч. 2. С. 659.

²⁰ Сироткин В. Столыпин и Горбачёв: две реформы «сверху» // Неделя. 1991. № 19 (6–12 мая). С. 7.

ждался и воспроизводством мифов о вольной, основанной на справедливом самоуправлении крестьянской общине. Поиски «крестьянина-земледелца» привели к реабилитации проклинавшегося прежде «кулака», образ которого трансформировался из «эксплуататора бедноты» в «крепкого хозяйственника»²¹. СМИ рассказывали об «архангельском мужике» Н. Сивкове, который на выделенных ему совхозом земле и технике создал и содержал силами своей семьи животноводческую ферму²².

Контекст аграрным дискуссиям придали реформы в промышленности. В 1987–1988 гг. вышла серия правовых актов, которые фактически разрушили основу социалистической собственности. Одним из ключевых стал закон «О государственном предприятии», согласно которому предприятия переходили на принципы полного хозяйственного расчёта и самофинансирования. Отменялась государственная монополия внешней торговли, директора получили возможность образовывать на подведомственных предприятиях независимые структурные единицы, действующие на хозрасчётных началах²³. В 1989 г. полным ходом шло акционирование крупных государственных предприятий и даже целых отраслей. Выдвижение подобного рода инициатив в отношении сельского хозяйства являлось лишь вопросом времени.

Завершая работу, первый Съезд народных депутатов РСФСР (май–июнь 1990 г.) принял решение о скором проведении второго (внеочередного) Съезда по проблеме возрождения села. Он состоялся в ноябре того же года и принял законодательные акты, положившие начало радикальным преобразованиям по трём важнейшим направлениям: организационно-экономическому, социальному и земельному — законы «О земельной реформе» и «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Реформа представляла собой сложный комплекс мер и имела целью «перераспределение земли в интересах создания условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле, формирования многоукладной экономики, рационального использования и охраны земель на территории РСФСР»²⁴. Предусматривалось наделение землёй граждан, предприятий, организаций, учреждений, объединений и товариществ с закреплением их прав в порядке, установленном законодательством РСФСР. Проведение реформы поручалось местным советам народных депутатов, Государственному комитету по земельной реформе совместно с Министерством сельского хозяйства и продовольствия, Министерством лесного хозяйства и другими заинтересованными ведомствами. Для проведения операций, связанных с оценкой, куплей и продажей земель, создавался Российский земельный банк.

Реформу планировалась осуществлять поэтапно. Сначала за местными советами закреплялось право распоряжаться землёй. Для его реализации предполагалось уточнить административные границы, сформировать специальный

²¹ Штейнберг И. Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 50.

²² Документальный фильм, снятый режиссёром М. Голдовской в 1986 г. и показанный по Центральному телевидению в 1987 г. (URL: <https://www.imdb.com/title/tt0244404/>).

²³ Пихоя Р.Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 14; Пихоя Р.Г. Революции в России: 1917–1991 г. // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 194–195.

²⁴ Закон РСФСР «О земельной реформе» от 23.11.1990 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР. 29 ноября 1990. № 26. Ст. 327. С. 434–437.

фонд земель для их последующего перераспределения, установить ставки земельного налога и цены на землю. На втором этапе советами и Госкомитетом по земельной реформе осуществлялись передача и закрепление земель в собственность, пользование (в том числе аренду) гражданам, предприятиям, организациям и учреждениям в соответствии с законодательством РСФСР.

Предполагалось, что реформа поспособствует формированию широкого слоя частных собственников. Закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»²⁵ установил экономические, социальные и правовые основы их организации и деятельности. Такое хозяйство определялось как самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица, «представленный отдельным гражданином, семьёй или группой лиц, осуществляющими производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и находящихся в их пользовании, в том числе в аренде, в пожизненном наследуемом владении или в собственности земельных участков». В экономической системе фермерское хозяйство определялось как равноправное звено «наряду с государственными, коллективными, индивидуальными и другими предприятиями и организациями». Право на создание хозяйства и на получение земельного участка для этих целей получал каждый дееспособный гражданин РСФСР, достигший 18-летнего возраста, имеющий опыт работы в сельском хозяйстве и сельскохозяйственную квалификацию либо прошедший специальную подготовку. При наличии нескольких претендентов преимущественное право на получение земельного участка имели граждане, проживавшие в данной местности. Право выбора претендента на создание хозяйства принадлежало Совету народных депутатов, в ведении которого находился участок. Коллективам колхозов, совхозов, подсобных хозяйств предоставлялось право раздела угодий на паи (доли). Член колхоза (работник совхоза) мог выйти из его состава и создать крестьянское хозяйство без согласия трудового коллектива или администрации предприятия.

Опубликованные в печати проекты законодательных актов о земельной реформе выявили характер, масштаб и глубину изменений отношений в данной сфере. Дискуссия по ним показала широкий разброс мнений и оценок. Ключевым вопросом стало отношение к характеру собственности на землю. Весьма характерно в связи с этим письмо с отзывом о проекте закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», пришедшее в сентябре 1990 г. в редакцию газеты «Сельская жизнь» от читателя из Новосибирска А.И. Паляя и попавшее в обзор прессы Верховного совета РСФСР. Читатель отметил, что это «очень нужный закон», но было бы лучше, если бы он вышел намного раньше. Вместе с тем указывались и «некоторые шероховатости», а главную проблему автор видел в том, что «земля является общенародной собственностью и как это республика может торговать тем, что принадлежит не ей, а всему народу, каждому человеку в отдельности, а раз она народная, значит и моя, как индивидуума, а я такого права республике не давал». Земля, следовательно, должна быть общей, как леса, горы, реки и воздух: «А вы хотите распродать землю». Но, как известно, купить её может только тот, у кого много денег, а у простого народа их нет. «Значит, землю купят те, кто воровал, брал большие взятки

²⁵ Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22.11.1990 // Там же. Ст. 324. С. 417–433.

и на них будут работать опять же простые крестьяне, рабочие. Начнётся спекуляция землёй»²⁶.

С целью определения отношения населения к земельной реформе Российская академия сельскохозяйственных наук и Главное управление науки и технического прогресса Министерства сельского хозяйства и продовольствия РСФСР в сентябре 1990 г. провели социологическое исследование, которое охватило Нечерноземье (Московская, Ленинградская и Калужская области), Центрально-Чернозёмный район (Воронежская, Белгородская и Курская), Северный Кавказ (Ростовская обл. и Ставропольский край), Поволжье (Саратовская обл.), Западная Сибирь (Новосибирская обл.)²⁷. География достаточно представительная, можно считать, что материалы опроса высветили весь спектр мнений. При этом проявились существенные различия между разными категориями населения, особенно города и деревни.

Первую группу, поддерживавшую принцип всенародной собственности на землю, составили работники сельхозпредприятий, иные категории сельского населения, а также работники аппарата управления аграрным производством (от районного до республиканского уровней). Эта та часть населения, которая имела прямое отношение к земле как к основному средству производства, и её передачу в частные руки поддерживали немногие (12–17%). Противоположную группу составили граждане, к производству на ней не имевшие прямого отношения (прежде всего жители городов, занятые на промышленных предприятиях). Из каждых 100 опрошенных в этой группе 28 высказались в пользу приватизации. Промежуточное положение занимали работники науки: четвертая их часть считала, что земля должна остаться всенародным достоянием, 47% допустили её передачу в частную собственность в отдельных случаях и около 23% поддерживали частную собственность безоговорочно (подробнее см. табл. 1).

Региональные различия наиболее чётко проявились между населением таких высокоурбанизированных областей, как Московская, Ленинградская, Воронежская и Новосибирская, с одной стороны, и населением прочих районов — с другой. Так, если в первой группе за сохранение общественной собственности на землю высказались 34% опрошенных колхозников и рабочих совхозов, то во второй — половина. Во мнении о необходимости приватизации наблюдалась обратная картина: 20 и 13%. Аналогичные различия наблюдались и во взглядах других групп населения, включая научных работников.

По вопросу о том, «какие формы хозяйствования на селе должны... получить преимущественное развитие?», наиболее активными сторонниками общественной собственности на землю показали себя колхозники и рабочие совхозов: 35%. Прочие группы к существующей форме колхозно-совхозного производства отнеслись критически. Что касается фермерского хозяйства, то предпочтение ей во всех группах населения (за исключением работников предприятий городов) отдала примерно одинаковая доля опрошенных — от 13% среди работников аппарата управления до 19 среди научных работников.

²⁶ ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 1647, л. 55.

²⁷ Там же, д. 1791, л. 3–21.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Какое из распространённых суждений о земле в наибольшей мере
соответствует вашему мнению?» (%)**

Варианты ответов	Колхозники и рабочие совхозов	Руководители и специалисты хозяйств	Работники социальной инфраструктуры села	Аппарат управления АПК	Работники предприятий городов	Научные работники
Земля — это всенародное достояние, на неё не может быть частной собственности	40	40	46	34	24	25
Земля — это всенародное достояние, но в отдельных случаях она может передаваться в частную собственность	34	42	33	47	41	47
Земля передаётся (продаётся) в частную собственность	17	12	12	15	28	23
Не определили своего отношения	9	6	9	4	7	5

Составлено по: ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 1791, л. 6.

Таблица 2

**Распределение предпочтений в отношении форм
хозяйствования на селе (%)**

	Колхозники и рабочие совхозов	Руководители и специалисты	Аппарат управления АПК	Работники предприятий городов	Научные работники
Сложившаяся форма колхозов и совхозов с личным подсобным хозяйством работников	35	23	9	11	7
Самостоятельные крестьянские (фермерские) хозяйства и их кооперативы	17	14	13	36	19
Колхозы и совхозы, преобразованные в различные союзы (объединения, ассоциации первичных кооперативов и арендаторов)	17	18	10	14	11
Сочетание различных форм хозяйствования — крупные государственные предприятия и колхозы, крестьянские хозяйства, кооперативы	29	43	65	36	60
Не определили отношения	2	2	3	3	3

Составлено по: ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 179, л. 13.

Опрос засвидетельствовал сложность решения вопросов, связанных с земельными отношениями. Большинство населения считало землю всенародным достоянием. За приватизацию высказались только 12% руководителей и специалистов сельского хозяйства и 11% колхозников и рабочих совхозов — в отличие от примерно 25% работников промышленных предприятий и научных сотрудников. В целом сложившиеся формы, а также сочетание различных форм хозяйствования с преобладанием крупного производства поддержали 81% колхозников и рабочих совхозов, 84% руководителей и специалистов сельского хозяйства, 78% научных сотрудников, 61% работников промышленности. Также подавляющее большинство допустило возможность ликвидации лишь экономически слабых хозяйств. Подобный консерватизм объяснялся не только страхом перед неизведанным. *Status quo* поддерживали категории населения, работавшие на земле, знавшие крестьянский труд, затраты производства и его рентабельность, представлявшие все сложности данной отрасли экономики.

Красноречиво выглядят итоги выборов Президента РСФСР. Во всех аграрных регионах население поддержало последовательного противника радикальных преобразований Н.И. Рыжкова. Яркая иллюстрация — выборы в Волгоградской обл., где против Ельцина проголосовали 55,69% избирателей²⁸. Лидера демократов поддержали в городах: Волгограде, Волжском, Николаевске. Таким образом, есть серьёзные основания полагать, что селяне ещё до полномасштабного проявления негативных сторон реформы отнеслись к её перспективам скептически.

Начало земельной реформы. Тем временем в январе 1991 г. правительство приняло «Республиканскую программу проведения земельной реформы на территории РСФСР»²⁹. Её разработали во исполнение постановления Съезда народных депутатов РСФСР «О программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса» и законов «О земельной реформе» и «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Предполагалось в два этапа преобразовать земельные отношения, создать 80–100 тыс. частных хозяйств, в 1,5–2 раза увеличить площади земель в их пользовании и в основном обеспечить потребность граждан в садовых и огородных участках. По всей стране учреждались комитеты по реформе, комиссии по отбору земельных угодий у колхозов и совхозов, решались вопросы перераспределения всех категорий земель, устанавливался специальный фонд для наделения землёй самостоятельных хозяйств.

На фермерство возлагались большие надежды в решении продовольственной проблемы — с их помощью планировали поднять объёмы производства продукции в 1,5–1,8 раза. Однако возникал вопрос: много ли хозяйств такого рода может образоваться в республике, где доля городских жителей составляет 70%? Согласно расчётам специалистов, в ближайшей перспективе (1993–1995) роль фермерских хозяйств не могла стать значительной: 4–7% (к 2000 г. предполагалось её увеличение в 2–2,5 раза)³⁰. Таким образом, основными производителями оставались крупные коллективные предприятия, в связи с чем

²⁸ Михайловский И.Ю. Аграрные преобразования в начале 1990-х годов... С. 54.

²⁹ Постановление Совета министров РСФСР «О республиканской программе проведения земельной реформы на территории РСФСР» от 18.01.1991 // Собрание постановлений правительства РСФСР. 1991. № 10. Ст. 134. С. 283.

³⁰ См., например: Борисенко А. Что нужно для развития крестьянских (фермерских) хозяйств в России // АПК: экономика, управление. 1993. № 1. С. 67.

экономисты-«аграрники» предостерегали от поспешных решений в отношении таковых. Звучали призывы предоставлять землю и средства производства желающим вести самостоятельное хозяйство без ущемления интересов и снижения уровня эффективности производства коллективов.

Ход реализации земельной реформы можно проследить на примере Московской обл., где сразу развернулась активная работа в этом направлении. Госкомитет РСФСР по земельной реформе совместно с советами народных депутатов Москвы и области провёл работу по выявлению земель для коллективного садоводства и огородничества.

Таблица 3

Земельный фонд Московской обл. по состоянию на 1 ноября 1990 г. (тыс. га)

	1965 г.		1990 г.		1990 к 1965 г.
	площадь	%	площадь	%	площадь
Общая площадь	4 689	100	4 689	100	—
Земли сельскохозяйственных предприятий	2 232	48	2 138	46	—94
Земли лесохозяйственных предприятий	1 830	39	1 852	40	+22
Земли населённых пунктов (городов, посёлков городского типа)	204	4	234	5	+30
Земли промышленности, транспорта, обороны и иного назначения	400	9	394	9	—6
Земли природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения	—	—	40	9	+40

Составлено по: ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 1348, л. 25.

Основную часть территории занимали угодья сельскохозяйственных (46%) и лесохозяйственных (40%) предприятий. За период с 1965 по 1990 г. первые сократились на 94 тыс. га, вторые — увеличились на 21 тыс. га. Кроме того, 40 тыс. га относились к землям природоохранного, оздоровительного и другого назначения, а также были покрыты лесами.

Анализ земельного фонда выявил немалые возможности для удовлетворения запроса граждан в садово-огородных участках. Под коллективное садоводство предлагалось выделить около 100 тыс. га, в том числе 40–45 тыс. за счёт лесов и заросших лесом и кустарником кормовых угодий сельхозпредприятий и не менее 40 тыс. за счёт малоценных площадей лесохозяйственных предприятий. Кроме того, на территории области находилось около 150 тыс. га земли, принадлежавших Министерству обороны СССР, из которых 110 тыс. были по-

крыты лесом и кустарником. Привлечение этих земель позволило бы увеличить земфонд на 15–20 тыс. га³¹. При этом отмечалось, что коллективное садоводство — это тоже озеленение, которое при правильном ведении способствует улучшению экологической обстановки.

Таблица 4

Динамика размеров угодий в сельскохозяйственных предприятиях (тыс. га)

	1965 г.	1990 г.	1990 к 1965 г.
Сельхозугодья, в том числе:	1 793	1 710	–83
пашня	1 168	1 256	+88
сенокосы и пастбища	582	447	–135
многолетние насаждения	23	7	–16
леса	226	265	+39

Составлено по: ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 1348, л. 26.

Несмотря на внушительный потенциал, решение задачи затянулось. Как следствие, 15 марта 1991 г. президиум Верховного совета РСФСР принял постановление о неудовлетворительном выполнении постановления Верховного совета и Совета министров и о персональной ответственности должностных лиц Москвы и Московской обл. за организацию работы по своевременному распределению выделенного земельного фонда³². Оно придало реформе импульс. По итогам первого квартала 1991 г. на территории России садовые участки получили 900 тыс. семей и в основном задача оказалась решена.

Исключение составили города-миллионники Москва и Ленинград. Так, власти столицы выделили 20 тыс. га для огородов и 21 тыс. для садоводства, но решения остались на бумаге по ряду объективных и субъективных причин. К первым можно отнести то, что Московская обл. представляла собой относительно небольшую территорию с высокой плотностью населения. От жителей Москвы и области поступило около 800 тыс. заявок на предоставление участков, удовлетворить их оказалось сложно³³. На заседании президиума Верховного совета РСФСР 19 апреля выступил председатель Госкомитета по земельной реформе В.Н. Хлыстун. Он отметил «излишний ажиотаж» в печати: «Сегодня в газете “Куранты” пишут о том, что в Можайском районе требуют за одну сотку 450 рублей». В действительности, утверждал выступающий, ничего подобного не было, так как он позвонил в райсовет и уточнил этот вопрос. Отмечу, что сложно представить другой ответ местной власти ответственному за реформу.

Хлыстун сообщил об острых проблемах с транспортом, торговлей, медицинским обслуживанием, доложил о массовом сопротивлении сельского населения, которое «приходится всё время убеждать, уговаривать. Сельскохозяйственными предприятиями иногда просто ставятся невыполнимые условия перед городскими исполкомами районных Советов»³⁴. Кроме того, на терри-

³¹ ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 1348, л. 27.

³² Там же, л. 21–22.

³³ Там же, л. 1349, л. 32.

³⁴ Там же, л. 35.

тории области находилось много опытно-производственных хозяйств, а все сельхозпредприятия имели довольно высокий уровень интенсивности производства, и их землю невозможно было изъять. Как следствие, если в постановлении о реформе содержалось положение о том, что 10% земли можно отчуждать без согласия собственника, то вскоре на места поступила телеграмма за подписью Ельцина и главы правительства И.С. Силаева, аннулировавшая это указание.

Дополнительные сложности создавали постановление Совета министров СССР, которое отнесло все лесопокрываемые территории Московской обл. к лесам первой группы, изъятие которых полностью запрещалось, а также то, что «излишние ограничения зачастую устанавливают экологические службы и органы лесного хозяйства, имеет место большое противодействие со стороны местного населения, руководителей районов, сельских Советов, сельскохозяйственных и лесохозяйственных предприятий»³⁵.

Субъективная причина заключалась в противостоянии ветвей столичной власти. Январь и февраль 1991 г. прошли в спорах между Мособлисполкомом и Моссоветом, и лишь 9 марта было принято совместное решение о передаче 20 тыс. га под огороды. Из-за возникших трудностей вопрос о развитии садоводства и огородничества специально рассмотрели 9 апреля на заседании Совета министров РСФСР с участием представителей Мосгорисполкома, Мособлисполкома и имеющих к этому отношение министерств и ведомств. Итогом стало распоряжение правительства, определившее меры по ускорению работы. Минсельхозпроду республики поручалось совместно с Госкомприродой и Госкомземом обеспечить в апреле подбор земель для коллективного садоводства на площади 30 тыс. га. Для этих целей вопреки запрету правительства СССР разрешили наряду с неэффективно используемыми сельскохозяйственными угодьями (включая пашню) занимать также малоценные леса первой группы лесохозяйственных и сельхозпредприятий площадью около 17–18 тыс. га. Также решили изъять у Минобороны порядка 15 тыс. га³⁶.

В марте группы специалистов Госкомзема, Минсельхозпрода, Госкомэкологии и Госкомархстроя выехали в 12 регионов РСФСР (Башкирская АССР, Алтайский край, Ленинградская, Калужская, Нижегородская, Курская, Тамбовская, Ульяновская, Ростовская, Пермская, Челябинская и Тюменская области) для изучения ситуации и оказания практической помощи в проведении земельной реформы. В восьми областях завершилась работа по созданию районных (городских) комитетов по реформе и земельным ресурсам. Напротив, в Ростовской, Тамбовской, Ульяновской и Тюменской областях областные и районные советы народных депутатов, их исполнительные комитеты и сельскохозяйственные органы не только не оказывали помощи в формировании комитетов, но и в определённой мере мешали этому.

С 15 февраля по 20 марта в этих областях площадь земель, включённых в фонды перераспределения, увеличилась с 235,4 тыс. до 478,4 тыс. га, количество крестьянских хозяйств возросло с 796 до 1498. В то же время возникли проблемы с выделением земель для индивидуального и коллективного садоводства. В большинстве пригородных районов руководители колхозов и совхозов препятствовали этому, а «районные Советы народных депутатов и исполкомы

³⁵ Там же, л. 27.

³⁶ Там же, л. 34.

не проявляли должной настойчивости». Наиболее сложно реформа проходила в Ленинградской обл. Районные советы (во многом под давлением руководителей колхозов и совхозов) медленно рассматривали заявления граждан, особенно городских и из других регионов, при помощи местной печати формировали негативное отношение селян к фермерству³⁷. Можно говорить о том, что начало земельных реформ наметило раскол общества в отношении проводимых преобразований.

Агропромышленный комплекс в условиях формирования рыночных отношений. В течение трёх первых месяцев 1991 г. основное внимание правительства РСФСР концентрировалось на реализации решений второго Съезда народных депутатов, прежде всего постановлений «О программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса» и «О мерах по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям в РСФСР». Совет министров принял пакет решений, затронувших вопросы жилищного и культурно-бытового строительства, развития газификации, электро- и водоснабжения, строительства дорог на селе, материально-технического обеспечения сельскохозяйственного производства и др. Также вышли постановления «О внешнеэкономической деятельности в агропромышленном комплексе РСФСР» и «О поддержке развития крестьянских (фермерских) хозяйств, их ассоциаций, союзов и кооперативов». Последнее определило порядок формирования таких хозяйств, условия их развития и многие другие жизненно важные вопросы. Из бюджета РСФСР на их поддержку выделялся 1 млрд руб.³⁸

В целом же село в 1991 г. получило 42 млрд руб. — и это несмотря на трудности с формированием бюджета РСФСР. Кроме того, вводились льготы по налогообложению в размере 2 млрд и сокращались платежи банкам за списанные кредиты (ещё около 5 млрд). Таким образом, селу направлялось около 15% национального дохода³⁹.

К плану 1990 г. объёмы капитальных вложений составили: агропромышленный комплекс — 152,6%; отрасли, работающие на потребительский рынок (без АПК), — 198,5%; строительный комплекс — 101,1%; жилищно-коммунальное строительство и строительство объектов социальной сферы — 157% (в том числе жилищное строительство — 137%); коммунальное строительство — 389%; народное образование — 206%; здравоохранение — 357%⁴⁰.

Однако в период между одобрением Верховным советом РСФСР программы стабилизации экономики и началом её реализации произошли негативные изменения, которые не могли быть учтены при подготовке документа. Усугубился экономический кризис — нарастал хаос в экономике, развивался натуральный обмен, формировались обособленные региональные рынки. Несмотря на решения правительства о приоритетном обеспечении АПК материальными ресурсами, положение дел не улучшилось. Падение производства отмечалось практически по всем основным видам продукции машиностроения. Выпуск металлорежущих станков и тракторных косилок соответствовал уровню 1950-х гг., кузнечно-прессовых машин, электродвигателей переменного тока, грузовых вагонов, строительно-дорожной техники, тракторов — 1960–1970-х гг.⁴¹ При

³⁷ Там же, д. 1348, л. 35–36.

³⁸ Там же, д. 1340, л. 11.

³⁹ Там же, л. 8.

⁴⁰ Там же, л. 15.

⁴¹ Там же, д. 903, л. 117.

этом заводы ежегодно срывали поставки материально-технических ресурсов по выделенным лимитам; отдельные предприятия произвольно снимали с производства различные виды техники, оборудования и запасные части, необходимые для АПК (тракторные сцепки, тяжёлые дисковые бороны, культиваторы, зубовые бороны, крупорушки и мельницы малой производительности, и др.).

Таблица 5

Анализ состояния и потребность в инвестициях агропромышленного комплекса РСФСР с учётом приоритетности развития (млрд руб.)

	Потребность в основных фондах	Ожидаемое наличие основных фондов на 1 января 1991 г.	Процент обеспеченности от потребности	Ввод в действие основных фондов	Необходимо капитальных вложений на ввод основных фондов (с учётом выбытия)	В том числе на XIII пятилетку из расчёта испрашиваемых лимитов	Процент обеспеченности на конец XIII пятилетки от потребности	Необходимо капитальных вложений на потребность в основных фондах
Расчётная потребность, в том числе:	711	298	42	413	607	251	61	356
непроизводственное строительство	195	68	35	127	158	77	61	81
производственное строительство:	516	230	45	286	449	174	61	275
сельское хозяйство	350	176	50	174	298	118	68	180
дорожное строительство	85	15	13	70	78*	31	44	47
перерабатывающая промышленность	81	39	48	42	73	25	60	48

Составлено по: ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 474, л. 122.

* С учётом 8 млрд руб. на ремонт и содержание дорог.

Действующий порядок обеспечения села не учитывал его слабой производственной базы, низкого уровня энерговооружённости. Из предусмотренных «Системой машин» 1322 видов техники освоили выпуск только 600. Поставляемые машины, несмотря на постоянно растущие цены, работали от 50 до 70% нормативного срока эксплуатации, а среди поставлявшихся запасных частей каждая пятая деталь оказывалась бракованной. Дополнительно в новых условиях хозяйствования усилился диктат предприятий-поставщиков. Они завышали цены, уклонялись от заключения договоров, срывали поставки материально-технических ресурсов, выдвигали неприемлемые требования

по обмену своей продукции на продукцию АПК, выделению средств села для развития собственного производства и др.⁴² Причём незащищёнными от произвола и монополизма поставщиков оказались и крупные сельские хозяйства, и крестьянские хозяйства и их ассоциации. В результате значительной части агропредприятий приходилось сворачивать строительство, они не имели средств для приобретения техники, удобрений, смазочных материалов и т.д. Неустойчивое материально-техническое обеспечение в свою очередь отрицательно сказывалось на увеличении производства сельскохозяйственной продукции и её переработки.

Как следствие, сохраняла остроту продовольственная проблема. Закупки по РСФСР основных продуктов животноводства уже в первые месяцы 1991 г. значительно сократились по сравнению с предыдущим годом. Скота и птицы закупили на 16%, а молока — на 15% меньше. В Рязанской, Тамбовской, Калужской и ряде других областей закупки молока снизились на 30–40%. В связи с этим заметно сократилось производство мяса, цельномолочной продукции, животного масла. Производство сахара-песка из сахарной свёклы, а также маргариновой продукции упало на 23 и 14% соответственно⁴³.

В то же время падение добычи нефти и увеличение потребления газа на внутренние цели ограничило экспортные возможности и поступление валютных средств. По сравнению с соответствующим периодом 1990 г. в 1991 г. экспорт уменьшился на 9,4%, что привело к потере 0,6 млрд валютных руб. В докладе на совместном заседании президиумов Верховного совета и Совета министров РСФСР 20 марта 1991 г. Силаев сообщил, что государственные ресурсы на 1 апреля составят 3–4-кратное отклонение от нормы, «но если раньше до 70% валютной выручки от продажи валютного сырья центр расходовал на импортные нужды России, в том числе и на импорт зерна, то в 1990–1991 гг. поставка в счёт наших потребностей скатилась до незаметных величин, практически до нуля». Глава правительства настаивал, что если сегодня же не принять решительных мер, в том числе не отвоевать у центра российские валютные средства, то уже в ближайшее время нужно ждать цепную реакцию остановок производств, а пустые закрома окажутся реальной перспективой к зиме 1991–1992 гг. «Таким образом, у республики нет ни валюты, ни каких-либо стратегических резервов и денежных запасов». Вывод напоминал поговорку о том, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих: «Можно говорить о самой мизерной способности правительства в отношении реальной гарантии тем, кто окажется в этой ситуации не в состоянии самостоятельно зарабатывать себе на нормальные условия жизни. В нашем распоряжении остаётся единственный по сути дела экономический ресурс — свобода предпринимательской деятельности»⁴⁴. При этом для нормального финансового обеспечения сельскохозяйственного производства требовалась колоссальная сумма кредитов — 953 млрд руб., в том числе на пополнение оборотных средств — 803 млрд и на покрытие производственных запасов и затрат под урожай будущего года — 150 млрд⁴⁵.

⁴² Там же, оп. 4, д. 1628, л. 17, 19.

⁴³ Там же, оп. 1, д. 1340, л. 17.

⁴⁴ Там же, д. 1341, л. 5.

⁴⁵ Радугин Н.П. Аграрная реформа в России... С. 11.

Государственный бюджет РСФСР

Год	Доходы	Расходы
1990	120,9 млрд (с учётом новых условий и цен – 112,2 млрд) руб.	125,8 млрд (с учётом новых условий и цен – 192,3 млрд) руб.
1991	130,2 млрд руб.	205,6 млрд руб.
Планируемый дефицит госбюджета на 1991 г. – примерно 75,4 млрд руб.		

Составлено по: ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 470, л. 36.

Несмотря на попытки урегулирования взаимных неплатежей, многие колхозы, совхозы, крестьянские (фермерские) хозяйства не могли рассчитаться по счетам. Особенно тяжёлое положение сложилось с финансированием капитальных вложений. Средства выделялись неравномерно, со значительным опозданием и не в полном объёме. Из-за повышения цен на энергоносители многие сельские товаропроизводители не могли приобрести топливо даже для социальных объектов и жилья.

Правоприменительная практика сразу выявила основные проблемы законодательства, требовавшие срочной корректировки. Так, закон о продналоге, попав в условия российской экономики, сыграл отрицательную роль в производстве продовольствия. Это видно на примере Еврейской АО, в которой в январе 1991 г. закупки молока, мяса и некоторых продуктов по сравнению с предыдущим годом сократились на 30%, несмотря на то что дойное стадо выросло за год на 1 тыс. голов⁴⁶. Объяснялось это тем, что, пока действовали дотационные цены, перерабатывающие предприятия не принимали продукцию сверх госзаказа. Например, молоко закупалось у совхоза по 1 руб. 50 коп., продавалось по 40 коп., а недостающий рубль с копейками компенсировался из госбюджета в качестве дотации. Но если закупалась продукция сверх планки госзаказа, то дотации предприятия не получали, и молоко за 1 руб. 50 коп. принимать отказывались, а за 40 коп. им не сдавали, так как это было убыточно. Колхозы и совхозы просто прекратили сдавать молоко сверх госзаказа. Такое же положение наблюдалось с мясом и другими продуктами.

Возникли проблемы и при реализации закона о земельной реформе и крестьянском (фермерском) хозяйстве. Так, в Хабаровском крае в марте 1991 г. зарегистрировали 320 хозяйств, поступило столько же заявлений. Законы не определяли достаточно чётко, какое хозяйство считать фермерским. В результате возникали многочисленные нарушения. Например, крестьянин брал 1 га земли, регистрировал как фермерское хозяйство, получал под это ссуды и льготы по налогам, однако фактически товарной продукции не давал, поскольку на таком участке много не произведёшь. Отмечались даже случаи, когда регистрировались как фермерское хозяйство и получали полагающиеся по закону льготы личный дом и приусадебный участок⁴⁷.

В декабре 1991 г. комиссия Верховного совета РСФСР посетила с проверкой Ростовскую обл. Спад в АПК региона выразился в следующих цифрах: зерна в государственный резерв поступило на 39%, масличных культур – на 24, карто-

⁴⁶ ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 1330, л. 9.

⁴⁷ Там же.

фея — на 64, овощей — на 42, плодов и ягод — на 49, винограда — на 18% меньше, чем в предыдущем году. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 177 тыс., свиней — на 356, овец — на 202 тыс. голов. Обеспеченность скота кормами на зимовку 1991–1992 гг. составила 80%. Как следствие, закупки продуктов животноводства сократились на 7–12%. Рентабельность производства в колхозах и совхозах снизилась с 46% в 1990 г. до 32% в 1991 г. Ожидалось 46 убыточных хозяйств с общей суммой потерь 25 млн руб.

Негативное влияние оказывала и местная власть. Так, облисполком ввёл в действие временное положение «О крестьянском хозяйстве в Ростовской области», которое значительно отклонялось от законодательства РСФСР и, по мнению комиссии, нацеливалось на торможение фермерского движения. Несмотря на это в большинстве районов шла реализация законов. Появилось 1431 фермерское хозяйство, в целом они получили 53,9 тыс. га пашни. Однако фермеры жаловались, что им выделяют неудобные земли и участки неподходящих размеров. Обследование показало, что 2/3 фермеров области не имели тракторов. Сказывались и результаты продолжавшейся многие десятилетия политики советского режима, направленной на удушение личного подсобного хозяйства, — многие жители сельских районов утратили традицию приусадебного животноводства. На начало 1991 г. не имели скота 47%, коров — 73, свиней — 63, овец — 90% сельских дворов⁴⁸.

11 октября 1991 г. Верховный совет РСФСР принял закон «О плате за землю», вводимый в действие с 1 января 1992 г. — заключительный правовой акт земельной реформы. Он устанавливал платное использование земли и коренным образом менял налогообложение производителей сельскохозяйственной продукции, вводил новые ставки земельного налога в промышленности, на транспорте, других отраслях хозяйства (в том числе оборонных), а также в городах и населённых пунктах⁴⁹. 27 декабря вышел указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»⁵⁰, призванный ускорить разгосударствление, формирование новых форм хозяйств и создание широкого слоя эффективных собственников. Колхозам и совхозам предписывалось до 1 марта 1992 г. принять решение о переходе к частной, коллективно-долевой или другим формам собственности в соответствии с Земельным кодексом России. Постановление правительства от 29 декабря обязало колхозы и совхозы провести реорганизацию в соответствии с законом «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и перерегистрироваться до 1 января 1993 г.⁵¹ Все члены колхозов и работники совхозов, в том числе ушедшие на пенсию, получили право на бесплатный земельный и имущественный пай в общей долевой собственности. Размер пая устанавливался в натуральном или стоимостном выражении. Размер имущественного пая зависел от трудового вклада. Законом допускалось объединение земельного и имущественного паёв в единый с указанием его стоимости и выдачей акций или иных свидетельств собственности. Допускалась и продажа пая.

⁴⁸ Там же, д. 1449, л. 139.

⁴⁹ Там же, оп. 4, д. 1696, л. 37.

⁵⁰ Указ Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27.12.1991 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР. 1992. № 1. Ст. 53. С. 48–51.

⁵¹ Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29.12.1991 // Собрание постановлений правительства Российской Федерации. 1992. № 1–2. Ст. 9. С. 17.

Для ускорения земельных преобразований был создан Федеральный центр земельной и агропромышленной реформы, подчинённый вице-президенту А.В. Руцкому⁵². В соответствии с указом «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» в течение 1992 г. перерегистрацию прошли 42% колхозов и совхозов (43% из них решили сохранить свой статус). В ходе реорганизации появились более 300 акционерных обществ и 681 ассоциация крестьянских хозяйств. Наиболее активно процесс шёл в Челябинской, Белгородской и Саратовской областях, где переоформили документы более 80% хозяйств, а также в Якутии, Бурятии, Иркутской, Кемеровской, Амурской, Пензенской областях (65–75%). От 60 до 70% перерегистрированных хозяйств сохранили свой статус в Башкирии, Калмыкии, Иркутской, Кемеровской, Курганской областях, 73% – в Туве, 93 – в Дагестане, 97% – в Татарии⁵³.

Относительно малые масштабы выхода из колхозов и совхозов нередко объяснялись противодействием руководства этих предприятий и местной администрации, а также недостаточностью материальной поддержки. Но не менее важными оказались отсутствие у подавляющего большинства селян желания изменить ставший привычным уклад жизни и боязнь потерять социальные льготы, которые предоставляли колхозы и совхозы⁵⁴. В обстановке нарастающего недовольства населения правительству пришлось позволить сельхозпредприятиям сохранять прежние формы. Волна протестов заставила пересмотреть утверждённые сроки и даже разрешить колхозам и совхозам по желанию трудовых коллективов сохранить свой правовой статус до следующей зимы.

Формирование крестьянских (фермерских) хозяйств в 1992–1993 гг. В представлении реформаторов начала 1990-х гг., а под их влиянием – и у большинства населения существовало убеждение, что стоит «разогнать» колхозы и совхозы и «отдать землю мужику», как на ней тут же появится справный хозяин, который накормит всю страну. Сводки о количестве новоявленных фермерских хозяйств в 1990-х гг. напоминали победные реляции о создании новых колхозов в 1930-х гг. Общее число частных хозяйств к 1 ноября 1992 г. достигло 161,7 тыс. с 6,8 млн га земли. В среднем на хозяйство приходилось по 42 га⁵⁵. К 1993 г. их стало уже около 180 тыс. общей площадью 7,5 млн га⁵⁶. В 1992 г. фермеры продали государству 0,5 млн т зерна (2,2% к закупкам во всех категориях хозяйств), 10,9 тыс. т картофеля (0,5%), 16,8 тыс. т овощей (0,8%), 17 тыс. т скота и птицы (0,3%), 60 тыс. т молока (0,3%). По данным Госкомстата, фермеры дали 2–2,5% общего производства продукции сельского хозяйства. Наибольшее развитие движение получило в Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Курганской, Челябинской, Сахалинской областях, Краснодарском крае, Калмыкии и Бурятии. Посевы сельскохозяйственных культур в фермерских хозяйствах возросли с 321 тыс. га в 1991 г. до 2,4 млн в 1992 г. Две трети посевов занимали зерновые культуры, 18% – кормовые, 11% – технические, 3% – овощебахчевые и картофель⁵⁷. Во многих регионах выращенный фермерами урожай зерновых использовался главным образом на внутрихозяйственное потребление, фуражные цели.

⁵² *Роголина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. С. 196.

⁵³ О ходе аграрной реформы и состоянии сельского хозяйства Российской Федерации (экономический обзор Госкомстата России) // АПК: экономика, управление. 1993. № 2. С. 7.

⁵⁴ *Шмелёв Г.И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России... С. 230.

⁵⁵ О ходе аграрной реформы и состоянии сельского хозяйства... С. 7.

⁵⁶ *Комов Н.* Земельные отношения и земельная реформа в России... С. 21.

⁵⁷ О ходе аграрной реформы и состоянии сельского хозяйства... С. 8.

Товарным производством зерна занимались крупные хозяйства Поволжья, Северного Кавказа, Южной Сибири.

На результаты деятельности сельскохозяйственных предприятий негативное влияние оказывали «ножницы цен». Данные проведенного Госкомстатом обследования 10% колхозов и совхозов показали, что цены на проданную ими сельскохозяйственную продукцию за январь–сентябрь 1992 г. выросли в 8,1 раза, а на приобретённую промышленную продукцию и услуги — в 11,4 (в том числе на промышленную продукцию — в 12,1). Следует отметить, что оптовые цены на промышленную продукцию для сельского хозяйства выросли ещё больше — в 13,6 раза⁵⁸.

Материально-техническое обеспечение фермерских хозяйств по состоянию на 1 июля 1992 г. оставалось одним из больных вопросов и в их становлении и развитии. Фермерам приходилось идти по пути кооперации, совместного приобретения и использования техники. Ограниченность финансовых средств, повышение цен на корма и молодняк скота сдерживали развитие животноводства. К 1 июля 1992 г. на одно крестьянское хозяйство в среднем приходилось не более 4 голов крупного рогатого скота, по насыщенности скотом на единицу площади они в 2–3 раза уступали колхозам и совхозам. В плохом состоянии находились животноводческие помещения, почти 40% хозяйств не имели нормальных подъездных дорог, более половины не были обеспечены водопроводом, треть — электроэнергией. По результатам опроса четверо из каждых пяти фермеров главным тормозом в развитии хозяйства называли высокие цены на технику и строительные материалы, 2/3 испытывали недостаток специальной техники, семян, удобрений и др., почти половина отметила трудности с получением кредитов и высокие процентные ставки. Каждый второй респондент не был уверен в долговременном характере аграрных реформ. В результате одновременно с образованием новых хозяйств шёл процесс отказа от земли и прекращения хозяйственной деятельности. С начала 1992 г. распалось 3,3 тыс. фермерств⁵⁹.

Сказывалась и психологическая обстановка, о которой поведал глава Котовской районной администрации Волгоградской обл. В. Ситников. Колхозная система за десятки лет существования превратила селянина из хозяина в подёнщика. Колхозные батраки жили «день до вечера», равнодушные к результатам своего труда. Даже то, что ежегодно собирали с полей 16 колхозов района, представляло собой не столько плоды труда счастливого коллектива, сколько усилия двух десятков самоотверженных мужиков в каждом хозяйстве, в которых система не смогла убить трудолюбие. Но когда пришла пора делить земельные и финансовые пай, к общей кормушке потянулись все, в первую очередь «самые ленивые», а также пенсионеры, отдавшие колхозу жизнь, сельская интеллигенция, инвалиды. Раздавали всем поровну. Результат не заставил себя ждать: в 1992 г. перед выходом на посевную выяснилось, что землю, разделённую на пай по 23 га на каждого, некому обрабатывать. «Сейчас вот без революции, без крови землю дают. Берите! А сил уже нет», — говорил в январе 1991 г. старик с хутора Дорошево⁶⁰.

В то же время в 1990-х гг. в целях самообеспечения населения продовольствием росло мелкое индивидуальное производство. Так, если в 1927 г. на тер-

⁵⁸ Цены и финансы (экономический обзор Госкомстата России) // АПК: экономика, управление. 1993. № 2. С. 57.

⁵⁹ О ходе аграрной реформы и состоянии сельского хозяйства... С. 9.

⁶⁰ Черкасов В. «Сникерс» не утолит аппетита крестьян // Российская газета. 1996. 12 марта. С. 3.

ритории России насчитывалось 17 млн крестьянских хозяйств, то по данным на 1999 г. число личных подсобных хозяйств составляло 34,7 млн. Но если в конце 1920-х гг. крестьянские хозяйства давали почти 100% сельскохозяйственной продукции, то ЛПХ конца 1990-х — лишь 57,2% (в основном картофель, овощи, мясомолочные продукты). Такое «окрестьянивание» являлось свидетельством очередного сельскохозяйственного упадка. Нельзя не согласиться с В.П. Даниловым, полагавшим, что аграрная реформа должна обеспечить не возвращение к мелкому крестьянскому хозяйству, по сути натурально-потребительскому, а движение к современным формам крупного производства, способного к развитию и приспособлению к меняющимся экономическим условиям⁶¹.

1 марта 1993 г. на заседании президиума Верховного совета РСФСР с докладом о положении сельского хозяйства в Костромской обл. выступил глава облсовета Р.А. Карташов. Область в значительной степени являлась аграрной, за предыдущее пятилетие в ней удалось сформировать крупный экономический потенциал, в результате чего прекратился отток населения. К 1993 г. практически завершилась реорганизация колхозов и совхозов, в четыре раза увеличилось количество фермерских хозяйств. Заметное развитие получило личное подворье. Почти 70% семей в сельской местности имели скот, всем желающим выделялись земельные участки⁶².

Но всего за 2–3 последних года состояние сельского хозяйства области «скатилось, по существу, на 20 лет назад». Традиционно одним из ведущих его направлений являлось льноводство, обеспечивавшее сырьём всю местную текстильную промышленность. Из-за резкого снижения рентабельности отрасль, в которой были заняты 15 тыс. человек, пришла в упадок: ухудшилась работа предприятий, а люди оказались на грани безработицы. Снижалось производство и в животноводстве, которое впервые оказалось убыточным. Крайне сложной оставалась обстановка с подготовкой к весеннему севу: колхозы, совхозы и крестьянские хозяйства не имели средств для закупки запасных частей, семян, удобрений. Из-за недостатка сырья объём производства в пищевой и перерабатывающей промышленности уменьшился на 20%, многие предприятия балансировали на грани закрытия. Разрыв цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию (для первой они возросли в 6,8 раза, а для второй — в 24,5⁶³), взаимные неплатежи, односторонняя предоплата товаропроизводителей села за материально-технические ресурсы поставили в тяжелейшие условия всю хозяйственную деятельность. Так, для покупки одного трактора «Беларусь» требовалось реализовать 60 бычков весом по 400–460 кг, а чтобы вырастить их необходимо было два года.

Ситуация, в которой оказалась Костромская обл., типична для России тех лет. Многие сельскохозяйственные производители стали неплатёжеспособными, кредиторская задолженность по АПК составляла более 2 млрд руб. Сельским производителям приходилось покрывать затраты кредитами, которые только в 1992 г. составили 406 млн руб. Однако потребности производства эти ссуды не обеспечивали, что в итоге привело к острому недостатку оборотных средств. Только для проведения весеннего сева и закупки горючего, семян, удобрений, запасных частей требовалось 3,5 млрд руб. Таких средств у колхозов и совхозов не было⁶⁴.

⁶¹ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Ч. 2. С. 647.

⁶² ГА РФ, ф. 10026, оп. 1, д. 1604, л. 8.

⁶³ Там же, л. 8–10.

⁶⁴ Там же, л. 10.

Результатом первого года радикальных реформ стало понижение национального дохода. В первом квартале 1993 г. в сравнении с аналогичным периодом 1992 г. он уменьшился на 19%. Вслед за промышленностью началось сокращение производства сельскохозяйственной продукции, особенно в животноводстве. Производство мяса за три года (1990–1993) снизилось на 42,8%, молока — на 37,1, яиц — на 21,5%⁶⁵. Быстрыми темпами сокращались закупки продукции, что объяснялось диспаритетом цен и разрывом хозяйственных связей вследствие распада СССР. Так, советское тракторное и сельскохозяйственное машиностроение представляло собой единый, сложно устроенный комплекс, состоявший из примерно 400 предприятий, 250 из которых находились за пределами РСФСР. Из союзных республик поставлялось 1455 наименований комплектующих агрегатов и узлов, большое количество стального, чугунного и цветного литья, горячих штамповок и т.д.⁶⁶ Потеря почти двух третей предприятий резко осложнила положение с техническим обеспечением. Также за пределами России оказались 53 из 86 головных НИИ⁶⁷. В стране отсутствовали научные кадры в хлебопекарной, плодоовощной, кондитерской и сахарной промышленности, специалисты по оснащению для розлива пищевых жидкостей и т.д. На этом фоне возникали стихийные и не всегда оправданные тенденции к перепрофилированию предприятий. В результате утрачивался накопленный производственный и научно-технический потенциал. Всё это прямо отразилось на социальной сфере. Сократилось количество предприятий бытового обслуживания, аптеки, медпункты, детские сады. 60% жилья не имели коммунального обустройства, в большинстве сельских мест отсутствовало надёжное транспортное сообщение, сворачивалось строительство. Как следствие, проблемы сельского хозяйства не просто не разрешились, но усугубились.

Можно выделить несколько основных причин столь плачевного хода событий. Во-первых, при планировании реформ предполагалась мощная финансовая поддержка государства. Для создания личных хозяйств намечалось выделить 35–36 млн га земли, что позволило бы довести их численность до 1 млн. Но нарастающий дефицит бюджета привёл к уменьшению инвестиций. Капитальные вложения в АПК уменьшились с 1990 по 1997 г. (в сметных ценах 1991 г.) в 17,2 раза, в том числе в сельское хозяйство — в 21,9 раза. Удельный вес вложений в АПК в общем объёме инвестиций сократился за тот же период с 28 до 7,7%⁶⁸. В результате поддержать фермерское движение не удалось, к осени 1992 г. насчитывалось немногим более 160 тыс. таких хозяйств⁶⁹.

Но проблема заключалась не только в финансовой стороне вопроса. Фермеры — особый класс сельских производителей-собственников: хорошо подготовленные, образованные, умеющие обращаться с компьютерами специалисты. Это необходимое условие радикального повышения производительности труда, внедрения новых технологий, оборудования и методов ведения хозяйства. Однако рабочая сила на многих фермах состояла в основном из лиц пожилого возраста, которые за десятилетия колхозно-совхозного строя превратились в узкоспециализированных сельскохозяйственных рабочих крупного производства. Выполнить весь цикл необходимых работ на современном профессио-

⁶⁵ Никонов А.А. Социально-экономические проблемы аграрной реформы... С. 11.

⁶⁶ Шмелёв Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения... С. 230.

⁶⁷ Радугин Н.П. Аграрная реформа в России... С. 9.

⁶⁸ Шмелёв Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения... С. 222.

⁶⁹ О ходе аграрной реформы и состоянии сельского хозяйства... С. 9.

нальном уровне силами одной семьи они в массе своей оказались неспособны. Более того, к немалому удивлению реформаторов, крестьяне не только не воспользовались правом выхода из колхозов с землёй и хозяйственным инвентарём, но, напротив, оказали сопротивление разрушению коллективного хозяйства, увидев в этом, по мнению Данилова, «полное и окончательное раскрестьянивание»⁷⁰.

Не меньшее значение имело то, что аграрные преобразования начались спонтанно, без правовой, организационной и экономической подготовки. Переход от одной системы хозяйствования к другой требует относительно продолжительного времени, а в сельском хозяйстве — особенно. Но это условие не вписывалось в программу «шоковой терапии». Усугубили положение отсутствие концепции развития реформы и её чрезмерная политизация. На ход дел повлияла и общая кризисная ситуация в стране, вызванная поспешным переходом к рыночным отношениям и приведшая к росту инфляции, падению производства и проч.

Вместе с тем следует отметить, что реформа дала и положительные результаты. Земля превратилась в ценный капитал, который привлёк внимание представителей нового поколения предпринимателей. Интерес к организации частных форм хозяйства проявили специалисты и руководители колхозов и совхозов, которые и провели основную приватизацию сельскохозяйственного производства. В традиционно аграрных регионах, особенно на юге России, активно развивались компании, возникшие на базе колхозов и совхозов. Они превратились в агропромышленные холдинги с миллиардными активами. Созданная в 1992 г. С. Кисловым компания «Юг Руси» вначале занималась производством и экспортом муки, а в 1999 г. запустила маслодобывающий завод мощностью 1 тыс. т в сутки⁷¹. История группы компаний «Светлый» начиналась в одноимённом совхозе на севере Ростовской обл., обрабатывавшем 6500 га земли. В 1993 г. на его базе появилось товарищество, преобразованное в 1998 г. в кооператив. В настоящее время группа обрабатывает более 184 тыс. га пашни, расположенной в пяти районах области⁷². В начале 1990-х гг. возник «Агрокомплекс» им. Н.И. Ткачёва, принадлежащий ныне семье бывшего губернатора Краснодарского края и министра сельского хозяйства РФ А.Н. Ткачёва. Строить семейный бизнес начал ещё его отец, возглавлявший комбикормовый завод в станице Выселки. После приватизации контрольный пакет акций завода оказался в руках будущего министра и членов его семьи, на базе завода в 1993 г. создан «Агрокомплекс». По данным на 2019 г. в его составе насчитывалось 60 предприятий, занимающихся растениеводством, производством кормов, мясным и молочным животноводством, садоводством, переработкой продукции сельского хозяйства⁷³.

Позитивная отдача от реформ, таким образом, начала проявляться только к концу 1990-х гг. Главным их итогом стало превращение России в самодостаточную в плане продовольственного самообеспечения страну.

⁷⁰ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Ч. 1. С. 801.

⁷¹ Хозяева земли русской: 20 самых дорогих землевладений России. Рейтинг Forbes (URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/378069-hozyaeva-zemli-russkoy-20-samyh-dorogih-zemlevladiy-rossii-reyting>); Семья Александра Ткачёва собрала земли на \$1 млрд (URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/378017-semya-aleksandra-tkacheva-sobrala-zemli-na-1-mlrd>).

⁷² Официальный сайт компании ГК Светлый (URL: <http://gk-svetlyi.ru/>).

⁷³ Хозяева земли русской...

Дмитрий Хитров

Рец. на: Л.Г. Степанова. Природа и благосостояние: освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее Новое время. СПб.: Алетейя, 2021. 632 с.

Dmitriy Khitrov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: L.G. Stepanova. Priroda i blagosostoyaniye: osvoeniye okruzhayushchey sredy russkim krest'yaninom v epokhu Srednevekov'ya i rannee Novoe vremya. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23010145, EDN: PPSNSO

Вопрос о воздействии природы на общество является одним из самых старых в общественных науках, и традиция его обсуждения восходит к французскому Просвещению XVIII в. В современной западноевропейской и американской науке сложилось заметное направление так называемой истории окружающей среды, или экологической истории, как это понятие часто переводят на русский (*environmental history*). В рамках данного научного течения особое внимание уделяется вопросам использования природных ресурсов (земельных, водных, лесных, рыбных и проч.), а также влиянию этих процессов на состояние природной среды. Одновременно изучается и обратное влияние: выработка механизмов использования природных богатств (например, его правовое регулирование), а также реакции обществ на катаклизмы вроде наводнений или засух. В рамках этого подхода история обществ предстаёт как история поиска людьми «устойчивых» или «самодостаточных» моделей существования, когда ресурсы не расходуются или возобновляются, а само общественное развитие не оказывает на окружающую среду разрушающего воздействия.

В отечественной историографии сложилась традиция изучения воздействия природы на общество, берущая начало с трудов С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, но общий подход к этой проблеме был отличным от сложившегося в зарубежной историографии, ориентированным на исследование воздействия природы на процессы колонизации и, шире, на те ограничения, которые ставила природа развитию крестьянского хозяйства. В советской литературе вопрос о влиянии природно-климатического фактора на общественное развитие практически не рассматривался, поскольку не находил удовлетворительного объяснения в рамках жёстких марксистских схем.

Во второй половине 1990-х гг. Л.В. Милов предложил концепцию истории России раннего Нового времени как общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта¹. Учёный показал, что влияние природы на аграрное общество, сформировавшееся в зоне рискованного (и даже экстремального) земледелия, не сводилось к формированию локальных особенностей хозяйства и общественных отношений. Такое общество должно было выработать

мощные институты, позволявшие компенсировать постоянное, крайне негативное воздействие природных факторов. Положения Милова вызвали дискуссию в науке. Его концепция принята многими специалистами и успешно работает для объяснения целого ряда конкретных сюжетов (работы М.Б. Булгакова, А.А. Горского, Н.В. Козловой, Е.Н. Швейковской). В то же время центральный сюжет в концепции учёного, связанный с использованием природных ресурсов, исследован явно недостаточно, и работа Л.Г. Степановой, продолжающей традиции Милова, является важным шагом в этом направлении.

Поставив цель комплексно изучить крестьянское хозяйство как социально-экономический организм, проанализировать его развитие и хозяйственное положение в зависимости от влияния окружающей среды (с. 15) на масштабном временном отрезке «от эпохи Средневековья, когда в Русском государстве появляются писцовые и переписные книги, до Нового времени, когда в Российской империи Екатериной II проводится Генеральное межевание земель», Степанова вступила на поле, на сегодняшний день остающееся почти не затронутым исследованиями. Это видно по обширному «проблемно-историографическому очерку», составляющему первую главу монографии. Если в области демографической истории и истории сельскохозяйственного производства отечественной наукой достигнуты значительные результаты, то природный фактор в советской литературе затрагивался в первую очередь географами; немногочисленные западные работы основаны преимущественно на позднем материале второй половины XIX — XX в., и лишь в последние два десятилетия под влиянием работ Милова стали появляться исследования по более раннему периоду.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники организованы таким образом, что изучение воздействия природных факторов на общественное развитие затруднено. Не секрет, что исследование социально-экономической истории России XVII—XVIII вв. основано прежде всего на материалах государственного делопроизводства, в особенности на документах, связанных с учётом населения (переписные книги и ревизии), и земельных кадастрах (писцовые книги и Экономические примечания к Генеральному межеванию). Эти документы, возникновение которых связано прежде всего с задачами учёта подданных и их обложения налогами и повинностями, отличаются высоким качеством даже по европейским меркам (не говоря о мире за пределами Европы, где подобные им системы учёта населения и хозяйства отсутствовали вплоть до XIX в.). В то же время возможности государства были ограничены из-за отсутствия развитого и многочисленного аппарата на местах (что, в свою очередь, явилось прямым следствием общей низкой продуктивности сельского хозяйства и малочисленности неземледельческой части населения). Описания проводились редко, требовали большого напряжения сил, и невозможно было систематически отследить ни постоянно колеблющиеся урожаи, ни, тем более, всю сложную и разнообразную деятельность крестьян. Поэтому как фискальный, так и «общеэкономический» интерес государства фокусировался на фиксации основных, очень медленно менявшихся параметров общественного развития: населения и земли. Таким образом, источниковая база оказывается в высшей степени статичной, в то время как предмет исследования требует рассмотрения в динамике.

Стоит отметить, что государство, организуя этот учёт преимущественно

но для контроля за соответствующими сферами жизни общества и возложения налогов, параллельно имело в виду цели более общего порядка, так сказать, «изучения производительных сил». Именно поэтому писцы и переписчики, организаторы ревизий и землемеры Генерального межевания собирали огромное количество сведений, которые не имели прямого применения с точки зрения функционирования государственной машины: возраст людей в переписных книгах и ревизских сказках, сенокосы и перелогы в писцовых книгах и др. Особенной обширностью отличалась программа описания, сопутствовавшего проведению Генерального межевания. Она включала в себя помимо вычисления размеров различных угодий множество сведений о природной среде: оценку характера почвы и урожайности различных культур, видовой состав лесов, перечни известных в данной местности диких зверей, птиц и рыб. Все эти материалы недооценены в отечественной историографии и лишь в последние годы стали привлекать внимание исследователей. Их подробная характеристика даётся во второй главе книги Степановой.

Исследование основано на обширном материале РГАДА, дополнено документами из других федеральных и региональных архивов. В центре внимания автора — территория Новгородской земли, по которой, с одной стороны, сохранился масштабный и очень ранний комплекс писцовых описаний, а с другой — имеются материалы Генерального межевания. Помимо них Степанова привлекает широкий круг других памятных документов, вводит в научный оборот выявленные ею черновики Экономических примечаний, полевые записки землемеров, спорные и мелочные дела (с. 70—128).

Третья глава показывает, как на протяжении исследуемого периода

менялись заселённость новгородских земель, типы поселений, размеры крестьянского двора и его трудовые ресурсы. Исследуя эти традиционные для отечественной историографии сюжеты, Степанова на новгородских материалах подтверждает наблюдение о постепенном увеличении размера двора в течение XVII—XVIII вв. (с. 217).

Четвёртая глава посвящена пашенным землям и оценкам их качества в источниках. В ней также разбирается вопрос о том, как были связаны с природными условиями система расселения и демография в северо-западных губерниях России. Вопрос о влиянии качества почв на крестьянское хозяйство ставился во множестве общих работ, но никогда ранее не был предметом специального исследования, основанного на массовых источниках. Как писцы, так и межевщики отмечали качество почв, но делали это по-разному. Если для писцовых описаний важна была общая оценка плодородия — земля делилась на «добрую», «среднюю» и «худую», причём от этой оценки зависел объём обложения, — то в материалах Генерального межевания фиксировался характер почвы («иловатая», «серопесчаная» и т.п.), а также сообщалось, какие посевные культуры на этой почве рождаются хорошо, посредственно или плохо. Сопоставительный анализ этих данных показал, что оценки XVI и XVIII вв. не всегда совпадают, причём в разных районах писцы склонны были высоко оценивать разные по характеру типы земли (с. 260—300). Это сопоставление дополнено ещё одним важным рядом данных — материалами почвенных описаний XIX — начала XX в., позволяющих точнее интерпретировать характеристики, оставленные наблюдателями XVIII в. Наконец, полученная картина соотнесена Степановой с самыми ранними имеющи-

мися материалами — писцовыми книгами конца XVI — начала XVII в., где использовалась обожная система налогообложения, основанная на оценке урожайности земель (с. 333—362). Мозаичная картина, складывающаяся из сделанных наблюдений, показывает, насколько сложной была адаптация крестьянского хозяйства к природным условиям: один и тот же тип почв в зависимости от сугубо местных обстоятельств и условий (например, от уровня увлажнения) мог восприниматься и как ценнейшая пашенная земля, и как бесперспективная, малоценная залежь.

В пятой главе автор обращает внимание на соотношение активно вовлечённых в хозяйственный оборот и неосвоенных земель (с. 363—381). Вычисления на основе статистики Генерального межевания показывают, что даже в конце XVIII в. крестьянин Новгородской земли жил в окружении лесов и болот. Эта ситуация нехарактерна для Западной Европы, где уже в Средневековье леса активно использовались, а крупные массивы по-настоящему «диких» лесов являлись большой редкостью. Вероятно, дальнейшие исследования выявят и значительные отличия в характере лесопользования в районах Нечерноземья и Центрального Черноземья. Особо стоит отметить анализ упоминаний в Экономических примечаниях зверей, птиц и рыб. Эти уникальные материалы позволили автору оценить дополнительные возможности, предоставляемые крестьянскому хозяйству охотой и рыболовством, и сопоставить картину распространения различных биологических видов с современными данными (с. 381—428).

В шестой, завершающей главе Степанова, исходя из сделанных на-

блюдений, предприняла попытку оценить общий уровень благосостояния крестьянского хозяйства, построить его приблизительный хлебный бюджет в разные века. Этот сюжет давно исследуется автором, ему посвящена значительная часть её кандидатской диссертации, написанной на материалах писцовых книг. Сейчас, когда её наблюдения дополнены данными XVIII и XIX вв., можно уверенно говорить, что речь идёт о постоянном, системном воздействии природно-климатического фактора на возможности крестьянского хозяйства: из приведённых расчётов видно, что даже в конце XVIII в. при урожайности сам-3 (которая далеко не всегда была такой) «в большинстве новгородских пятин сохранялся дефицит бюджета при поступлении доходов только от хлебопашества и животноводства» (с. 449—473).

Работа Л.Г. Степановой является по-настоящему новаторской, в ней впервые поставлены многие вопросы, важные для понимания ключевых процессов социально-экономической истории России раннего Нового времени. Ещё большее значение имеют предложенные ею подходы к источникам, позволяющие увидеть в них масштабные пласты новой информации, на которые исследователи ранее не обращали внимания. Несомненно, что в будущем, с развитием этого важного направления в отечественной науке, сделанные наблюдения станут важной частью общей картины взаимодействия природы и общества.

Примечание

¹ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2008.

Наталья Козлова

Рец. на: «Помышляя о чаше смертном...»: семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII – середина XIX в.). Тексты и комментарии / Сост. Н.А. Четырина. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 791 с., ил.

Nataliya Kozlova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: «Pomyshlyaya o chase smertnom...»: semeyno-pravovyye akty v dokumentah ratushi Sergievskogo posada (poslednyaya chetvert' XVIII – seredina XIX v.). Teksty i kommentarii / Sost. N.A. Chetyrina. Moscow, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X23010157, EDN: PPTAUM

Опыт изучения документов отдельных местных учреждений провинциальных городов России XVIII в. показал эффективность их использования для изучения локальной и персональной истории, истории повседневности, семьи и социальной истории в современном её прочтении¹. Открывающиеся в связи с этим перспективы делают актуальными издание комплексов подобных документов. Значение таких публикаций ещё более возрастает применительно к источникам, чья ценность хорошо известна (особенно в свете применения современных методов исторической антропологии). За последние два десятилетия в научный оборот были введены более 1200 семейно-правовых актов дворян, купцов, священно- и церковнослужителей, канцеляристов, лекарей, аптекарей Москвы XVIII в., их жён и вдов². В 2022 г. издано 95 семейно-правовых записей первой четверти XVIII в., сохранившихся в крепостных книгах Твери³.

Публикация кандидатом исторических наук доцентом МГУ им. М.В. Ломоносова Натальей Аркадьевной Четыриной 402 духовных завещаний, рядных и иных внутрисемейных соглашений, оформленных в последней четверти XVIII – середине XIX в.

жителями Сергиева посада (с 1782 г.), открывает широкие перспективы для сравнительного изучения вопросов семейной тематики и самых разных сторон социальной жизни в целом. Автор-составитель более 40 лет занимается изучением истории этого подмосковного поселения около Троице-Сергиевой лавры. Ею опубликовано свыше 100 работ по истории, управлению, демографии, хозяйственной и повседневной жизни, художественным промыслам Сергиева посада и его жителей в XVIII–XIX вв., в том числе монографии и научные публикации источников⁴. Вполне закономерно, что именно Н.А. Четырина обратилась к выявлению в документах городской ратуши записей семейно-правовых актов за весь период её существования (1782–1866). Можно сказать, что решение этой непростой задачи было по силам только такому знатоку местных архивных фондов ЦГА Москвы⁵. Введение в научный оборот нового крупного комплекса этого исключительно ценного исторического источника является заметным событием в современной научной жизни.

Во вводном разделе книги содержится общая характеристика публикуемых семейно-правовых актов жителей Сергиева посада последней

четверти XVIII — середины XIX в. Там же изложены условия их возникновения, показана процедура оформления и фиксации в различных видах делопроизводственной документации ратуши, представлена информация о численности, структурных особенностях и содержании духовных завещаний, отдельных и иных внутрисемейных соглашений.

В ходе решения разнообразных хозяйственных, бытовых, семейных и личных вопросов составлялись многочисленные документы. Все они, где бы ни писались, дома или в ратуше, проходили процедуру освидетельствования подлинности и регистрации. Это предполагало многократное письменное воспроизведение текста акта в различных книгах: журналах и протоколах, книге записи условий и контрактов или книгах записи духовных и отдельных актов. Данное обстоятельство позволило автору-составителю восполнять отсутствие одного из типов источников за счёт обращения к другим (в частности, утрата книг записи духовных и отдельных актов за 1848 г. компенсирована привлечением протоколов ратуши этого года). Основной массив документов для публикации извлечён из книг записи духовных и отдельных актов (277 документов, среди них 250 духовных завещаний, 26 отдельных актов и одна рядная-сговорная), а также из книг записи условий контрактов (68 документов, в том числе 15 завещаний и 53 рядных). Именно в этих двух видах аналогов маклерских книг сохранились заверенные копии, слово в слово воспроизводящие текст подлинного документа, а также все делопроизводственные пометы, надписи и подписи, сделанные в процессе его освидетельствования. Особенно подробно процедура подтверждения подлинности документа излагалась в явочной записи. В ней же содержались отсылки к ста-

тям Городового положения 1785 г., Свода законов Российской империи (с указанием года издания) и к другим законодательным нормам, определявшим права наследования и распоряжения благоприобретённым имением, порядка написания и утверждения духовных завещаний.

Всего в публикацию вошли 299 духовных завещаний и 103 отдельных, дарственных и иных внутрисемейных соглашений в основном жителей Сергиева посада. Единичные документы относятся к семьям дворян и иностранцев. 10 завещаний написаны семейными парами, братьями с сёстрами, матерью с детьми.

Когда завещание писалось заблаговременно, изменение состава семьи, её имущественного и хозяйственного положения, различные жизненные обстоятельства, а то и просто упущенные ранее важные детали вынуждали вносить в уже зарегистрированный текст изменения, причём неоднократно. Например, мещанин С.Я. Балашов написал три завещания — два в 1850 г. с интервалом в месяц (№ 170, 174) и третье в 1865 г. (№ 296). Текст второго завещания воспроизводил сделанные ранее распоряжения относительно имевшейся у него каменной лавки, передаваемой после смерти сыну при условии ежегодной выдачи дочери-девице пожизненно по 15 руб. в год. В дополнение к первому завещанию Балашов внёс уточнение на случай бездетной смерти сына. При такой ситуации лавка подлежала разделу между тремя дочерьми, одна из которых в момент написания завещания была девицей, а две замужем. И, наконец, третье завещание, составленное спустя 15 лет, касалось наследования деревянного дома с железной крышей, дворовых строений и движимого имущества. Всё это передавалось «2-го брака» жене, а сыну запрещалось вступать в её наследство. Последнее

завещание, продиктованное Балашовым накануне смерти, содержит новые сведения о приходской принадлежности двора, об обстоятельствах его приобретения в 1836 г., размере и стоимости. Представители большого рода Балашовых были активными участниками лавочной и отъезжей торговли, являлись поставщиками продуктов и товаров в Лавру, играли заметную роль в общественной жизни посада. Содержащиеся в духовной подробности относительно имущественного и хозяйственного положения завещателя, состава его семьи и внутрисемейных отношений вносят важные детали в социальный портрет семьи, придавая ему дополнительные краски.

По отдельным фамилиям Четыриной удалось выявить целые комплексы документов (до 13 записей). Как правило, такие семейные документальные комплексы включали разнообразные записи, относящиеся к той или иной фамилии в нескольких поколениях⁶. В их числе известные в среде местных купцов и мещан фамилии Коптелиных, Ерофеевых, Бурдуновых, Шапошниковых, Тарбинских, Мамаевых, Толченых, Лавровых и др. В ряде случаев несколько однотипных документов относились к представителям двух-трёх поколений одной семьи или разных ветвей одного рода, в других — различные по видам документов были составлены одним лицом.

В духовных завещаниях, отдельных записях, «уверительных», уступных письмах и других соглашениях запечатлены различные события внутрисемейной, частной и личной жизни купцов и мещан, священно- и церковнослужителей, чиновников и канцеляристов, крестьян и разночинцев посада в нескольких поколениях. Их комплексное изучение позволяет проследить матримониальные связи, выяснить устойчивость социального статуса и имущественного

положения отдельных лиц и семей, уточнить их генеалогию, понять происхождение передаваемого по наследству имущества и бизнеса, условия его сохранения и роли семейных связей в развитии предпринимательской деятельности. В совокупности они свидетельствуют о развитости в городской среде сферы частноправовых отношений и обычности её использования в повседневных практиках. Складывается впечатление, что буквально любое проявление межличностных отношений, особенно если оно выходило за рамки общепринятой нормы, официально оформлялось, не вызывая возражения ратуши, бесстрастно утверждавшей любой документ, запрет на который не предусматривался законом.

Разнообразие причин их составления отражалось не только в содержании, но и в названиях зарегистрированных документов. Среди них встречаем «условие», «раздельный акт», «верющее / уверительное / поступное / договорное письмо», «обязательство», «полюбовное условие», «свидетельство», «подписка» и др. Например, двумя уверительными письмами 1808 и 1812 гг. купец И.А. Коптелин не только подтвердил факт уплаты сыновьями денег по своим векселям, но и оговорил в дальнейшем обязанности детей по содержанию его с женой (№ 328, 339). В 1842 г. мещанин Сергей Ильин и его три сына заключили между собой «условие» об отпуске из дома старшего брата Ивана, «куда ему за благорассудится», обязуясь впредь его «ни к какой повинности не тревожить и ничем совершенно не притеснять». Речь шла об освобождении брата от участия в совместных платежах государственных податей («а платить ему... подати токмо за себя») и «ото всех домашних повинностей» («и на пропитание никому и нисколько с него... не требовать»). Освободиться от до-

машней кабалы Ивану удалось лишь выплатив отцу и братьям наличными деньгами отступную сумму в 142 руб. 85 коп. серебром (№ 364). Это «условие» мало похоже на рядную, какими оформляли выделение сына из отцовского дома. В данном случае старший сын не только ничего не получал, но и сам заплатил, чтобы впредь не нести груз общесемейных платежей. Из текста документа не «читается» возможная его предыстория, что не позволяет оценить данное «условие» как продолжение ранее произведённого раздела.

Ряд документов определял судьбу малолетних детей. В одном случае в 1788 г. удовлетворялось прошение деда об отдаче ему на содержание и воспитание двоих малолетних внуков, оставшихся без пропитания после того, как отец их за казнённые и общественные недоимки был взят под стражу и находился под арестом более пяти месяцев (№ 304). В другом эпизоде, напротив, некий сергиевский мещанин сам отдал трёхлетнего сына дмитровскому мещанину для причисления его при новой ревизии к его семье и «воспитания вместо сына» (№ 321). Так же в 1808 г. поступила и мещанская жена Катерина, спустя год после повторного брака отдав свою 9-летнюю дочь, оставшуюся после первого умершего мужа, «в вечное и потомственное содержание... как настоящей матерней долг позволяет» мещанской жене Наталье (№ 329). За этими сухими бюрократическими текстами стоят реальные люди, их судьбы, вписанные в контекст конкретного эпизода социальной жизни с её радостями и горестями, обретениями и потерями.

Произошедшее в последней четверти XVIII — середине XIX в. становление правовой системы России отразилось на эволюции социальных институтов. Создание в 1770—1780-х гг. новых органов городского самоуправления и разработ-

ка правовых основ института опеки по «Учреждению о губерниях», функционирование городского сиротского суда, состоявшего при городском магистрате и занимавшегося опекунскими делами «купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот», обеспечили организацию и контроль за имуществом, содержанием и воспитанием детей, оставшихся без родителей. Это привело к сокращению обязанностей душеприказчиков. И если в первой половине XVIII в. они встречаются в большинстве завещаний, то в публикуемых документах о душеприказчиках говорится редко. Вопросы наследования имущества, опеки над малолетними детьми-сиротами регулировались законом и контролировались соответствующими учреждениями.

Уже в законодательных установлениях петровского времени духовные стали восприниматься как разновидности частноправовых актов. Однако содержание опубликованных документов убеждает в том, что и в XIX в. составители завещаний, как и душеприказчики, по-прежнему видели в последней воле усопшего сакральный смысл, следование которому было их долгом не только в силу обязательств, налагаемых законом. Основные христианские ценности и православные понятия относительно бессмертия души и восприятия смерти, применяемые практики поминальных служб во имя «устроения души» оставались неизменными.

Документы обретают ещё большую значимость в свете разнообразной информации, содержащейся в комментариях. Для их написания автор-составитель не только использовала накопленные в результате многолетних исследований данные, но и провела тщательные изыскания дополнительных сведений об упоминаемых в документах лицах. В фондах ЦГА Москвы были просмотрены

записи условий и контрактов коммерческих сделок, журналы и протоколы ратуши, исповедные ведомости и метрические книги всех церковных приходов посада. Это позволило не только уточнить и расширить сведения биографического характера, в том числе установить даты смерти и возраст конкретных лиц, данные о предпринимательской деятельности, об условиях её осуществления, службе в выборных органах городского управления, о семейных, родственных и приятельских связях и их роли в важных событиях частной жизни, об опеке над детьми, благотворительной деятельности, но и наполнить городское пространство живыми людьми в реальных практиках повседневной жизни. Иные комментарии превратились в тщательно прописанные самостоятельные исследования по истории отдельного купеческого рода.

Фундаментальный характер публикации подтверждают безупречная археография и справочный аппарат (комментарии, хронологический перечень документов, объединённых в три раздела, указатели — именной, географический, учреждений). Украшением издания являются со смыслом подобранные иллюстрации (живописные семейные портреты и фотографии упоминаемых лиц, цветные планы дворовладений, поколенные росписи родов и их схемы, фото надгробий местных куп-

цов и др.) и общий высокий уровень оформления книги.

Примечания

¹ *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная ст. и коммент. Н. В. Козловой. М., 2002; Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завешания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н. В. Козловой и А. Ю. Прокофьевой. М., 2015.

³ Духовные завешания, брачные договоры, документы о родственном разделе имущества (частноправовые акты Твери первой четверти XVIII века) / Сост. А. В. Матисон. М., 2022.

⁴ *Четырина Н. А.* Сергиевский посад в конце XVIII — начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006; *Четырина Н. А.* Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевского посада (1795—1863 гг.). М., 2012; *Четырина Н. А.* «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796—1864 гг.). М., 2015; *Четырина Н. А.* Сергиевский посад — город с именем Преподобного (конец XVIII — начало XIX в.). М., 2020.

⁵ Удивительно, но нигде в тексте введения не сказано, в каком архиве хранятся документы ратуши Сергиева посада. Не обозначен и номер фонда ратуши. Только из сносок к документам можно понять, что это Центральный государственный архив г. Москвы.

⁶ См., например, записи представителей купеческого рода Ерофеевых за 1803—1862 гг. (№ 27, 62, 63, 79, 109, 190, 224, 277, 320, 335, 397, 398), или купцов Бурдуновых за 1785—1856 гг. (№ 17, 83, 123, 210, 227, 229, 302, 305, 315, 350, 352).

Александр Петров

Рец. на: Д.Н. Копелев. От мыса Головнина к Земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с.

Alexander Petrov

*(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Moscow State Linguistic University, Russia)*

Rec. ad op.: D.N. Kopelev. Ot mysa Golovnina k Zemle Aleksandra I: rossiyskiye krugosvetnye ekspeditsii v pervoy polovine XIX veka. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23010169, EDN: PPYROE

В последние годы растёт внимание к осмыслению значения России в мировом историко-культурном пространстве, вовлечения её государственных и частных структур в происходившие процессы. Особое место занимают отечественные кругосветные экспедиции, на важность изучения которых указывал академик РАН Н.Н. Болховитинов¹. В XVIII — первой половине XIX в. кругосветные вояжи являлись важнейшими проводниками российского культурного влияния. В первой половине XIX в. состоялось 35 морских экспедиций, в которых участвовало 30 судов. Этот факт установил видный петербургский историк Д.Н. Копелев, с работами которого знакомы многие учёные и общественность. Его труды опираются на глубокую и качественную проработку источников, изучением которых Копелев занимался при подготовке академического сборника документов о русских исследованиях в Тихом океане². Благодаря знанию коллекций, хранящихся в РГАВМФ, РГАДА, Историческом архиве Эстонии, РГИА, Рукописном отделе РНБ, автор смог по-новому проанализировать, казалось бы, хорошо известные события. Так, в настоящее время в научном сообществе ведутся дискуссии

о причинах отправления экспедиций и роли государства и частных лиц при их подготовке³. Копелев на основании новых архивных материалов установил, что большая часть кругосветных плаваний пришлась на царствование Александра I: до 1825 г. их было выполнено 19. Благодаря им Российская империя вошла в число мировых океанских держав.

Экспедиции готовились в соответствии с идеологией эпохи Просвещения, и задачи, которые ставились перед ними, охватывали вопросы геополитического, экономического, научного и культурного характера. Среди них, по мнению автора, выделялись эксплуатация и защита новооткрытых тихоокеанских территорий, борьба с контрабандой, оказание помощи в противостоянии с местным населением, оформление прав России на владение заморскими территориями, что требовало проведения широких картографических и гидрографических работ. Перед экспедициями также стояли задачи научного освоения «белых пятен» (прежде всего — поиск Северовосточного прохода из Тихого в Атлантический океан), организации доставки грузов и товаров в Русскую Америку.

Копелев рассматривает предысторию русских кругосветных экс-

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/> в Институте всеобщей истории РАН.

педиций и, в частности, подготовку плавания Г. Муловского, которое стало своего рода геополитическим ответом Российской империи в борьбе за сферы влияния в Тихом океане. То же самое можно сказать и о новой интерпретации первой русской антарктической экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. Автор рассматривает её не только как научное исследование, но и как воплощение далеко идущих планов Александра I в Тихоокеанском регионе и своего рода презентацию достигнутого Россией имперского могущества, именуемую автором «театром символов» (с. 242–246).

Копелев касается изучения повседневной жизни участников плаваний, что позволяет разглядеть логику патроната, nepотизма, дружеских и родственных связей. Социальная структура кругосветных путешествий предстаёт как взаимосвязанная система, благодаря которой формировалась элита флота. Её составляли военноморские офицеры, овладевшие современными западноевропейскими технологиями научных исследований и активно включавшиеся в изучение периферийных регионов Российской империи. В данном аспекте Копелев развивает свои исследования, посвящённые истории немецких офицеров на российском флоте. Списки участников русских кругосветных экспедиций, сопровождаемые генеалогическими досье, показывают стремление автора к просопографическому моделированию и систематизации истории флота.

Интерес представляет анализ проблемы «очистки человеческих скоплений» (с. 250), которую Копелев рассматривает как важнейшую часть просветительской идеологии. Данный сюжет позволил обратить внимание на роль морских судов в распространении Первой холерной пандемии 1817 г. Невозможность определить

суть болезни тогдашними медицинскими средствами привела к тому, что симптомы холеры, проявившиеся на корабле «Бородино» в 1821 г., были приняты за проявления цинги. Сам же описываемый автором эпизод, по-видимому, стал первым случаем «знакомства» России с холерной пандемией.

Весьма любопытным представляется и гипотетическое предположение Копелева о смене геополитической ориентации и характера освоения территории Российской империи в ответ на явно обозначившуюся в эпоху наполеоновских войн общемировую тенденцию к деглобализации, распаду и/или переструктурированию старых колониальных империй раннего Нового времени, укреплению и развитию национальных идеологий в Европе, Северной и Южной Америке. Результатом стал своего рода поворот геополитических интересов Российской империи от заморской экспансии к изучению своих регионов. Инструментом новой политики, как полагает автор, стало Русское географическое общество, основателями которого выступали как раз военноморские офицеры, прошедшие кругосветные плавания, — Ф.П. Литке, Ф.П. Врангель, И.Ф. Крузенштерн, П.И. Рикорд.

К сожалению, в монографии отсутствуют карты, в том числе уточняющие маршруты кругосветных экспедиций. Тем более, что в историографии как правило повторяются карты из монографий и атласов, подготовленных более 50 лет назад А.И. Андреевым и А.В. Ефимовым⁴. Отсутствует и иллюстративный материал, который можно было бы привлечь из архивов и музеев Санкт-Петербурга. Встречаются в книге и опечатки. Например, статья из «Сына Отечества», вышедшая в апреле 1821 г., в монографии датирована 1820 г. (с. 238). Тем не менее указанные недостатки не от-

меняют прекрасного впечатления от прочитанной работы, которая займёт своё место в цикле исследований, посвящённых кругосветным экспедициям и истории освоения Тихого океана.

Примечания

¹ История Русской Америки (1732–1867). В 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). М., 1997. С. 84–85.

² Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. Сборник документов / Ред. А.Л. Нарочницкий,

Н.Н. Болховитинов. М., 1994; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841. Сборник документов / Ред. Н.Н. Болховитинов, А.В. Гринёв, А.Ю. Петров, Т.С. Фёдорова. М., 2005.

³ Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В. Роль Петра Великого в освоении Русской Арктики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2022. № 2. С. 58–67.

⁴ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Ред., вступ. ст. А.И. Андреева // Русские открытия в Тихом океане в XVIII веке. Обзор источников и литературы. М., 1948; Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.

Евгений Крестьянников

Рец. на: А.А. Сорокин. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 256 с.

Eygenii Krestiannikov
(Tyumen State University, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Sorokin. Reforma mestnogo suda v Rossiiskoi imperii: vlast' i obshchestvo (konets XIX – nachalo XX v.). Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23010170, EDN: PQCNQO

Изучение организации в царской России ближайшего к населению правосудия, чему посвятил свою монографию А.А. Сорокин, безусловно важно. Не случайно Дж. Бёрбанк в фундаментальном исследовании российской волостной юстиции отмечает, что именно на этом уровне решалось подавляющее большинство юридических споров в империи, и это даже формально, с количественной точки зрения, воздействовало на жизнь социума не меньше, чем функционирование всей остальной судебной системы¹. Разумеется, рассматриваемые Сорокиным устройство и деятельность местных судов (преимущественно волостных

и мировых²) вызывали живое обсуждение в правительственных и общественных кругах. Поэтому намерение автора исследовать «эффективность диалога власти и общества в рамках решения проблем крестьянского правосудия на основе анализа хода и результатов общественно-политической борьбы вокруг реформы местного суда» (с. 21) представляется весьма многообещающим.

При этом читатель, хотя бы поверхностно знающий историю судебных инстанций дореволюционной России, сразу может заметить особый интерес Сорокина к преобразованию 1912 г., перестроившему волост-

ной суд и восстановившему мировую юстицию. Однако напрямую о той реформе говорится лишь в финальной, третьей главе книги, а две предыдущие скорее подводят к данному сюжету. Это объяснимо и вполне оправданно, поскольку разные судебные органы до того развивались долго и неодинаковыми, иногда совершенно не пересекавшимися путями. Прежде всего автор рассматривает положение мировой юстиции (с. 22–82) и волостного суда (с. 83–131), а также споры, возникавшие вокруг данных учреждений, например, в связи с заменой в 1889 г. мировых судей земскими участковыми начальниками, во время работы комиссий под председательством М.С. Каханова в 1881–1885 гг. и Н.В. Муравьева в 1894–1899 гг. или на рубеже XIX–XX вв., когда крестьянское правосудие очень интересовало МВД и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, включая его региональные комитеты. И только потом он переходит к освещению борьбы вокруг судьбы местного суда, развернувшейся в 1907–1912 гг. (с. 132–223), когда её центральной ареной стала Государственная дума. Как и те, кто писал об этом ранее, Сорокин исходит из того, что перестройка юстиции являлась частью столыпинского курса, и от неё «во многом зависел успех аграрной реформы» (с. 136). Действительно, П.А. Столыпин придавал организации судоустройства большое значение и ещё 6 марта 1907 г. с думской трибуны заявил о необходимости заменить земских начальников и волостных судей «местным судом, доступным, дешёвым, скорым и близким к населению»³.

Развитие волостной юстиции прослеживается автором с 1861 г. Обобщая мнения исследователей, Сорокин выделяет «ключевые» её черты: минимальный формализм, использование

норм обычного права, традиционализм (с. 24), под которым подразумевается и сословность⁴. Вместе с тем показано, что взгляды на будущее данного учреждения во властных структурах и в обществе сильно разнились. Некоторые губернские совещания на рубеже XIX–XX вв. высказывались за его ликвидацию, другие — за сохранение и преобразование (с. 98). В местных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности звучала как критика, так и защита отдельного судопроизводства для крестьян (с. 102–106). Высказывавшиеся при этом полярные мнения свидетельствовали о противоречивости института, имевшего и явные недостатки (прежде всего небеспристрастность и даже неправосудность приговоров, зачастую опиравшихся на личные качества подсудимых, а не на квалификацию совершённых ими деяний⁵), и такие очевидные для крестьян преимущества, как доступность, быстрота и дешевизна⁶.

Так или иначе, институт, с 1860-х гг. постоянно критиковавшийся и в правительственных кругах⁷, и в обществе, просуществовал до падения империи. О причинах такой устойчивости Сорокин ничего не пишет. Анализируя подготовку реформы 1912 г., он лишь констатирует: когда законопроект был передан из Думы в Государственный совет, «неожиданно П.А. Столыпин и министр юстиции И.Г. Щегловитов тоже высказались против отмены волостных судов, что являлось стержневой основой реформы» (с. 196). В заключении этот шаг характеризуется как «неожиданная уступка» (с. 227). Впрочем, по мнению Сорокина, значение такого «манёвра» (с. 198) для Столыпина не следует преувеличивать: «Уничтожение волостного суда не являлось для него самоцелью. Для него важен был успех аграрной реформы. А для обеспечения

этого успеха было необходимо создать судебный орган, не зависящий от общины. Поэтому премьер-министр, для того чтобы законопроект И.Г. Щегловитова прошёл через Государственный совет, довольно легко согласился на сохранение рядом с новым бессловным судом волостного суда» (с. 197). Таким образом, «мотивация П.А. Столыпина» представлена как сугубо политическая и далёкая от тех реальных проблем, с которыми сталкивались судебные учреждения на местах.

Мировой суд — ближайшее к населению всесловное судебное учреждение, как показывает Сорокин, также практически с первых шагов оценивался современниками неоднозначно. Консерваторов особенно возмущал его выборный характер (с. 29–30). В конце XIX в. создавалось ощущение, что этот институт ожидает скорое уничтожение. К примеру, в комиссии Муравьёва выражение «мировой» даже исчезало из употребления⁸. В уездах с 1889 г. его функции перешли к подчинённым губернаторам земским начальникам, получившим также возможность влиять на состав волостных судов. В книге они достаточно привычно изображаются малообразованными, некомпетентными и неумелыми чиновниками (с. 44, 50, 53–54). Именно так они, как правило, воспринимались оппозиционно настроенными современниками. Между тем имеются исследования, доказывающие, что по своим профессиональным качествам и подготовке земские начальники мало чем отличались от основной массы российского чиновничества и работали не хуже и не лучше других государственных служащих⁹.

Впрочем, Сорокин убеждён в том, что «вопрос об эффективности тех или иных институтов местного суда в дискуссиях являлся второстепенным, дебаты имели явную или скрытую

политическую или идеологическую подоплёку» (с. 228). Вероятно, именно поэтому в его исследовании внимание уделяется в основном позициям различных социально-политических сил, тогда как конструктивные достоинства и недостатки имперской судебной системы и её эволюция оказываются в тени. Но это, в свою очередь, не позволяет глубоко осмыслить то, о чём собственно спорили консерваторы и либералы, правые и левые, бюрократы и общественные деятели, публицисты различных направлений и т.д. А из-за этого совершенно невозможно определить место изучаемой реформы в ряду других судебных преобразований.

Отчасти столь досадный пробел связан и с недостаточно внимательным отношением к работам предшественников. Так, во введении Сорокин утверждает, что интерес к рассматриваемой им теме «возник относительно недавно, в 2000-е гг.» (с. 6). Между тем различные её аспекты в той или иной мере освещались и дореволюционными юристами (произведения которых в списке источников и литературы почему-то отнесены к публицистике), и в прорывной для своего времени книге Б.В. Виленского «Судебная реформа и контрреформа в России» (Саратов, 1969), и в даже не упомянутых основательных монографиях С. Кучерова, Ф.Б. Кайзера, И. Баберовского, Дж. Бёрбанк¹⁰.

В итоге порой создаётся несколько упрощённая картина. Так, Муравьёв изображён как министр, послушно готовивший по воле императора контрреформу и «пытавшийся встроить судебную систему в бюрократический аппарат государства» (с. 61–62). Попытка решить эту задачу, как полагает Сорокин, и привела к тому, что проекты заседавшей под председательством Муравьёва комиссии, касавшиеся в том числе местного суда, «оказались

невостребованными», а происходивший в ней «диалог власти и общества» остался «неполным» (с. 82).

Между тем, как метко выразилась М.В. Немытина, перед муравьёвской комиссией стояла в принципе неразрешимая задача — пересмотреть Судебные уставы 1864 г. на основе их неприкосновенности¹¹. Поэтому министру, бодро открывшему её заседания и затем заявлявшему о планомерной и системной работе, по сути, приходилось лавировать между монархами, желавшими преобразования органов юстиции, и сопротивлением юридического сообщества¹². В конце концов разработанный комиссией проект «заморозили» не возражения общественности, а трения между судебным, финансовым и полицейским ведомствами и разногласия в Государственном совете¹³. Затем в начале XX в. набрали вес сторонники восстановления норм 1864 г., выступавшие против смешения исполнительных и судебных функций¹⁴. Как пишет А.А. Сорокин, закон 15 июня 1912 г. «стал результатом длительных дискуссий между обеими палатами парламента и правительством», имея «компромиссный характер» (с. 228).

Примечания

¹ *Burbank J.* Russian Peasants go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004. P. 7.

² Автор не поясняет понятие «местный суд», что было бы целесообразно сделать во введении, и читателю приходится самостоятельно давать ему определение. Между тем, к примеру, И.И. Верняев ограничивает данный институт мировой юстицией и «конгломератом низших сословных, этносословных, этноконфессиональных судов (крестьянских волостных, станичных, инородческих, горских, сельских, народных и иных судов) и судебно-

административных инстанций (во внутренних губерниях — земских начальников, уездных съездов и губернских присутствий; на окраинах — крестьянских начальников и их съездов, областных управлений и проч.), распространявших свою юрисдикцию на крестьянское и инородческое население» (*Верняев И.И.* Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многосоставном обществе // *Новейшая история России.* 2018. № 4. С. 968).

³ *Столыпин П.А.* Речи в Государственной думе. 1906–1911. СПб., [б.г.]. С. 45.

⁴ Подробнее см.: *Безин В.Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017. С. 276.

⁵ *Почеревин Е.В.* Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX — 1917 г.). Бийск, 2013. С. 138.

⁶ *Borisova T., Burbank J.* Russia's Legal Trajectories // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 19. 2018. № 3. P. 484–485.

⁷ *Понн И.* «Безусловные похвалы, выказанные... в отношении волостных судов... сделаны людьми, смотревшими на дело с одной только теоретической стороны»: власть и местное судопроизводство в России во второй половине XIX в. // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. Коллективная монография / Под ред. Е.М. Болтуновой и В. Сандерленда. М., 2021. С. 200.

⁸ Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия. М., 2016. С. 269.

⁹ См., например: *Macey D.A.J.* The Land Captains: a Note on their Social Composition, 1889–1913 // *Russian History.* Vol. 16. 1989. № 2/4. P. 327–351.

¹⁰ *Kuchеров S.* Court, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. N.Y., 1953; *Kaiser F.B.* Die Russische Justizreform von 1864. zur Geschichte der Russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. Leiden, 1972; *Baberowski J.* Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M, 1996; *Burbank J.* Op. cit.

¹¹ *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. Саратов, 1999. С. 198.

¹² *Taranovski T.* The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Vol. 29. 1981. № 2. S. 165–166.

¹³ *Baberowski J.* Op. cit. S. 475–479.

¹⁴ *Kaiser F.B.* Op. cit. S. 495–496.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)

A new study of the transformation of the local court at the early 20th century

DOI: 10.31857/S2949124X23010182, EDN: PQCYSH

На рубеже XIX–XX вв. положение суда, его независимость, полномочия и финансирование активно обсуждались в правительственных и общественных кругах, в периодической печати и законодательных учреждениях. При этом всем участникам дискуссии было ясно, что организация местного суда в уездах теснейшим образом связана с судьбой общины, аграрной реформы и с правовым положением крестьян. Освещая данный сюжет, до сих пор остающийся в отечественной историографии практически «белым пятном», А.А. Сорокин опирается на обширную и разнообразную источниковую базу. Помимо массы опубликованных материалов, это документы из шести фондов РГИА и двух фондов ГА РФ. Как показывает исследователь, в последней трети XIX в. споры шли прежде всего о превращении волостного самоуправления во всеобщее с мировым судом или о сохранении сословности при подчинении крестьянского правосудия особой административной инстанции. Иными словами, суд можно и нужно было менять вместе со всем крестьянским устройством (с. 40–41).

Закон 1889 г. о земских начальниках упразднил в уездах независимый суд и способствовал консервации крестьянской среды. «Характерно, —

отмечает автор, — что ни в одном органе печати нам не встретилось сожалений по поводу того, что после реформы 1889 г. волостной суд потерял свою независимость. При этом некоторые юристы полагали, что обычное право и крестьянская обособленность в судебном плане являются положительными характеристиками, поскольку волостные суды, в отличие от судов общей юрисдикции, больше ориентированы на принцип справедливости при принятии решений, а также менее формализованы и, как следствие, дешевле и быстрее. Но в целом общественность была солидарна в том, что волостной суд не имеет исторической перспективы» (с. 59).

Вместе с тем основная задача земских начальников как служащих МВД заключалась не в обеспечении справедливости, а в поддержании порядка. Однако в связи с их перегруженностью и она была неподъёмна. Между тем изменения на селе, где усиливалось малоземелье и наблюдалось размывание общины, происходили всё быстрее, обычное право себя изжило, и предотвратить массовые беспорядки и погромы в деревне контрреформа не смогла. Не удивительно, что уже в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленно-

* Сорокин А.А. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 256 с.

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

сти в 1902–1905 гг. это хорошо понимали (с. 109, 116, 130–131).

Усилия комиссии Н.В. Муравьева, готовившей в 1894–1899 гг. реорганизацию местного суда, не дали положительного результата. Сорокин объясняет это неприятием самого реформаторского замысла общественностью (с. 81–82). Но приведённый им материал свидетельствует, что власти не удалось даже подступиться к судебной системе: её нужно было либо полностью менять, либо оставить в сложившемся виде. Частные изменения почти автоматически вызвали более масштабные меры. По сути, комиссия зашла в тупик и вынуждена была прекратить свою деятельность. Проекты преобразования крестьянского суда, составленные в 1894–1895 и 1902–1903 гг. в МВД, тоже не предусматривали изменения принципов 1889 г., ограничиваясь их незначительной корректировкой (с. 83–99).

Правительство П.А. Столыпина теснейшим образом увязывало демонтаж общинных порядков с отказом от норм обычного права при решении местных дел. Ликвидация обособленности крестьян также открывала путь для дальнейшего развития всесословного самоуправления уже на волостном уровне. Однако крестьяне, избранные депутатами Государственной думы II и III созывов, независимо от их фракционной принадлежности, ратовали за сохранение волостного суда, пусть даже формально всесословного, но с явным преобладанием крестьянского элемента, защищающего интересы деревни и выражающего её правосознание. Они настаивали на участии местных жителей в судопроизводстве и возможности применения обычного права, возражали против имуществен-

ного ценза для судей и их избрания земством. Эти стремления не находили поддержки ни у кадетов и октябристов, ни даже у правых, но разделялись трудовиками. Иные фракции, в конечном счёте, выступили за упразднение сословного волостного суда. Октябристы согласились с выборностью судей. Кадеты, как и крестьянские депутаты, одобряли отмену имущественного ценза для выборных судей, но их отбор желали предоставить земским учреждениям (с. 141–142, 156–158, 162, 164–165, 178, 192–194).

Тем не менее Государственный совет высказался за сохранение сословного характера местного суда и назначение председателей съездов мировых судей (апелляционной инстанции) правительством, что позволило бы администрации хоть как-то контролировать их деятельность. Приняв сделанные в Совете поправки, дабы избежать провала реформы, Дума продемонстрировала приоритет прагматичных соображений над политической риторикой (с. 212–213, 223). Впрочем, нельзя не согласиться с тем, что «вопрос об эффективности тех или иных институтов местного суда в дискуссиях являлся второстепенным, дебаты имели явную или скрытую политическую или идеологическую подоплёку. На первые роли в этих дебатах выходили вопросы о сословной обособленности крестьянства и о независимости местного суда от государственной власти» (с. 228). Теперь, после столь подробного изучения подготовки закона 1912 г., особенно остро ощущается необходимость не менее обстоятельно рассмотреть обстоятельства введения его в действие и функционирование местного суда в последние годы существования империи.

Татьяна Леонтьева

Рец. на: Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России. Сборник статей / Под ред. Б.И. Колоницкого и др. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 328 с.

Tatiana Leontieva
(Tver State University, Russia)

Rec. ad op.: Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya Grazhdanskoj vojny v Rossii. Sbornik statey. Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X23010194, EDN: PQMDYH

После ста лет изучения в историографии Гражданской войны в России в исследовательском пространстве остаётся масса спорных вопросов, историки не могут определиться даже с её хронологическими рамками¹. Известно, что после октябрьских событий 1917 г. Ленин предпочитал говорить о «триумфальном шествии Советской власти», которое летом 1918 г. было прервано интервентами при поддержке внутренней контрреволюции. Некоторые авторы по сей день повторяют эту политико-пропагандистскую версию событий в качестве научной; другие в порядке её скрытой поддержки изобретают «малую» гражданскую войну, якобы предшествовавшую «большой». Известны попытки отнести начало Гражданской войны к февралю—марту 1917 г. ради «оправдания» большевизма.

Есть мнение, что Гражданская война в России *de facto* и *de jure* началась 25 октября 1917 г. выступлением большевиков против Временного правительства², но риторическая подготовка к ней велась уже задолго до этого. Гражданские войны в принципе нельзя связывать с количеством выстрелов с той и другой стороны, ибо они предполагают *гражданское* противоборство по вопросу о государственной власти. Рецензируемая книга посвящена «духу» Гражданской

войны, который, прежде чем материализоваться, обрёл соответствующую артикуляцию: «сначала было слово».

Книга состоит из 11 статей 9 российских и зарубежных авторов и обширного предисловия, написанного признанным знатоком революционных событий Б.И. Колоницким (Санкт-Петербургский институт истории РАН), который, судя по всему, и является вдохновителем данного — весьма оригинального и нужного — исследования.

Актуальность замысла и его воплощение Колоницкий связывает не только с растущим числом вооружённых гражданских конфликтов в современном мире. По его мнению, центральной проблемой становятся вопросы эскалации и легитимизации политического насилия, что требует изучения «специфических культур насилия, культур конфликтов, культур гражданских войн», при том, что некоторые социологи и политологи «не склонны придавать большого значения культурным аспектам гражданских войн» (с. 8). Это действительно так: позитивистская наука более полутора столетий противится изучению того, существование чего она не способна уловить, хотя за это время мир многократно оказывался заложником «неуловимых» сил истории. Авторы, избавляясь от сложившихся стереотипов, предлагают рассмотреть события

1917–1922 гг., используя «ключевые слова» эпохи — «гражданская война», «гражданский мир», «смута», «анархия», «большевизм», «вождь», «гражданин», «республика» — как специфическую оптику. Слова, «которые употреблялись всеми, но воспринимались и интерпретировались по-разному» (с. 11).

Книга даёт немало материала, характеризующего разрастание эмоций, ведущих к бескомпромиссному *внутреннему* конфликту, агрессивнo-однозначному восприятию «чужого» социального пространства. Эмоции перерастают в представления, которые в свою очередь обретают статус понятий, способных легитимизировать случившееся в интересах победителей.

История, однако, пластична и стохастична, что сказалось на соотношении ключевых понятий в политическом дискурсе 1917 г. Так, после Февральской революции говорить о будущей революции (соответственно общепринятым представлениям и общему мироощущению) казалось невозможным. По мере углубления кризиса умеренные политики заговорили об опасности *гражданской войны*, откровенно запугивая её призраком и себя, и обывателя. И, надо заметить, подобные опасения сыграли роль «самореализующегося прогноза» (с. 59).

Книга не случайно начинается с раздела «Языки конфликта: гражданская война, смута и анархия». Как показал К.В. Годунов (Европейский университет в Санкт-Петербурге), само по себе политическое использование термина «гражданская война» в марте 1917 г. не только не привело к её развязыванию, но и, напротив, сыграло сдерживающую роль, а Апрельский кризис с теми же взаимными инвективами обернулся созданием коалиционного правительства. При этом автор отметил, что понятие «граждан-

ская война» весной 1917 г. «не было столь семантически насыщено, как на более поздних этапах развития революции» (с. 58), но его «проговаривание» стало «своеобразным прологом полномасштабной гражданской войны» (с. 59).

А.В. Шмелёв (Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфорд, США) утверждает, что противопоставление революции смуте исходило из консервативных кругов с целью «унизить» развернувшийся революционный процесс (с. 61). Левые политики, оглядываясь на «универсальный» опыт Французской революции, усматривали в русской революции «положительное явление», а отсылки правых к Смуте XVII в. носили скорее панический, нежели доктринальный характер. Она казалась синонимом разрушительной стихии, хаоса, анархии.

Вспомним, что известный писатель Л. Андреев задавался вопросом: «Откуда родится Бунт?.. Каковы методы Бунта? Разрушение. Каковы его орудия? Огонь, пожары, меч и топор, насилие и убийство». Согласно его мнению, революция также выросла из недовольства существующим положением, но направлялась стремлением к *большей*, но не к *не ограниченной ничем* свободе. Однако методы и орудия бунта и революции сходны. Это возбуждает соответствующие аллюзии и наталкивает на характерные аналогии: «Вот то роковое... сходство, которое позволяет существовать вместе всемертвящему Бунту и всеживящей Революции» и которое «осложняет, путает, обманывает, сбивает с толку» даже умных людей и «наполняет всякую революционную эпоху масками и фантомами, подделками и ложью». Автор заключает: «Бунт есть начало чисто стихийное, лишённое мысли. Революция — полна мысли, она сама есть не что иное, как восставшая

мысль»³. В сущности, Андреев указал на истоки «понятийных» заблуждений, но при этом «забыл» о том, что во Французской революции было предостаточно всевозможных девиаций и охлократического неистовства. А потому не стоит смешивать понятия с метафорами и, тем более, упрекать современных авторов в сочувствии к устарелым представлениям (с. 80).

Российская революция оказалась «шире» воображаемых «стандартов», что вполне объясняется «избыточной» сложностью российских социокультурных пространств. Отсюда — характерная разноголосица относительно соотношения революции и смуты в эмигрантских кругах (с. 72–78). Представляется, однако, что вопрос решён. В.П. Булдаков, сравнив внутреннюю динамику российских «смут» (XVII в., начала и конца XX в.), показал, что это были сложнейшие системные кризисы, включавшие в себя и революции, и гражданские войны⁴. По существу, ещё в 1990-х гг. предлагалась новая социология революции, основанная на принципах синергетики. Однако инерция доктринальных представлений о революции сохраняется. Иные историки говорят даже о вреде *мифического* «смутоведения»⁵.

Выразительную картину того, как в хаотичной обстановке революции слова отделяются от смыслов и начинают жить своей жизнью, дал Д.И. Иванов (Европейский университет в Санкт-Петербурге) в статье «“Анархия” и анархисты». По его мнению, термин «анархия» вызывал ещё больший, чем смута, разброс эмоционально-смысловых трактовок; «различные политические и общественные силы наделяли это слово самыми разными значениями» (с. 91). Несмотря на все усилия идейных анархистов отмежеваться от выступающих под их флагом всевозможных погромщиков («сами анархисты вы-

ступали против “анархии”, понимаемой как хаос, беспорядок, нехватка организованности»), в массовом сознании с анархией ассоциировались «угрозы и тревоги», «готовность к насилию» (с. 90, 91, 100).

Авторы раздела «Языки согласия: гражданский мир и порядок» взяли за основу альтернативы революционному хаосу. Однако И.В. Саблин (Гейдельбергский университет) пришёл к выводу, что программа «внутреннего мира» провалилась в годы Первой мировой войны даже на парламентском уровне, а в 1917 г. даже в лексике умеренных социалистов обернулась идеей единства всех «живых сил страны» против контрреволюции (с. 114–115). В дальнейшем гражданский мир стал связываться с военной победой в Гражданской войне.

Со своей стороны, М.Е. Разиньков (Воронежский государственный лесотехнический университет) отметил, что в работах современных исследователей не уделяется достаточного внимания миротворческим инициативам, исходившим от различных политических сил. При этом он признаёт: «История войн показывает, что люди, немало способствующие их началу, зачастую отличались исключительным миролюбием» (с. 128). Действительно, можно вспомнить, что даже «империалист» П.Н. Милюков до войны был активным деятелем международного Общества мира⁶. В итоге Разиньков заключил, что «нагромождение смыслов» в сознании политических активистов стало «одним из факторов обрушения страны в гражданскую войну» (с. 148).

Раздел «Власти и идентичности: вожди, граждане и республика» открывается принципиально важной статьёй А.В. Резника (НИУ «Высшая школа экономики») о значении «вождей» в контексте легитимации гражданской войны. Известно, что охлократия не

бывает вполне анонимной — отсюда всевозможные вожаки, атаманы, «батьки». Толпы ищут своих кумиров, которые должны уметь говорить их «голосом». Уже в декабре 1917 г. революционно настроенные солдаты не только приветствовали нового верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко в качестве «вождя», но и готовы были оказать ему вооружённую поддержку (с. 158). В данном случае «вождь» воплощал в себе желанную цель: покончить с войной любым путём, включая насилие. В дальнейшем, по мере нарастания хаоса, соотношение между вождём, целью и средством её достижения могло меняться: вождь указывал на врага, целью становилось его уничтожение. Это происходило путём параллельной сакрализации («священной») гражданской войны и её «вождей» (с. 164–165). При этом в результате актов антибольшевистского террора, особенно покушения на В.И. Ленина, высвечивались искомые образы «великих вождей пролетариата» (с. 172–173). В конечном счёте, комбинация «высшей цели» (мировая революция) и тотальной революционной жертвенности довершила процесс персонализации вождей гражданской войны. Ими не случайно стали В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий: первый «указал путь», второй двинул по нему революционные армии. Тем не менее Резник заключил, что «между понятиями “вождь” и “гражданская война” сохранялись просветы и щели, которые указывали на возможность гражданского мира» (с. 179).

Интересна статья Ё. Икэды (Токийский университет, Япония) о «приключениях» в революционном дискурсе слова «гражданин». Заслуживает особого внимания указание на то, что в 1917 г. оно стало для кадетов «орудием для сопротивления» охлократии (с. 194). Остаётся сожалеть, что автору не пришлось сопоставить

(или противопоставить) его с политизированным термином «товарищ». Икэда лишь отметил, что уже в апреле 1917 г. слова «граждане» и «товарищи» использовались «как маркеры противостоящих миров» (с. 191), а позднее их противопоставление усилилось. Фактически белогвардейцы воевали против «товарищей» (большевистских комиссаров). В Советской России понятие «гражданин» стало амбивалентным (с. 200), а в СССР оказалось на периферии массового сознания.

На протяжении 1917 г. обесцветился и обесмыслился другой революционный термин — «республика». Как отмечает Д.И. Иванов (Европейский университет в Санкт-Петербурге), с самых первых дней революции под республиканцев стали мимикрировать не только кадеты, но и правые. Кроме того, само понятие оказалось дискредитировано местными «республиками». (На деле страхи перед подобным «республиканским» сепаратизмом были преувеличены.) Провозглашение России республикой в сентябре 1917 г. не добавило авторитета этой форме правления: многие считали, что она непременно должна быть «демократической» и «федеративной». Наконец, позиции республиканской формы правления пошатнула большевистская пропаганда Республики Советов (с. 229). Можно сказать, что слово «республика» обесмыслилось ещё до установления большевистской диктатуры (тоже под республиканским флагом).

Заключительную часть сборника составляет раздел «Политические образы врага: большевизм и “большевизмы”». Как видно уже из названия, он получился несколько односторонним: агрессивное насыщение революционной риторики концентрировалось не только вокруг большевиков, хотя в очень значительной степени было связано с их пропагандистскими

устремлениями. К.А. Тарасов (Санкт-Петербургский институт истории РАН) обратил внимание на то, что в политическом языке 1917 г. слова «ленинцы» и «большевики» отнюдь не означали одно и то же. Меньшевики, особенно провинциальные, не теряли надежд на объединение с относительно «мягкими» большевиками, но со сторонниками Ленина это было невозможно (с. 237). Вместе с тем показано, что, несмотря на доктринальные различия, в общественном сознании сформировался образ «большевизма», впитавшего в себя всевозможных максималистов и анархистов. В общем, большевизм представлялся чем-то бóльшим, чем партия, — массой, объединяемой неумеренным темпераментом и агрессивностью. Не удивительно, что находились и «большевики справа» — вплоть до бывших черносотенцев (с. 254, 276–278). Встречались и «национальные» большевики. Вместе с тем нельзя забывать, что после Октября анархисты продолжали «революционизировать» массы. Так, 13 ноября 1917 г. В.Л. Гордин публично пообещал: «Мы большевистское правительство низвергнем». Через несколько дней другой анархист Г. Сахновский заявил большевикам: «Не забывайте, что теперь есть группы более левые, чем вы»⁷.

В другой статье Тарасов приводит целый набор инвектив («предатели», «шкурники» и т.п.), которыми награждали реальных и вымышленных большевиков их противники. Вероятно, их можно объединить понятием «стихийный большевизм», от которого «идейные большевики» всё же дистанцировались (с. 287). Вместе с тем большевизм превратился в бранное слово, которым награждали всякого радикала внутри того или иного социума. «Большевиками» неслучайно называли и В. Мейерхольда, и В. Брюсова, и даже И. Северянина (с. 291–293).

Эту тему продолжил П.Г. Рогозный (Санкт-Петербургский институт истории РАН), отметивший, что «церковный большевизм» (вместе с «церковным ленинством») появился в апреле 1917 г. с «лёгкой руки» тверского архиепископа Серафима (Чичагова). Со временем большевизм в церковной среде также стал распространённой, хотя и эфемерной политико-эмоциональной метафорой, навеянной естественными для революционного времени социальными страхами. Впрочем, в 1917 г. говорили и о «церковных анархистах». В марте 1918 г. Поместный собор образовал даже специальную комиссию «о большевизме в церкви» (с. 296), которая «выводила» генеалогию данного феномена с начала Февральской революции (с. 310). Комиссия подтвердила, в частности, факты «большевистствования» в монастырях (с. 309–310) и среди епископов. Так, на Украине некогда крайне правый архиепископ Агапит (Вишневский) попеременно приветствовал С.В. Петлюру, Добровольческую армию и большевиков (с. 314). Получается, что разрушительная сила большевизма связана не столько с ленинской партией, сколько с его способностью проникать даже в чуждую социальную среду, что признавалось церковными деятелями (с. 307).

Революция тяготеет к «большим», эмоционально окрашенным понятиям. В сущности, это уже не понятия, а образы, формирующие новую реальность. В Советской России сформировалась целая иерархия таких агрессивно-насыщенных псевдопонятий, призванных легитимизировать государственно-бюрократический строй (именуемый «общественным»). В известном смысле эта реальность становилась внутренне неустойчивой именно из-за зыбкости её словесного оформления, выросшего из революции.

В заключение хотелось бы вернуться к предисловию Б.И. Колоницкого, в котором высказывается намерение авторов книги «избежать телеологичного видения гражданской войны». Разумеется, отказ от подобного подхода необходим: сомкнувшись в своё время с известными доктринальными установками, он основательно выхолостил всё содержание истории XX в. Однако нельзя не заметить, что безбрежная альтернативность ведёт к своего рода когнитивному разоружению, а то и просто к историографической путанице. Во всяком случае данный сборник, насыщенный малоизвестной информацией «квази-политического» характера, убеждает, что за хаосом Гражданской войны стояли куда более глубокие закономерности, чем мы привыкли думать.

Примечания

¹ См.: Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.

² См.: Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 3–26.

³ Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб., 1994. С. 361.

⁴ См.: Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 343; Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 76–114.

⁵ Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918 г. Архангельск, 2018. С. 23–24.

⁶ См.: Милоков П.Н. Вооружённый мир и ограничение вооружений. М., 2003.

⁷ Цит. по: Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма). М., 1974. С. 93.

Андрей Ганин

Продолжение фундаментального исследования о Гражданской войне на Севере России*

Andrey Ganin

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Continuation of fundamental research on the Civil War in the North of Russia

DOI: 10.31857/S2949124X23010200, EDN: PQSZGO

Известный учёный, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета и заслуженный деятель науки В.И. Голдин выпустил второй том своего труда, посвящённого истории Гражданской войны на Севере России¹. Он охватывает события августа–декабря 1918 г., когда в регионе начались полномасштабные боевые действия. Книга разделена по хроно-

логическому принципу на четыре главы, в которых создана широкая и вместе с тем яркая и живая панорама процессов, вписанных в общероссийский и мировой контекст. Восприятие информационно насыщенного текста облегчают и усиливают схемы боевых действий и иллюстрации.

В основе исследования – материалы из сотни фондов ГА РФ, РГВА, РГАСПИ, РГАВМФ, АВПРИ

* Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне. Иностранная интервенция и её последствия. Август–декабрь 1918 г. Архангельск: ООО «Дапринт», 2021. 660 с.

и АВП РФ, государственных архивов Архангельской, Вологодской и Мурманской областей, Вологодского областного архива новейшей политической истории, Национального архива Республики Карелия, Карельского государственного архива новейшей истории, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального архива ФСБ России, Архива регионального управления ФСБ по Архангельской области, а также документы из коллекций Архангельского краеведческого музея. В своё время Голдину довелось даже познакомиться с некоторыми очевидцами описанных им событий, в частности, с Е. Фрезер, оставившей свидетельство о происходившем в Архангельске (с. 19). Таким образом, спустя сто с лишним лет после завершения Гражданской войны постепенно складывается её полноценная и объективная история, в основе которой — документы, оставленные непосредственными участниками борьбы — как победителями, так и побеждёнными.

Во введении кратко характеризуются новейшие публикации по изучаемой теме, современные тенденции в её освещении и связанные с этим дискуссии историков. В книге подробно анализируются военные, политические и экономические аспекты иностранной интервенции, оказавшей решающее влияние на эскалацию конфликта на Севере России, причём речь идёт не только о странах Антанты, но и о вмешательстве во внутрироссийскую борьбу Финляндии. Тщательно освещены и позиции ключевых фигур противоборства в крае — Н.В. Чайковский, Г.Е. Чаплин, М.С. Кедров, А.А. Самойло, В.В. Марушевский, П.Ф. Виноградов и др.

Большое внимание Голдин уделит столкновениям белых и красных, которые в литературе в пропагандистс-

ких целях порой стушёвываются или оказываются в тени противостояния РККА и интервентов. В книге показано военное строительство соперничавших сил на Севере России, прослеживается ход сражений, отражена роль подполья и партизанских формирований обеих сторон, говорится и о применении террора противниками для достижения своих целей. Вместе с тем отмечается эволюция местных антибольшевистских режимов от умеренных социалистов к военной диктатуре.

Северный фронт Гражданской войны образовался несколько позднее, чем Восточный и Южный, и имел второстепенный характер. Однако выяснилось это не сразу. В первые недели своего существования он серьёзно беспокоил советское руководство. Впрочем, уже в августе 1918 г., вскоре после захвата Архангельска противниками большевиков, первоначальные планы командования Антанты, игравшего определяющую роль при новом режиме, пришлось пересматривать: стремительное продвижение в центр России оказалось несбыточным, а надежды на массовый приток местных жителей в войска белых не оправдались. Сказывались также огромные пространства, суровый климат, слабо развитая транспортная сеть и отсутствие необходимой инфраструктуры. В этих условиях возможность соединения антибольшевистских сил Севера и Востока выглядела маловероятной. Между Архангельском и Пермью не существовало прямого железнодорожного сообщения. Сколько-нибудь масштабные боевые действия вне железных дорог на этом направлении протяжённостью свыше тысячи километров с лесами и болотами при общей нехватке транспорта и средств связи были невозможны, а усилия маленьких отрядов ничего не давали. Видимо, серьёзно наступать там и не

думали, хотя идея выдвижения колчаковских войск по линии Пермь–Вятка–Котлас (804 версты) предлагалась.

Части РККА были плохо оснащены и слабо снабжались, голодали, страдали от эпидемий. Впрочем, у белых дела шли не лучше. Белый Север, изолированный от других фронтов, не располагал необходимыми для ведения войны ресурсами и без поддержки союзников не мог продержаться длительное время. Как пишет Голдин, крестьяне пополняли ряды белых, спасаясь от голода после неурожая 1918 г. (с. 546). Силы интервентов, пусть и хорошо обеспеченные, оставались немногочисленными. Так, на Мурмане к августу 1918 г. имелось лишь 2500 иностранных солдат (с. 224), на Архангельском фронте, по данным Голдина, к сентябрю 1918 г. — не более 3–4 тыс. человек. Кроме того, в Архангельске в сентябре высадились 4487 американцев (позднее их контингент увеличился до 5710). Таким образом, всего союзники держали там в тот момент примерно 9–9,5 тыс. военнослужащих (с. 331, 333). Правда, к концу декабря 1918 г. численность их архангельской и мурманской группировок уже превышала 23,5 тыс. (с. 553, 558).

Однако организационно к концу 1918 г. красные смогли превзойти противника. Уже 11 сентября из войск Северо-восточного участка отрядов завесы была создана 6-я армия во главе с бывшим полковником В.М. Гиттисом (в октябре её численность составляла около 9300 штыков

и сабель). При этом начальником штаба назначили бывшего генерал-майора А.А. Самойло, сыгравшего затем важнейшую роль в победе РККА на Севере (с. 479). В тот же день последовало образование Северного фронта, командование которым поручили бывшему генерал-лейтенанту Д.П. Парскому. Ему подчинили две армии — 6-ю, прикрывавшую направление на Котлас и Вологду, и 7-ю, оборонявшую Петроград. Впрочем, фронт просуществовал недолго: его упразднили уже в начале 1919 г. после череды недоразумений, конфликтов в РВС и расследования действий Парского². Кампания 1918 г. на Севере никому не принесла победы — решающие события произошли там в 1919 г. Хочется надеяться на то, что их анализ будет представлен читателям в следующем томе труда В.И. Голдина.

Примечания

¹ Первую часть см.: *Голдин В.И.* Север России на пути к Гражданской войне. Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск, 2018. См. также: *Ганин А.В.* Фундаментальный труд о Гражданской войне на Севере // *Российская история*. 2019. № 1. С. 225–227.

² Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Штаб разделился на два враждебных лагеря...». Дело об «измене» в штабе Северного фронта // *Военно-исторический журнал*. 2012. № 12. С. 28–31; *Ганин А.В.* Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 16. М., 2014. С. 205–294; *Ганин А.В.* Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2021. С. 21–83.

Михаил Мухин

Рец. на: Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России: сборник документов / Науч. ред. А.В. Юрасов; отв. ред. Е.Р. Курапова, В.С. Пушкарёв. М.: Кучково поле, 2021. 872 с.

Mikhail Mukhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Ekonomika kompromissa. K stoletiyu NEPa v Rossii: sbornik dokumentov. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23010212, EDN: PQWNZF

Новая экономическая политика (нэп) была провозглашена в конце 1921 г., а начала осуществляться в основном с 1922 г. Поэтому именно на 2022 г. приходится действительный столетний юбилей одного из крупнейших экспериментов в истории нашей страны, значение которого трудно переоценить. Буквально за считанные годы оживилось народное хозяйство, разорённое в период войн и революций. Считается, что уже в 1925–1926 гг. не только сельское хозяйство, но и промышленность в основном восстановили объёмы производства до уровня 1913 г. Демонтаж «военного коммунизма» потребовал отказа от «главкизма» и продразвёрстки, привёл к возрождению полноценной финансовой политики. В свою очередь экономические преобразования в городе и на селе привели к благотворным изменениям и в социальной сфере. В итоге именно своевременное тактическое отступление позволило советской власти, оказавшейся к концу Гражданской войны в жесточайшем политическом и экономическом кризисе, сохраниться, а на смену волне крестьянских восстаний пришло относительное успокоение.

Многие аспекты нэпа, несмотря на наличие значительной историографии¹, остаются малоизученными, из-за чего о его сущности и сегодня продолжают острые споры. Как следствие,

сохраняет актуальность введение в оборот новых архивных материалов, позволяющих взглянуть на, казалось бы, известные факты и события под иным углом зрения. Поэтому следует приветствовать появление сборника документов, подготовленного сотрудниками РГАЭ. Издание увидело свет при содействии фонда «История Отечества» под научной редакцией заместителя руководителя Федерального архивного агентства А.В. Юрасова. Отбор документов, а также подготовку предисловия и примечаний осуществили заместитель директора РГАЭ Е.Р. Курапова и начальник отдела информационного обеспечения архива В.С. Пушкарёв.

Внимание, прежде всего, привлекает название работы, которое представляется мне очень точным. Курс 1920-х гг. действительно представлял собой комплекс разного рода компромиссов. Власть вынуждена была мириться с присутствием в экономике рыночных элементов и конкурировать с ними, вопреки провозглашённым принципам допускать использование наёмного труда (т.е., согласно марксистской терминологии, эксплуатацию), искать взаимовыгодные контакты с зарубежными предпринимателями в рамках концессионной политики и т.д. Авторы-составители, проанализировав известную специалистам документальную базу, верно отметили,

что одной из информационных лакун по истории нэпа «продолжает оставаться... история повседневной хозяйственной практики 1920-х гг., история экономической повседневности тех лет» (с. 37). Именно эти аспекты и находятся в центре внимания сборника. Всего в нём представлено 266 документов, отобранных из 45 фондов РГАЭ.

С археографической точки зрения издание подготовлено блестяще. Документы снабжены примечаниями, включающими краткие биографии упоминаемых в тексте лиц и справки об органах государственной власти. Тут же помещены комментарии и пояснения к документам, которые существенно облегчают работу. Имеются именной и географический указатели, перечень фондов, документы которых включены в представленный труд. Для публикуемых источников характерно широкое использование различных аббревиатур и сокращений, список которых также содержится в работе. Отдельно хотелось бы отметить богатый иллюстративный ряд, подготовленный на базе коллекций архива: копии деловых документов, карикатуры на бюрократию, фотографии и рекламные материалы с выставок-продаж советской продукции за рубежом и др. К безусловным достоинствам следует отнести и обширное предисловие, в котором кратко, но вместе с тем ёмко освещены роль и значение нэпа, а также обозначены основные этапы развития историографии данной проблемы. В целом хронологическое членение истории последнего, предложенное составителями, представляется осмысленным и обоснованным.

Структурно книга делится на три больших раздела: «Сельское хозяйство», «Промышленность» и «Торговля». Безусловно, новации в аграрном секторе сыграли в успехе нэпа ведущую роль. С учётом сравнительно

низкого уровня урбанизированности СССР тех лет именно они затронули наиболее широкие круги советского общества. Материалы первого раздела позволяют судить о смене приоритетов сельскохозяйственной политики. В 1921–1923 гг. превалировали вопросы обеспечения городского населения продовольствием и преодоления возникавших при решении этой задачи затруднений экономического и политического характера — в первую очередь разработки оптимальной методики сбора продналога. В дальнейшем, по мере стабилизации социально-экономического механизма, на первый план вышли вопросы организации экспорта сельхозпродукции, поддержки кооперативного движения, выбора форм этого движения (артели? тозы? колхозы?).

Особую проблему, с точки зрения советских руководителей, представлял феномен «диких» кооперативов, которые классифицировались как «неосоюженные», т.е. не вступившие в Сельхозсоюз или другой союз кооперативов (с. 227). В то же время развитие различных видов кооперации требовало постоянной помощи со стороны государства — как организационной, так и финансовой (с. 126, 188, 212 и др.). Видимо, в данном случае речь идёт о некотором лукавстве советской статистики — «дикие» кооперативы вполне могли обойтись и без государственного патронажа, однако руководство предпочитало их «выводить за скобки».

Интересно, что тот же вопрос — настоящая необходимость в государственной помощи формально самоокупаемым хозрасчётным трестам — постоянно поднимается в материалах следующего, «промышленного» раздела. Здесь следует отметить попытки привлечь зарубежные финансовые ресурсы (с. 270, 294). Большой интерес также представляют документы

по динамике процессов трестирования и синдицирования государственной промышленности и роли частного капитала в совокупной экономике СССР. Представленные в разделах по промышленной и аграрной сферам документы позволяют уточнить ряд дискуссионных вопросов истории нэпа.

Однако превалирует в сборнике третий раздел, посвящённый торговле. Если первые два включают в себя по 60–65 документов, то третий — почти вдвое больше. Особенное внимание к данной сфере следует отнести к достоинствам сборника, поскольку после блестящих работ В.П. Дмитренко² эта тематика остаётся в тени. Между тем именно организация «торговли по-советски» являлась одной из важнейших составных частей нэповской экономики, без которой её механизм попросту не работал. Более того, восстановление нормального товарооборота, переход от фактически безвозмездной конфискации сельхозпродукции в рамках продразвёрстки к политике закупок аграрной продукции, в определённой степени можно считать одной из базовых задач нэпа в целом. По этому поводу В.И. Ленин писал, что ключевой задачей для партии большевиков в начале 1920-х гг. «является оживление внутренней торговли при её правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то “звено” в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921–1922 годов, “за которое надо всеми силами ухватиться” нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко “ухватимся”, мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать»³.

Документы этого раздела рисуют картину многоукладной системы торговли. Доклады о деятельности Московской и Сталинградской товарных бирж и отчёты о работе Нижегородской ярмарки соседствуют с конъюнктурными обзорами Наркомторга и отчётами Русско-германского торгово-промышленного общества (Русгерторг) об экспортной деятельности; жалобы базарных торговцев Ростова-на-Дону на налоговый пресс — с перепиской Центросоюза и Госплана об оптимизации товарооборота и кредитных мероприятий. Читая же мнение руководства государственного синдиката «Соль» по поводу регулирования розничных цен, начинаешь по-новому воспринимать жалобы ростовских торговцев. Отдельным сюжетом проходит вопрос о правовом статусе «нэпманов», особенно из числа «бывших»⁴. В частности, председатель Комиссии по внутренней торговле при СТО (Комвнуторг) вынужден был в 1923 г. ходатайствовать об освобождении ряда арестованных из числа «самых солидных в настоящее время частных коммерсантов», которые «за все годы существования советской власти ничем себя не скомпрометировали» (с. 490). Характерно, что с данным документом соседствует приговор трибунала группе лиц, обвинённых в нарушении закона при уплате комиссионных (с. 486).

Это даёт повод взглянуть на феномен «угара нэпа» под новым углом зрения. «Нэпманам» приходилось существовать под дамокловым мечом, понимая всю шаткость своего положения, и это не могло не накладывать отпечаток на их поведение. Кроме того, обращают на себя внимание документы, свидетельствующие о том, что рыночный характер преобразований носил ограниченный и половинчатый характер. Скажем, уже в 1924–1925 гг. руководство Нар-

комата финансов проталкивало идею активного государственного вмешательства в процесс ценообразования (с. 584, 590–592, 597, 623, 636–639, 662). Таким образом, очевидно, что даже в «золотые годы» нэпа определённые круги советского руководства рассматривали возможность сворачивания или, как минимум, существенных корректив проводимого курса. Безусловно, слом нэпа как такового обуславливался комплексом причин экономического, а также внешне- и внутрисполитического характера⁵. Однако, что немаловажно, существенную роль в этом многоаспектном процессе сыграла и готовность части руководства страны с лёгким сердцем отказаться от рыночного характера преобразований, а подготовка теоретических основ такого отказа началась задолго до 1927–1928 гг.

Отдав должное достоинствам, следует обратить внимание на возникающие в ходе чтения данного труда вопросы. Составители отмечают, что апогеем развития нэповской экономики стал 1926 г., после чего началась череда кризисов, которая привела к смене политического и экономического курсов. Исходя из этой логики, хронология сборника была ограничена 1926 г. Такое решение выглядит спорным, ведь нэп стали сворачивать не ранее 1928 г., после начала осуществления первого пятилетнего плана (а официальный запрет частной торговли вообще относится к 1931 г.). Тем самым публикация документов только за 1921–1926 гг. оставляет вне поля зрения важный период отказа от компромиссов, угасания нэпа и попытки его модификации.

Есть и сюжеты, практически не затронутые. Так, сборник содержит сравнительно немного документов, относящихся к иностранным концессиям, поэтому целостной картины их роли и места в нэповской экономике

не складывается. Почти не представлены материалы о функционировании транспорта, банковской системы. Позволю себе выразить надежду, что они найдут место в дальнейших документальных публикациях РГАЭ по экономической проблематике 1920-х гг. Сборник же «Экономика компромисса» представляет собой высокопрофессиональную публикацию документов, которая имеет большое значение и, несомненно, будет востребована учёными.

Примечания

¹ Среди работ последних лет см., например: *Бехтерева Л.Н.* Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. Вып. 1. С. 57–64; *Орлов И.Б.* Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 387–395; *Давыдов А.Ю., Скворцов В.Н., Тропов И.А.* Новая экономическая политика в новейшей отечественной историографии: к вопросу о структурировании проблемы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. 2013. № 4. С. 27–36; *Орлов И.Б.* Современная историография НЭПа (к вопросу составления «исследовательской карты») // Харьковский историографический сборник. Вып. 13. 2014. С. 85–96; *Мухин М.Ю.* Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.

² *Дмитренко В.П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921–1924 гг. М., 1971; *Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986.

³ *Ленин В.И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. М., 1970. С. 225.

⁴ Подробнее о феномене «бывших» см.: *Смирнова Т.М.* Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.

⁵ На эту тему подробнее см.: *Мухин М.Ю.* Причины и предпосылки отказа от НЭПа // Исторические записки. 2020. Вып. 19. С. 153–172.

Николай Михайлович Рогожин (1947–2022)

На исходе 2022 г. отечественная историческая наука понесла тяжёлую утрату — 29 ноября скоропостижно ушёл из жизни выдающийся учёный — доктор исторических наук профессор Николай Михайлович Рогожин.

Н.М. Рогожин родился в немецком городе Гюстрове (ныне — Мекленбург-Передняя Померания), где его отец был комендантом советских оккупационных войск; затем семья уехала в СССР. Детские годы Николая Михайловича прошли в подмосковной Коломне, которую он считал своей настоящей родиной. Здесь он учился в школе, сюда неизменно возвращался к родителям и родственникам. Коломна с её древним кремлём, старинными храмами, узкими улочками и одноэтажными домами старого города всегда была для Николая Михайловича неисчерпаемым источником вдохновения — как научного, так и поэтического. Но влекла его и Москва, неоспоримый центр кипения творчества и общественной мысли. Годы школьной юности Н.М. Рогожина пришлось на «оттепель», и молодой провинциал с головой окунулся в неповторимую атмосферу столичной жизни того времени. Рогожин сменил множество профессий и мест работы: был водителем грузовика в геологоразведочной экспедиции и санитаром в морге, истопником в знаменитом театре на Таганке и переводчиком в аэропорту Шереметьево. Эти годы оставили глубокий след в жизни Николая Михайловича — воспоминаниями о них он нередко делился с коллегами и учениками, а дружеские отношения с людьми, с которыми свела его тогда судьба, пронёс до конца дней. Он обладал замечательным талантом — не терять друзей. И хотя по возрасту Николай Михайлович не попал в генерацию «шестидесятников», оказавшись их младшим современником, он много времени проводил в их среде, к тому времени уже небезопасной (в молодые годы он не был чужд авантюристике и даже подпольно перепечатывал запрещённый в стране «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына). Среди людей, с которыми ему случилось быть знакомым, а с некоторыми и дружить — поэт и артист В.С. Высоцкий, протоиерей Александр Мень, художник А.Т. Зверев, писатели В.В. Ерофеев, В.В. Орлов, В.Д. Алейников. Связь с миром культуры Николай Михайлович сохранял всю жизнь — он всегда был в курсе столичных театральных премьер и музейных выставок.

В науку Николай Михайлович пришёл не сразу. Получив в 1975 г. высшее образование в Московском государственном историко-архивном институте (ныне — Российский государственный гуманитарный университет), где его учителями были Е.В. Чистякова, Е.И. Каменцева и С.О. Шмидт, в том же году он поступил в аспирантуру Института истории СССР АН СССР (ныне — Институт российской истории РАН). Это стало поворотным событием — с Институтом оказалась связана вся дальнейшая жизнь Николая Михайловича. Его научным руководителем здесь являлся выдающийся советский и российский историк В.И. Буганов. О нём Н.М. Рогожин вспоминал с неизменной благодарностью и уважением, с гордостью причисляя себя к «бугановской и ти-

хомировской школе» в отечественной историографии. Идея преемственности научной линии владела Николаем Михайловичем до конца дней, и он приложил много усилий, чтобы привить её своим ученикам. Одной из его любимых фраз были слова из духовной грамоты Симеона Гордого: «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...».

В 1976 г. Николай Михайлович Рогожин был зачислен в штат Института истории СССР и в должности младшего научного сотрудника проработал до 1993 г. Это было время становления Рогожина как учёного, период оформления круга его исследовательских интересов. Главной тематикой для него стало делопроизводство московских приказов XVII в. (в первую очередь — Посольского). Много сил и времени он уделял подготовке публикаций посольских книг, фактически возродив прерванную революцией 1917 г. традицию издания этих ценнейших источников. На начальном этапе научной биографии Николай Михайлович подготовил к изданию книгу по связям России с Англией (1613–1614), Ногайской Ордой (1489–1508), зарубежными православными иерархами (1588–1594), Молдовой (1684, 1690–1691), боярскую книгу 1627 г. В 1983 г. Н.М. Рогожин защитил кандидатскую, а спустя десять лет — докторскую диссертации (последняя увидела свет в виде монографии: Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994).

Непростые в истории страны и исторической науки 1990-е гг. стали для Н.М. Рогожина временем заметного профессионального роста: после защиты докторской диссертации он стал старшим, а через год — ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН, возглавив в 1998 г. Центр по изучению и публикации источников. Это было и время становления Николая Михайловича как талантливого педагога: он читал лекции в Московском педагогическом государственном университете, Театральном институте им. Бориса Шуккина, Российской академии государственной службы (ныне — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), Московском художественном институте им. В.И. Сурикова. Талантливый и яркий лектор, Н.М. Рогожин прекрасно владел материалом и вниманием аудитории. Его лекции в Академии госслужбы по истории государственного управления, где его слушателями были 30–40-летние люди — военные, чиновники, — нередко завершались аплодисментами. Вообще тема отечественной государственности, история государственной власти всегда интересовала его.

С середины 1990-х гг. Николай Михайлович стал заниматься и подготовкой аспирантов: под его научным руководством защищены десять кандидатских и одна докторская диссертации. Первыми его учениками являлись выпускники исторического факультета Коломенского педагогического института (ныне — Государственный социально-гуманитарный университет), где на протяжении нескольких лет он возглавлял Государственную аттестационную комиссию.

В 2000 г. в научной карьере Николая Михайловича произошёл важный поворот, давший учёному очень нелегко. В Институте российской истории РАН был расформирован Центр истории России в Средние века и раннее Новое время, и многие видные учёные, несогласные с позицией дирекции, покинули стены Института. На базе объединения ликвидированного Центра и Центра по изучению и публикации источников был создан Центр истории русского феодализма, который до самой кончины бесценно возглавлял Н.М. Рогожин. Немногие знают, как тяжело Николай Михайлович переживал сложившуюся

ситуацию. Ему пришлось выполнять функцию своеобразного «громоотвода» недовольства в академической среде (хотя с наиболее видными противниками административного решения дирекции ИРИ РАН он сохранил доброжелательные отношения). На первые годы руководства Центром истории русского феодализма пришлась также работа учёного над двумя монографиями, посвящёнными истории Посольского приказа XVI–XVII вв. («У государевых дел быть указано...». М., 2002; Посольский приказ — колыбель российской дипломатии. М., 2003).

В 2003–2007 гг. Николай Михайлович занимал должность заместителя директора Института российской истории РАН. Оставив этот административный пост по собственному желанию, он смог вновь сосредоточиться на научной работе, перейдя от исследования прошлого российской дипломатической службы к изучению истории приказной системы Московского государства в целом. Своего рода подведением итогов этой работы стала подготовка к изданию (в соавторстве с Д.В. Лисейцевым и Ю.М. Эскиным) словаря-справочника «Приказы Московского государства XVI–XVII вв.».

Николай Михайлович был активным участником научно-организационной жизни Института, на протяжении долгих лет являясь членом Учёного и Диссертационного советов ИРИ РАН. Член редколлегии журнала «Российская история», он всегда с готовностью выступал рецензентом поступающих в редакцию материалов и сам неоднократно публиковался на страницах нашего издания. К 70-летию Н.М. Рогожина была составлена полная библиография его трудов, охватившая более 200 публикаций с 1978 по 2018 г. (*Гуськов А.Г.* Библиография трудов Н.М. Рогожина // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 372–386). Этот весомый научный багаж, однако, не стал для Николая Михайловича поводом «почить на лаврах», и последние пять лет жизни учёного его научная мысль продолжала пульсировать, свидетельством чему стали новые труды. Тематическая ширина последних и глубина проникновения в исследуемую проблематику впечатляют. Среди написанного им — очерк об истории российской государственности в годы Смуты начала XVII столетия (*Рогожин Н.М.* Смутные времена в России — проблема выбора власти // Смутные времена в истории России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки. Материалы международной научной конференции. Волгоград, 2018. С. 382–396) и статья о посольских книгах — верность этой теме Николай Михайлович пронёс через всю долгую научную биографию (*Рогожин Н.М.* Посольская книга по связям России с Турцией 1512–1564 гг. как исторический источник // Труды Института российской истории РАН. Т. 15. М., 2019. С. 36–49). Примыкает к этой научной теме, выводя её, однако, на высокий уровень философского осмысления, статья, посвящённая проблеме вечности в российской литературе и дипломатическом делопроизводстве (*Рогожин Н.М.* Понятие «вечности» в русской письменности и дипломатической практике XI–XVII вв. // «Восстанет цесарь в опустевшей земле». Люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. Сборник статей. СПб., 2020. С. 246–251). Исследователь не обошёл вниманием и одну из стержневых проблем своего научного творчества последних десятилетий — историю российской государственности XVI–XVII вв., которую рассматривал в широчайшем контексте взаимоотношений общества и власти, населения и административных структур, центра и периферии (*Рогожин Н.М.* Государственность

России XVI–XVII веков: власть и общество // Вестник Российской академии наук. Т. 90. 2020. № 9. С. 822–827; *Рогожин Н.М., Талина Г.В.* Население России XVII столетия под ведомством приказов Московского царства // Власть. 2020. № 5. С. 215–224; *Рогожин Н.М., Талина Г.В.* Модели управления новоприсоединёнными территориями России XVII в. // Преподаватель XXI век. 2019. № 3. С. 239–252). Николай Михайлович не терял интереса и к научному творчеству коллег-историков. Из-под его пера в 2019 г. вышла обстоятельная работа о трудах очень известного в XIX в., но почти преданного забвению в XX столетии учёного и публициста Д.И. Иловайского (*Рогожин Н.М.* Труд как призвание: Д.И. Иловайский // Многогранный талант историка. Памяти Авенира Павловича Корелина. ИРИ РАН. М., 2019. С. 463–477); в 2021 г. Н.М. Рогожин писал об общественно-политических взглядах одного из вождей славянофильского идейно-философского течения И.С. Аксакова (*Артамонов Г.А., Давлетбаева В.Б., Маландин В.В., Рогожин Н.М.* Русская православная церковь в системе общественно-политических взглядов И.С. Аксакова // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. С. 287–295). Последняя прижизненная публикация Николая Михайловича — написанное в соавторстве с Л.П. Найдёновой введение к сборнику статей в честь 110-летия А.И. Клибанова (*Найдёнова Л.П., Рогожин Н.М.* Введение // Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. Сборник статей к 110-летию д.и.н. Александра Ильича Клибанова. Вып. 7. М., 2022. С. 9–13).

В последний год своей жизни Николай Михайлович выступил в роли официального рецензента двух монографий (о становлении православной государственности на Руси и о развитии вооружённых сил Московского государства XVII в.), а также сборника статей по истории народов России (*Киселёв А.Ф., Лубков А.В.* Русь: от язычества к православной государственности. М., 2022; История народов России в исследованиях и документах. К юбилею В.В. Трепавлова. Вып. 9. М., 2022; *Малов А.В.* Основные проблемы строительства вооружённых сил России. 1613–1689 гг. М., 2022). Немало сил как ответственный редактор отдал Н.М. Рогожин подготовке второй книги пятого тома («Россия во второй половине XVII века») двадцатитомной «Истории России» — пожалуй, самого значимого за последние годы научного проекта, реализуемого Институтом российской истории РАН. Как член редколлегии Николай Михайлович принимал активное участие в обсуждениях всех томов и материалов к этому многотомному коллективному труду.

Эрудированный, высококультурный человек, Николай Михайлович Рогожин поражал своей разносторонностью, легко и со знанием дела говорил о живописи и литературе, музыке и театре, на память цитировал стихи Анненского, Евтушенко, любимого им Вергинского. Он и сам писал удивительно ёмкие и пронзительные стихи. Публиковать их, впрочем, категорически не хотел, и в этом проявлялась ещё одна черта его характера: гостеприимно открывая душу близким ему людям, он заботливо берёг свой внутренний мир, пуская туда далеко не каждого. При этом никто и никогда не назвал бы его угрюмым, замкнутым или нелюдимым человеком. Н.М. Рогожин был очень общителен и с лёгкостью находил общие темы для разговора с любым собеседником — от школьника до пенсионера, от академика до таксиста. Он всегда внимательно выслушивал собеседника, и неслучайно люди тянулись к нему, чтобы поделиться своими заботами и проблемами. Николай Михайлович всегда находил нужные слова, после которых дышать становилось легче. Никогда и никто не

слышал от него жалоб — на здоровье, жизненные обстоятельства (разве что — на погоду). До конца своих дней он сохранил в себе что-то от молодого Коли Рогожина, готового ради мига полёта прыгнуть с другом с обрыва или из озорства попытаться сбить шапкой с неба луну. Очень лёгкий на подъём, в молодости он на велосипедах и плотах отправился из Москвы в Архангельск по маршруту старинных посольских караванов; всего за два месяца до кончины, уже будучи серьёзно болен, он неожиданно для всех прислал фотографии из Брянска, куда сорвался в гости к одному из своих учеников. Николай Михайлович любил жизнь во всех её проявлениях и умел получать от неё удовольствие. Возможно, поэтому даже по прошествии месяцев по-прежнему не верится в его смерть, и всё ещё продолжаешь прислушиваться — не раздастся ли в институтских коридорах его громкое, произносимое чуть нараспев: «Я Вас приветствую»!

Друзья, коллеги, ученики

Наши авторы

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Батченко Виктория Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Буховец Олег Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета; ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Волков Вячеслав Викторович, доктор экономических наук, профессор Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва (Санкт-Петербург)

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета

Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований АН Республики Татарстан

Козлова Наталия Вадимовна-Игоревна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Комиссаров Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. Д.К. Беляева

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета

Леонтьева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета

Малхозова Фатима Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мухин Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета

Смирнова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар)

Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Чемакин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

От крепостного права к освобождению крестьян

К.Ю. Ерусалимский

Крепостное право и миграционная политика в России в конце XVI – начале XVII в.	3
--	---

В.А. Аракчеев

Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй половине XVII в.	26
---	----

Л.Г. Степанова

Рыбные ресурсы крестьянского хозяйства Северо-Запада России по материалам Генерального межевания.	47
---	----

А.Н. Долгих

Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в.	59
--	----

Н.И. Горская

Смоленское дворянство против правительства: из истории отмены крепостного права в России	71
--	----

Институты и общности

И.К. Загидуллин

Мусульманское крымскотатарское приходское «наследственное» духовенство в конце XVIII – начале XX в.	84
---	----

Выборы в революционной России

О.Г. Буховец

Электоральные предпочтения на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Белоруссии в 1917 г.	99
--	----

А.А. Чемакин

Городские выборы на Белом Юге России (осень–зима 1919 г.)	104
---	-----

Сюжеты и эпизоды

В.В. Волков

Долги промышленных рабочих России в конце XIX – начале XX в.	134
--	-----

Т.М. Смирнова

Семейная политика и трансформация семейно-брачных отношений в послереволюционной России (1917–1920-е гг.): основные итоги и актуальные вопросы изучения	146
---	-----

На взлёте отечественной космонавтики

В.С. Батченко

Первый набор в космонавты: от идеи к воплощению	158
---	-----

В.В. Комиссаров

Пропаганда советских космических достижений в 1960–1970-х гг.: формы, способы, ограничения	170
--	-----

Ф.В. Малхозова

Реформы сельского хозяйства России на переломе эпох (1990–1993)	178
---	-----

Рецензии

<i>Д.А. Хитров</i> — Л.Г. Степанова. Природа и благосостояние: освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее Новое время	200
<i>Н.В. Козлова</i> — «Помышляя о чаше смертном...»: семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII — середина XIX в.). Тексты и комментарии	204
<i>А.Ю. Петров</i> — Д.Н. Копелев. От мыса Головнина к Земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века	209
<i>Е.А. Крестьянников</i> — А.А. Сорокин. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX — начало XX в.)	211
<i>Ф.А. Гайда</i> — Новое исследование преобразования местного суда в начале XX в.	215
<i>Т.Г. Леонтьева</i> — Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России. Сборник статей	217
<i>А.В. Ганин</i> — Продолжение фундаментального исследования о Гражданской войне на Севере России	222
<i>М.Ю. Мухин</i> — Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России: сборник документов	225

Pro memoria

Н.М. Рогожин (1947–2022)	229
Наши авторы	234

CONTENTS

From serfdom to the liberation of the peasants

<i>K.Yu. Yerusalimsky (Russian State University for the Humanities, Moscow)</i> Serfdom and migration policy in Russia in the late 16 th – early 17 th centuries	3
<i>V.A. Arakcheev (Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow)</i> Council Code and the socio-political evolution of Russia in the second half of the 17 th century	26
<i>L.G. Stepanova (Kuban State University, Krasnodar, Russia)</i> Fish resources of the peasant economy of the North-West of Russia according to the materials of the General land surveying	47
<i>A.N. Dolgikh (Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Russia)</i> The search for a solution to the peasant question in Russia in noble projects of the late 18 th – mid 19 th century	59
<i>N.I. Gorskaya (Smolensk State University, Russia)</i> Smolensk nobility against the Government: From the history of the abolition of serfdom in Russia	71

Institutions and communities

<i>I.K. Zagidullin (Center of Islamic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia)</i> Muslim Crimean tatar parish «hereditary» clergy in the late 18 th – early 20 th centuries	84
--	----

Elections in Revolutionary Russia

<i>O.G. Bukhovets (Belarus State Economic University, Minsk; Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Moscow)</i> Electoral preferences in the elections to the All-Russian Constituent Assembly in Belarus in 1917	99
<i>A.A. Chemakin (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i> City elections in the White South of Russia (autumn–winter 1919)	104

Scenarios and episodes

<i>V.V. Volkov (Military Institute (railway troops and military communications) of the Military Academy of Logistics named after A.V. Khrulev, Saint Petersburg, Russia)</i> Debts of industrial workers in Russia at the late 19 th – early 20 th century	134
<i>T.M. Smirnova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Family policy and transformation of family and marriage relations in post-revolutionary Russia, 1917–1920s: main results and topical issues of study	146

On the rise of the Russian cosmonautics

<i>V.S. Batchenko (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> The first selection for cosmonauts: from idea to implementation	158
--	-----

<i>V.V. Komissarov (Ivanovo State Agricultural Academy, Russia)</i> Propaganda of Soviet space achievements in the 1960s and 1970s: forms, methods, restrictions	170
--	-----

History of power

<i>F.V. Malkhozova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Agricultural reforms in Russia at the turn of an era (1990–1993)	178
--	-----

Reviews

<i>D.A. Khitrov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Rec. ad op.: L.G. Stepanova. Priroda i blagosostoyaniye: osvoeniye okruzhayushchey sredy russkim krest'yaninom v epokhu Srednevekov'ya i rannee Novoe vremya . . .	200
<i>N.V. Kozlova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Rec. ad op.: «Pomyshlyaya o chase smertnom...»: semeyno-pravovye akty v dokumentah ratushi Sergievskogo posada (poslednyaya chetvert' XVIII – seredina XIX v.). Teksty i kommentarii	204
<i>A.Yu. Petrov ((Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Moscow State Linguistic University, Russia)</i> Rec. ad op.: D.N. Kopelev. Ot mysa Golovnina k Zemle Aleksandra I: rossiyskiye krugosvetnye ekspeditsii v pervoy polovine XIX veka	209
<i>E.A. Krestiannikov (Tyumen State University, Russia)</i> Rec. ad op.: A.A. Sorokin. Reforma mestnogo suda v Rossiiskoi imperii: vlast' i obshchestvo (konets XIX – nachalo XX v.)	211
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)</i> A new study of the transformation of the local court at the early 20 th century	215
<i>T.G. Leontieva (Tver State University, Russia)</i> Rec. ad op.: Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Sbornik statey	217
<i>A.V. Ganin (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Continuation of fundamental research on the Civil War in the North of Russia	222
<i>M.Yu. Mukhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: Ekonomika kompromissa. K stoletiyu NEPa v Rossii: sbornik dokumentov	225

Pro memoria

N.M. Rogozhin (1947–2022)	229
Contributors to this issue	234

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор